ЗАПИСКИ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

MÉMOIRES

DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE RUSSIE.

VIIIe SÉRIE.

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ. | CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.

Томъ XIII. № 5. | **Volume XIII. № 5.**

В. В. Бартольдъ.

УЛУГБЕКЪ И ЕГО ВРЕМЯ.

(Представлено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 28 января 1915 г.).

2 и

1 экз.

ПЕТРОГРАДЪ. 1918. PETROGRAD.

Тк
856
В9

Напечатано по распоряженію Россійской Академіи Наукъ.

Августъ 1918 г.

Непремѣнный Секретарь академикъ *С. Ольденбургъ*.

Библиотека ООН
Академия Наук СССР
365
46

Типографія Россійской Академіи Наукъ (Вас. Остр., 9 лин., № 12).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Введеніе . . . . . 1— 2

1. Монгольская имперія и джагатайское государство. . . . . 3—11

Характеръ турецко-монгольской государственности 3.—Государство, основанное Чингизъ-ханомъ 4. — Государство, основанное монголами въ Передней Азіи 5. — Жизнь въ Средней Азіи подъ властью монголовъ 6. — Подчиненіе кочевниковъ мусульманской культурѣ 8. — Новое административное дѣленіе и удѣлы представителей родовъ 9.—Распаденіе джагатайскаго государства 10.

2. Улусные эмиры. Царствованіе Тимура . . . . . 12—36

Эмиръ Казагамъ, его преемники и выступленіе Тимура 12. — Происхожденіе Тимура 13. — Дѣйствія Тимура до 1370 г. 15. — Тимуръ и представители духовенства 17. — Военныя силы Тимура 21. — Положеніе женщинъ при дворѣ Тимура 27. — Потомки Тимура 28. — Сопоставленіе Тимура съ Чингизъ-ханомъ 33. — Созидательная дѣятельность Тимура 35.

3. Дѣтство Улугбека . . . . . 37—69

Рожденіе и воспитаніе Улугбека 37. — Женитьба 40. — Походъ Тимура на Китай 41. — Смерть Тимура 45. — Халиль-Султанъ 47. — Вступленіе Халиль-Султана въ Самаркандъ 50. — Договоръ между Халиль-Султаномъ и Шахрухомъ 51. — Дальнѣйшая борьба между ними 53. — Назначеніе Улугбека княземъ Шапургана и Андхоя 56 — Назначеніе правителемъ сѣвернаго и средняго Хорасана 58. — Переходъ Самарканда во власть Шахруха 63. — Смерть Халиль-Султана 64. — Назначеніе Улугбека правителемъ Самарканда 65. — Дѣйствія Шахъ-Мелика ibid. — Отозваніе Шахъ-Мелика и полновластное правленіе Улугбека 69.

4. Улугбекъ какъ правитель. Внѣшнія дѣла . . . . . 70—93

Отношенія между Улугбекомъ и Шахрухомъ 70. — Шахъ-Меликъ въ Хорезмѣ 73. — Завоеваніе Улугбекомъ Ферганы 74. — Сдача Кашгара 75. — Улугбекъ, моголы и узбеки ibid. — Походъ на Моголистанъ 79. — Нашествіе узбековъ и пораженіе Улугбека 85. — Шахрухъ въ Самаркандѣ 86. — Походъ Сатукъ-хана и потеря Кашгара 87. — Умерщвленіе моголовъ въ Самаркандѣ и взятіе въ плѣнъ царевича Юнуса 89. — Дѣйствія узбековъ послѣ 1427 г. 90. — Сношенія съ Китаемъ 91. — Посольство изъ Тибета 93.

5. Внутреннія дѣла Мавераннахра при Улугбекѣ . . . . . 94—106

Сопоставленіе двора Улугбека съ дворомъ Шахруха 94. — Улугбекъ и дервиши 95. — Постройки Улугбека 98. — Анекдоты о правленіи Улугбека 104. — Вопросъ о положеніи народныхъ массъ 106.

6. Ученыя занятія и личная жизнь Улугбека . . . . . 107—118

Улугбекъ и его учителя 107. — Устройство обсерваторіи 109. — Другіе интересы Улугбека 111. — Вопросъ о приписанномъ ему историческомъ трудѣ 113. — Семейная жизнь 115. — Улугбекъ и Абд-ал-Лятифъ 118.

7. Конецъ жизни Улугбека и начало новой эпохи въ жизни Туркестана . . . . 119—146

Вопросъ о престолонаслѣдіи при Шахрухѣ 119 — Смерть Шахруха; Гаухаръ-Шадъ, Абд-ал-Лятифъ и Улугбекъ 120. — Договоръ между Улугбекомъ и Ала-ад-дауля и возобновленіе военныхъ дѣйствій 122. — Занятіе Улугбекомъ Герата 123. — Возстаніе Яръ-Али 125. — Вторичное завоеваніе Герата 126. — Отступленіе 127. Разрывъ между Улугбекомъ и Абд-ал-Лятифомъ 128. — Возстаніе Абу-Са'ида 129. — Подробности смерти Улугбека 131. — Царствованіе Абд-ал-Лятифа 132. — Убіеніе его 133. — Возведеніе на престолъ мирзы Абдуллы 134. — Пораженіе и смерть его въ битвѣ съ Абу-Са'идомъ 136. — Абу-Са'идъ и ходжа Ахраръ 137. — Смерть Абу-Са'ида и движеніе противъ ходжи Ахрара 143. — Ходжа Ахраръ и сыновья Абу-Са'ида 145. — Слѣды эпохи Улугбека въ культурной жизни Туркестана 146.

Хронологическій обзоръ жизни Улугбека . . . . . 147—150

Указатель именъ . . . . . 151—158

Объясненіе сокращенныхъ ссылокъ . . . . . 159—160

ПРИЛОЖЕНІЕ . . . . . ۱— ۲۴

I. رساله در شرح آلات رصد . . . . . ۱— ۳

II. ذکر توجّه میرزا الغ بیك بجانب جتّه ومغولستان [از روضة الصفا تالیف میرخواند]. ۴— ۲۴

Въ одной изъ статей, вызванныхъ открытіемъ развалинъ обсерваторіи Улугбека, было обращено вниманіе на крайнюю скудость нашихъ «свѣдѣній о личности самого Улугбека и о роли его въ трудахъ Самаркандской обсерваторіи»[1]). Личность и царствованіе Улугбека еще не были предметомъ монографіи со стороны историка-оріенталиста; для астрономовъ, писавшихъ объ Улугбекѣ, авторъ астрономическихъ таблицъ, естественно, заслонялъ собой правителя и историческаго дѣятеля. Подъ перомъ астрономовъ внукъ Тимура, честолюбивый властитель, соединявшій, по выраженію персидскаго историка, «ученость Платона съ пышностью Феридуна»[2]), обратился въ идеалиста-ученаго, съ первыхъ лѣтъ своего царствованія отвернувшагося отъ политики и отдававшаго все свое время математикѣ и астрономіи[3]). Основанное имъ медресе, подъ вліяніемъ вольнаго перевода одного изъ старыхъ оріенталистовъ, сдѣлалось «гимназіей, устроенной по образцу александрійскаго музея»[4]). Немногимъ извѣстно, что эпоха Улугбека принадлежитъ къ числу такихъ историческихъ эпохъ, гдѣ изслѣдователь располагаетъ нѣсколькими письменными источниками, независимыми одинъ отъ другого, такъ что для догадокъ и гипотезъ остается гораздо меньше простора, чѣмъ полагали писавшіе объ Улугбекѣ астрономы.

Правда, наши свѣдѣнія объ Улугбекѣ все-таки гораздо болѣе скудны, чѣмъ свѣдѣнія объ его отцѣ и дѣдѣ. Мы не имѣемъ историческихъ сочиненій, написанныхъ при дворѣ Улугбека, не имѣемъ также сочиненій путе-

---

1) В. Миловановъ въ Прот. Турк. кружка люб. арх., XVIII, 52.

2) Мирхондъ, L p. 1290; C 319b — 320a جمع فريدون وحشمت دانش افلاطون داشت.

3) Sédillot, Prolégomènes, introd., p. CXXV: «entrainé par l'amour de l'étude, il abandonna promptement le terrain de la politique pour se livrer tout entier à sa passion pour les mathématiques et l'astronomie». Еще болѣе категорически выражается одинъ изъ современныхъ русскихъ изслѣдователей: Улугбекъ былъ «идеалистомъ ученымъ, отдавшимъ всего себя наукѣ, человѣкомъ не отъ міра сего» (І. І. Сикора въ Изв. Турк. отд. И. Р. Геогр. Общ., IX, 1913, стр. 82).

4) A. v. Humboldt, Kosmos, II, 261. Слово «gymnasium» въ переводѣ Хайда (Th. Hyde), ср. Sédillot, Prolég., introd., p. CXXVI et CXXVIII.

шественниковъ, видѣвшихъ Улугбека, его дворъ и его столицу; разсказы людей, жившихъ при Улугбекѣ въ Мавераннахрѣ, доступны намъ только изъ вторыхъ рукъ. О наружности Улугбека мы не находимъ въ источникахъ ни слова, тогда какъ мы располагаемъ довольно наглядным описаніемъ наружности Тимура[1]) и даже Чингизъ-хана[2]); вѣроятно, найдутся изображенія Улугбека въ иллюстрированныхъ рукописяхъ, но пока и такія изображенія еще не приведены въ извѣстность; сверхъ того крайне сомнительно, можно ли предполагать въ такихъ иллюстраціяхъ портретное сходство. Но, какъ мы увидимъ, дѣйствія Тимура, о которыхъ мы располагаемъ подробными свѣдѣніями, во многомъ опредѣлили собой всю дальнѣйшую жизнь созданной имъ имперіи; въ событіяхъ царствованія Тимура мы находимъ также ключъ къ объясненію многихъ дѣйствій Улугбека, его успѣховъ и неудачъ. Очеркъ жизни и правленія Улугбека приходится, такимъ образомъ, начать краткимъ описаніемъ того наслѣдства, которое получилъ Улугбекъ отъ своего дѣда.

---

1) Особенно у Клавихо, стр. 249 и слѣд.; Ибн-Арабшахъ, стр. 216 и слѣд.

2) Слова Джузджани и китайца Мэнъ-Хуна, приведенныя въ моемъ «Туркестанѣ», ч. II, стр. 497.

1.

Монгольская имперія и джагатайское государство.

Государство, созданное Тимуромъ, представляетъ своеобразное сочетаніе элементовъ турецко-монгольской государственности и турецко-монгольскаго военнаго строя съ элементами мусульманской, главнымъ образомъ персидской культуры.

Послѣ ряда трудовъ, посвященныхъ Чингизъ-хану и его имперіи[1]), можно считать окончательно опровергнутымъ прежній взглядъ на монгольскія завоеванія, какъ на безпорядочное, стихійное движеніе дикарей, подавлявшихъ все своею численностью и умѣвшихъ только уничтожать непонятную имъ культуру. Жизнь кочевниковъ, несмотря на всю ея несложность, существенно отличается отъ первобытной жизни дикарей. Въ степи существуетъ различіе между богатыми и бѣдными и вытекающій отсюда антагонизмъ сословій, существуетъ потребность защитить свое имущество, главнымъ образомъ свои стада, отъ внѣшнихъ враговъ, происходитъ вооруженная борьба за пастбища, захватывающая иногда обширный районъ, происходятъ кризисы, заставляющіе народъ организовать свои силы и объединиться вокругъ одного лица или одного рода. Вмѣсто обычныхъ условій жизни кочевниковъ[2]), при которыхъ можно говорить только объ общественномъ, но не о государственномъ строѣ, въ короткое время возникаетъ не только сильная государственная власть, но и представленіе о великодержавномъ могуществѣ, при благопріятныхъ условіяхъ переходящее въ представленіе о міровомъ владычествѣ. Для успѣха такой идеи необходимо, чтобы ея представитель располагалъ грозной, тщательно организованной силой. Будничныя условія жизни кочевниковъ мало благопріятны для такихъ стремленій; для сколько нибудь прочнаго существованія кочевой имперіи необходимо, чтобы ея глава или путемъ набѣговъ, или путемъ завоеваній доставлялъ своимъ подданнымъ богатства культурныхъ странъ. Въ завоеванной странѣ кочевники, особенно династія и ея главные сподвижники, постепенно подчиняются вліянію болѣе высокой культуры; но то, что они принесли съ собой, исчезаетъ не сразу и не безслѣдно. Завоеватели стараются соединить свободу кочевой жизни съ благами культуры;

---

1) О литературѣ см. В. Бартольдъ, Туркестанъ, ч. II, стр. 60 и слѣд.; статью Čingiz-Khān въ Enzykl. des Islām, I, 898.

2) Лучшій очеркъ ихъ далъ В. В. Радловъ (Kudatku Bilik, Einleitung, S. LI f. Къ вопросу объ уйгурахъ, Прилож. къ LXXII-му тому Зап. И. Акад. Н. № 2, СПб. 1893, стр. 65 и слѣд.).

подъ вліяніемъ такого стремленія вырабатываются своеобразныя отношенія между государемъ, его соплеменниками и его новыми подданными; государственная система, возникшая на прежней родинѣ завоевателей, хотя и не безъ вліянія представителей культуры, находитъ въ завоеванной странѣ болѣе благопріятныя условія для своего развитія, успѣшно выдерживаетъ соперничество съ политическими идеалами, существовавшими въ той же странѣ раньше, и оставляетъ въ чужой странѣ болѣе прочный слѣдъ, чѣмъ на своей родинѣ. Монгольская государственность привела къ установленію болѣе устойчиваго политическаго порядка въ Китаѣ, въ мусульманской Азіи и въ Россіи[1]), не оказавъ въ этомъ отношеніи почти никакого вліянія на исторію самой Монголіи; такимъ же образомъ государственная система, созданная Мухаммедомъ и первыми халифами, имѣла гораздо больше вліянія на судьбу завоеванныхъ арабами странъ, чѣмъ на судьбу арабскаго полуострова.

Среди кочевыхъ имперій государство, основанное Чингизъ-ханомъ, представляетъ совершенно исключительное явленіе. Во всѣхъ другихъ случаяхъ объединившимся кочевникамъ удавалось подчинить себѣ только сравнительно небольшое число культурныхъ земель; монголы разгромили цѣлый рядъ культурныхъ государствъ, завоевали весь материкъ Азіи, кромѣ Индіи, Сиріи и арабскаго полуострова, и восточную Европу и основали самую обширную имперію, когда либо существовавшую. При этомъ такіе исключительные результаты были достигнуты народомъ немногочисленнымъ и, повидимому, не нуждавшимся въ новыхъ земляхъ. Какъ въ государствѣ древнихъ персовъ, народныя массы въ подавляющемъ большинствѣ остались на своей прежней родинѣ. Составленное около 1240 г. монгольское эпическое произведеніе, извѣстное подъ китайскимъ названіемъ Юаньчао-ми-ши, наглядно показываетъ, какъ мало интересовались монголы дѣйствіями Чингизъ-хана внѣ предѣловъ Монголіи. Въ изреченіяхъ, приписанныхъ Чингизъ-хану и его сподвижникамъ[2]), говорится только о захватѣ и раздѣленіи добычи на войнѣ и охотѣ; этимъ опредѣлялась вся цѣль объединенія народа подъ властью хана, всѣ права и обязанности хана и его помощниковъ. Военные успѣхи Чингизъ-хана, сдѣлавшіе его изъ атамана разбойничьей шайки[3]) обладателемъ величайшаго въ мірѣ государства, должны были окружить его имя обаяніемъ, какимъ рѣдко пользовался основатель династіи. Его воля была непреложнымъ закономъ какъ при его

1) Ср. Міръ Ислама, I (1912), стр. 72.

2) Они были приведены мною въ Зап. Вост. Отд., X, 110 сл.

3) Въ душѣ Чингизъ-ханъ оставался таковымъ, судя по приписаннымъ ему изреченіямъ, до конца жизни; этотъ фактъ былъ мною отмѣченъ въ Enzykl. des Islām, I, 893.

жизни, такъ и послѣ его смерти; изъ его преемниковъ ни одинъ не рѣшился бы поставить себя рядомъ съ Чингизъ-ханомъ и требовать для себя такого же поклоненія. Основатель имперіи, подобно прежнимъ турецкимъ властителямъ, послѣ вступленія на престолъ принялъ титулъ, совершенно вытѣснившій его личное имя; всѣ послѣдующіе монгольскіе ханы до и послѣ вступленія на престолъ носили одно и то же имя. Въ Китаѣ мы и при монгольскихъ императорахъ, какъ прежде, встрѣчаемъ особыя названія для династіи, для годовъ правленія отдѣльнаго государя, посмертныя имена и т. п.; но внѣ предѣловъ Китая и эти императоры, даже въ оффиціальныхъ документахъ, назывались своими личными монгольскими именами [1]).

Монгольская имперія выдается среди прочихъ кочевыхъ государствъ не только своими размѣрами, но и продолжительностью своего существованія. В. В. Радловъ [2]) объясняетъ это тѣмъ, что къ монгольскому государству «были присоединены многія значительныя государства осѣдлыхъ народовъ и что оно распалось не на отдѣльныя колѣна, которыя его образовали, а на рядъ культурныхъ государствъ (Китай, Средняя Азія, Персія и т. д.)». Однако, кромѣ Китая, мы только въ Персіи можемъ признать монгольское господство продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ прежней государственной жизни.

О государствѣ, основанномъ монголами въ Передней Азіи, о его экономической и культурной жизни мнѣ уже приходилось говорить въ другихъ работахъ [3]). Факты показываютъ, что Персія въ эту эпоху, вопреки жалобамъ современниковъ на полное разореніе страны и полный упадокъ образованности, въ культурномъ и, по всей вѣроятности, въ экономическомъ отношеніи занимала первое мѣсто въ тогдашнемъ мірѣ. Городская жизнь продолжала развиваться; возникали новые торговые города, сохранявшіе значеніе и послѣ монголовъ; страна вела обширную морскую торговлю съ Индіей и Китаемъ, и установилось болѣе живое общеніе, чѣмъ когда либо, между культурой Дальняго Востока и Передней Азіи; въ культурной жизни послѣ уничтоженія халифата въ большей степени, чѣмъ прежде, могли принимать участіе рядомъ съ мусульманами иновѣрцы. Монгольскіе властители покровительствовали свѣтскимъ наукамъ, особенно математикѣ, астрономіи и медицинѣ; въ сѣверо-западной Персіи строились новыя обсерваторіи, съ усовершенствованными инструментами; персидскія астрономическія

1) Ср., напримѣръ, извѣстную грамоту 1305 г., посланную французскому королю изъ Персіи; текстъ, транскрипція и переводъ у Pauthier, Le livre de Marco Polo, II, append. № 6.

2) Kudatku Bilik, S. LVI. Къ вопросу объ уйгурахъ, стр. 75.

3) Персидская надпись на стѣнѣ Анійской мечети Мануче, СПб., 1911 (Анійская серія, № 5). — Міръ Ислама, I, 73 и слѣд.

сочиненія переводились въ Византіи на греческій языкъ[1]). Историческія преданія различныхъ народовъ были объединены на персидскомъ языкѣ, при участіи представителей отдѣльныхъ народностей, въ сводъ, остающійся, по обширности плана, непревзойденнымъ до сихъ поръ. Великолѣпныя постройки этой эпохи[2]), по отзыву спеціалистовъ, принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній мусульманской архитектуры и въ такой же степени, какъ развитіе точныхъ наукъ и исторіографіи, свидѣтельствуютъ о расширеніи культурныхъ связей по сравненію съ до-монгольскимъ періодомъ[3]).

Совсѣмъ иная жизнь установилась подъ властью монголовъ въ Средней Азіи. Несмотря на то, что среди выдающихся мусульманскихъ философовъ, натуралистовъ, астрономовъ и друг. были и уроженцы Средней Азіи, какъ ал-Фараби, Ибн-Сина (Авицена) и ал-Бируни, несмотря на значительное развитіе искусствъ въ Средней Азіи въ предшествующую эпоху, подъ вліяніемъ греко-бактрійской культуры и друг., мусульманскій Мавераннахръ не создалъ, насколько извѣстно до сихъ поръ, никакихъ традицій ни въ области свѣтскихъ наукъ, ни въ области искусства[4]). Въ этомъ отношеніи Тимуръ и его преемники, какъ мы увидимъ, находились въ полной зависимости отъ Персіи. Совершенно иное значеніе имѣетъ эта страна въ исторіи мусульманскаго богословія. Высшія мусульманскія духовныя училища — медресе — появились на восточной окраинѣ халифата раньше, чѣмъ въ его центральныхъ и западныхъ областяхъ; очень вѣроятно, что исламъ въ этомъ отношеніи находился подъ вліяніемъ буддизма и что родиной медресе были мѣстности по обѣ стороны Аму-дарьи, примыкавшія къ Балху, гдѣ буддизмъ сохранялъ господство до мусульманскаго завоеванія[5]). Одинъ изъ

---

1) Объ этомъ H. Suter, Die Mathematiker und Astronomen der Araber und ihre Werke, Lpz. 1900 (Zeitschr. für Mathem und Physik, 45. Jahrg., Supplement), S. 161 (№ 397) u. 219 (№ 80). — C. A. Nallino, Al-Battānī (Publ. del reale osservatorio di Brera in Milano, N. XL, Parte I), pars I, p. XXXI, n. 5. C. Krumbacher, Byz. Litteratur, S. 622.

2) О нихъ особенно Fr. Sarre, Denkmäler pers. Baukunst, Berl. 1910.

3) На это обратилъ вниманіе еще Gobineau. Trois ans en Asie, p. 195. Les religions et les philosophies dans l'Asie Centrale, p. 84.

4) Извѣстіе (у Рашид-ад-дина) объ ученомъ туркестанцѣ Хейбеталлахѣ, прибывшемъ въ концѣ XIII в. въ Персію, знавшемъ языки турецкій и сирійскій и имѣвшемъ познанія во всѣхъ наукахъ, (ср. Міръ Ислама, I, 82), стоитъ совершенно одиноко. Нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, кто были его учителя и оставилъ ли онъ въ Туркестанѣ учениковъ.

5) Ср. мою статью въ Zeitschr. für Assyr., XXVI, 261 и въ Enz. des Islām, I, 691, также статью R. Hartmann ibid. 647 f. Согласіе между разсказомъ китайца Сюань-цзана и ранними арабскими извѣстіями какъ нельзя яснѣе доказываетъ, что балхскій «Наубехаръ» былъ именно буддійскимъ храмомъ, а не зороастрійской святыней, какъ утверждаютъ тенденціозныя персидскія извѣстія. Послѣднимъ отдаетъ предпочтеніе А. Е. Крымскій (Исторія Персіи, т. I, новое изд. 1914, стр. 159), по словамъ котораго слово «бехаръ» по-персидски значитъ просто «обитель», что «не трудно провѣрить даже по словарямъ». Къ сожалѣнію, «по словарямъ» не рѣшаются историческіе вопросы. Чтобы примирить китайскія, арабскія и

городовъ этого района, Термезъ, до XV в. сохранялъ значеніе религіознаго центра. Въ IX в. по Р. Хр. здѣсь жили Мухаммедъ-ибн-Иса Тирмизи, авторъ одного изъ каноническихъ сборниковъ хадисовъ, и Мухаммедъ-ибн-Али Тирмизи, основатель дервишскаго ордена *хакими*[1]); въ началѣ XIII в. хорезмшахъ Мухаммедъ во время своего возстанія противъ Аббасидовъ объявилъ халифомъ одного изъ термезскихъ сейидовъ, Ала-ал-мулька Тирмизи[2]); въ XIV в., по разсказу Ибн-Батуты, вся власть въ Мавераннахрѣ на нѣкоторое время перешла въ руки сейида Ала-ал-мулька Худавендъ-задэ, владѣтеля (*сахибъ*) Термеза[3]); во второй половинѣ XIV и въ началѣ XV в. въ качествѣ сподвижниковъ Тимура упоминаются два брата — сейида, владѣвшіе Термезомъ и носившіе титулъ *ханзадэ* (вѣроятно ошибка вмѣсто *хандзадэ*, сокращенное худавендзадэ), Абу-л-Ма'али и Али-Акбаръ[4]). Наслѣдственныя династіи, значеніе которыхъ основывалось на религіозномъ авторитетѣ, были и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, какъ въ Бухарѣ[5]). Въ Средней Азіи жили и умерли авторы многихъ авторитетныхъ богословскихъ трудовъ; потомки ихъ въ разныхъ мѣстностяхъ занимали должность наслѣдственныхъ садровъ или шейх-ал-исламовъ[6]); въ Самаркандѣ эту должность занимали потомки автора «Хидаи»[7]). Между средне-азіатскими богословами на ряду съ представителями правовѣрія еще въ монгольскій періодъ были и вольнодумцы-му'тазилиты[8]); на ряду съ представителями книжнаго богословія дѣйствовали, еще съ бо́льшимъ успѣхомъ, дервиши различныхъ орденовъ, имѣвшіе всюду свои обители (*ханкахъ*,

---

персидскія извѣстія, было высказано предположеніе (Kern, Histoire du bouddhisme dans l'Inde, II, 434, цит. у L. Bouvat, Les Barmécides, Paris 1912, p. 31), что на мѣстѣ разрушеннаго мусульманами буддійскаго храма былъ выстроенъ персами храмъ огню; но всѣ извѣстія о «постройкѣ хосроевъ» и «храмѣ огня» относятся именно къ разрушенному мусульманами зданію.

1) Объ орденѣ см. Kashf al-Maḥjúb transl. by R. A. Nicholson, Leyden-London 1911, p. 141 a. 210. О гробницѣ основателя ордена и о надписахъ на этой гробницѣ см. статью Р. Ю. Рожевица въ Изв. И. Р. Геогр. Общ. XLIV, 647 и 652. Слова надписи объ «общихъ шейхахъ» съ Бухари въ дѣйствительности относятся, судя по словамъ Сам'ани (л. 106a наверху: وبشارك معه في شيوخه) къ автору сборника хадисовъ; слова о собственныхъ сочиненіяхъ, утѣшавшихъ автора въ трудныя минуты его жизни, повторены въ искаженномъ видѣ у Джами, نفحات, вост. изд., стр. 77.

2) Туркестанъ, II, 402.

3) Ibn-Batoutah, III, 48 и сл.

4) ZN I, 210. Анонимъ Искендера (рук. Аз. Муз. 566 bc, л. 269 б) дѣйствительно пишетъ въ этомъ случаѣ «худавендзадэ» вмѣсто «ханзадэ»; также Тексты по ист. Средней Азіи I, 131,18 и 199,4. Бабуръ, подобно Шереф-ад-дину, пишетъ خانزاده (بابرنامه, изд. Beveridge, л. 20b).

5) Туркестанъ II, 349; ЗВО., XVII, 02; Enz. des Islām I, 831f.

6) Примѣры у Джемаля Карши: Туркестанъ, I, 142 и слѣд. (напр. 146 внизу, 151).

7) О нихъ см. дальше.

8) Ибн-Арабшахъ, стр. 111 и 229.

по мѣстному произношенію *ханака*), но особенно въ мѣстностяхъ непосредственно прилегавшихъ къ степи, — въ Бухарѣ, Хорезмѣ и на Сыръ-дарьѣ, отчасти также въ балхскомъ районѣ — въ Термезѣ и Чаганіанѣ (въ долинѣ Сурхана). Изъ всѣхъ этихъ мѣстностей шейхи дервишей съ успѣхомъ могли распространять свое ученіе среди кочевниковъ, на которыхъ, по понятнымъ причинамъ, проповѣдь религіозныхъ подвижниковъ всегда, какъ и теперь, оказывала несравненно болѣе вліянія, чѣмъ книжная мусульманская наука.

Постепенно мусульманская культура и въ Средней Азіи, какъ въ Персіи, должна была подчинить себѣ кочевниковъ, особенно ихъ хановъ, но этотъ процессъ шелъ здѣсь гораздо медленнѣе и встрѣчалъ гораздо больше противодѣйствія со стороны другихъ факторовъ. Еще въ XIII в. были ханы (Мубарекъ-шахъ и Боракъ), поселившіеся въ Мавераннахрѣ и принявшіе исламъ; но послѣ 1271 г. въ теченіе почти полвѣка ханы снова жили въ степи и оставались язычниками, хотя и заботились о благосостояніи осѣдлаго населенія; къ этому времени относится постройка города Андижана въ Ферганѣ, по распоряженію хановъ Хайду и Тувы[1]); городъ еще въ XIV в. затмилъ Узгендъ, столицу Ферганы въ эпоху Караханидовъ, и сдѣлался главнымъ городомъ области. Болѣе рѣшительный шагъ къ принятію мусульманской культуры сдѣлалъ ханъ Кебекъ (1318—1326), сынъ Тувы; онъ поселился въ Мавераннахрѣ и тамъ построилъ для себя дворецъ. Долина Кашка-дарьи, на которую обратилъ вниманіе еще Чингизъ-ханъ и гдѣ послѣ него жили начальники монгольскихъ отрядовъ, стоявшихъ въ Мавераннахрѣ[2]), сдѣлалась также мѣстопребываніемъ джагатайскихъ хановъ; на разстояніи двухъ фарсаховъ (12—16 верстъ) отъ города Нахшеба или Несефа Кебекъ выстроилъ для себя дворецъ, отъ котораго получилъ свое нынѣшнее названіе городъ Карши[3]) (карши по-монгольски «дворецъ»)[4]). Тотъ же Кебекъ былъ первымъ изъ среднеазіатскихъ монгольскихъ хановъ, чеканившимъ монеты отъ своего имени для всего государства. Была введена та же монетная система, которая дѣйствовала въ Пер-

---

1) Le Strange (The lands of the Eastern Caliphate, p. 478), ссылаясь на литогр. изд. نزهة القلوب Хамдаллаха Казвини (Бомбей 1311), стр. 228, говоритъ только о Хайду. Текстъ по рук. СПб. унив. 60, л. 246a и 171, л. 265a: كه اندكانست اكنون دار الملكش قيدو بن قاشى بن اوكتاى قان ودوا بن براق بن جغتاى خان آبادان كردند (имена искажены)...

2) Примѣръ у Вассафа, стр. 288. Ср. также Туркестанъ, II, 460 и слѣд.

3) ZN I, 111.

4) Слово «карши» встрѣчается уже въ Кудатку-биликѣ; монголы заимствовали его, по всей вѣроятности, у уйгуровъ (ср. словарь Радлова, II, 207). Возможно, что турками оно, подобно слову «тюмень» (о немъ см. дальше), было заимствовано у коренного населенія Китайскаго Туркестана.

сіи[1]); чеканились серебряные «дирхемы» (1/3 золотника) и «динары» (6 дирхемовъ); еще при Тимурѣ и его потомкахъ эти монеты назывались «кебекскими». Кебекъ оставался однако язычникомъ; мусульманиномъ сдѣлался только его братъ Тармаширинъ (1326—1334), котораго путешественникъ Ибн-Батута въ 1333 г. засталъ также въ окрестностяхъ Нахшеба[2]). Слишкомъ рѣшительный разрывъ съ кочевыми традиціями вызвалъ возстаніе противъ Тармаширина; ханъ былъ низложенъ и убитъ; мѣстопребываніе хановъ на нѣсколько лѣтъ снова было перенесено на берегъ Или, и исламъ, даже какъ религія, утратилъ свое господствующее положеніе.

Очень вѣроятно, что къ періоду 1318—1334 г., когда джагатайскіе ханы непосредственно взяли въ свои руки управленіе Мавераннахромъ, относится введеніе новаго административнаго дѣленія, съ новой терминологіей. Для обозначенія мелкихъ территоріальныхъ единицъ въ областяхъ Самарканда и Бухары, какъ въ Персіи, служилъ терминъ *тюмень*, въ Ферганѣ, какъ въ Кашгарѣ, — терминъ *орчинъ*[3]); послѣднее слово (этимологія его не выяснена) впослѣдствіи исчезло изъ употребленія; терминъ «тюмень» (собств. «десять тысячъ») сохранялся до русскаго завоеванія и даже при русскомъ господствѣ до 80-хъ годовъ. Самаркандская область состояла какъ при Тимурѣ[4]), такъ и въ XVIII в.[5]) изъ семи тюменей.

Трудно сказать, какой признакъ положенъ въ основу этого дѣленія; слово «тюмень»[6]) употреблялось какъ въ военномъ дѣлѣ, для обозначенія отряда въ 10.000 человѣкъ, такъ и въ счетоводствѣ, для обозначенія суммы въ 10.000 динаровъ (по персидскому произношенію «томанъ»). Совершенно невозможно, чтобы каждый «тюмень» выставлялъ 10.000 человѣкъ войска[7]) или давалъ средства на содержаніе такого отряда, но дѣленіе, по всей вѣроятности, было связано, какъ въ Персіи, съ назначеніемъ удѣловъ представителямъ родовъ, пришедшихъ въ Мавераннахръ съ ханомъ. По Ибн-Арабшаху главныхъ родовъ было четыре: Арлатъ, Джалаиръ, Каучинъ и Барласъ[8]). Изъ словъ Шереф-ад-дина можно заключить,

---

1) Персидская надпись на стѣнѣ Анійской мечети, стр. 18. Къ приведеннымъ тамъ цитатамъ можно еще прибавить Ибн-Арабшахъ, стр. 52, гдѣ также говорится о «томанѣ» цѣнностью въ 60.000 дирхемовъ.

2) Ibn-Batoutah, III, 28 сл.

3) Такое произношеніе указано въ словарѣ Радлова (I, 1075).

4) Ибн-Арабшахъ, стр. 17.

5) Справ. кн. Самарк. обл. V, 240.

6) О происхожденіи этого слова см. замѣчанія Н. Д. Миронова въ Зап. Вост. Отд., XIX, стр. XXIII.

7) Такъ объясняетъ этотъ терминъ Ибн-Арабшахъ (l. c.). По словарю Радлова (III, 1518) «туманъ» въ Бухарѣ — мѣра земли въ 40.000 тананов, т. е. около 6667 десятинъ.

8) Ибн-Арабшахъ, стр. 8. О существованіи у различныхъ кочевыхъ народовъ степной аристократіи изъ четырехъ знатныхъ родовъ см. Н. И. Веселовскій въ Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр., XXXIV, 535.

что «Каучинъ» было не названіемъ рода, но названіемъ собственной тысячи хана[1]); изъ другихъ родовъ арлаты поселились въ сѣверной части нынѣшняго Авганистана, джалаиры у Ходженда, барласы на Кашка-дарьѣ; глава каждаго изъ этихъ родовъ былъ какъ бы удѣльнымъ княземъ своей области; всѣ они принадлежали къ отуреченнымъ монгольскимъ родамъ[2]); рядомъ съ ними упоминаются, какъ мы увидимъ, и другія группы кочевниковъ.

Въ 40-хъ годахъ XIV в. мы снова встрѣчаемъ въ Мавераннахрѣ хана, и снова на Кашка-дарьѣ — Казана, выстроившаго для себя дворецъ Зенджиръ-Сарай въ двухъ стоянкахъ къ западу отъ Карши[3]). Попытка его установить въ странѣ твердую власть привела къ столкновенію между нимъ и главарями родовъ; одинъ изъ послѣднихъ, Казаганъ, поднялъ знамя возстанія и провозгласилъ ханомъ одного изъ монгольскихъ царевичей; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы Казанъ въ 747 г. хиджры (1346—47 по Р. Хр.) былъ побѣжденъ и убитъ. Вся власть перешла въ руки Казагана; но эта власть распространялась только на Мавераннахръ; въ остальной части бывшаго джагатайскаго государства власть перешла къ другому военачальнику, главарю рода дуглатовъ. Въ персидскихъ источникахъ такіе главари называются «эмирами»; такъ, повидимому, называло ихъ осѣдлое иранское населеніе Средней Азіи; кочевники вмѣсто этого употребляли турецкій терминъ «бегъ»[4]) (князь) или монгольскій «нойонъ»[5]), какъ называли иногда главныхъ беговъ. Какъ эмиры Мавераннахра, такъ и дуглатскіе эмиры считали нужнымъ, для узаконенія своей власти, возводить на престолъ хановъ изъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ потомковъ Чингизъ-хана. Но ханы Мавераннахра оставались только подставными лицами, лишенными всякой фактической власти, тогда какъ среди хановъ, возведенныхъ на престолъ дуглатскими эмирами, оказались выдающіяся

---

1) ZN I, 612.

2) Свѣдѣнія о тѣхъ же племенахъ на ихъ первоначальной родинѣ у Рашид-ад-дина, Труды Вост Отд. Арх. Общ., ч. V, стр. 7, 9 и 10. Если принять чтеніе قوچين, то слово «Каучинъ» оказывается не только военнымъ терминомъ, но и племеннымъ названіемъ. Правописаніе рукописей труда Рашид-ад-дина и Юань-чао-ми-ши (Труды Пек. м., IV, 31) указываетъ на произношеніе *Арулатъ* и *Баруласъ*; при Тимурѣ, повидимому, произносили Арлатъ и Барласъ, какъ показываетъ не только правописаніе рукописей, но и размѣръ стиховъ, гдѣ встрѣчается слово Барласъ. Ср. стихъ Лутфи у А.-З. Валидова, Джаг. поэтъ Лутфій, стр. 23 ای يوزونك لوحيدا محفوظ آيت امّ الكتاب توغمادی برلاس اولوسی‌دين سينينك‌ديك آفتاب.

3) О разстояніи ZN I, 259; о принадлежности дворца Казанъ-хану ibid. I, 775.

4) Таково правильное произношеніе этого древне-турецкаго титула, встрѣчающагося уже въ орхонскихъ надписяхъ; отсюда же имя Улугбекъ или, правильнѣе, Улугбегъ; но слово «бекъ» въ этой формѣ настолько извѣстно въ русской литературѣ, что мы не рѣшились возстановить въ этомъ случаѣ правильное произношеніе.

5) Пишется обыкновенно نويين.

личности, которымъ удалось сдѣлаться не только номинальными, но и дѣйствительными государями своего народа, передать власть своимъ потомкамъ и положить начало болѣе прочной династіи, чѣмъ династія самихъ дуглатскихъ эмировъ.

Военное устройство обоихъ государствъ, насколько можно судить по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, было приблизительно одинаковое. Замѣчательно, что терминъ «джагатай», для обозначенія кочевого и сохранившаго кочевыя традиціи населенія, удержался въ Мавераннахрѣ, когда тамъ давно уже не было хановъ изъ потомковъ Джагатая, и потомъ былъ перенесенъ изгнанной изъ Мавераннахра династіей Тимуридовъ въ Индію, тогда какъ въ восточной части бывшаго джагатайскаго государства, несмотря на существованіе ханской династіи, производившей себя отъ Джагатая, термина «джагатай» не было; кочевники тамъ называли себя только «моголами» (монголами) и отъ этого этническаго термина было образовано персидское географическое названіе *Моголистанъ*[1]) (страна моголовъ). Кромѣ оффиціальныхъ терминовъ «джагатай» (собственно *чагатай*)[2]) и «моголъ» существовали еще насмѣшливыя прозванія[3]), употреблявшіяся жителями одного государства для обозначенія жителей другого: моголы называли джагатаевъ «караунасами», т. е. метисами[4]), джагатаи моголовъ — джетеями, т. е. разбойниками[5]); повидимому, это слово употреблялось монголами еще въ началѣ XIV в.[6]) приблизительно въ томъ же значеніи, какъ средне-азіатскіе турки въ XV в. стали употреблять слово «казакъ»: въ смыслѣ: «вольницы» — людей, порвавшихъ связь съ семьей, родомъ и государствомъ. Въ обоихъ государствахъ традиціи монгольской имперіи постепенно уступали вліянію мусульманской культуры, но эта эволюція совершалась крайне медленно и не разъ приводила къ междуусобіямъ и къ возстанію народа противъ своихъ правителей.

---

1) Пишется مغول и مغولستان. Произношеніе моӻóл сохранилось до сихъ поръ у авганскихъ монголовъ (Г. І. Рамстедтъ въ Изв. Русск. Ком., 1-ая серія, № 2, стр. 13).

2) Правописаніе «чагатай», соотвѣтствующее произношенію, теперь отчасти принято и въ наукѣ, особенно въ нѣмецкой (Čaghatai); попытки ввести его дѣлались и русскими туркологами; но вообще въ русской литературѣ прочно утвердился терминъ «Джагатай» и производные отъ него. Вопросъ о томъ, можно ли измѣнять такіе термины изъ соображеній лингвистическаго пуризма, представляется мнѣ спорнымъ.

3) О нихъ Tarikh-i-Rashidi, стр. 148.

4) О значеніи слова см. Марко Поло, перев. Минаева, стр. 50.

5) Въ введеніи къ Tarikh-i-Rashidi (introd., p. 75) приведены, съ ссылкой на «Mongol dictionary», значеніе: a «worthless person», a «ne'er do well» or «rascal».

6) Текстъ Джемаля Карши въ моемъ «Туркестанѣ», ч. I, стр. 146 (الجتائية).

2.

Улусные эмиры. Царствованіе Тимура.

Двѣнадцатилѣтнее правленіе эмира Казагана (онъ былъ убитъ въ 1358 г.[1]) своимъ зятемъ), въ отличіе отъ всего послѣдующаго времени, обошлось безъ внутреннихъ смутъ и безъ войнъ между джагатаями и моголами. Казаганъ велъ жизнь предводителя кочевого народа, проводилъ зиму въ Сали-Сараѣ на берегу Аму-дарьи (нынѣ кышлакъ Сарай), лѣто около города Мунка[2]) (нынѣ Бальджуанъ). Набѣги на сосѣднія страны, безъ которыхъ кочевникамъ въ Мавераннахрѣ было бы тѣсно, совершались въ сторону Герата и Хорезма, притомъ съ полнымъ успѣхомъ[3]).

Послѣ смерти Казагана власть перешла къ его сыну Абдуллѣ, который еще при жизни отца жилъ въ Самаркандѣ и теперь захотѣлъ перенести въ этотъ городъ свое мѣстопребываніе; противъ него тогда возстали другіе эмиры, и въ этой борьбѣ онъ погибъ. Послѣдующіе годы были для Мавераннахра временемъ почти безпрерывныхъ смутъ и почти безпрерывной борьбы съ могольскими ханами. Наиболѣе характерными событіями этого времени были: походы могольскаго хана Туклукъ-Тимура на Мавераннахръ въ 1360 и 1361 гг. и первое выступленіе Тимура, который съ помощью хана сдѣлался княземъ Шахрисябза и Карши; союзъ Тимура съ Хусейномъ, внукомъ Казагана, и возстаніе противъ моголовъ; пораженіе Хусейна и Тимура въ борьбѣ съ моголами на Чирчикѣ (1365 г.); въ томъ же году народное движеніе въ Самаркандѣ, подавленное турецкими эмирами въ 1366 г.[4]); провозглашеніе ханомъ дервиша Кабулъ-шаха, писавшаго стихи, пользовавшіеся извѣстностью еще въ XV в.[5]); низложеніе его и возведеніе на престолъ новаго хана Адиль-шаха; намѣреніе Хусейна построить для себя крѣпость въ Балхѣ (1368 г.) и попытка Тимура отговорить его отъ этого, съ ссылкой на примѣръ его дяди Абдуллы[6]); борьба между Хусейномъ и Тимуромъ, союзъ Тимура съ противниками Хусейна

---

1) Дата въ ZN I, 39 (759 г., годъ собаки).

2) ZN I, 38. О мѣстоположеніи Мунка «Туркестанъ», II, 70.

3) О войнѣ съ гератскимъ княземъ Меликъ-Хусейномъ подробно говорится въ ZN. О походѣ на Хорезмъ кратко въ ZN I, 38, при чемъ сыну Казагана Абдуллѣ приписывается «завоеваніе» Хорезма. По анониму Искендера (рук. Аз. Муз. 566bc, л. 265 б) Абдулла только взялъ съ Хорезма выкупъ въ 200 томановъ, при чемъ сдѣлалъ это безъ разрѣшенія Казагана, за что подвергся съ его стороны упрекамъ.

4) Объ этомъ эпизодѣ см. мою статью въ ЗВО. XVII, 01—019.

5) Характеристика хана у анонима Искендера, л. 251 а: مردی ابدال‌نهاد وقلندر مزاج ملیح لطیف بود واشعار او تا امروز شهرتی تمام دارد.

6) ZN I, 176. То же самое у Низам-ад-дина, л. 40 б.

какъ среди турецкихъ эмировъ, такъ въ особенности среди мусульманскаго духовенства; взятіе въ плѣнъ и смерть Хусейна, уничтоженіе крѣпости въ Балхѣ, перенесеніе столицы въ Самаркандъ, сооруженіе тамъ цитадели и городскихъ стѣнъ (1370).

Такимъ образомъ прошло всего десять лѣтъ отъ перваго выступленія Тимура до подчиненія ему всего Мавераннахра. Объ обстоятельствахъ, содѣйствовавшихъ его возвышенію, пока можно установить слѣдующее. Оффиціальная исторія сообщаетъ точную дату рожденія Тимура[1] (вторникъ 25 ша'бана 736 = 9 апрѣля 1336 г., годъ мыши), имя его отца (эмиръ или «нойонъ» Тарагай) и матери (Текина-хатунъ), но ничего не говоритъ о событіяхъ его жизни до 1360 г.; авторъ составленной для Тимура турецкой стихотворной хроники[2] утверждалъ, будто многія событія, особенно относящіяся къ началу его дѣятельности, не были внесены въ хронику по желанію самого Тимура, такъ какъ они показались бы невѣроятными читателямъ. Изъ разсказовъ Клавихо[3] и Ибн-Арабшаха[4] можно заключить, что молчаніе оффиціальной хроники объясняется другими причинами; подобно Чингизъ-хану, Тимуръ началъ свою дѣятельность въ качествѣ атамана шайки разбойниковъ, вѣроятно, въ смутные годы послѣ смерти Казагана. Въ разсказахъ о правленіи Казагана[5] совершенно не упоминаются ни Тимуръ, ни отецъ его Тарагай, несмотря на то, что у Тарагая были связи со знатными эмирами какъ Мавераннахра, такъ и Моголистана, и что этими связями впослѣдствіи воспользовался Тимуръ.

Тарагай происходилъ изъ рода барласовъ, владѣвшаго долиной Кашкадарьи, т. е. Кешомъ (Шахрисябзомъ)[6] и Несефомъ (Карши); главой рода и княземъ Кеша былъ не Тарагай, а другой представитель рода, Хаджи. Авторъ первой редакціи Заферъ-намэ, Низам-ад-динъ Шами, называетъ Хаджи «братомъ» Тимура[7]; но это выраженіе, повидимому, надо понимать только въ смыслѣ принадлежности къ одному роду; въ такомъ же смыслѣ названы «братьями» Тимура нѣкоторые другіе военачальники изъ барласовъ[8].

---

1) ZN I, 10.

2) Ссылка на нее въ ZN I, 23.

3) Клавихо, стр. 238.

4) Ибн-Арабшахъ, стр. 6.

5) Мнимая автобіографія Тимура, какъ извѣстно, вводитъ Тимура во всѣ эти разсказы, что, между прочимъ, можетъ быть признано однимъ изъ лучшихъ доказательствъ подложности этого произведенія. Если бы Тимуръ дѣйствительно принималъ участіе въ войнахъ Казагана, оффиціальная исторія не могла бы объ этомъ умолчать.

6) Повидимому, старое названіе сохранялось тогда только у турокъ. Ср. Низам-ад-динъ, л. 12б: شهرسبز كه تركان كش می‌خوانند.

7) Низам-ад-динъ, л. 12б и 13а; это извѣстіе было приведено въ книгѣ F. H. Skrine and E. D. Ross, The Heart of Asia, Lond. 1899, p. 168, n. 5.

8) Напр., л. 18а (о Сиддикѣ), л. 55а (объ ايدكو).

По генеалогіи, приведенной въ «Заферъ-намэ» Шереф-ад-дина[1]), общимъ предкомъ Тимура и Хаджи былъ только Карачаръ, современникъ Чингизъ-хана и Джагатая. Извѣстно, что Карачару, названному у Рашид-ад-дина только въ качествѣ одного изъ военачальниковъ при Джагатаѣ[2]), историки Тимура приписываютъ роль полновластнаго правителя джагатайскаго улуса; то же самое говорится о сынѣ и внукѣ Карачара, лицахъ совершенно не упоминаемыхъ историками до-тимуровской эпохи; о представителяхъ двухъ слѣдующихъ поколѣній, жизнь которыхъ относилась къ слишкомъ недавнему прошлому, такихъ легендъ, очевидно, нельзя было придумать, и потому отецъ и дѣдъ Тимура и въ оффиціальной исторіи являются частными людьми[3]); о томъ, когда и какъ власть въ Кешѣ перешла къ предкамъ Хаджи, ничего не говорится. Нѣтъ также свѣдѣній о томъ, въ какихъ отношеніяхъ находились барласы и ихъ князья къ жившимъ въ долинѣ Кашка-дарьи джагатайскимъ ханамъ — Кебеку, Тармаширину и Казану.

Тимуръ, по словамъ Ибн-Арабшаха, родился въ деревни Ходжа-Ильгаръ въ окрестностяхъ Кеша[4]); изъ этого можно заключить, что Тарагай жилъ не въ самомъ городѣ. О жизни Тарагая извѣстно только, что онъ былъ благочестивымъ мусульманиномъ, другомъ ученыхъ и дервишей, въ особенности шейха Шемс-ад-дина Кулара (или Кулаля), какъ онъ названъ въ Заферъ-намэ[5]), или Шемс-ад-дина Фахури, какъ онъ названъ у Ибн-Арабшаха[6]). Разсказывали, что Тимуръ однажды въ молодости вошелъ къ шейху, когда тотъ со своими дервишами предавался зикру, и терпѣливо стоялъ до окончанія обряда; шейхъ и дервиши были тронуты его благочестіемъ и произнесли молитву за него; эту молитву Тимуръ впослѣдствіи считалъ первой причиной своихъ успѣховъ[7]). Повидимому, у Тарагая были также друзья среди джагатайскихъ и могольскихъ вельможъ, хотя намеки на это мы находимъ только въ исторіи его сына; такъ въ разсказѣ о борьбѣ съ моголами въ 1364 г. говорится о дружбѣ, бывшей между отцомъ Ти-

---

1) О генеалогіи Хаджи см. ZN I, 40. О предкахъ Тимура подробно говорится въ концѣ مقدمه къ ZN. Какъ извѣстно, предки Тимура перечислены и въ надписи на его могильномъ камнѣ.

2) Рашид-ад-динъ, изд. Blochet, стр. 178,6.

3) ZN II, 730.

4) Ибн-Арабшахъ, стр. 6. Ни въ одномъ изъ другихъ источниковъ мѣсто, гдѣ родился Тимуръ, не указывается; названіе селенія خواجه ايلغار, насколько мнѣ извѣстно, также не встрѣчается въ литературѣ.

5) Въ концѣ مقدمه. Упоминается также о посѣщеніи Тимуромъ его могилы, между прочимъ въ 1396 г. (ZN I, 795) и въ 1399 г. (II, 209; здѣсь شمس الدين كلال). О значеніи слова كلال см. ЗВО. XXIII, 2, пр. 7.

6) Ибн-Арабшахъ. стр. 7. О жизни шейха см. ЗВО. XXIII, 3 сл.

7) Ибн-Арабшахъ, стр. 7 и 9.

мура и отцомъ эмира Хамида[1]). Отношенія Тарагая и Тимура къ прочимъ военачальникамъ, вѣроятно, были бы для насъ яснѣе, если бы мы имѣли болѣе подробныя свѣдѣнія о семьѣ Тарагая и о первыхъ женахъ Тимура. Источники ничего не говорятъ ни о происхожденіи матери Тимура, ни о происхожденіи другой жены Тарагая, Кадакъ-хатунъ, дожившей до 1389 г.[2]). У Тимура до 1360 г. было уже два сына, Джехангиръ, умершій въ 1376 г. 20-ти лѣтъ отъ роду[3]), и Омаръ-шейхъ, убитый въ январѣ 1394 г. при осадѣ курдской крѣпости; но Заферъ-намэ Омаръ-шейху было 40 лѣтъ[4]), изъ чего можно было бы заключить, что онъ былъ старше Джехангира, но почти во всѣхъ источникахъ старшимъ сыномъ Тимура названъ Джеханнгиръ. О матери Омаръ-шейха извѣстій нѣтъ; о матери Джехангира извѣстно только имя, упомянутое у Хондемира[5]). Тарагай умеръ въ 1360 г. и былъ похороненъ въ Кешѣ, въ семейномъ мавзолеѣ; впослѣдствіи, въ 775 г. (1373—4) Тимуръ построилъ тамъ же новый мавзолей около соборной мечети, рядомъ съ гробницей шейха Шемс-ад-дина, и перенесъ туда прахъ своего отца[6]).

Между 1360 и 1370 гг. нѣтъ никакихъ извѣстій о сношеніяхъ Тимура съ шейхами и другими представителями ислама. Въ это десятилѣтіе, положившее начало его будущему могуществу. Тимуръ занимался исключительно военнымъ дѣломъ, къ которому пріучилъ себя еще съ десятилѣтняго возраста войной и охотой[7]), принималъ участіе въ борьбѣ между джагатаями и моголами, при чемъ переходилъ то на одну, то на другую сторону, старался укрѣпить родственными связями союзъ съ тѣми, кто былъ ему необходимъ, собиралъ вокругъ себя приверженцевъ, преимущественно изъ барласовъ, которые потомъ вѣрно служили ему до конца его жизни, но не терялъ бодрости и при неудачахъ, даже когда ему приходилось оставаться въ полномъ одиночествѣ. Особенно тяжелы были для Тимура событія, происходившія около 1362 г. Тимуръ и внукъ Казагана Хусейнъ были взяты въ плѣнъ туркменами на Мургабѣ и 62 дня провели въ заключеніи въ селеніи Маханъ[8]); наконецъ мѣстный правитель Али-бекъ отпустилъ ихъ, но не снабдилъ ихъ нужнымъ для путешествія; въ этой бѣдѣ имъ пришелъ на помощь Мубарекъ-шахъ, одинъ изъ «богатыхъ турк-

1) ZN I, 98.

2) ZN I, 490.

3) Ibid. 271 (наверху).

4) Ibid. 668.

5) حبيب السير, тегер. изд., III, 175 (на поляхъ): اغا ترميشى; въ инд. изд. III, 85 اغا بورميشى.

6) Такъ въ концѣ مقدمه. О дальнѣйшей судьбѣ мавзолея см. ЗВО. XXIII, 4 сл.

7) ZN I, 15.

8) Ibid. I, 68. По анониму Искендера (л. 248 б) 61 день. Маханъ находился на мѣстѣ нынѣшняго Мерва (В. Бартольдъ, Къ исторіи орошенія Туркестана, стр. 61).

меновъ Махана», предводитель племени Санджари; за эту услугу потомки Мубарекъ-шаха еще при преемникахъ Тимура пользовались уваженіемъ[1]). На Аму-дарьѣ Тимуру оказала помощь его старшая сестра Кутлугъ-Турканъ-Ага, прибывшая къ нему изъ окрестностей Бухары; потомъ Тимуръ 48 дней скрывался у сестры въ Самаркандѣ[2]). Послѣ этого Тимуръ и Хусейнъ во главѣ отряда въ 1000 человѣкъ очутились въ Сеистанѣ, куда ихъ призвалъ мѣстный владѣтель противъ своего врага. Здѣсь Тимуру были нанесены стрѣлами раны, отъ которыхъ онъ страдалъ потомъ всю жизнь; на правой рукѣ были перерѣзаны нѣкоторыя жилы (по Клавихо[3]) Тимуръ кромѣ того лишился двухъ пальцевъ), такъ что рука засохла[4]); правая нога осталась хромой (отсюда прозваніе Тимура — «хромецъ»: *ленгъ* по-персидски, *аксакъ* по-турецки). Къ тому же событію относится извѣстный анекдотъ о Тимурѣ и муравьѣ[5]). Много лѣтъ спустя, въ 1383 г., Тимуръ въ Сеистанѣ встрѣтилъ того предводителя, которымъ нѣкогда былъ раненъ, и велѣлъ разстрѣлять его изъ луковъ[6]).

Несмотря на всѣ злоключенія, Тимуру и Хусейну въ концѣ концовъ удалось побѣдить своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ и захватить власть въ Мавераннахрѣ; внукъ Казагана сдѣлался главнымъ эмиромъ, Тимуръ — его правой рукой. Союзъ между ними съ самаго начала былъ укрѣпленъ бракомъ; уже въ разсказѣ о столкновеніи съ туркменами на Мургабѣ упоминается, въ качествѣ жены Тимура, сестра Хусейна Улджай-Турканъ-Ага[7]). Родственныя отношенія, однако, не предотвратили столкновенія между эмирами. Въ 1366 г., послѣ усмиренія самаркандскаго движенія, Хусейнъ наложилъ пеню на друзей Тимура; чтобы помочь своимъ друзьямъ, Тимуръ отдалъ все, что могъ, въ томъ числѣ и серьги своей жены; Хусейнъ узналъ украшеніе, но не возвратилъ его[8]); вскорѣ послѣ этого Улджай-Турканъ-Ага умерла, и съ ея смертью окончательно порвалась связь между прежними товарищами[9]).

---

1) ZN I, 69. Яснѣе у анонима Искендера (l. c.) واز ممرّ اين يك خدمت نسل بر نسل او تا امروز درين دودمان دولت مرفّه ومحترم اند.

2) ZN I, 71; также Низам-ад-динъ, л. 17a.

3) Клавихо, стр. 240.

4) Выраженія анонима Искендера, л. 249a: جند عصب اصلى‌را بكسيخت چنانچه بتصوّر بعضى مقطوع الطمع شد. Объ увѣчіи Тимура говоритъ также Ибн-Арабшахъ, стр. 6, 217 и 234.

5) Анекдотъ есть уже у анонима Искендера, л. 249a. Ср. A. Pavet de Courteille, Miradj-Nâmeh, Paris, 1882, p. 70—72, ٨٩—٩٢, изъ сочиненія, написаннаго также для мирзы Искендера.

6) ZN I, 372.

7) Ibid. I, 65.

8) Ibid. I, 113. Низам-ад-динъ, л. 26a.

9) ZN I, 119 сл. Мало вѣроятно извѣстіе (у Ибн-Арабшаха, стр. 7), будто Тимуръ самъ убилъ свою жену.

Между 1366 и 1370 гг. Тимуръ то находился въ войнѣ съ Хусейномъ и сближался съ его врагами, то примирялся съ нимъ и по его порученію сражался со своими прежними союзниками. Особенно характерны отношенія между Тимуромъ и эмиромъ Кайхусрау, владѣтелемъ области Хутталанъ (между Вахшемъ и Пянджемъ). Хусейнъ еще въ 1360 г. казнилъ его брата Кайкубада[1]); во время войны съ моголами въ 1361 г. Кайхусрау перешелъ на сторону хана[2]) и сдѣлался его «зятемъ», женившись на его двоюродной племянницѣ Тюмень-Кутлугъ; когда Кайхусрау въ 1366 г. вернулся въ Ташкентъ, Тимуръ находился въ ссорѣ съ Хусейномъ, сблизился съ Кайхусрау и посваталъ за своего сына Джехангира Ракійе-Ханике, дочь Кайхусрау и Тюмень-Кутлугъ[3]). Въ 1369 г. Тимуръ въ качествѣ вѣрноподданнаго эмира Хусейна усмирялъ возстаніе Кайхусрау и заставилъ его бѣжать на Алай[4]); въ 1370 г. Кайхусрау присоединился къ Тимуру, возставшему противъ Хусейна, и послѣ взятія Хусейна въ плѣнъ получилъ возможность примѣнить къ нему признанный Кораномъ законъ кровомщенія (*кысас*)[5]); въ 1372 г., во время войны съ хорезмійцами, Кайхусрау былъ обвиненъ въ измѣнѣ и преданъ казни, на основаніи ярлыка, изданнаго подставнымъ ханомъ Суюргатмышемъ; приговоръ былъ выполненъ, на основаніи «кысаса», нукерами Хусейна[6]).

Въ 1370 г., въ разгаръ борьбы съ Хусейномъ, Тимуръ пріобрѣлъ новаго духовнаго покровителя, сейида Береке; о его происхожденіи приводятся разнорѣчивыя извѣстія. Сейидъ остался въ государствѣ Тимура и получилъ въ удѣлъ городъ Андхой, остававшійся и въ XV в. во власти его потомковъ[7]). По словамъ Шереф-ад-дина[8]), сейидъ послѣ этого всегда сопровождалъ Тимура; послѣ смерти они были похоронены въ одномъ мавзолеѣ, при чемъ лицо Тимура было обращено въ сторону сейида[9]).

Немногимъ больше извѣстно объ отношеніи Тимура къ другимъ представителямъ духовенства. Въ разсказѣ о вступленіи Тимура на престолъ въ 1370 г. вмѣстѣ съ сейидомъ Береке названы термезскіе сейиды или «худавендъ-задэ», братья Абу-л-Ма'али и Али-Акбаръ[10]). Подобно Береке,

---

1) ZN I, 50.

2) Ibid. 59.

3) ZN I, 161 Низам-ад-динъ, л. 37а.

4) ZN I, 186.

5) Ibid. 197, 204 и сл. Низам-ад-динъ, л. 44а.

6) ZN I, 243. О ярлыкѣ хана Абд-ар-Реззакъ, л. 64а: وفرمان پادشاه سیورغتمش خان نفاذ یافت که اورا بسمرقند برده بیاسا رسانیدند.

7) Ибн-Арабшахъ, стр. 15.

8) ZN I, 195.

9) Извѣстія о сейидѣ и его погребеніи приведены мною подробнѣе въ ЗВО. XXIII, 24 сл.

10) ZN I, 210. О словѣ خداوندزاده см. выше стр. 7.

эти сейиды оставались, по крайней мѣрѣ по внѣшности, вліятельными лицами въ государствѣ Тимура до конца его царствованія, съ той разницей, что въ ихъ жизни была минута, когда они измѣнили своему новому государю. Въ 1371 г. въ заговорѣ противъ Тимура, вмѣстѣ съ нѣсколькими эмирами, приняли участіе также нѣкоторые представители духовенства, именно шейхъ Абу-л-Лейсъ самаркандскій и сейидъ Абу-л-Ма'али термезскій. Тимуръ отнесся къ заговорщикамъ очень снисходительно; шейхъ былъ отпущенъ въ Мекку, сейидъ изгнанъ изъ государства[1]), но, очевидно, скоро прощенъ, такъ какъ уже въ 1372 г. принималъ участіе въ походѣ на Хорезмъ[2]). Послѣ этого термезкіе сейиды оставались вѣрными приверженцами Тимура, и въ 1404 г., на обратномъ пути изъ своего послѣдняго похода на западъ, Тимуръ останавливался въ Термезѣ въ домѣ худавендъ-задэ Ала-ал-мулька[3]).

Кромѣ Термеза, вліятельные представители духовенства были, конечно, и въ другихъ городахъ Мавераннахра, изъ которыхъ для Тимура имѣли особенное значеніе его родной Кешъ и его столица Самаркандъ. Въ разсказѣ о прибытіи къ Тимуру въ Карабагъ зимой 1403—4 г. представителей духовенства[4]) послѣ сейида Береке и термезскихъ худавендъ-задэ отдѣльно названы только самаркандскіе шейх-ал-исламы ходжа Абд-ал-Эввель и его двоюродный племянникъ[5]) ходжа Исам-ад-динъ, кешскій ходжа Афзаль и сыновья кешскаго шейх-ал-ислама Абд-ал-Хамидъ и Абд-ар-Рахманъ; говорится и о присутствіи бухарскихъ шейховъ, но при этомъ не называется ни одно отдѣльное имя. Несмотря на то, что современникомъ Тимура былъ знаменитый Беха-ад-динъ, основатель ордена накшбендіевъ, источники вообще ничего не говорятъ о какихъ либо связяхъ между дворомъ Тимура и шейхами Бухары. Самаркандскій шейх-ал-исламъ Абд-ал-Меликъ (двоюродный братъ и предшественникъ Абд-ал-Эввеля) упоминается и въ разсказѣ о событіяхъ 1383 г., когда онъ вмѣстѣ съ другими представителями религіи старался утѣшить Тимура, слишкомъ предававшагося горю послѣ смерти своей сестры Кутлугъ-Турканъ-Ага[6]).

Не совсѣмъ обычная встрѣча была оказана Тимуру представителями духовенства въ Хорасанѣ въ 1381 г. Еще въ Андхудѣ юродивый Баба-Сенгу, считавшійся святымъ, бросилъ передъ Тимуромъ кусокъ мяса отъ груди животнаго; Тимуръ объявилъ, что считаетъ это благопріятнымъ

---

1) ZN I, 231.
2) Ibid. 241.
3) Ibid. II, 593.
4) Ibid. 560.
5) О ихъ родственныхъ отношеніяхъ Ибн-Арабшахъ, стр. 229.
6) ZN I, 356.

предзнаменованіемъ и что Богъ, очевидно, предаетъ въ его руки Хорасанъ, «грудь земной поверхности»[1]). На Герирудѣ, въ мѣстности къ югу отъ нынѣшняго Кухсана, въ селеніи Тайабадъ[2]) жилъ подвижникъ Зейн-ад-динъ Абу-Бекръ Тайабади; Тимуръ, прибывъ туда, велѣлъ передать подвижнику, что хочетъ его видѣть; подвижникъ объявилъ, что у него до Тимура дѣла нѣтъ; если у Тимура есть дѣло до него, пусть придетъ самъ. Встрѣча произошла; Тимуръ потомъ самъ разсказывалъ историку Хафизи-Абру[3]), что во всѣхъ другихъ случаяхъ онъ при свиданіяхъ съ отшельниками замѣчалъ въ нихъ признаки страха, только при свиданіи съ Тайабади страхъ испытывалъ не отшельникъ, а самъ Тимуръ. Ибн-Арабшахъ, посвящающій этому свиданію особую главу[4]), разсказываетъ, что шейхъ положилъ руки на спину Тимура, преклонившаго передъ нимъ колѣни; Тимуру, какъ онъ потомъ разсказывалъ, показалось, что небо упало на землю и что онъ придавленъ между ними. Выслушавъ наставленія шейха, Тимуръ спросилъ, зачѣмъ онъ не наставлялъ такимъ же образомъ своего государя, гератскаго князя, предававшагося запрещеннымъ удовольствіямъ. Шейхъ отвѣтилъ: «Мы ему говорили, онъ не послушался; Богъ послалъ васъ на него; теперь мы говоримъ вамъ; если вы не послушаетесь, Богъ пошлетъ другого на васъ». Трудно сказать, насколько этотъ разговоръ[5]) былъ разукрашенъ самимъ Тимуромъ и писавшими съ его словъ историками; во всякомъ случаѣ въ дальнѣйшихъ поступкахъ Тимура нельзя отмѣтить никакихъ слѣдовъ вліянія шейха; завоеваніе Хорасана было совершено съ обычной жестокостью, и уже при взятіи приступомъ сосѣдняго Бушенга были истреблены всѣ его защитники[6]). По словамъ Ибн-Арабшаха, Тимуръ считалъ шейха Зейн-ад-дина однимъ изъ трехъ духовныхъ покровителей,

---

1) Ibid. 310.

2) Пишется تايباد, но чтеніе تايابان указано у Сам'ани (л. 102б) и Якута (I, 816). Тѣ же авторы помѣщаютъ селеніе въ окрестностяхъ Бушенга (о немъ см. мой «Историко-географ. обзоръ Ирана», стр. 41); Тимуръ прибылъ туда съ сѣвера, изъ Кусуи (городъ на Герирудѣ ниже Бушенга).

3) Рукоп. Dorn 290, л. 280б. Очень кратко въ ZN I, 311 и слѣд.

4) Ибн-Арабшахъ, стр. 20 и слѣд. Шейхъ названъ здѣсь Абу-Бекромъ Хавафи, по имени города, находившагося нѣсколько западнѣе Бушенга (на современныхъ картахъ *Хафъ*). По رشحات, рук. Унив. 293, л. 34а, ташк. литогр. стр. 56, Бека-ад-динъ Накшбендъ на пути въ Мекку нарочно направился черезъ Гератъ, чтобы видѣться съ Зейн-ад-диномъ Тайабади, и провелъ съ нимъ въ Тайабадѣ три дня. По Джами (نفحات, вост. изд., 321—323) имя ابو بكر الخوافى زين الدين носилъ другой шейхъ, умершій въ воскр. 2-го шавваля 838 г. (1 мая 1435).

5) Изъ него, между прочимъ, видно, что Тимуръ раньше не зналъ шейха, тогда какъ по мнимой автобіографіи Тимура послѣдній еще на 21-мъ году жизни получилъ отъ шейха Зейн-ад-дина свой персидскій девизъ راستى رستى.

6) ZN I, 314.

которымъ онъ былъ обязанъ своими успѣхами [1]) (двое другихъ были Шемс-ад-динъ Куларъ и сейидъ Береке); но въ исторіи Тимура шейхъ послѣ 1381 г. больше не упоминается, хотя онъ прожилъ еще восемь лѣтъ [2]).

Историки, писавшіе при Шахрухѣ, когда шарі'атъ получилъ преобладаніе передъ законами Чингизъ-хана, естественно были склонны преувеличивать благочестіе Тимура и его ревность къ вѣрѣ. Несомнѣнно, что Тимуръ былъ покровителемъ улемовъ, бесѣдовалъ съ ними, какъ равный съ равными [3]), и относился съ особеннымъ уваженіемъ къ потомкамъ пророка; кромѣ потомковъ самого Тимура [4]), сейиды были въ его государствѣ, можетъ быть, единственными людьми, жизнь которыхъ считалась неприкосновенной [5]). Хафизи-Абру кромѣ того сообщаетъ, что Тимуръ заботился объ укрѣпленіи вѣры и шарі'ата, что въ его время «никто не смѣлъ заниматься философіей и логикой» [6]), что онъ никогда не вмѣшивался въ денежныя дѣла вакфовъ. Слова объ отношеніи къ философіи, вѣроятно, преувеличены; самъ Хафизи-Абру дальше говоритъ, что Тимуръ покровительствовалъ и философамъ [7]). Изъ свѣтскихъ наукъ Тимуръ лучше всего зналъ исторію; слова Хафизи-Абру о его познаніяхъ въ исторіи турковъ, арабовъ и персовъ [8]) вполнѣ подтверждаются тѣмъ впечатлѣніемъ, которое, по словамъ Ибн-Арабшаха, вынесъ изъ своей бесѣды съ Тимуромъ историкъ Ибн-Халдунъ [9]). Тимуръ, однако, имѣлъ также нѣкоторыя познанія въ медицинѣ и астрономіи [10]); среди ученыхъ, приведенныхъ имъ въ Самар-

---

1) Ибн-Арабшахъ, стр. 9.

2) Дата его смерти по Джами (نفحات الانس, стр. 326) четвергъ послѣднее мухаррема 791 г. (28 янв. 1389), также у Му'ин-ад-дина Исфизари, рук. Аз. Муз 574 agk, л. 69 а.

3) Слова Хафизи-Абру у Абд-ар-Реззака, л. 17 б: تفاوت میان مالك ومملوك ظاهر نكشتی. Ср. слова Ибн-Шухбы у Ибн-Арабшаха (стр. 97) о бесѣдахъ въ Халебѣ: فطمع كلّ من الفقهاء الحاضرين وجعل يبادر الى الجواب وبظنّ انّه فى المدرسة.

4) Ср. отношеніе Тимура къ Мираншаху и въ особенности къ Султанъ-Хусейну (при осадѣ Дамаска).

5) Кромѣ приведеннаго выше разсказа о термезскихъ сейидахъ, ср. также судьбу сейидовъ мазандеранскихъ.

6) Абд-ар-Реззакъ, л. 17 а: در زمان او در علم حكمت ومنطق كسىرا شروع نبودى. Авторъ въ главѣ о характерѣ царствованія Тимура ссылается на слова مولّف اصل (л. 19 а), т. е. Хафизи-Абру. Подлинный текстъ Хафизи-Абру сохранился въ рукописи Ind. Office (по каталогу Этэ № 171), о которой см. ИАН. 1914 г., стр. 881.

7) Ibid. 17 а—17 б: وباهل علم وحكمت بغايت مستانس بود. По словамъ C. Huart для Тимура были переведены на персидскій языкъ трактаты اخوان الصفا (Enz des Islām, I, 986); однако слова его источника (رسايل اخوان الصفا, бомб. изд. 1884 г., стр. 3) скорѣе должны быть поняты въ томъ смыслѣ, что заказавшій переводъ былъ однимъ изъ приближенныхъ Тимура: مجلس سامى سيّد اجلّ بهاء الدين سيف الملوك شجاع الملك شمس الخواصّ امير تيمور كوركان (sic).

8) Абд-ар-Реззакъ, л. 17 б: احوال امم ومجارىٔ امور ترك وعرب وعجم.

9) Ибн-Арабшахъ, стр. 108 и 219.

10) Абд-ар-Реззакъ, л. 17 б: اكثر مسايل مشهور طبّ ونجومرا مستحضر بود.

кандъ, были также представители этихъ наукъ, какъ Хусам-ад-динъ Ибрагимъ-шахъ керманскій, «мессія и Гиппократъ своего времени»[1]), мауляна Ахмедъ, врачъ и астрономъ, говорившій Ибн-Арабшаху въ 808 г. (1405—6), что произвелъ астрологическія вычисленія за 200 лѣтъ[2]). Есть, впрочемъ, извѣстіе, что Тимуръ не признавалъ астрологіи и предпочиталъ гадать по Корану[3]). Ревность къ вѣрѣ будто бы побудила Тимура закрыть увеселительныя мѣста въ Багдадѣ, Тебризѣ, Султаніи, Ширазѣ, Керманѣ и Хорезмѣ (старомъ Ургенчѣ), несмотря на доходъ, который они приносили казнѣ[4]) (объ увеселительныхъ мѣстахъ Самарканда и болѣе близкихъ Тимуру городовъ ничего не говорится). Чаще, однако, для Тимура религія была орудіемъ для достиженія политическихъ цѣлей, чѣмъ причиной, опредѣлявшей его поступки. Тотъ же Тимуръ, который въ Сиріи выступилъ защитникомъ Алія и его потомковъ, вслѣдствіе чего сирійцы считали его ревностнымъ шіитомъ[5]), въ Хорасанѣ возстановилъ суннитское правовѣріе[6]), въ Мазандеранѣ наказывалъ шіитскихъ дервишей за оскорбленіе памяти спутниковъ пророка[7]). Вполнѣ естественно, что мусульманскіе богословы въ бесѣдахъ съ такимъ государемъ всегда опасались западни. Очень характерна сцена, происходившая въ 1403 г. на Курѣ и разсказанная Низам-ад-диномъ[8]). Тимуръ спросилъ своихъ улемовъ, почему они не слѣдуютъ примѣру прежнихъ представителей ислама, наставлявшихъ своихъ султановъ, и не даютъ ему никакихъ наставленій. Они отвѣтили, что государь своими поступками самъ даетъ всѣмъ примѣръ и не нуждается въ наставленіяхъ такихъ людей, какъ они; только когда они убѣдились, что «это слово говорится искренне», они осмѣлились доложить о нѣкоторыхъ злоупотребленіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ той или иной области.

Преданность боевыхъ сподвижниковъ была для Тимура, конечно, важнѣе, чѣмъ преданность улемовъ; естественно, что Тимуръ былъ прежде всего воиномъ и княземъ монгольскаго типа, потомъ уже мусульманиномъ. Съ представленіемъ о «таджикѣ» у Тимура соединялось представленіе о человѣкѣ, лишенномъ воинскихъ доблестей и не-

1) Ibid. л. 19a.

2) Ибн-Арабшахъ, стр. 230.

3) ZN II, 93 и 111. Извѣстіе есть уже у Гіяс-ад-дина Али, ср. Тексты по исторіи Ср. Азіи, I, 110 сл.

4) Абд-ар-Реззакъ, л. 19a; Хафизи-Абру, рук. Ind. Off., л. 13 a.

5) Ибн-Арабшахъ, стр. 97. Этой ошибкой были введены въ заблужденіе и европейскіе ученые (напр., A. Müller, Der Islam, II, 316).

6) Разговоръ о вѣрѣ съ главою шіитскихъ сербедаровъ Алп-Муайядомъ у Абд-ар-Реззака, л. 75a.

7) ZN I, 577 и подробнѣе у мазандеранскаго историка Захир-ад-дина, стр. 430 и слѣд.

8) Низам-ад-динъ, л. 210б. Нѣсколько короче въ ZN II, 547 и сл.

опасномъ для враговъ[1]). Какъ представитель монгольскихъ традицій, Тимуръ придавалъ большое значеніе родству съ домомъ Чингизъ-хана. Захвативъ въ 1370 г. гаремъ своего предшественника Хусейна[2]), онъ взялъ себѣ четверыхъ изъ его женъ, между нимъ Сарай-Мулькъ-ханумъ, дочь хана Казана (въ годъ низложенія и смерти ея отца ей было пять лѣтъ[3]), слѣдовательно, она была лѣтъ на пять моложе Тимура). Дѣтей отъ нея у Тимура, насколько извѣстно, не было[4]), но, какъ ханская дочь, она всегда считалась старшей женой Тимура, хотя въ гаремѣ Хусейна старшей была другая царевна, дочь хана Тармаширина, выданная послѣ Хусейна замужъ за джалаирскаго эмира Бехрама. По этой женѣ Тимуръ имѣлъ право на титулъ (ханскаго) «зятя» (*гурганъ*), который онъ носилъ, между прочимъ, на своихъ монетахъ. Въ 1397 г. Тимуръ женился на дочери могольскаго хана Хызръ-ходжи, Тукель-ханумъ[5]), которая въ качествѣ «малой госпожи» (кичикъ-ханумъ) заняла второе мѣсто въ гаремѣ[6]). Ханомъ былъ провозглашенъ въ 1370 г. царевичъ Суюргатмышъ[7]); послѣ его смерти, въ 1388 г., на престолъ былъ возведенъ его сынъ Султанъ-Махмудъ[8]). Въ отличіе отъ послѣдующаго времени, Тимуръ не держалъ этихъ хановъ взаперти въ Самаркандѣ, но бралъ ихъ съ собой во время походовъ; Султанъ-Махмудъ-ханъ въ 1402 г. участвовалъ въ битвѣ при Ангорѣ и взялъ въ плѣнъ османскаго султана Баязида[9]). По Шереф-ад-дину ханъ умеръ въ томъ же 1402 г.[10]), но Низам-ад-динъ, писавшій нѣсколько позже, говоритъ о немъ, какъ о живомъ лицѣ[11]); по анониму Искендера[12]) Тимуръ изъ уваженія къ хану еще годъ чеканилъ монету отъ его

---

1) ZN II, 574 (слова объ Ахмедѣ Джелаирѣ).

2) ZN I, 207.

3) Абд-ар-Реззакъ, л. 34 a.

4) Бретшнейдеръ (Med. researches, II, 257) называетъ ее матерью Шахруха. По Хондемиру (тегер. изд. III, 175; инд. изд., III, 85) матерью Шахруха была одна изъ наложницъ Тимура اغا ترکان طغای. Хондемиръ ссылается на составленное при Шахрухѣ نسب‌نامه.

5) ZN II, 9.

6) Клавихо, стр. 296. У Ибн-Арабшаха (стр. 228) الملكة الكبرى и الملكة الصغرى. Терминъ خانم كيچيك также въ معزّ الانساب, пар. рук. Anc. F. Pers. 67, л. 33.

7) ZN I, 199.

8) Ibid. 459. По анониму Искендера, л. 251 a ханъ умеръ еще въ 786 (1384) г., но изъ уваженія къ нему Тимуръ еще три года чеканилъ его имя на монетахъ. Монеты Суюргатмыша доходятъ до 789 г., монеты Султанъ-Махмуда начинаются съ 790 г.

9) ZN II, 438.

10) Ibid. 464.

11) Низам-ад-динъ, л. 11 б (формула خلّد الله ملكه وسلطانه). Абд-ар-Реззакъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ (л. 142 a) также не упоминаетъ о смерти хана; дальше (л. 143 б) говорится о прибытіи египетскихъ пословъ въ 1403 г. съ извѣстіемъ о чтеніи хутбы и чеканки монеты съ именемъ Султанъ-Махмуда и Тимура.

12) Л. 251 б. Смерть хана и здѣсь, какъ у Шереф-ад-дина, отнесена къ 805 г. х.

имени. Во всякомъ случаѣ нумизматическія данныя показываютъ, что Тимуръ другого хана на престолъ не возводилъ и что монета до конца его царствованія чеканилась отъ имени Султанъ-Махмудъ-хана. Имя хана провозглашалось также по пятницамъ въ хутбѣ. Нѣтъ, однако, никакихъ извѣстій о томъ, чтобы Тимуръ когда нибудь въ присутствіи войска, при торжественной обстановкѣ, воздавалъ почести этимъ ханамъ; почести, воздававшіяся по монгольскимъ обычаямъ государю, всегда принимались самимъ Тимуромъ [1]).

Несмотря на присягу, принесенную Тимуру въ 1370 г. всѣми эмирами, Тимуру только послѣ упорной борьбы съ нѣсколькими соперниками удалось сдѣлаться дѣйствительнымъ государемъ своего народа. Непокорность, кромѣ отдѣльныхъ лицъ, проявляли и цѣлыя племена, особенно племя джалаировъ въ сѣверной части Мавераннахра (около Ходженда), которое за это подверглось наиболѣе тяжелой участи. Была принята мѣра, соотвѣтствовавшая нашему понятію о расформированіи воинской части: «улусъ» джалаировъ пересталъ существовать, и его остатки были распредѣлены по отрядамъ другихъ эмировъ [2]) (1376).

Съ самаго начала своего правленія Тимуръ дѣлалъ то самое, за что прежде упрекалъ сына и внука эмира Казагана: строилъ крѣпости, окружалъ стѣнами города и этимъ нарушалъ завѣты Чингизъ-хана. Еще зимой 1365—6 г. Тимуромъ были выстроены стѣны вокругъ города Карши [3]), въ 1370 г. — стѣны и цитадель [4]) въ Самаркандѣ, въ 1380 г. — стѣны [5]) и дворецъ Акъ-Сарай въ Шахрисябзѣ [6]). Тѣмъ не менѣе Тимуру удалось примирить съ собой своихъ джагатаевъ, создать изъ нихъ дисциплинированную военную силу, слѣпо преданную своему вождю и по своему внѣшнему виду болѣе походившую на войска Чингизъ-хана, чѣмъ на обычный типъ мусульманскихъ войскъ.

О «чакатаяхъ» и ихъ особомъ положеніи въ государствѣ Тимура нѣсколько разъ говоритъ Клавихо. По его словамъ, они могли «ходить вездѣ, гдѣ хотятъ, со своими стадами, пасти ихъ, сѣять и жить, гдѣ хотятъ, и зимою и лѣтомъ; они свободны и не платятъ податей царю, потому что

---

1) Примѣры: ZN I, 211, 506—515, 613 и друг.

2) ZN I, 264.

3) Въ ZN (I, 111) выраженіе حصار قرشی, у Абд-ар-Реззака (л. 50а, ср. ЗВО. XVII, 018) باروی قرشی.

4) ZN I, 217 قلعه وحصار, также Низам-ад-динъ, л. 45а; Абд-ар-Реззакъ, л. 61б.

5) Въ ZN I, 301 сл. حصار (съ извѣстіемъ о распредѣленіи участковъ между эмирами), также Низам-ад-динъ, л. 59б; у Абд-ар-Реззака, л. 73б باروِ.

6) По Абд-ар-Реззаку онъ былъ выстроенъ хорезмійскими мастерами; по Низам-ад-дину онъ считался единственной въ своемъ родѣ постройкой: وطاق ورواق ان بعیّوق رسانیدند چنانچه کس در جهان مثل آن ندیده ومانند آن نشنیده.

служатъ ему на войнѣ, когда онъ ихъ призоветъ». Въ походъ они брали съ собой и женъ, и дѣтей, и стада [1]). Въ исторіи Тимура часто встрѣчаются термины, относящіеся къ военному дѣлу; тѣмъ не менѣе эта терминологія не вполнѣ выяснена. Для обозначенія большихъ племенныхъ группъ одинаково употребляются термины *иль* и *улусъ* [2]); въ томъ же значеніи встрѣчается и слово *тюменъ*, собственно значившее «десять тысячъ» [3]). «Тысяча» обозначалась персидскимъ словомъ *хазара*, повидимому, рано перешедшимъ къ туркамъ и монголамъ [4]), болѣе мелкія воинскія части — монгольскимъ словомъ *хошунъ* [5]). Есть извѣстіе, что въ Моголистанѣ хошуномъ назывался отрядъ въ 1000 человѣкъ [6]); изъ нѣкоторыхъ мѣстъ исторіи Тимура видно, что въ Мавераннахрѣ хошунъ заключалъ въ себѣ всего отъ 50 до 100 человѣкъ [7]). Приказы собраться на *курултай* (сеймъ, имѣвшій при Тимурѣ, повидимому, исключительно значеніе парада) или для похода передавались черезъ *туваджіевъ*, должность которыхъ считалась чрезвычайной важной, уступавшей только званію государя [8]). При Тимурѣ былъ обычай, едва ли существовавшій при Чингизъ-ханѣ, что съ начальниковъ частей при передачѣ имъ приказанія государя брали расписку; для этой расписки былъ особый терминъ [9]).

Военный строй былъ, въ общемъ, тотъ же, какъ въ другихъ турецкихъ и монгольскихъ войскахъ; но въ дѣлѣ военнаго искусства Тимуръ считался не только хранителемъ традицій, но и новаторомъ. Въ битвѣ съ Тохтамышемъ въ 1391 г. имъ былъ примѣненъ какой-то особый строй изъ семи большихъ отрядовъ, о которомъ раньше никто не слыхалъ [10]). Кромѣ обычнаго движенія войсковыхъ массъ, которое, конечно, не могло оставаться скрытымъ, были случаи появленія войска Тимура тамъ, гдѣ его никто не могъ ожидать. Ибн-Арабшахъ разсказываетъ, что Тимуръ придумалъ для своихъ воиновъ особый головной уборъ, по которому они могли

1) Клавихо, стр. 220.

2) Напр., *иль* джалаировъ, ZN I, 227; *улусъ* джалаировъ ibid. 264.

3) Ср., напр. ZN I, 109: تومان وايل خودرا.

4) Извѣстно, что оно сохранилось въ названіи хазарейцевъ, племени монгольскаго происхожденія въ Авганистанѣ.

5) Пишется قوشون или قشون.

6) Tarikh-i-Rashidi, p. 55.

7) ZN I, 87 (200 человѣкъ образуютъ четыре хошуна), 139 (100 всадниковъ раздѣляется на двѣ хошуна), 154 (Тимуръ дѣлитъ 600 человѣкъ на 7 хошуновъ). По Абд-ар-Реззаку (л. 165 а, въ разсказѣ о дѣйствіяхъ мирзы Омара послѣ смерти Тимура) въ хошунѣ было 500 человѣкъ.

8) ZN I, 216.

9) چلكا, напр., ZN I, 383. Въ معزّ الانساب, пар. рук., л. 81 введеніе этого обычая приписывается Карачару: مورّخان اتراك ومغول چنين كويند كه واضع چلكا در تورهٔ چنكيزخانى اين قراچار نويان بوده است.

10) ZN I, 532; есть также у Низам-ад-дина, л. 91 б.

узнавать другъ друга, и назначилъ имъ разныя мѣста, гдѣ они должны были собираться; самъ онъ двинулся изъ Самарканда какъ будто въ сторону Ходженда и степи, но на пути неожиданно повернулъ въ другую сторону, въ разныхъ пунктахъ сталъ собирать отряды своего войска и неожиданно оказался на крайнемъ западѣ Персіи, въ Луристанѣ[1]). Оффиціальная исторія Тимура не упоминаетъ объ этой хитрости, но и по оффиціальной исторіи появленіе Тимура въ 1386 г., въ началѣ такъ называемаго «трехлѣтняго» похода, въ Луристанѣ оказывается совершенно неожиданнымъ. Говорится[2]) о возвращеніи Тимура въ 1385 г. въ Самаркандъ, о зимовкѣ около Карши, о рѣшеніи итти на Иранъ, о собираніи войска въ Самаркандѣ, о переправѣ черезъ Аму-дарью, о прибытіи въ Фирузкухъ и о быстромъ движеніи оттуда съ пятой частью войска (туваджіямъ было приказано выбрать изъ каждаго десятка людей по два) къ Луристану.

Несмотря на крайнюю жестокость, съ которой велись войны Тимура, мы въ разсказахъ о подвигахъ отдѣльныхъ богатырей, о ихъ отношеніи къ своему государю и даже къ врагамъ встрѣчаемъ эпическія черты, напоминающія разсказы о европейскомъ рыцарствѣ. Когда Тохтамышъ въ 1378 г. побѣдилъ съ помощью Тимура своего соперника Тимуръ-Мелика, былъ взятъ въ плѣнъ одинъ изъ богатырей послѣдняго; Тохтамышъ хотѣлъ его пощадить и принять къ себѣ на службу; богатырь преклонилъ колѣни передъ ханомъ и сказалъ: «Пока былъ живъ Тимуръ-Меликъ, я велъ лучшую жизнь, какъ эмиръ и правитель; хотѣлъ бы я вырвать тотъ глазъ, который видитъ тебя на его престолѣ. Если ты хочешь оказать мнѣ милость, вели отрубить мнѣ голову и положить голову Тимуръ-Мелика на мою голову, его тѣло на мое тѣло, чтобы его нѣжная и благородная особа не лежала на землѣ униженія». Желаніе вѣрнаго богатыря было исполнено[3]). Характеренъ также разсказъ о приключеніяхъ въ сирійской степи въ 1393 г. двухъ богатырей Тимура, джучидскаго царевича Ибаджъ-оглана и джагатайскаго эмира Джелаля, сына Хамида[4]). Оба изнывали отъ жажды и нашли только два глотка воды; Ибаджъ выпилъ глотокъ, но не утолилъ этимъ своей жажды и попросилъ Джелаля уступить ему свою долю. Тотъ по этому случаю вспомнилъ разсказъ, нѣкогда слышанный имъ отъ Тимура, о двухъ путникахъ, арабѣ и персѣ, изнывавшихъ отъ зноя въ пустынѣ; у араба еще оставалось немного воды; персъ сказалъ, что только

1) Ибн-Арабшахъ, стр. 45.

2) ZN I, 392 и слѣд.

3) Абд-ар-Реззакъ, л. 71 б. Тотъ же разсказъ есть у анонима Искендера (рук. Аз. Муз., л. 243 а, лонд. рук., л. 256 а); откуда, по всей вѣроятности, его заимствовалъ источникъ Абд-ар-Реззака, Хафизи-Абру.

4) ZN I, 637. Абд-ар-Реззакъ, л. 99 а

эта вода могла бы спасти его отъ смерти и что если арабъ дастъ ему ее выпить, то это будетъ лучшимъ доказательствомъ прославленнаго благородства арабовъ. Арабъ отвѣтилъ: «Я хорошо знаю, что, если я дамъ тебѣ воды, мнѣ придется умереть, но слава арабовъ мнѣ дороже собственной жизни»; персъ получилъ воду и благодаря этому остался живъ. Джелаль прибавилъ: «Я буду подражать этому арабу и дамъ тебѣ воды, чтобы наложить обязательство на потомковъ Джучи и улусъ его и сохранить добрую славу улуса Джагатая; только прошу тебя, когда ты вернешься къ государю, доложить ему обо всемъ этомъ, чтобы разсказъ былъ внесенъ въ лѣтопись». Ибаджъ далъ обѣщаніе, получилъ воду и возстановилъ свои силы; Джелалю, однако, тоже удалось спастись отъ смерти; оба вмѣстѣ достигли Кербелы, мѣста гробницы имама Хусейна, потомъ пришли къ Тимуру и разсказали ему о происшедшемъ. Тимуръ прославилъ подвигъ Джелаля и его заботу о чести джагатаевскаго улуса и вспомнилъ о заслугахъ его отца Хамида.

Каково бы ни было отношеніе этихъ разсказовъ къ дѣйствительности, они свидѣтельствуютъ о существованіи въ войскѣ Тимура извѣстнаго рыцарскаго идеала. Естественно, что такіе разсказы слагались о самомъ Тимурѣ и его сыновьяхъ. Несмотря на физическое увѣчье, Тимуру приписывались подвиги личной храбрости. Въ 1379 г., во время осады Ургенча, хорезмійскій владѣтель Юсуфъ Суфи послалъ Тимуру вызовъ на единоборство; Тимуръ принялъ вызовъ, прискакалъ ко рву крѣпости и звалъ оттуда на бой своего противника, но тотъ нарушилъ свое слово и не явился. Скоро послѣ этого привезли Тимуру изъ Термеза вновь поспѣвшіе арбузы; Тимуръ рѣшилъ подѣлиться ими со своимъ врагомъ и послалъ Юсуфу арбузовъ на золотомъ блюдѣ; Юсуфъ велѣлъ арбузы выбросить въ воду, а блюдо подарилъ привратнику[1]). Въ 1383 г. Тимуръ въ Сеистанѣ хотѣлъ принять участіе въ битвѣ и былъ удержанъ только просьбами эмировъ[2]).

Изъ сыновей Тимура Омаръ-шейхъ отличился еще въ 1370 г., во время войны съ Хусейномъ, когда ему было всего 16 лѣтъ[3]). Впослѣдствіи ему въ Ферганѣ часто приходилось сражаться съ моголами; о личныхъ подвигахъ его много говоритъ анонимъ Искендера, столь же пристрастный къ Омаръ-шейху и его сыновьямъ, какъ Хафизи-Абру и Шереф-ад-динъ къ Шахруху. О Шахрухѣ былъ сочиненъ фантастическій разсказъ, опровергавшійся самимъ Шахрухомъ[4]), будто шестнадцатилѣт-

1) ZN I, 294—297. О предложеніи поединка говоритъ и Низам-ад-динъ Шами, л. 586.
2) ZN I, 367 и сл.
3) Ibid. 200.
4) ЗВО. XV, 221.

ній царевичъ въ 1393 г. принималъ горячее участіе въ битвѣ съ владѣтелемъ Фарса Мансуромъ и лично принесъ своему отцу голову убитаго Мансура [1]).

Ибн-Арабшахъ утверждаетъ, что въ войскѣ Тимура были идолопоклонники, носившіе при себѣ идоловъ [2]), были и женщины, принимавшія участіе въ битвахъ [3]). Какъ бы то ни было, болѣе строгимъ мусульманамъ джагатайскіе воины казались кафирами, какъ сами джагатаи не признавали мусульманами моголовъ, хотя оффиціально исламъ сдѣлался господствующей религіей въ Моголистанѣ еще при ханѣ Туклукъ-Тимурѣ; только во второй половинѣ XV в., при ханѣ Юнусѣ, на моголовъ было распространено правило, соблюдавшееся вообще при войнахъ между мусульманами: чтобы военноплѣнные не продавались въ рабство [4]). Такимъ же образомъ въ XIV в. джагатайское государство не признавалось мусульманскимъ; въ 1372 г. хорезмійскій владѣтель Хусейнъ Суфи сказалъ послу Тимура: «Ваше царство — область войны (т. е. владѣніе невѣрныхъ), и долгъ мусульманъ — сражаться съ вами» [5]). Воины Тимура, подобно языческимъ монголамъ, носили косы. Когда при осадѣ Дамаска (1400—01) внукъ Тимура Султанъ-Хусейнъ измѣнилъ своимъ и перешелъ на сторону осажденныхъ, ему прежде всего отрѣзали косу и заставили его перемѣнить одежду [6]). Ибн-Арабшахъ упоминаетъ еще объ одной изъ старшихъ дочерей Тимура, Султанъ-Бахтъ-бегумъ, дочери умершей въ 1366 г. сестры эмира Хусейна [7]); она «отличалась мужскимъ нравомъ и не любила мужчинъ» [8]).

Вообще положеніе женъ Тимура и другихъ женщинъ при его дворѣ болѣе соотвѣтствовало монгольскимъ обычаямъ, чѣмъ требованіямъ ислама. Какъ видно изъ разсказовъ Клавихо [9]) и Ибн-Арабшаха [10]) о пирахъ 1404 г.,

---

1) ZN I, 612. Переходную ступень между первоначальной версіей (Гіяс-ад-дина Али, Тексты по исторіи Средней Азіи, I, 35 сл.) и версіей ZN представляетъ написанный въ 823 (1420) г. разсказъ محمود كيتى, вставленный въ одинъ изъ списковъ «Тарихи Гузидэ» Хамдаллаха Казвини (The Ta'rikh-i-Guzida, ed. E. G. Browne, p. 753 sq.).

2) Ибн-Арабшахъ, стр. 237.

3) Ibid. 239.

4) Tarikh-i-Rashidi, p. 98.

5) Абд-ар-Реззакъ, л. 63б: مملكت شما دار الحرب است وبر مسلمانان واجب كه دفع شما كنند.

6) Ибн-Арабшахъ, стр. 104 и слѣд. Ибн-Арабшахъ по ошибкѣ называетъ его сыномъ сестры Тимура. О его происхожденіи и о смерти его матери въ 1382 г. см. ZN I, 330.

7) О ея происхожденіи ZN I, 120.

8) Ибн-Арабшахъ, стр. 228. Ибн-Арабшахъ къ этому дѣлаетъ не совсѣмъ ясное добавленіе, будто эту царевну «испортили багдадскія женщины, когда онѣ пришли въ Самаркандъ». Мужъ этой дочери Тимура, Мухаммедъ-Мирке, въ 1388 г. возсталъ противъ Тимура и былъ казненъ (ZN I, 450—454); царевна вторично вышла замужъ за эмира Сулеймана-Шаха (ibid. 489); умерла въ 833 г. (1429—30) въ Нишапурѣ (Абд-ар-Реззакъ, л. 239б).

9) Клавихо, стр. 257 и слѣд.

10) Ибн-Арабшахъ, стр. 163.

на этихъ пирахъ присутствовали царицы и царевны, не закрываясь отъ мужчинъ; тѣ же царицы и царевны сами устраивали пиры, на которые созывали гостей. Тимуръ строилъ загородные дворцы съ садами близъ Самарканда не только для своихъ женъ (Райскій садъ, устроенный въ 1378 г. для Туманъ-Агà[1]), и садъ Дилькушà, устроенный въ 1397 г. для Тукель-ханумъ)[2]), но и для другихъ царевенъ (Сѣверный садъ, устроенный въ томъ же 1397 г. для внучки Тимура, дочери Мираншаха[3]). Разумѣется, въ царствованіе Тимура женщины не могли оказывать вліяніе на государственныя дѣла; иногда только имъ удавалось смягчить гнѣвъ Тимура противъ какого нибудь опальнаго царевича[4]). Объ одной изъ женъ Тимура, красавицѣ Чолпанъ-Мулькъ, дочери могола Хаджи-бека, сопровождавшей Тимура во время походовъ 1391 и 1393 гг.[5]), Ибн-Арабшахъ разсказываетъ, что она была убита Тимуромъ, до котораго дошли слухи[6]) (вѣроятно, о ея невѣрности); оффиціальная исторія объ этомъ происшествіи въ семьѣ Тимура не упоминаетъ.

Своимъ потомкамъ Тимуръ посвящалъ много вниманія; ихъ воспитаніе было государственнымъ дѣломъ, совершенно изъятымъ изъ вѣдѣнія ихъ собственныхъ родителей. Когда ожидалось счастливое событіе, родильницу вызывали ко двору и окружали ее всякими заботами, но тотчасъ послѣ разрѣшенія у нея отнимали ребенка и поручали его воспитаніе назначеннымъ для этого лицамъ, тщательно слѣдившимъ за его пищей, одеждой и всѣмъ необходимымъ; когда наступало время, ребенка поручали особому воспитателю (атабегу), и тотъ обучалъ его всему, что нужно было знать будущему государю[7]). Разницы между воспитаніемъ наслѣдника престола и воспитаніемъ другихъ царевичей не могло быть, такъ какъ не было точно установленнаго порядка престолонаслѣдія; кромѣ того государство считалось собственностью всего рода, и отдѣльные царевичи въ своихъ удѣлахъ были почти совершенно самостоятельными правителями; вмѣшательство главы династіи происходило только въ тѣхъ случаяхъ, когда удѣльный князь обнаруживалъ мятежныя наклонности или ссорился съ другими князьями, или когда область подвергалась явной опасности отъ дурного

1) ZN I, 292. Она родилась въ 1366 г. (ibid. I, 140); слѣдовательно, ей, когда на ней женился Тимуръ, было всего 12 лѣтъ.

2) ZN II, 6—9. Низам-ад-динъ, л. 122б.

3) ZN I, 800 и слѣд. Низам-ад-динъ, л. 121а, называетъ царевну дочерью Шахъ-Джехана.

4) Ср. ZN II, 641 о Сарай-Мулькъ-ханумъ и Халиль-Султанѣ. Характерно, что и въ этомъ случаѣ царица могла дѣйствовать только черезъ посредство эмировъ.

5) ZN I, 499 и 583.

6) Ибнъ-Арабшахъ, стр. 228. Судя по словамъ Клавихо (стр. 296) она была еще жива въ 1404 г.; во всякомъ случаѣ она упоминается еще въ 1403 г. (ZN II, 505).

7) Абд-ар-Реззакъ, л. 18б.

управленія, отъ внѣшнихъ или внутреннихъ враговъ. Такіе случаи были еще при жизни Тимура, который вообще въ своихъ сыновьяхъ и внукахъ далеко не былъ такъ счастливъ, какъ Чингизъ-ханъ. Изъ четырехъ сыновей Тимура двое старшихъ умерли, какъ мы видѣли, при жизни отца. Третій, Мираншахъ, родившійся въ 1366 г., уже въ 1380 г., 14 лѣтъ отъ роду, принялъ участіе въ походѣ на Хорасанъ и тогда же былъ назначенъ правителемъ этой (еще не завоеванной Тимуромъ) области[1]). По своей женѣ, внучкѣ хана Узбека, Мираншахъ, подобно Тимуру, носилъ титулъ «гургана»[2]) (зятя). Мѣстопребываніемъ двора Мираншаха въ то время, когда онъ былъ правителемъ Хорасана, былъ Гератъ. Въ 1393 г. ему было дано еще болѣе высокое назначеніе; Тимуръ въ это время могъ считать себя обладателемъ «царства Хулагу», т. е. государства персидскихъ монголовъ, и «престолъ Хулагу» былъ отданъ Мираншаху. Главными городами этого обширнаго удѣла, заключавшаго въ себѣ всю сѣверную Персію съ Багдадомъ и Закавказьемъ[3]), были Тебризъ и Султанія.

Мираншахъ не только отличался личной храбростью, но также походилъ на отца жестокостью и коварствомъ; въ 1389 г. онъ въ Самаркандѣ убилъ послѣднихъ потомковъ династіи гератскихъ владѣтелей — Куртовъ, при чемъ на пиру со смѣхомъ отрубилъ голову сыну гератскаго князя Пиръ-Мухаммеду и потомъ объяснялъ свой поступокъ опьяненіемъ[4]). Однако, около 1399 г. до Тимура дошли вѣсти, что поведеніе Мираншаха совершенно измѣнилось, что послѣ паденія съ лошади на охотѣ осенью 1396 г. у него стало обнаруживаться разстройство умственныхъ способностей, что страна подъ его управленіемъ приходитъ въ полное разстройство и подвергается нападеніямъ внѣшнихъ враговъ[5]). Разрушительныя наклонности, унаслѣдованныя Мираншахомъ отъ отца, приняли болѣзненныя формы; Клавихо увѣряетъ[6]), будто онъ разрушалъ зданія только для того, чтобы

---

1) ZN I, 307 (наверху).

2) Такъ называетъ его его современникъ Зейн-ад-динъ Казвини (Тарихи Гузидэ, рук. Петр. Унив. № 153, стр. 502). Въ надписи на перстнѣ Мираншаха, изданномъ Н. И. Весселовскимъ, слова «гурганъ» нѣтъ (Кауфманскій Сборникъ, стр. 229 и слѣд.). Мираншахъ носитъ титулъ гургана также у Даулетшаха, стр. 324 (внизу) и 329 (внизу), у Фасиха, л. 390а и слѣд., у Абд-ар-Реззака, л. 164б, 173б и друг.

3) ZN I, 623 и слѣд., 784 (наверху).

4) Абд-ар-Реззакъ, л. 90б; ср. ZN I, 468.

5) ZN II, 200 и слѣд. Приблизительно также у анонима Искендера, рук. Аз. Муз. л. 295а, лонд. рук. л. 310б сл. Низам-ад-динъ Шами въ своемъ разсказѣ о походѣ 1399 г. совершенно умалчиваетъ о дѣйствіяхъ Мираншаха, т. е. о главной причинѣ похода. Ср. ЗВО. XXIII, 25, пр. 2.

6) Клавихо, стр. 182. Оффиціальная исторія не говоритъ о разрушеніи зданій; Абд-ар-Реззакъ (л. 121а) упоминаетъ только о разрушеніи высокаго зданія въ Султаніи въ поискахъ за сокровищами. Даулетшахъ (стр. 330) разсказываетъ, что Мираншахъ велѣлъ разрушить въ Тебризѣ гробницу великаго историка Рашид-ад-дина и зарыть его кости на кладбищѣ

о немъ говорили: «Мирза Мираншахъ не сдѣлалъ самъ ничего, а велѣлъ разрушить лучшія творенія въ мірѣ». Въ это время въ Самаркандъ прибыла «ханская дочь», жена Мираншаха[1]), съ жалобой на мужа и съ извѣстіемъ о его мятежныхъ намѣреніяхъ[2]). Даулетшахъ разсказываетъ объ этомъ событіи съ яркими подробностями, которыхъ нѣтъ въ другихъ источникахъ и которыя едва ли соотвѣтствуютъ дѣйствительности; княгиня будто бы показала свекру свою окровавленную рубаху, и Тимуръ былъ такъ пораженъ поступкомъ сына, что заплакалъ и цѣлую недѣлю ни съ кѣмъ не говорилъ[3]). Оффиціальная исторія говоритъ только о грубыхъ обвиненіяхъ, возбужденныхъ Мираншахомъ противъ жены; ей удалось опровергнуть обвиненія, клеветники «изъ мужчинъ и женщинъ» поплатились жизнью; но разгнѣванная княгиня все-таки уѣхала въ Самаркандъ[4]).

Событіями 1399 г. былъ вызванъ послѣдній, самый продолжительный (такъ называемый «семилѣтній») походъ Тимура на западъ, увѣнчавшійся побѣдой надъ египетскимъ султаномъ и «римскимъ кесаремъ», т. е. османскимъ султаномъ Баязидомъ. Мираншахъ и населеніе его областей подчинились Тимуру безъ сопротивленія; царевичъ былъ низложенъ, его совѣтники и товарищи его веселой жизни казнены, растраченныя имъ деньги возвращены въ казну[5]). За то послѣдующія событія могли показать Тимуру, какъ непрочно согласіе среди членовъ его династіи. Отправляясь въ походъ, Тимуръ поручилъ Самаркандъ Мухаммедъ-Султану, сыну Джехангира, Фергану—Искендеру, сыну Омаръ-шейха[6]). Еще зимою 1399—1400 г. между ними произошла ссора; весной 1400 г. Искендеръ по распоряженію Мухаммедъ-Султана былъ привезенъ въ Самаркандъ и заключенъ подъ стражу; его атабегъ (Искендеру было тогда около 16 лѣтъ) и съ нимъ 26 нукеровъ были казнены[7]). Въ томъ же году самъ Тимуръ низложилъ въ Фарсѣ старшаго брата Искендера, Пиръ-Мухаммеда; его

евреевъ. Это тѣмъ болѣе странно, что Мираншахъ, повидимому, интересовался мусульманской исторической литературой; ученый Неджм-ад-динъ перевелъ для него съ арабскаго языка на персидскій исторію Ибн-ал-Асира (Хондемиръ, III, 177).

1) Въ дѣйствительности царевна (ея имя была Севинъ-бегъ), была не дочерью, а внучкой хана Узбека; ея отцомъ былъ одинъ изъ хорезмійскихъ князей (ZN I, 242). Въ 1374 г. она была выдана замужъ за Джехангира (ibid. 249 сл.) и была матерью Мухаммедъ-Султана (ibid. I, 271, гдѣ пропущено слово محمد, и II, 508); за Мираншаха она вышла послѣ смерти Джехангира. Ср. также Ибн-Арабшахъ, стр. 27.

2) ZN II, 206: مخالفت دارد انديشهٔ. Совершенно невѣроятенъ разсказъ Ибн-Арабшаха (стр. 76 и слѣд.), будто Тимуръ еще въ Индіи получилъ отъ Мираншаха письмо, гдѣ говорилось, что Тимуръ состарился и долженъ посвятить остатокъ своей жизни молитвѣ, а царство отдать сыновьямъ и внукамъ.

3) Даулетшахъ, стр. 330.

4) ZN II, 205.

5) Ibid. 213 сл.

6) ZN II, 208 и слѣд.

7) Ibid. 221 и слѣд.

обвиняли во-первыхъ въ томъ, что онъ подъ предлогомъ болѣзни уклонился отъ участіи въ одномъ походѣ, во-вторыхъ въ приготовленіи съ неизвѣстной цѣлью какихъ-то ядовъ. Совѣтники царевича были казнены; самъ онъ былъ привезенъ къ Тимуру и по приговору «великаго дивана» наказанъ палками [1]; также было поступлено въ 1401 г. съ Искендеромъ [2]. Въ самомъ концѣ 1400 г., во время осады Дамаска, внукъ Тимура (сынъ его дочери) Султанъ-Хусейнъ перешелъ на сторону осажденныхъ [3] и сражался противъ своихъ; еще до сдачи города, во время одной вылазки, онъ былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ къ Тимуру, который и въ этомъ случаѣ наказалъ виновнаго только палками [4]. Мухаммедъ-Султанъ въ 1401 г. былъ вызванъ къ Тимуру, съ тѣмъ, чтобы получить престолъ Хулагу-хана [5]; онъ принялъ дѣятельное участіе въ походахъ первыхъ годовъ XV в., особенно въ Малой Азіи, но въ 1403 г. умеръ отъ болѣзни [6]. «Престолъ Хулагу-хана» въ 1404 г. былъ пожалованъ второму сыну Мираншаха Омару; ему были подчинены всѣ войска Мираншаха и всѣ царевичи, оставленные въ западной Персіи и Месопотаміи [7]. Изъ нихъ Пиръ-Мухаммеду еще въ 1403 г. былъ возвращенъ Ширазъ; его братъ Рустемъ получилъ Исфаханъ, старшій сынъ Мираншаха Абу-Бекръ — Багдадъ [8]), Искендеръ — Хамаданъ [9]); о Мираншахѣ только сказано, что ему по просьбѣ его сына Абу-Бекра было разрѣшено отправиться къ этому сыну въ Багдадъ [10]). Клавихо видѣлъ Мираншаха въ Султаніи, и царевичъ не произвелъ на него впечатлѣнія сумасшедшаго (противъ этого говоритъ также участіе Мираншаха въ сраженіяхъ, о чемъ упоминаетъ нѣсколько разъ и оффиціальная исторія); онъ принялъ кастильскихъ пословъ съ соблюденіемъ требованій этикета и спросилъ о здоровіи ихъ короля [11]). Своимъ наслѣдникомъ Тимуръ

---

1) Ibid. 231 и 263.

2) Ibid. 383. По разсказу Мусеви Тимуръ, наоборотъ, осудилъ Мухаммедъ-Султана, призналъ правымъ Искендера и велѣлъ возвратить приближеннымъ Искендера отнятое у нихъ имущество (اصح التواريخ, л. 411а; تاريخ خيرات, л. 297а; ср. ИАН. 1915, стр. 1368). Анонимъ Искендера ничего не говоритъ ни о столкновеніи между Мухаммедъ-Султаномъ и Искендеромъ, ни о смерти Мухаммедъ-Султана; молчаніе этого источника, конечно, говоритъ въ пользу разсказа Шереф-ад-дина и противъ разсказа Мусеви.

3) ZN II, 314.

4) Ibid. 323.

5) Ibid. 345.

6) Ibid. 492.

7) Ibid. 569.

8) Ibid. 514 и слѣд.

9) Ibid. 564.

10) Ibid. 574 и слѣд. О томъ, что Абу-Бекръ изъ любви къ отцу отказался занять его престолъ и что Тимуръ вслѣдствіе этого обратился къ его брату Омару (Клавихо, стр. 182 и слѣд.), оффиціальная исторія не говоритъ.

11) Клавихо, стр. 176. Дальше (стр. 184) говорится, что Мираншахъ былъ «боленъ ногами».

послѣ смерти Мухаммедъ-Султана назначилъ другого сына Джехангира, Пиръ-Мухаммеда, родившагося въ 1376 г., черезъ 40 дней послѣ смерти отца[1]) (кромѣ Мираншаха, онъ съ 1403 г. былъ старшимъ изъ находившихся въ живыхъ потомковъ Тимура); ему еще въ 1392 г. былъ пожалованъ «престолъ Махмуда газневидскаго», т. е. области къ юго-западу отъ Гиндукуша до Инда[2]). Дѣйствія Тимура показываютъ, что онъ не только на провинившагося старшаго сына, но и на младшаго, Шахруха, никогда не подвергавшагося опалѣ, возлагалъ меньше надеждъ, чѣмъ на своихъ внуковъ. Шахрухъ принималъ участіе въ походахъ на западъ до Палестины[3]), но до конца жизни Тимура оставался въ томъ званіи, съ котораго началъ свое поприще Мираншахъ — въ званіи правителя Хорасана. Эта область (мѣстопребываніемъ правителя, какъ и при Мираншахѣ, былъЕратъ) была поручена ему въ 1397 г., вмѣстѣ съ Сеистаномъ и Мазандераномъ[4]). Въ 1404 г. Тимуръ отклонилъ предложеніе вызвать сына въ Самаркандъ[5]). Въ послѣднихъ политическихъ комбинаціяхъ Тимура, связанныхъ съ его походомъ на Китай и прерванныхъ его смертью, малолѣтнимъ сыновьямъ Шахруха, какъ мы увидимъ, отводилось первое мѣсто, но самъ Шахрухъ былъ изъ нихъ совершенно исключенъ. О причинахъ такого отношенія Тимура къ Шахруху источники ничего не говорятъ; неизвѣстно, проявлялъ ли Шахрухъ еще при жизни Тимура то-же чрезмѣрное преклоненіе передъ шарі'атомъ и неуваженіе къ законамъ Чингизъ-хана, какъ во время своего царствованія. Въ 1404 г. посланный Тимуромъ Фахр-ад-динъ Ахмедъ Туси привлекъ къ отвѣтственности гератскія власти и произвелъ среди нихъ полный разгромъ; историкъ Фасихъ перечисляетъ цѣлый рядъ ходжей, которые въ связи съ этой ревизіей были отправлены въ изгнаніе въ Ашпару и Сауранъ[6]), но нѣтъ указаній на то, чтобы эти событія оказали вліяніе на отношеніе Тимура къ Шахруху и къ его воспитателю Ала-ад-дину Алике-кукельташу. Замѣчательно, что этотъ послѣдній эмиръ, потомъ гордившійся тѣмъ, что Тимуръ довѣрилъ ему сына[7]), въ исторіи событій царствованія Тимура совершенно не упоминается; неизвѣстно, могъ ли онъ уже при Тимурѣ открыто проявлять тѣ черты харак-

1) ZN I, 271.

2) Ibid. 558.

3) Ibid. II, 333 (كنعان).

4) Ibid. I, 804.

5) Ibid. II, 601.

6) Фасихъ, л. 392a и слѣд. Въ ZN (II, 592) о миссіи Ахмеда Туси и ея послѣдствіяхъ говорится очень кратко. Замѣчательно, что всѣ изгнанники вернулись съ дороги, когда до нихъ дошло извѣстіе о смерти Тимура (Фасихъ, л. 393a и слѣд.).

7) Абд-ар-Реззакъ, л. 254б: بطريق افتخار اظهار ميكرد كه حضرت صاحب قران امير تيمور كوركان حضرت شاهرخىرا بمن سپرد.

тера, которыми онъ, какъ мы увидимъ, существенно отличался отъ другихъ джагатайскихъ военачальниковъ и которыя отчасти перешли на его воспитанника [1]).

Клавихо увѣряетъ, будто Тимуръ при жизни дважды распространялъ извѣстіе о своей смерти, чтобы узнать, кто возстанетъ противъ его наслѣдниковъ [2]). Восточные авторы не упоминаютъ о такой хитрости Тимура; но что вопросъ о томъ, какія волненія вызоветъ его смерть, занималъ Тимура, на это указываетъ также разсказъ Ибн-Арабшаха о разговорѣ Тимура съ однимъ изъ персидскихъ князей, Искендеромъ Шейхи [3]), то принимавшимъ участіе въ походахъ Тимура, то возставшимъ противъ него. Но трудно было бы рѣшить, какое мѣсто въ этихъ заботахъ Тимура о будущемъ принадлежало роду барласовъ и какое созданной имъ имперіи. Происходя изъ среды, въ которой господствовалъ родовой бытъ, Тимуръ прежде всего долженъ былъ чувствовать себя членомъ своего рода; по мѣрѣ его военныхъ успѣховъ и по мѣрѣ сближенія съ представителями мусульманской культуры (о вліяніи на Тимура какихъ либо образованныхъ людей изъ не-мусульманъ извѣстій нѣтъ) его кругозоръ долженъ былъ расширяться; но ни въ оффиціальной исторіи, ни въ другихъ источникахъ мы не находимъ свѣдѣній о томъ, какъ постепенно измѣнялось его міровоззрѣніе и какъ онъ въ концѣ своей жизни представлялъ себѣ жизнь имперіи и обязанности ея правителя. Изъ того, что мы знаемъ о словахъ и поступкахъ Тимура, мы можемъ только вывести заключеніе, что его душевная жизнь была несравненно сложнѣе, чѣмъ душевная жизнь его предшественника — Чингизъ-хана. Міровоззрѣніе Чингизъ-хана до конца было міровоззрѣніемъ атамана разбойниковъ, который ведетъ своихъ товарищей къ побѣдамъ и доставляетъ имъ добычу, дѣлитъ съ ними всѣ труды, въ дни несчастія готовъ отдать имъ все, даже свою одежду и своего коня, въ дни счастія испытываетъ вмѣстѣ съ ними величайшее изъ наслажденій — ѣздить на коняхъ убитыхъ враговъ и цѣловать ихъ женъ. Геніальный дикарь примѣнялъ свои рѣдкія организаторскія способности все къ болѣе обширному кругу лицъ и не видѣлъ разницы между качествами, необходимыми для начальника отряда въ десять человѣкъ, и качествами, необходимыми для управленія имперіей [4]). Тимуръ, напротивъ, былъ прежде всего царемъ-завоевателемъ, для властолюбія котораго не было границъ; ему приписы-

1) Анонимъ Искендера увѣряетъ, будто Шахрухъ только Искендеру былъ обязанъ «той небольшой долей смѣлости, которая есть въ его характерѣ» (اندك جرأتى كه در مزاج دارد), и вообще только подъ вліяніемъ Искендера сталъ стремиться къ царской власти (рук. Аз. муз., л. 292 б; лонд. рук, л. 307 б).

2) Клавихо, стр. 363.

3) Ибн-Арабшахъ, стр. 40.

4) Enzykl. des Islām, I, 892 f.; тамъ же ссылки на источники.

вали изреченіе, что «все пространство населенной части міра не стоитъ того, чтобы имѣть двухъ царей»[1]). Чингизъ-ханъ до конца жизни не зналъ другого языка, кромѣ монгольскаго; Тимуръ, оставаясь неграмотнымъ, кромѣ своего родного турецкаго языка владѣлъ персидскимъ, на которомъ бесѣдовалъ съ учеными[2]), учредилъ при своемъ дворѣ должность «чтеца разсказовъ» (*кысса-хонъ*)[3]) и благодаря слушанію этихъ разсказовъ могъ удивить своими познаніями въ исторіи историка Ибн-Халдуна[4]), увлекался игрой въ шахматы и достигъ въ ней рѣдкаго искусства[5]); подробности мусульманскаго вѣроученія были усвоены имъ настолько, что онъ могъ слѣдить за религіозными преніями и принимать въ нихъ участіе[6]). Все это, однако, не только не вызвало разлада между нимъ и той военной средой, изъ которой онъ вышелъ, но даже способствовало его военнымъ успѣхамъ. Своими познаніями въ исторіи онъ, какъ мы видѣли, пользовался для воодушевленія своихъ воиновъ примѣрами изъ прошлаго; религіозными доводами оправдывались избіенія и грабежи, производившіеся имъ въ покоренныхъ областяхъ и, конечно, доставлявшіе его войску гораздо большее количество добычи, чѣмъ это было бы возможно при иномъ способѣ веденія войны. Созданная Тимуромъ огромная военная сила[7]) была, повидимому, слѣпо предана своему вождю. Сложнѣе было, вѣроятно, отношеніе къ Тимуру покореннаго культурнаго населенія. Господство Тимура создавалось и поддерживалось крайне жестокими средствами, удивлявшими даже европейца начала XV в. (Клавихо); европейцу начала XX в. даже трудно представить себѣ, что находились люди для исполненія такихъ приказаній Тимура, какъ сооруженіе башень изъ 2000 живыхъ людей, положенныхъ другъ на друга и засыпанныхъ глиной и кусками кирпича[8]), послѣ взятія Исфизара или погребеніе живыми 4000 плѣнныхъ воиновъ послѣ взятія Сиваса[9]). Передъ такимъ утонченнымъ звѣрствомъ мусульманскаго завое-

1) ZN I, 306.

2) Ибн-Арабшахъ, стр. 220, также бесѣда въ Халебѣ и произнесенныя Тимуромъ слова خوب خوب (ibid. стр. 96 внизу).

3) Ibid. стр. 229 и Даулетшахъ, стр. 363.

4) Ибн-Арабшахъ, стр. 108 и 219.

5) Ибн-Арабшахъ, стр 219 (внизу) и Абд-ар-Реззакъ, л. 18б и сл.; тѣ же лица перечислены у Хафизи-Абру, рук. Ind. Off, л. 19а-б, гдѣ авторъ говоритъ о себѣ въ стихѣ (Абд-ар-Реззакъ приводитъ только второе полустишіе): وین بندهٔ کمترین چه کوید از خود (زین جنس که ماییم جهانی نجوی). Объ игрѣ Тимура въ шахматы съ сейидами упоминаетъ и Клавихо, стр. 267.

6) Особенно характерна бесѣда въ Халебѣ, Ибн-Арабшахъ, стр. 96 и сл.

7) По Ибн-Арабшаху (стр. 94 внизу) число воиновъ, внесенныхъ въ списки, доходило до 800.000. Походъ на Китай былъ предпринятъ съ арміей въ 200.000 человѣкъ (ZN II, 635 внизу).

8) ZN I, 360.

9) ZN II, 269; Ибн-Арабшахъ, стр. 88 (3000); Клавихо, стр. 143.

вателя блѣднѣютъ всѣ массовыя избіенія, совершенныя въ мусульманскихъ странахъ по приказанію язычника Чингизъ-хана. Тѣмъ не менѣе Тимуръ и для культурнаго населенія его имперіи не былъ только чуждымъ завоевателемъ. Тимуръ былъ въ одно и то же время безпощаднымъ разрушителемъ и ревностнымъ строителемъ; имъ воздвигались величественныя постройки съ великолѣпными садами, возстановлялись города и селенія, устраивались и исправлялись оросительныя системы; по выраженію оффиціальной исторіи, онъ не допускалъ, чтобы пропадали даромъ участки земли, гдѣ вообще была возможна культура[1]). Созидательная дѣятельность Тимура столь же поражала воображеніе, какъ разрушительная. Съ именами Тимура и его потомковъ связана, какъ извѣстно, одна изъ лучшихъ эпохъ въ исторіи мусульманской архитектуры. По общему характеру стиля зданія, воздвигнутыя въ эту эпоху въ Самаркандѣ, являются памятниками персидской архитектуры, но своими размѣрами далеко превосходятъ свои персидскіе образцы[2]). Стремленіе превзойти размѣрами всѣ постройки прежнихъ эпохъ вообще характерно для мусульманской архитектуры послѣ-монгольскаго періода[3]), притомъ не только для завоеванныхъ монголами странъ, но и для Египта[4]); но никогда это стремленіе не проводилось съ такой послѣдовательностью, какъ при Тимурѣ и его потомкахъ.

Дворцы Тимура не были укрѣпленными замками, недоступными для населенія. Построенный Тимуромъ замокъ Кёкъ-сарай[5]) въ самаркандской цитадели, повидимому, рѣдко видѣлъ Тимура въ своихъ стѣнахъ; какъ при Тимурѣ, такъ и при его преемникахъ онъ преимущественно служилъ казнохранилищемъ и государственной тюрьмой[6]). Тимуръ, повидимому, болѣе любилъ свои загородные дворцы съ ихъ великолѣпными садами, которые въ отсутствіе государя служили мѣстомъ прогулокъ для жителей Самарканда, богатыхъ и бѣдныхъ. Стѣны дворцовъ были украшены живописью, съ изображеніемъ побѣдъ Тимура, его сыновей и внуковъ, его эмировъ и войскъ[7]). Еще болѣе грандіознымъ садомъ былъ окруженъ дворецъ Тахта-Карача, давшій свое имя перевалу между Самаркандомъ и Шахрисябзомъ. Дворецъ былъ построенъ весной 1398 г.; для устройства сада былъ использованъ ручей, стекавшій съ перевала по ущелью, въ 7 фарсахахъ отъ Самарканда[8]). О размѣрахъ сада Ибн-Арабшахъ разсказываетъ анек-

1) ZN II, 13.

2) Замѣчаніе Fr. Sarre въ Denkmäler persischer Baukunst, Atlas, Lief. VI, S. 1.

3) D'Ohsson, Histoire des Mongoles, IV, 273 (о постройкахъ Газанъ-хана).

4) Халиль аз-Захири, Zoubdat Kachf el-Mamâlik, ed. Ravaisse (Publ. de l'école des langues or. viv. IIIe s., v. XVI), p. 31 (о медресе султана Насира Хасана).

5) О немъ ZN II, 634.

6) Клавихо, стр. 330.

7) Ибн-Арабшахъ, стр. 227 и слѣд.

8) ZN II, 12 и сл. О постройкѣ упоминаетъ также Фасихъ, л. 390 б.

дотъ, что пропавшая тамъ лошадь была найдена только послѣ шести мѣсяцевъ [1]).

Грандіозныя оросительныя работы производились Тимуромъ не только въ его родномъ Мавераннахрѣ и сосѣднемъ Хорасанѣ [2]), но и въ такихъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, какъ Муганская степь [3]) и бассейнъ Кабула [4]). Самаркандъ, по мысли Тимура, долженъ былъ быть самымъ величественнымъ городомъ въ мірѣ; чтобы наглядно изобразить это величіе, онъ вокругъ Самарканда построилъ селенія, которымъ далъ названія самыхъ большихъ извѣстныхъ ему городовъ: Султаніи, Шираза, Багдада, Димишка (Дамаска) и Мисра (Каира)[5]). Въ 1396 г., послѣ возвращенія въ Самаркандъ изъ «пятилѣтняго» похода, Тимуръ на три года освободилъ населеніе отъ податей [6]).

Широкая жизнь столицы Тимура не осталась безъ вліянія на коренное мусульманское населеніе, даже на представителей мусульманской учености. Самаркандскій шейх-ал-исламъ Абд-ал-Меликъ, потомокъ автора «Хидаи», игралъ въ шахматы и въ кости и писалъ стихи [7]), т. е. предавался удовольствіямъ, если не прямо запрещеннымъ религіей, то во всякомъ случаѣ не одобрявшимся; самъ Тимуръ отказался отъ обѣихъ игръ, когда въ Отрарѣ передъ смертью принесъ покаяніе [8]). Населеніе культурныхъ областей не только платило подати Тимуру, но принимало участіе въ его походахъ; въ его войскѣ, кромѣ джагатаевъ, находились также отряды, набранные въ покоренныхъ странахъ; хорасанецъ Хафизи-Абру даже увѣряетъ, что Тимуръ ни къ кому не питалъ такого довѣрія, какъ къ хорасанцамъ [9]); между тѣмъ, какъ показываетъ разсказъ, несомнѣнно восходящій къ тому же историку, Хорасану во время завоеванія его Тимуромъ пришлось испытать не менѣе жестокія бѣдствія [10]), чѣмъ другимъ областямъ.

---

1) Ибн-Арабшахъ, стр. 228.

2) О работахъ по верхнему теченію Мургаба ср. мою статью «Къ исторіи орошенія Туркестана», стр. 65.

3) ZN II, 554.

4) Ibid. II, 32 и 186; также Тексты по ист Ср. А., I, 195.

5) Ибн-Арабшахъ, стр. 228. Извѣстно мѣстоположеніе Шираза, Димишка и Мисра; ср. В. Вяткинъ, Матеріалы къ исторической географіи Самаркандскаго вилайета (Справ. кн. Самарк. обл., вып. VII), указатель. Султанія упоминается у Ибн-Арабшаха (стр. 210) въ разсказѣ о событіяхъ 1409 г., какъ селеніе къ сѣверу отъ Самарканда; у Абд-ар-Реззака (л. 180а) вмѣсто этого названъ Ширазъ.

6) ZN I, 799.

7) Ибн-Арабшахъ, стр. 229. О шейх-ал-исламахъ см. ниже, въ эпоху Улугбека.

8) Фасихъ, л. 393а: از نرد وشطرنج باختن توبه فرمودند. Въ ZN II, 654 только объ отказѣ отъ منكرات ومعاصى.

9) Рук. Публ. Библ. Dorn 290, л. 289а: اعتمادى كه آن حضرت‌را بر اهل خراسان بودى بر هيچ قوم نبود.

10) Абд-ар-Реззакъ, л. 78б: كدام طوفان ازين صعبتر تواند بود وچه فتنه ازان هايل‌تر.

3.

Дѣтство Улугбека.

Внукъ Тимура, старшій сынъ Шахруха родился въ воскресенье 22 марта 1394 г. (19 джумада I 796)[1]) въ Султаніи, во время второго («пятилѣтняго») изъ большихъ походовъ Тимура на Иранъ и переднеазіатскія области. Во время этихъ походовъ Тимуръ часто оставлялъ въ Султаніи свой «угрукъ»[2]) (обозъ), при которомъ находились также его жены, кромѣ сопровождавшихъ государя; такъ было и въ 1393—4 г., когда «угрукъ» пробылъ въ Султаніи 11 мѣсяцевъ[3]). Во время этой стоянки разрѣшилась отъ бремени жена семнадцатилѣтняго Шахруха, Гаухаръ-Шадъ-Ага, дочь одного изъ представителей джагатайской знати, Гіяс-ад-динъ-тархана[5]), предокъ котораго Кышлыкъ спасъ жизнь Чингизъ-хану[5]). Двѣ другихъ дочери того же Гіяс-ад-дина съ 1392 г. были замужемъ за сыновьями Омаръ-шейха[6]). Шахрухъ былъ женатъ еще съ 1388 г.[7]), но неизвѣстно, была ли первой женой его Гаухаръ-Шадъ. При жизни Тимура эта жена Шахруха, которой было суждено играть выдающуюся роль въ царствованіе своего мужа, почти не упоминается[8]).

Военныя дѣйствія въ это время происходили въ Месопотаміи; въ четвергъ 16 апрѣля Тимуру сдался городъ Мардинъ; на слѣдующій день прибылъ гонецъ (*элчи*) отъ царицы Сарай-Мулькъ-ханумъ изъ Султаніи съ извѣстіемъ о счастливомъ событіи. Въ ознаменованіе его Тимуръ оказалъ пощаду населенію завоеваннаго города и даже освободилъ его отъ уплаты условленной контрибуціи.

Новорожденному были даны имена Мухаммедъ-Тарагай[9]), но еще при

---

1) Дата въ ZN I, 679.

2) Пишется въ ZN اغرق; произношеніе указано въ словарѣ Ценкера s. v. اوقروق; въ словарѣ Радлова нѣтъ. По Ценкеру слово اوقروق было синонимомъ слова اوردو «лагерь»; но изъ многихъ мѣстъ видно, что подъ «угрукомъ» надо понимать не лагерь войска во время похода, но оставлявшійся въ тылу тяжелый обозъ (ср. примѣры употребленія этого слова у Катрмера, Hist. des Mongols, p. 98 сл.).

3) ZN I, 630 и 689 сл.

4) Въ 827 (1424) г. умеръ братъ Гаухаръ-Шадъ Хасанъ (или Хусейнъ)-Суфи-тарханъ (Фасихъ, л. 417a и Абд-ар-Реззакъ, л. 230a); въ ZN I, 558 (гдѣ حسين) онъ упоминается въ разсказѣ о событіяхъ 1392 г., какъ сынъ Гіяс-ад-дина.

5) ZN I, 238 (внизу). О Кышлыкѣ см. Труды вост. отд. И. Р. Арх. Общ., XIII, стр. 131 (переводъ текста Рашид-ад-дина; текстъ тамъ-же, стр. 211).

6) ZN I, 560.

7) Ibid. 460.

8) Примѣръ ZN II, 210.

9) Объ этомъ говорятъ Фасихъ (л. 389a) и Хондемиръ (Хабиб-ас-сіяръ, III, 214), см. также Sédillot въ Prolégomènes, p. CXXV.

жизни Тимура эти имена были совершенно вытѣснены прозваніемъ *Улугъ-бегъ*, собств. «великій князь»[1]). Слово «бегъ» или (неправильно) «бекъ», какъ мы видѣли, употреблялось въ государствѣ Тимура турками въ томъ же значеніи, какъ персами — слово «эмиръ»; «бегомъ» называли самого Тимура. Въ персидскихъ историческихъ сочиненіяхъ иногда приводятся рѣчи джагатайскихъ военачальниковъ о Тимурѣ, при чемъ послѣдній называется «великимъ эмиромъ»[2]); если эти слова, дѣйствительно, являются переводомъ турецкаго термина, то такимъ могли быть только слова *улугъ бегъ*[3]). Почему старшему сыну Шахруха былъ данъ титулъ, который, казалось бы, могъ носить только самъ Тимуръ, и почему этотъ титулъ еще въ младенческомъ возрастѣ замѣнилъ ему личное имя, объ этомъ мы не имѣемъ извѣстій.

Шереф-ад-динъ-Іезди о дѣтствѣ Улугбека говоритъ менѣе подробно, чѣмъ о дѣтствѣ родившагося въ томъ же году (очевидно, отъ другой матери) брата его Ибрагима, въ удѣлѣ котораго Шереф-ад-динъ писалъ свой трудъ. Въ разсказѣ о рожденіи Ибрагима[4]) приводятся имена его атабега (воспитателя), назначеннаго тотчасъ послѣ рожденія царевича[5]), и его кормилицы, жены атабега. Объ Улугбекѣ исторія Тимура такихъ подробностей не сообщаетъ; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчается его имя, вмѣстѣ съ тѣмъ упоминается царица Сарай-Мулькъ-ханумъ, попеченію которой онъ, очевидно, былъ ввѣренъ, какъ его братъ Ибрагимъ — попеченію царицы Туманъ-Ага. Еще въ маѣ 1394 г. царицы съ дѣтьми и «угрукомъ» вызвали къ Тимуру въ Арменію и Закавказье, гдѣ родился Ибрагимъ; въ сентябрѣ онѣ вернулись въ Султанію, откуда нѣкоторое время спустя были вызваны къ Тимуру[6]); весной 1395 г. обѣ царицы съ дѣтьми были отправлены въ Самаркандъ[7]), гдѣ еще съ осени 1394 г. находился Шахрухъ[8]); въ 1396 г. всѣ вмѣстѣ въ Хузарѣ встрѣчали Тимура, возвращавшагося изъ «пятилѣтняго» похода[9]). Во время индійскаго похода Сарай-Мулькъ-ханумъ и Улугбекъ сопровождали Тимура только до Кабула; изъ окрестно-

---

1) Извѣстно, что словами «улугъ бегъ» переводился и титулъ русскаго великаго князя (ср. мою статью въ ИАН. 1914 г., стр. 365).

2) Ср. выраженіе امیر بزرك روح («духъ великаго эмира») у Абд-ар-Реззака, л. 207 а (разсказъ объ эмирѣ, обратившемся съ просьбой къ Улугбеку) и постоянно встрѣчающееся у Мусеви (см. напр. текстъ въ ИАН. 1915, стр. 1369) выраженіе امیر کبیر.

3) Ср. выраженіе بیکلار اولوغی (не относящееся къ Тимуру) въ словахъ турецкаго автора у Rieu, Turkish Manuscripts, p. 270 a.

4) ZN I, 709 и слѣд.

5) Ibid. 725. Однако, этотъ эмиръ уже въ 1395 г. былъ казненъ Тимуромъ (ibid. 764).

6) ZN I, 688 и сл., 728, 733 и сл.

7) Ibid. 735.

8) Ibid. 726.

9) Ibid. 794.

стей Кабула Тимуръ въ августѣ 1398 г. отправилъ ихъ обратно въ Самаркандъ[1]). Гіяс-ад-динъ Али прибавляетъ къ этому, что Тимуру было трудно разстаться съ любимымъ внукомъ, но онъ боялся, что жаркій климатъ Индіи вредно отзовется на здоровіи младенца[2]). Въ воскресенье 30 марта 1399 г. царицы и царевичи, въ томъ числѣ и пятилѣтній Улугбекъ, встрѣчали на берегу Аму-дарьи возвращавшагося изъ Индіи завоевателя[3]). Во время «семилѣтняго» похода 1399—1404 гг. царица и ея воспитанникъ по обыкновенію находились при «угрукѣ». Любимымъ мѣстомъ зимовки Тимура былъ Карабагъ въ нынѣшней Елисаветпольской губерніи; здѣсь Тимуръ, вызвавъ къ себѣ «угрукъ», проводилъ зиму 1399—1400, 1401—2 и 1403—4 гг.[4]); въ 1400—01 и 1402—03 гг. царицы и царевичи долгое время жили въ Султаніи[5]). Въ 1403 г. Улугбекъ, Ибрагимъ и нѣкоторые другіе царевичи встрѣтили Тимура въ Эрзерумѣ[6]); повидимому, это былъ самый западный пунктъ, до котораго Улугбекъ вообще доходилъ въ своей жизни. Въ 1404 г. царицы и царевичи были отправлены изъ окрестностей Фирузкуха въ Самаркандъ[7]), незадолго до возвращенія туда самого Тимура.

Къ зимовкамъ въ Карабагѣ[8]) относится разсказъ, приведенный Даулетшахомъ въ доказательство удивительной памяти Улугбека. Въ Карабагѣ товарищемъ дѣтскихъ игръ Улугбека былъ племянникъ (сынъ сестры) лица, занимавшаго при дворѣ Тимура должность «чтеца разсказовъ». Въ 1448 г. этотъ товарищъ, ставшій шейхомъ Арифомъ Азери, въ одеждѣ дервиша привѣтствовалъ Улугбека въ Хорасанѣ; тотъ послѣ первыхъ словъ узналъ его, спросилъ: «Не сынъ ли ты сестры нашего чтеца разсказовъ?» и началъ вспоминать съ нимъ событія того времени[9]).

Пребываніе въ Карабагѣ и другихъ западныхъ областяхъ осталось для Улугбека воспоминаніемъ ранняго дѣтства; начиная со второго десятилѣтія его жизни, ему уже не пришлось бывать въ мѣстностяхъ западнѣе Астрабада. Такимъ же воспоминаніемъ дѣтства, которому не суждено было повториться, остались для него блестящіе пиры, происходившіе осенью 1404 г., послѣ возвращенія Тимура, въ окрестностяхъ Самарканда, когда мальчикъ при дворѣ своего дѣда могъ видѣть въ одно и то же время пословъ

1) Ibid. II, 38 сл.

2) Тексты по исторіи Средней Азіи, I, 52.

3) ZN II, 189. Тексты по ист. Ср. А., I, 198 сл.

4) ZN II, 215 и сл., 381, 557 и сл.

5) Ibid. 263, 352, 399, 505.

6) Ibid. 507.

7) Ibid. 579.

8) У Даулетшаха приводится невѣрная дата — 800 (1397—8) г. Въ это время Тимуръ былъ въ Мавераннахрѣ.

9) Даулетшахъ, стр. 363.

изъ Испаніи и пословъ изъ Китая. Какъ мы знаемъ изъ разсказа Клавихо, обязанность малолѣтнихъ внуковъ Тимура при пріемѣ посольствъ заключалась въ томъ, чтобы принять изъ рукъ пословъ грамоту ихъ государя, отнести ее къ Тимуру и вести къ престолу Тимура самихъ пословъ[1]).

Клавихо не упоминаетъ о томъ, что Тимуръ съ празднованіемъ своихъ побѣдъ соединилъ также празднованіе свадьбы пяти своихъ внуковъ, которымъ было тогда отъ 17 до 9 лѣтъ[2]); въ числѣ ихъ былъ и десятилѣтній Улугбекъ; его невѣстой была его двоюродная племянница, дочь Мухаммедъ-Султана, Өгэ-бегӯмъ[3]) (или Өгэ-бики); о ея возрастѣ свѣдѣній нѣтъ. Шереф-ад-динъ подробно описываетъ свадебное торжество; говорится[4]) о хутбѣ шейха Шемс-ад-дина Мухаммеда ибн-ал-Джезери, сирійскаго ученаго, жившаго въ Брусѣ, въ государствѣ османскаго султана Баязида, и въ 1402 г. взятаго въ плѣнъ войсками Тимура[5]); главный казій Самарканда Салах-ад-динъ предложилъ вопросы (о согласіи на бракъ) и принялъ отвѣты. Послѣ окончанія религіозной церемоніи, свадьба была отпразднована пиромъ, согласно монгольскимъ обычаямъ, при чемъ подавались чаши съ виномъ, кумысомъ и другими напитками[6]). Историкъ увѣряетъ, будто между молодыми въ слѣдующую ночь начались брачныя отношенія и будто Тимуръ на другой день посѣтилъ ихъ въ ихъ жилищахъ[7]); это, конечно, мало вѣроятно. Изъ дальнѣйшихъ событій видно, что Улугбекъ и его братъ Ибрагимъ (также находившійся въ числѣ пяти царевичей) оставались и послѣ свадьбы подъ надзоромъ своихъ воспитательницъ, съ которыми разстались только послѣ смерти Тимура.

Клавихо, покинувшій Самаркандъ въ пятницу 21 ноября 1404 г.[8]), ничего не говоритъ о военныхъ приготовленіяхъ Тимура и о его послѣднемъ походѣ, несмотря на то, что Тимуръ уже черезъ 6 дней послѣ отъѣзда испанскаго посольства, въ четвергъ 27 ноября[9]), выступилъ изъ Самарканда. По представленію Клавихо, Тимуръ послѣ возвращенія изъ «семилѣтняго» похода оставался въ Самаркандѣ и тамъ умеръ[10]). Передъ

1) Клавихо, стр. 248 и сл.

2) О свадьбѣ ZN II, 614 и сл.; о возрастѣ упомянутыхъ тамъ царевичей ibid. 734 и сл.

3) О ней см. ниже, въ разсказѣ о событіяхъ послѣ смерти Тимура.

4) ZN II, 615.

5) Ibid. 452 и 458, по Фасиху (л. 391 б) онъ былъ увезенъ изъ Кутахіи. О немъ см. еще Ибн-Арабшахъ, стр. 229 (гдѣ по ошибкѣ ابن الجوزى) и C. Brockelmann, Geschichte der Arab. Litt., II, 201.

6) ZN II, 617. Описаніе пира нуждается въ подробномъ изслѣдованіи и объясненіи терминовъ; среди послѣднихъ есть такіе, которые не объясняются въ словаряхъ; ср., напр., выраженіе: مراسم قوش وقارو بتقديم پيوست.

7) Ibid. 624.

8) Клавихо, стр. 344.

9) Дата въ ZN II, 636 и сл.; Фасихъ, л. 393 а.

10) Клавихо, стр. 361.

отъѣздомъ испанцы слышали отъ людей, «знавшихъ это навѣрное», что Тимуръ лежитъ больной, уже лишился языка и находится при смерти; послы полагали, что ихъ отъѣздъ ускорили для того, чтобы они не могли узнать о смерти Тимура и разсказывать объ этомъ событіи въ тѣхъ областяхъ, черезъ которыя имъ предстояло проѣхать[1]). Въ дѣйствительности Тимуръ въ то время готовился къ выполненію давно задуманнаго имъ грандіознаго предпріятія — похода на Китай.

Въ Китаѣ въ 1368 г., за два года до воцаренія Тимура, совершился переворотъ; монгольская династія должна была покинуть Китай, и воцарилась національная династія Минъ; столица изъ Пекина («Ханбалыка», т. е. ханскаго города мусульманскихъ и европейскихъ авторовъ) была перенесена въ Нанкинъ. Между Средней Азіей и Китаемъ существовала оживленная караванная торговля; пути въ Китай довольно подробно описываются Шереф-ад-диномъ[2]). О политическихъ сношеніяхъ между Тимуромъ и первымъ императоромъ Минской династіи сообщаются свѣдѣнія какъ въ исторіи Тимура, такъ и въ исторіи этой династіи, при чемъ свѣдѣнія второго источника болѣе подробны[3]). Говорится о прибытіи въ Китай посольства отъ Тимура въ 1387 г.; имя посла было мауляна Хафизъ; посольство представило въ видѣ «дани» 15 коней и двухъ верблюдовъ; кони и верблюды послѣ этого присылались въ качествѣ дани ежегодно. Въ 1392 г. къ обычной дани были присоединены куски матеріи; при отъѣздѣ этого посольства съ нимъ были отправлены въ Самаркандъ болѣе 1200 человѣкъ изъ числа мусульманъ, поселившихся въ провинціи Гань-су при монголахъ. Въ 1394 г. Тимуръ прислалъ въ Китай 200 коней; при этомъ въ первый разъ приводится, въ китайскомъ переводѣ, текстъ грамоты Тимура на имя китайскаго императора. Послѣдній «одобрилъ стиль» грамоты. Одинъ разъ (не сказано, въ которомъ году) количество присланныхъ Тимуромъ коней доходило до 1000. Китайцы въ отвѣтъ на эти дары посылали драгоцѣнные камни и бумажныя деньги (послѣднія, очевидно, расходовались въ самомъ Китаѣ). Посольство изъ Китая къ Тимуру впервые, насколько извѣстно, было отправлено въ 1395 г.; приводятся имена пословъ Ань-чжи-дао и Го-цзи[4]); посольство прибыло въ Самаркандъ не черезъ Кашгаръ и Фергану, но черезъ Семирѣчье; этому посольству было суждено вернуться въ Китай только послѣ смерти Тимура.

Изъ исторіи Тимура мы знаемъ, что посольство было принято имъ только въ концѣ 1397 г., во время его зимовки на берегу Сыръ-дарьи;

---

1) Ibid. 323.
2) ZN II, 219 и слѣд.
3) E. Bretschneider, Mediaeval researches, II, 258—261.
4) Имя его ibid. 278.

при этомъ говорится, что послы поднесли много подарковъ, удостоились царскихъ милостей и получили позволеніе удалиться[1]); если бы мы не имѣли китайскаго извѣстія о задержаніи посольства, то эти слова, конечно, были бы поняты въ томъ смыслѣ, что послы уѣхали обратно въ Китай. Китайскій императоръ въ этихъ и другихъ мѣстахъ исторіи Тимура носитъ насмѣшливое прозваніе Тонгузъ-ханъ, т. е. «царь-свинья»; о томъ, какъ появилось это прозваніе, извѣстій нѣтъ; объясненіе, приведенное у Клавихо, не подтверждается другими источниками[2]). При Шахрухѣ и Улугбекѣ, когда отношенія къ Китаю вновь стали дружественными, насмѣшливое прозваніе больше не употреблялось.

Задержаніе посольства, конечно, было недружелюбнымъ дѣйствіемъ; и дѣйствительно, уже въ разсказѣ о событіяхъ 1398 г. говорится о намѣреніи Тимура итти на Китай и истребить «идолопоклонниковъ»[3]). Тимуру, очевидно, было извѣстно, что послѣ изгнанія монголовъ и воцаренія національной династіи Минъ положеніе мусульманъ въ Китаѣ измѣнилось; о враждѣ основателя династіи къ исламу передавались преувеличенныя извѣстія; по случаю извѣстія о смерти китайскаго императора, полученнаго Тимуромъ въ концѣ 1399 г.[4]), во время зимовки въ Карабагѣ, говорится, что онъ однажды по ничтожному поводу велѣлъ перебить 100.000 мусульманъ и совершенно уничтожилъ исламъ въ своихъ владѣніяхъ[5]). Изъ разсказовъ Клавихо[6]) и китайцевъ видно также, что происходили споры о дани, которой требовалъ китайскій императоръ. Неизвѣстно, существовало ли у Тимура кромѣ того намѣреніе возстановить въ Китаѣ господство монголовъ. Мы знаемъ только, что у Тимура были сношенія съ монгольскими чингизидами, но разсказы источниковъ объ этихъ сношеніяхъ скудны и несвободны отъ противорѣчій. Изъ сопоставленія монгольскихъ извѣстій съ нѣкоторыми мусульманскими можно сдѣлать выводъ, что при дворѣ Тимура жилъ бѣжавшій изъ Мон-

---

1) ZN II, 11.

2) Клавихо, стр. 253. «Чуйсханъ» Клавихо есть, очевидно, искаженное «Токузъ-ханъ» = «царь девяти» (царствъ); но кромѣ Клавихо ни одинъ авторъ не упоминаетъ о такомъ титулѣ. У анонима Искендера глава о монгольскихъ императорахъ въ Китаѣ кончается фантастическимъ разсказомъ объ убіеніи въ 775 г. (1373—4) императора ايسن بوقا мятежникомъ تويغور изъ китайскихъ уйгуровъ; авторъ прибавляетъ (л. 237б): نتمّة اين قضيّه در ذيل جلوس تويغور (sic) خان مشروح كفته شود انشا الله تعالى; но обѣщаннаго разсказа въ рукописи нѣтъ.

3) ZN II, 15; Низам-ад-динъ, л. 123б. Тексты по исторіи Ср. Азіи, I, 45.

4) Самое событіе совершилось въ 1398 г. Ср. C. Arendt въ Mitt. des Seminars fur Orient. Spr. IV, Ostas. Stud., S 164.

5) Низам-ад-динъ, л. 156а: نوبتى بغرض سهل صد هزار مسلمانرا بقتل آورده واسلامرا بكلّى در آن مملكت مدروس كردانيده. Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ ZN (II, 217) объ истребленіи мусульманъ не говорится; у Абд-ар-Реззака (л. 123б) это извѣстіе есть.

6) Клавихо, стр. 253 и 331.

голіи ханъ Улчжэй-Тэмуръ, послѣ смерти Тимура вернувшійся въ свои владѣнія и вскорѣ послѣ этого убитый своими подданными [1]). Ничего не говорится, однако, о намѣреніи Тимура сдѣлать этого хана китайскимъ императоромъ и низложить Минскую династію; неизвѣстно даже, былъ ли ханъ при войскѣ Тимура во время похода на Китай [2]). Шереф-ад-динъ даже приписываетъ путешествіе къ Тимуру и возвращеніе въ Монголію другому лицу, Тайзи-оглану, преемнику Улчжэй-Тэмура. По разсказу Шереф-ад-дина, Тайзи-огланъ прибылъ къ Тимуру въ 1398 г. въ Кабулъ; передъ этимъ онъ «возмутился противъ каана (монгольскаго хана) и бѣжалъ отъ калмыковъ» [3]). Источники Шереф-ад-дина въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ тоже упоминаютъ о прибытіи Тайзи-оглана, но называютъ его только посломъ, прибывшимъ изъ Китая [4]). По словамъ Шереф-ад-дина, Тайзи-огланъ въ 1404 г. былъ съ Тимуромъ въ Самаркандѣ [5]), въ началѣ 1405 г. въ Отрарѣ [6]); но предназначалась ли ему какая нибудь роль въ китайскомъ походѣ, изъ разсказа Шереф-ад-дина не видно; не говорится также, когда и при какихъ условіяхъ онъ покинулъ джагатайское войско. Въ главѣ о монгольскихъ императорахъ въ Китаѣ Шереф-ад-динъ говоритъ только, что Тайзи-огланъ (принявшій исламъ) послѣ смерти Тимура бѣжалъ къ калмыкамъ и сдѣлался ханомъ, но черезъ нѣсколько дней былъ убитъ.

Изъ политическихъ плановъ Тимура, связанныхъ съ его послѣднимъ походомъ, намъ извѣстно только, что имъ было задумано основаніе двухъ новыхъ удѣловъ, въ которые должны были войти всѣ области къ востоку отъ Мавераннахра до границъ Китая. До тѣхъ поръ завоевательныя дѣйствія Тимура были направлены исключительно въ сторону Передней Азіи; противъ восточныхъ сосѣдей Мавераннахра, моголовъ, предпринимались только набѣги; Фергана, находившаяся сначала подъ властью Омаръ-шейха, потомъ подъ властью его сына Искендера, оставалась пограничнымъ удѣломъ. Вторженія самого Тимура въ Моголистанъ [7]) совершались не черезъ Фергану и Китайскій Туркестанъ, но болѣе сѣвернымъ путемъ, черезъ Сыръ-дарьинскую область и Семирѣчье; тотъ же путь Тимуръ предполагалъ избрать и для похода на Китай. Съ этой цѣлью было рѣшено выдвинуть

1) Міръ Ислама, I, 68; тамъ-же ссылки на источники.

2) По словамъ Хондемира (حبيب السير, III, 18) въ приписанномъ Улугбеку историческомъ трудѣ (о немъ см. ниже) было сказано, что Улчжэй-Тэмуръ послѣ смерти Тимура «отправился въ великій юртъ и сѣлъ на престолъ» (وبعد از فوت آنحضرت بالغ [يورت] رفته بر مسند قاآنی نشست).

3) ZN II, 34.

4) Тексты по ист. Ср. А., I, 56 сл.

5) ZN II, 601.

6) Ibid. 648.

7) Подробности о нихъ въ моемъ «Очеркѣ исторіи Семирѣчья», отд. отт., стр. 71 сл.

впередъ границу по направленію къ востоку и возстановить земледѣльческую культуру въ мѣстности, гдѣ она пришла въ упадокъ во время смутъ XIV в. Еще зимой 1397—8 г. Тимуръ поручилъ своему наслѣднику Мухаммедъ-Султану выстроить пограничное укрѣпленіе на Ашпарѣ (нынѣ пограничная рѣчка между Сыръ-дарьинской областью и Семирѣчьемъ) и возстановить тамъ земледѣліе; Мухаммедъ-Султану было дано войско въ 40.000 человѣкъ[1]). Впослѣдствіи пограничное укрѣпленіе было устроено еще дальше къ востоку, на Иссыкъ-кулѣ[2]). Мухаммедъ-Султанъ еще въ 1399 г. предполагалъ воспользоваться этой пограничной линіей для дѣйствій противъ моголовъ; его предупредилъ Искендеръ и совершилъ изъ Ферганы побѣдоносное вторженіе въ Китайскій Туркестанъ, при чемъ привлекъ къ участію въ этомъ походѣ начальниковъ отряда, стоявшаго въ Ашпарѣ; эти самовольныя дѣйствія Искендера[3]) были одной изъ причинъ того столкновенія между обоими царевичами, о которомъ была рѣчь выше. Послѣ отъѣзда Мухаммедъ-Султана и Искендера на западъ ни въ Ферганѣ, ни на сѣверо-восточной границѣ Мавераннахра нѣкоторое время не было царевичей; въ 1402 г. въ Самаркандъ и «на границу Туркестана» былъ посланъ Халиль-Султанъ[4]); въ 1404 г., передъ выступленіемъ изъ Самарканда, Тимуръ рѣшилъ отдать пограничные удѣлы малолѣтнимъ сыновьямъ Шахруха. Улугбекъ получилъ Ташкентъ, Сайрамъ, Яны (теперь Ауліе-ата), Ашпару и весь Моголистанъ до Китая; Ибрагимъ — Фергану съ Кашгаромъ и Хотаномъ[5]). Царевичи, однако, не были отправлены въ назначенные имъ удѣлы и оставались въ ставкѣ своего дѣда.

Тимуръ, конечно, зналъ, что моголы не подчинятся его внукамъ добро-

---

1) ZN II, 12; Низам-ад-динъ, л. 123б, гдѣ изложеніе гораздо короче, но яснѣе указывается связь порученія, даннаго царевичу, съ планомъ похода на Китай; ср. Тексты по ист. Ср. А., I, 45.

2) «Крѣпость Иссыкъ-куль, построенную Тимуромъ», посѣтилъ въ 1425 г Улугбекъ въ концѣ своего похода (см. текстъ въ приложеніи).

3) ZN II, 218 и 221.

4) ZN II, 448. Анонимъ Искендера (рук. Аз. Муз. 566 bc, л. 297а) говоритъ, что одновременно съ отправленіемъ Омара въ Самаркандъ (въ 1401 г.) находившійся тамъ Халиль-Султанъ получилъ приказаніе отправиться въ Моголистанъ (وخليل كه در آنجا بود بمحافظت سرحد مغولستان رود); но по ZN (II, 320, 346, 385 и 387) Халиль-Султанъ въ 1401 г. принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Сиріи и Ираке Арабскомъ, въ 1402 г. въ Грузіи и Малой Азіи (ibid. 404, 424 и 433); въ Самаркандъ онъ былъ посланъ послѣ битвы при Ангорѣ. Объ отправленіи Омара въ Самаркандъ кромѣ анонима Искендера говоритъ Мусеви (текстъ въ ИАН. 1915, стр. 1369); изъ ZN только видно что Омаръ въ 1401 г. былъ въ Самаркандѣ, такъ какъ посланный туда въ это время эмиръ Тимуръ-Ходжа вмѣстѣ съ другими эмирами долженъ былъ находиться при мирзѣ Омарѣ (ZN II, 380).

5) ZN II, 633. Между словами اخسی‌کنت и کاشغر вставлено слово طراز — очевидно, по ошибкѣ, такъ какъ этотъ городъ, какъ извѣстно, былъ на мѣстѣ Ауліе-ата и тождественъ съ ينكى.

вольно и что собранной имъ двухсоттысячной арміи[1]) до вторженія въ Китай придется сражаться въ Средней Азіи. О планѣ похода мы можемъ судить только по распредѣленію военныхъ силъ. Главныя силы, повидимому, были сосредоточены на правомъ крылѣ, зимовавшемъ въ Шахрухіи, Ташкентѣ и Сайрамѣ; изъ царевичей при этой арміи находились Халиль-Султанъ, сынъ Мираншаха, и Ахмедъ, сынъ Омаръ-шейха. Лѣвое крыло, подъ начальствомъ внука Тимура (сына его дочери) Султанъ-Хусейна, занимало Ясы (нынѣ Туркестанъ) и Сауранъ[2]); самъ Тимуръ съ центромъ арміи большую часть декабря провелъ въ Аксулатѣ, отгуда 25 дек.[3]) двинулся къ Отрару, куда прибылъ въ среду 12-го реджеба (14 января 1405 г.)[4]). О сосредоточеніи военныхъ отрядовъ въ Ферганѣ ничего не говорится; нѣтъ также свѣдѣній о численности отрядовъ, стоявшихъ въ Ашпарѣ и на Иссыкъ-кулѣ.

Зима 1404—5 г. была одна изъ самыхъ холодныхъ, какія вообще бываютъ въ Туркестанѣ; съ декабря до февраля всѣ переправы на Амударьѣ и Сыръ-дарьѣ оставались покрытыми льдомъ[5]). Несмотря на свою дряхлость, Тимуръ бодро переносилъ трудности зимняго похода и не ожидалъ близкаго конца; принимая въ Отрарѣ посла хана Тохтамыша, бѣжавшаго изъ Золотой Орды, онъ обѣщалъ ему, что послѣ окончанія войны съ Китаемъ вновь совершитъ походъ на Золотую Орду и вернетъ Тохтамышу престолъ[6]). Непосредственной причиной болѣзни и смерти Тимура, повидимому, было неумѣренное употребленіе вина, которымъ онъ старался согрѣться.

Событіе, послѣдовавшее въ среду 18 февраля 1405 г.[8]), имѣло рѣшающее вліяніе на судьбу основанной Тимуромъ имперіи. Въ разсказахъ о ходжѣ Ахрарѣ, родившемся въ 1404 г. въ горномъ селеніи Багустанъ, между прочимъ говорится о пиршествѣ, устроенномъ въ 1405 г. его родителями; среди пира пришла вѣсть о смерти Тимура и вызвала такой переполохъ, что гости бросили котлы съ пищей и бѣжали въ горы[9]). Фактическая достовѣрность этого разсказа, конечно, сомнительна; но имъ, по всей вѣроятности, правильно передается настроеніе жителей Мавераннахра въ

1) ZN II, 635 внизу.

2) Ibid. 636.

3) Дата у Фасиха, л. 393а (четвергъ 21 джумада II).

4) ZN II, 646. По Фасиху (l. c.) въ понед. (sic) 7-го.

5) Ibid.

6) ZN II, 648.

7) Ср. ЗВО. XVIII, 0141; также статью Л. А. Зимина «Подробности смерти Тимура» въ Проток. Турк. Кружка люб. арх., XIX, 37 сл.

8) О датѣ см. ЗВО. XXIII, 20.

9) شجعات, рук. унив., л. 131б; рук. Аз. Муз., л. 163б; ташк. литогр. изд., стр. 234; статья В. Л. Вяткина въ Турк. Вѣд. 1904 г. № 147.

февралѣ и мартѣ 1405 г., до рѣшенія спора о престолонаслѣдіи. Послѣ смерти Тимура мы не видимъ такого подчиненія волѣ умершаго властителя, какъ послѣ смерти Чингизъ-хана [1]). Было извѣстно, что Тимуръ назначилъ своимъ наслѣдникомъ Пиръ-Мухаммеда; тѣмъ не менѣе послѣ полученія извѣстія о смерти Тимура никто не призналъ этого наслѣдника государемъ и не сталъ чеканить монету отъ его имени; каждый изъ бывшихъ удѣльныхъ князей какъ въ хутбѣ, такъ и на монетахъ замѣнилъ имя Тимура своимъ собственнымъ; такъ поступилъ и Шахрухъ, получившій извѣстіе о смерти Тимура 1-го марта [2]). За Пиръ-Мухаммеда не стояли даже начальники арміи, находившейся въ Отрарѣ, эмиры Шахъ-Меликъ и Шейхъ-Нур-ад-динъ, только что давшіе Тимуру обѣщаніе, что свято исполнятъ его волю. Отправляя въ Самаркандъ женъ Тимура съ малолѣтними царевичами, они совѣтовали имъ сдать столицу Шахруху, чтобы скорѣе положить конецъ междуцарствію, такъ какъ прибытія Пиръ-Мухаммеда изъ Кандагара нельзя было ожидать въ скоромъ времени [3]). Предполагалось на нѣкоторое время скрыть смерть Тимура (тѣло было отправлено въ Самаркандъ тайно) и продолжать походъ; изъ Отрара войско двинулось къ селенію, находившемуся въ пяти фарсахахъ отъ него по направленію къ востоку [4]), гдѣ съ центромъ должны были соединиться правое и лѣвое крыло. По словамъ Шереф-ад-дина, эмиры хотѣли вернуться въ Самаркандъ только послѣ завоеванія и опустошенія Китая [5]); изъ словъ источника Шереф-ад-дина, апонима Шахруха, видно, однако, что предполагалось осуществить только ближайшую цѣль похода — нанести ударъ моголамъ [6]) и, вѣроятно, ввести сыновей Шахруха во владѣніе областями, предназначавшимися имъ при Тимурѣ. Театромъ военныхъ дѣйствій прежде всего должны были сдѣлаться будущія владѣнія Улугбека; между тѣмъ Улугбекъ, по неизвѣстной причинѣ, былъ отправленъ съ женами Тимура въ Самаркандъ, тогда какъ его братъ Ибрагимъ-Султанъ былъ оставленъ при войскѣ. Съ этимъ царевичемъ войско двинулось къ востоку; послѣ соединенія всѣхъ отрядовъ предполагалось поручить главное начальство Халиль-Султану.

Несмотря на попытки скрыть смерть Тимура, слухи объ этомъ событіи дошли до праваго и лѣваго крыла еще раньше, чѣмъ посланные

---

1) Туркестанъ въ эпоху монг. наш., II, 499.

2) 28-го ша'бана; одинаковая дата у Хафизи-Абру (рук. Ind. Off., л. 30 б) и у Фасиха (л. 393 а).

3) ZN II, 675 сл.; анонимъ Шахруха, л. 21 б сл.; ср. ЗВО. XXIII, 21, пр. 1.

4) Названіе селенія въ ZN II, 679 جوكلك, у анонима Шахруха, л. 23 а جكلك; вѣроятно, имѣется въ виду Чиликъ нашихъ картъ. Джулекъ находится отъ Оррара гора здо дальше и въ другомъ направленіи.

5) ZN II, 674.

6) Анонимъ Шахруха, л. 20 б; ср. ЗВО. XXIII, 21, пр. 2.

изъ Отрара гонцы; царевичи, стоявшіе во главѣ обѣихъ армій, вмѣсто продолженія похода тотчасъ рѣшили воспользоваться находившимися подъ ихъ начальствомъ военными силами въ предстоявшей борьбѣ за власть. Султанъ-Хусейнъ, очевидно, не имѣя возможности привлечь на свою сторону всѣ войска лѣваго крыла, покинулъ ввѣренную ему армію и съ отрядомъ всего въ 1000 человѣкъ поспѣшилъ къ Самарканду[1]); войска послѣ отъѣзда царевича, повидимому, разошлись[2]). Получивъ извѣстіе объ этомъ, начальники центра рѣшили отмѣнить походъ и отправили гонцовъ съ такимъ извѣстіемъ къ царицамъ и въ Ташкентъ; царицы должны были остановиться въ томъ мѣстѣ, куда успѣли дойти, и ждать войска; правое крыло должно было выступить по направленію къ Самарканду и по пути, въ заранѣе опредѣленномъ мѣстѣ[3]), соединиться съ центромъ. Войска центра успѣли переправиться черезъ Сыръ-дарью по льду, тотчасъ же послѣ ихъ переправы сломавшемуся, и догнать ушедшихъ впередъ царицъ и малолѣтнихъ царевичей; тутъ пришло извѣстіе, что въ Ташкентѣ всѣ начальники отрядовъ праваго крыла, съ царевичемъ Ахмедомъ во главѣ, присягнули Халиль-Султану.

Халиль-Султанъ, сынъ Миранша, родившійся въ 1384 г., былъ, подобно Мухаммедъ-Султану, сыномъ «ханской дочери», подобно Улугбеку, воспитанникомъ царицы Сарай-Мулькъ-ханумъ[4]); воинскія доблести онъ успѣлъ выказать еще въ 1399 г. во время индійскаго похода; уже тогда говорили объ особенной любви Тимура къ этому внуку и о его великой будущности[5]). Извѣстія объ участіи его въ «семилѣтнемъ» походѣ на западъ и объ отправленіи его въ 1402 г. «на границу Туркестана» приведены выше[6]). Въ 1404 г. онъ вызвалъ гнѣвъ Тимура, женившись безъ его разрѣшенія на любимой женщинѣ[7]); тѣмъ не менѣе Тимуръ такъ высоко цѣнилъ этого царевича, что ввѣрилъ ему начальство надъ значительной арміей. Впослѣдствіи, послѣ своей побѣды надъ врагами, онъ выказалъ рѣдкое въ семьѣ Тимура великодушіе. Вопреки словамъ Шереф-ад-дина[8]), очень вѣроятно, что провозгласившіе Халиль-Султана государемъ дѣйствительно желали видѣть на престолѣ этого царевича, а не только руководились желаніемъ скорѣе положить конецъ смутамъ и спорамъ.

Присяга Халиль-Султану вызвала пререканія между начальниками

---

1) ZN II, 680.
2) Объ участіи ихъ въ дальнѣйшихъ событіяхъ свѣдѣній нѣтъ
3) Мѣсто ﺟَﻲ, ZN II, 682.
4) ZN I, 381.
5) Тексты по ист. Ср. А., I, 47 сл.
6) ZN II, 320 и 346.
7) ZN II, 640 сл.
8) ZN II, 721 сл.

центра и праваго крыла. Первые обвиняли вторыхъ въ нарушеніи воли Тимура; вторые отвѣтили, что готовы подчиниться этой волѣ и что присяга Халиль-Султану была только временной; въ Ташкентѣ даже была принесена присяга Пиръ-Мухаммеду; присяжный листъ (عهدنامه), къ которому приложилъ свою подпись и печать (خط وطغرا) самъ Халиль-Султанъ, былъ врученъ гонцу; гонецъ долженъ былъ отправиться съ этимъ листомъ къ Шейхъ-Нур-ад-дину и Шахъ-Мелику и послѣ этого «спѣшно» отвезти листъ самому Пиръ-Мухаммеду[1]). Шереф-ад-динъ называетъ всѣ эти дѣйствія сплошнымъ лицемѣріемъ; но изъ фактовъ, приведенныхъ имъ самимъ, можно заключить, что о правахъ Пиръ-Мухаммеда еще меньше заботились въ лагерѣ Шахъ-Мелика. Войска центра, повидимому, не послѣдовали примѣру войскъ праваго крыла и не присягнули Пиръ-Мухаммеду; посланный изъ Ташкента гонецъ былъ задержанъ въ лагерѣ Шахъ-Мелика и Шейхъ-Нур-ад-дина и еще въ мартѣ находился въ Бухарѣ[2]).

Цѣлью Шейхъ-Нур-ад-дина и Шахъ-Мелика было какъ можно скорѣе овладѣть столицей и въ то же время затруднить движеніе Халиля и его войска. Вторая цѣль была достигнута. Для переправы войска Халиль-Султана черезъ Сыръ-дарью былъ намѣченъ пунктъ выше Шахрухіи, гдѣ былъ мостъ изъ судовъ; войско должно было переправляться тремя группами: авангардъ подъ начальствомъ эмира Бурундука, главная часть съ Халиль-Султаномъ, арріергардъ подъ начальствомъ Худайдада Хусейни, бывшаго атабега Халиль-Султана, давно уже враждовавшаго со своимъ воспитанникомъ, которому часто дѣлалъ рѣзкіе упреки[3]). По соглашенію съ Шахъ-Меликомъ и Шейхъ-Нур-ад-диномъ, Бурундукъ послѣ переправы черезъ рѣку разрушилъ мостъ; Худайдадъ Хусейни со своимъ отрядомъ отдѣлился отъ Халиль-Султана и ушелъ въ Ачикъ-Паркентъ (آچیق فرکنت)[4]). Въ это время бывшій центръ арміи Тимура безпрепятственно двигался по направленію къ Самарканду; отъ Аксулата до перевала Курчукъ (قرچق)[5]) войско шло въ полномъ боевомъ порядкѣ, правое крыло съ Улугбекомъ подъ начальствомъ Шахъ-Мелика, лѣвое крыло съ Ибрагимъ-Султаномъ подъ начальствомъ Шейхъ-Нур-ад-дина[6]). Съ тѣхъ поръ Шахъ-Меликъ до 1411 г. оставался опекуномъ Улугбека; предназначалась ли эта должность ему еще при Тимурѣ, неизвѣстно.

---

1) Ibid. 693.

2) ZN II, 712.

3) Объ этомъ Ибн-Арабшахъ, стр. 187.

4) ZN II, 695 сл.

5) Упоминается также ZN I, 159. У В. Л. Вяткина (Матеріалы, стр. 64) Карджакъ. Выраженіе عقبة قرچق ZN II, 690 внизу.

6) ZN II, 689.

Шахъ-Меликъ и Шейхъ-Нур-ад-динъ [1]) не рѣшились привести войско къ стѣнамъ столицы безъ предварительныхъ переговоровъ съ начальниками города; у перевала Шахъ-Меликъ покинулъ войско и отправился въ Самаркандъ, гдѣ начальствовали эмиры Аргунъ-шахъ, оставленный тамъ Тимуромъ, и Ходжа-Юсуфъ, прибывшій туда съ тѣломъ Тимура изъ Отрара. Начальники рѣшительно отказались впустить Шахъ-Мелика; со стѣнъ ему былъ данъ отвѣтъ, что городъ будетъ сданъ только послѣ возведенія на престолъ законнаго наслѣдника. Съ такимъ отвѣтомъ Шахъ-Меликъ вернулся къ войску, занимавшему въ это время селеніе Аліябадъ [2]) на сѣверной сторонѣ Заряфшана. Было рѣшено сдѣлать еще попытку; во вторникъ 3-го марта [3]) для такихъ же переговоровъ, какъ прежде Шахъ-Меликъ, поѣхалъ въ Самаркандъ Шейхъ-Нур-ад-динъ; подъѣхавъ къ воротамъ, онъ попросилъ впустить для переговоровъ его одного, безъ всякихъ спутниковъ; но и въ этомъ ему было отказано. Послѣ этого рѣшили отправить въ Самаркандъ только царицъ съ царевичами, кромѣ сыновей Шахруха; Шахъ-Меликъ и Шейхъ-Нур-ад-динъ съ царевичами Улугбекомъ и Ибрагимъ-Султаномъ и съ казной Тимура, въ которой кромѣ денегъ и драгоцѣнностей были запасы одежды и оружія [4]), должны были отправиться въ Бухару и тамъ укрѣпиться; они были убѣждены, что не встрѣтятъ тамъ сопротивленія, такъ какъ въ Аліябадѣ къ нимъ присоединился Рустемъ, одинъ изъ начальниковъ измѣнившаго Халиль-Султану авангарда, братъ котораго начальствовалъ въ Бухарѣ [5]). Городъ по размѣрамъ не уступалъ Самарканду [6]). По словамъ Шереф-ад-дина, эмиры предполагали изъ Бухары отправиться къ Пиръ-Мухаммеду [7]); гораздо вѣроятнѣе, что изъ Бухары хотѣли вступить въ сношенія съ Шахрухомъ [8]).

Въ четвергъ 5-го марта [9]) войско выступило изъ Аліябада, и Улугбекъ навсегда долженъ былъ проститься со своей воспитательницей, отправившейся съ другими царицами въ Самаркандъ. На слѣдующій день войско было уже у Дабусіи [10]); сюда прибылъ посланецъ изъ Самарканда; ему было

---

1) О дальнѣйшемъ ZN II, 689 сл.

2) О немъ В. Л. Вяткинъ, Матеріалы, стр 64.

3) 1-го рамазана (ZN II, 691).

4) О казнѣ ZN II, 703 сл.

5) Объ этомъ ZN II, 711.

6) Анонимъ Шахруха, л. 39 б: چون بخارا از سمرقند کمتر نیست.

7) ZN II, 700 сл.

8) По анониму Шахруха (л. 40 а) Шахъ-Меликъ рѣшилъ присоединиться къ тому изъ обоихъ царевичей (Шахруху или Пиръ-Мухаммеду), кто раньше подойдетъ къ Амударьѣ.

9) 3-го рамазана ZN II, 702.

10) О мѣстоположеніи см. «Туркестанъ въ эпоху монг. нашествія», стр. 99. О развалинахъ Л. А. Зимина, Кала-и-Дабусъ (Проток. Закасп. кружка люб. арх., вып. 2).

поручено принести извиненіе эмирамъ и объяснить имъ, что ихъ не могли впустить въ столицу до прибытія законнаго наслѣдника и что такой же отвѣтъ будетъ данъ Халиль-Султану. Эмиры были вынуждены отвѣтить, что находятъ поведеніе начальниковъ Самарканда совершенно правильнымъ, но продолжали свой походъ къ Бухарѣ, куда послали впередъ Рустема. Черезъ два-три дня, еще до прибытія въ Бухару, они узнали, что Халиль-Султанъ въ дѣйствительности не встрѣтилъ на пути къ Самарканду никакого сопротивленія; уже въ селеніи Ширазъ онъ былъ встрѣченъ самаркандскими вельможами; на берегу Заряфшана его встрѣтилъ эмиръ Аргунъ-шахъ и вручилъ ему ключи города, крѣпости и сокровищницы Тимура[1]). Торжественный въѣздъ новаго государя въ столицу состоялся нѣсколько позже, въ день, назначенный астрологомъ Бедр-ад-диномъ, въ среду 18-го марта[2]).

По изложенію Шереф-ад-дина, начальники Самарканда съ самаго начала дѣйствовали по соглашенію съ Халиль-Султаномъ; но вполнѣ возможно, что рѣшеніе сдать городъ этому царевичу дѣйствительно было принято ими подъ давленіемъ такихъ событій, какъ мятежъ въ ташкентскомъ войскѣ, вызванный интригами Шахъ-Мелика и Шейхъ-Нур-ад-дина, попытка тѣхъ же эмировъ захватить столицу и рѣшеніе ихъ, послѣ неудачи этой попытки, овладѣть Бухарой, какъ опорнымъ пунктомъ въ предстоявшей междуусобной борьбѣ. Когда Халиль-Султану удалось возстановить разрушенный мостъ на Сыръ-дарьѣ и переправиться черезъ рѣку, измѣнившій ему начальникъ авангарда Бурундукъ, подъ вліяніемъ отпора, даннаго Шахъ-Мелику въ Самаркандѣ, вернулся къ Халиль-Султану и получилъ прощеніе; послѣ этого онъ снова присягнулъ Халиль-Султану, и его примѣру послѣдовало войско; извѣстіе объ этомъ будто бы пришло въ Аліябадъ еще до выступленія оттуда арміи Шахъ-Мелика и Шейхъ-Нур-ад-дина[3]). Занявъ Самаркандъ, Халиль-Султанъ, чтобы показать свое уваженіе къ волѣ Тимура, провозгласилъ «ханомъ» Мухаммедъ-Джехангира, сына умершаго наслѣдника Тимура, Мухаммедъ-Султана[4]). Очевидно, распоряженіе Тимура, которымъ наслѣдникомъ назначался Пиръ-Мухаммедъ, не получило той гласности, какъ прежде назначеніе наслѣдникомъ Мухаммедъ-Султана[5]). Поступокъ Халиль-Султана замѣчателенъ еще, какъ

---

1) ZN II, 710 сл.

2) Ibid. 712 (16 рамазана). По анониму Шахруха (л. 49б сл.) Халиль-Султанъ выступилъ изъ Ташкента въ серединѣ рамазана и занялъ Самаркандъ къ концу того же мѣсяца.

3) ZN II, 696 сл.

4) Ibid. 712 сл. Это извѣстіе подтверждается монетами Халиль-Султана.

5) Имя Мухаммедъ-Султана упоминалось въ хутбѣ, какъ имя законнаго наслѣдника; ср. Тексты по ист. Ср. А., I, 123 сл. Клавихо, лично видѣвшій Пиръ-Мухаммеда (стр. 288 и 320), не упоминаетъ о назначеніи его наслѣдникомъ.

первая попытка перенести «ханство» изъ рода чингизидовъ въ родъ самого Тимура, на что Тимуръ еще не рѣшался.

Переданные Халиль-Султану на берегу Заряфшана ключи сокровищницъ Тимура имѣли для него еще больше значенія, чѣмъ ключи города. Для современниковъ было ясно, что перевѣсъ въ борьбѣ за наслѣдство Тимура получитъ тотъ, кто завладѣетъ богатой казной, хранившейся въ самаркандской цитадели, и получитъ возможность привлечь на свою сторону жадныхъ джагатаевъ [1]). Средства Халиль-Султана вскорѣ послѣ завоеванія Самарканда еще увеличились; въ его руки перешла и походная казна, увезенная Шахъ-Меликомъ и Шейхъ-Нур-ад-диномъ изъ Отрара въ Бухару, какъ собственность тѣхъ двухъ царевичей, Улугбека и Ибрагимъ-Султана, между которыми Тимуръ хотѣлъ раздѣлить завоеванный Моголистанъ. Бухара перешла въ руки эмировъ, какъ они и ожидали, безъ сопротивленія [2]). Изъ разсказа Шереф-ад-дина [3]) видно, что обладанію этимъ городомъ, гдѣ была помѣщена казна царевичей, придавалось большое значеніе. Бухарская цитадель въ то время еще имѣла, какъ въ X в. [4]), двое воротъ (теперь, какъ извѣстно, существуютъ только западныя); половину цитадели, съ восточными воротами, заняли Улугбекъ и Шахъ-Меликъ, другую половину, съ западными воротами, Ибрагимъ-Султанъ и Шейхъ-Нур-ад-динъ. Охрана самаго города, его стѣнъ, воротъ и башень была поручена Рустему, его брату Хамзѣ и другимъ начальникамъ; были приняты мѣры для укрѣпленія города и цитадели.

Изъ разсказа Хафизи-Абру и Абд-ар-Реззака о договорѣ, заключенномъ вскорѣ послѣ этого между Шахрухомъ и Халиль-Султаномъ, видно, что казна Улугбека и Ибрагимъ-Султана находилась въ это время въ Самаркандѣ, но не объясняется, какъ и когда она была вывезена изъ Бухары. Этотъ пробѣлъ восполняется разсказомъ анонима Шахруха [5]). Рустемъ послѣдовалъ примѣру Бурундука, перешелъ на сторону Халиль-Султана, вооружилъ населеніе города и произвелъ неожиданное нападеніе на цитадель, гдѣ въ то время находился съ обоими царевичами одинъ Шейхъ-Нур-ад-динъ; Шахъ-Меликъ въ этотъ самый день отправился въ Хорасанъ, чтобы уговорить Шахруха ускорить свой пріѣздъ въ Бухару.

---

1) Ср. слова Клавихо (Жизнь Тамерлана, стр. 362).

2) По Абд-ар-Реззаку (л. 158 б) 1-го рамазана, что противорѣчитъ датамъ, приведеннымъ выше, по Шереф-ад-дину, самимъ Абд-ар-Реззакомъ. Въ ZN II, 711 здѣсь только در رمضان.

3) ZN II, 712.

4) Ср. «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія», II, 102.

5) Анонимъ Шахруха, л. 45 а и сл. Передъ этимъ (л. 42 б сл.) говорится о спорахъ между Шахъ-Меликомъ и Шейхъ-Нур-ад-диномъ, итти ли со всѣмъ войскомъ въ Хорасанъ или оставить часть его въ Бухарѣ, кому отправиться къ Шахруху и кому охранять Бухару и т. п.

Шейхъ-Нур-ад-динъ спасся бѣгствомъ съ обоими царевичами, безъ всякихъ другихъ спутниковъ, покинувъ на произволъ судьбы цитадель и казну, которая была разграблена «базарными ворами»[1]). На пути къ Аму-дарьѣ онъ присоединился къ Шахъ-Мелику; достигнувъ рѣки, Шейхъ-Нур-ад-динъ съ царевичами поспѣшно отправились къ Шахруху, съ которымъ встрѣтились въ Андхоѣ[2]); Шахъ-Меликъ остался охранять переправы черезъ рѣку.

Все это произошло еще въ мартѣ; въ апрѣлѣ происходили уже военныя дѣйствія на берегу Аму-дарьи. По разсказу анонима Шахруха[3]), Халиль-Султанъ еще въ рамазанѣ перешелъ въ селеніе Куча-Маликъ[4]), гдѣ отпраздновалъ конецъ поста (въ самомъ началѣ апрѣля), оттуда въ первую треть мѣсяца шавваля въ одно изъ селеній кешскаго (шахрисябзскаго) округа[5]); изъ этого селенія имъ былъ отправленъ къ Аму-дарьѣ десятитысячный отрядъ, подъ начальствомъ эмировъ Шемс-ад-дина, Ходжи-Юсуфа, Мубашшара и Аргунъ-шаха. Задачей отряда было отнять у Шахъ-Мелика суда, захваченныя имъ на Аму-дарьѣ, и отогнать его отъ занятой имъ переправы Дизе. Съ Шахъ-Меликомъ было всего 500 всадниковъ, тѣмъ не менѣе ему удалось отстоять переправу; послѣ двадцати дней тщетной борьбы, съ согласія Халиль-Султана были начаты переговоры о мирѣ[6]). Въ дѣйствительности переговоры, конечно, были вызваны тѣмъ, что на берегу Аму-дарьи въ одномъ изъ селеній шапурганскаго округа[7]) съ войскомъ, несомнѣнно, болѣе значительнымъ, стоялъ самъ Шахрухъ; сверхъ того ходъ и результатъ переговоровъ показываютъ, что Халиль-Султанъ не чувствовалъ себя побѣжденнымъ. Для заключенія мира Шейхъ-Нур-ад-динъ отправился къ Халиль-Султану, Шемс-ад-динъ и Аргунъ-шахъ къ Шахруху; наши историки, всѣ пристрастные въ пользу Шахруха[8]), приписываютъ Халиль-Султану выраженія, заключающія въ себѣ признаніе верховныхъ правъ гератскаго владѣтеля. Халиль будто бы велѣлъ передать, что Шахрухъ все равно отдалъ бы Мавераннахръ одному изъ своихъ братьевъ или сы-

1) Л. 47б سرّاق اسواق. Изъ дальнѣйшаго, однако, видно, что часть добычи дошла до Самарканда. Хафизи-Абру (оксф. рук., л. 10б) и Абд-ар-Реззакъ (л. 163б) только въ краткихъ словахъ упоминаютъ о مخالفت Рустема.

2) Анонимъ Шахруха, л. 49а.

3) Л. 52б и сл.

4) О его мѣстоположеніи В. Л. Вяткинъ, Матеріалы, стр. 46.

5) Названіе селенія въ рукописи (л. 52б) جسران.

6) По разсказу Хафизи-Абру (оксф рук., л. 9а) и Абд-ар-Реззака (л. 163б) первый обмѣнъ посольствами между Халилемъ и Шахрухомъ произошелъ еще до возвращенія сыновей Шахруха въ Хорасанъ.

7) Названіе селенія у Хафизи-Абру (оксф. рук., л. 10б), Абд-ар-Реззака (л. 163б) и Фасиха (л. 393б) دوکه, у анонима (л. 55б) دکّهٔ شبورغان.

8) Въ томъ числѣ и анонимъ (л. 54б).

новей и потому можетъ отдать его Халилю, который ему тоже не чужой; Шахрухъ согласился, но съ тѣмъ, чтобы Халиль вернулъ находившееся въ Самаркандѣ имущество самого Шахруха, его сыновей, Шахъ-Мелика и его спутниковъ[1]). Между тѣмъ надписи на монетахъ, чеканенныхъ Халилемъ послѣ 1405 г., не заключаютъ въ себѣ никакихъ слѣдовъ признанія верховныхъ правъ Шахруха. Во всякомъ случаѣ Шахрухъ отказался отъ военныхъ дѣйствій противъ Халиля и оставилъ ему Мавераннахръ; едва-ли самъ Халиль желалъ большаго. Что касается возвращенія имущества, то и это условіе не было выполнено; анонимъ Шахруха и писавшіе съ его словъ объ этомъ умалчиваютъ, но объ этомъ говоритъ Фасихъ, самъ принадлежавшій къ числу посланцевъ Шахруха, посланныхъ за имуществомъ. Посланцамъ не только ничего не дали, но хотѣли ихъ задержать въ Самаркандѣ; имъ пришлось спасаться изъ Самарканда ночью и скакать еще одинъ день и одну ночь; на второй день они переправились черезъ Аму-дарью и вернулись къ Шахруху[2]). Поступокъ Халиля, можетъ быть, былъ вызванъ тѣмъ, что и Шахрухъ, по словамъ его анонимнаго историка, не былъ намѣренъ соблюдать договоръ и остался на Аму-дарьѣ, чтобы воспользоваться первымъ случаемъ для вторженія въ Мавераннахръ; только извѣстіе о движеніи Мираншаха и Абу-Бекра изъ западной Персіи въ сторону Хорасана, для соединенія съ Халилемъ, заставило Шахруха отказаться отъ своего намѣренія[3]).

Втеченіе слѣдующихъ лѣтъ Шахрухъ и его правительство упорно шли къ своей цѣли, ведя борьбу съ Халиль-Султаномъ не столько оружіемъ, сколько средствами дипломатіи. Этотъ способъ борьбы оказался болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ военныя дѣйствія. Молодой самаркандскій владѣтель, къ своему несчастію, не наслѣдовалъ коварства своего отца и дѣда; его великодушіе переходило въ наивную довѣрчивость; приходившихъ къ нему враговъ и измѣнниковъ онъ не только прощалъ и принималъ къ себѣ на службу, но рѣшался довѣрять имъ свои военныя силы. Еще весной 1405 г. къ нему явился Шейхъ-Нур-ад-динъ, имѣвшій отъ Шахруха тайное порученіе внимательно слѣдить въ Самаркандѣ за дѣлами царства Халиль-Султана и пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы ослабить его могущество. Въ Самаркандѣ онъ вызвался усмирить возстаніе Худайдада и былъ отпра-

1) Анонимъ, л. 56а и сл. Хафизи-Абру (оксф. рук., л. 12б) и Абд-ар-Реззакъ (л. 164а говорятъ только объ оставшемся въ Самаркандѣ имуществѣ сыновей Шахруха.

2) Фасихъ, л. 394б.

3) Анонимъ, л. 57а. О намѣреніяхъ Шахруха слова: بحکم غیرت تمام وفتوی ناموس ونام بدان نیّت جزم شدند که تا مملکت‌را از تصرّف مخالفان مستخلص نگردانند عنان از صوب مخاصمت نپیچانند وتا آب‌روی شوریده‌بختان نریزند از کنار جیحون بر نخیزند.

вленъ съ войскомъ на сѣверъ, но уже черезъ недѣлю самъ поднялъ возстаніе и захватилъ городъ Отраръ[1]), гдѣ начальствовалъ его братъ Бердибекъ, въ домѣ котораго умеръ Тимуръ[2]). Изъ Отрара онъ поддерживалъ сношенія какъ съ Худайдадомъ, такъ и съ Шахрухомъ.

Въ мѣстности за Сыръ-дарьей независимо отъ Худайдада поднялъ возстаніе Аллададъ, начальникъ гарнизона Ашпары. Послѣ полученія извѣстія о смерти Тимура и разстройства похода на Китай онъ 19 марта[3]) съ согласія своего отряда покинулъ крѣпость; въ началѣ апрѣля онъ въ мѣстѣ Куланчукъ[4]) получилъ письмо Халиля, извѣщавшаго его о своемъ вступленіи на престолъ; въ письмѣ Аллададу предписывалось остаться въ Ашпарѣ до прибытія смѣны, которую Халиль обѣщалъ прислать въ скоромъ времени. Съ другой стороны, Худайдадъ предлагалъ Аллададу покинуть Ашпару и соединиться съ нимъ. Аллададъ выбралъ послѣднее. Оставленіе Ашпары было логическимъ послѣдствіемъ отказа отъ завоеванія Моголистана; Худайдадъ еще прежде заключилъ съ моголами миръ, возвративъ имъ всѣ завоеванія Тимура[5]). Крѣпость на Иссыкъ-кулѣ съ самаго начала была оставлена; въ Ашпарѣ Аллададомъ еще былъ оставленъ небольшой гарнизонъ, среди котораго тотчасъ же начались раздоры, послѣ чего и эта крѣпость была окончательно покинута. Худайдадъ и Аллададъ совершили вмѣстѣ набѣгъ черезъ Голодную степь до Джизака, гдѣ захватили табуны Тимура; Аллададъ хотѣлъ итти оттуда на Самаркандъ, но Худайдадъ удержалъ его. Халиль просилъ Алладада быть посредникомъ между нимъ и Худайдадомъ и устроить примиреніе; Аллададъ сначала отказался, показалъ письмо Худайдаду и заключилъ съ нимъ договоръ, но потомъ все-таки покинулъ своего товарища и ушелъ къ Халилю, который тотчасъ же назначилъ его своимъ главнымъ эмиромъ. Въ рукахъ Худайдада остались всѣ мѣстности за Сыръ-дарьей, сверхъ того Ходжендъ и Фергана.

---

1) Анонимъ Шахруха, л. 63 a и сл.

2) О Бердибекѣ ZN II, 646, 666 и 682.

3) 17-го рамазана (Ибн-Арабшахъ, стр. 184)

4) Куланчукъ Ибн-Арабшаха, «одна изъ самыхъ холодныхъ мѣстностей края», есть, вѣроятно, тотъ же «перевалъ Куланъ» (عقبة قولان), черезъ который перешелъ Мухаммедъ-Султанъ на пути къ Ашпарѣ (ZN II, 12) Названіе «Куланъ» нѣкогда носило селеніе на мѣстѣ нынѣшней станціи Тарты (ср. мой Туркестанъ, стр. 492 и приведенныя тамъ ссылки на источники; также ЗВО. VIII, 15 сл. и Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію, стр. 29—31). Однако Абд-ар-Реззакъ (л. 190a) въ разсказѣ о событіяхъ 1411 г. помѣщаетъ قلان باشی между Янги (Таласомъ) и Саураномъ (у Хафизи-Абру, оксф. рук., л. 157a текстъ искаженъ), изъ чего можно заключить, что «переваломъ «Куланъ» называлось пространство между хребтами Кара-тау и Таласскій Ала-тау, на пути изъ Чимкента въ Аулеата (о суровыхъ зимахъ см. кн. Масальскій, Турк. край, стр. 757).

5) О договорѣ Ибн-Арабшахъ, стр. 190

Все это произошло, повидимому, еще въ апрѣлѣ; въ маѣ Аллададъ уже принималъ участіе въ походѣ противъ Пиръ-Мухаммеда. Эга война, какъ и война съ Шахрухомъ, началась противъ воли Халиль-Султана. Повидимому, Халиль-Султанъ не дѣлалъ никакихъ попытокъ подчинить себѣ области за Аму-дарьей и только отстаивалъ свое господство въ Мавераннахрѣ. Когда Пиръ-Мухаммедъ обратился къ нему съ вопросомъ, по какому праву онъ присвоилъ себѣ наслѣдство Тимура, завѣщанное другому, Халиль отвѣтилъ: «То же самое Высшее Существо, которое вручило власть Тимуру, вручило власть мнѣ»[1]). Шейх-ал-исламъ Абд-ал-Эввель старался убѣдить и Пиръ-Мухаммеда подчиниться волѣ Божіей — конечно, безуспѣшно, хотя впослѣдствіи царевичъ жалѣлъ, что не послушался шейха[2]). Третій претендентъ, Султанъ-Хусейнъ, еще раньше убѣдился въ безнадежности своихъ притязаній и присоединился къ Халиль-Султану[3]), который теперь поставилъ его во главѣ тридцатитысячнаго войска, посланнаго противъ Пиръ-Мухаммеда; въ походѣ принимали участіе Аллададъ, Аргунъ-шахъ и нѣкоторые другіе эмиры. Войско выступило въ маѣ 1405 г.[4]) и заняло Балхъ; тамъ Султанъ-Хусейнъ однажды созвалъ эмировъ къ себѣ и двоихъ изъ нихъ тотчасъ велѣлъ убить; остальные, въ томъ числѣ Аллададъ и Аргунъ-шахъ спасли свою жизнь мольбами и выраженіемъ готовности служить Султанъ-Хусейну, который теперь повелъ войско на Самаркандъ. Халиль-Султанъ выступилъ противъ него и 6 іюля[5]) разбилъ его при Чекдаликѣ (къ югу отъ Шахрисябза); во время битвы Аллададъ и Аргунъ-шахъ вновь перешли на сторону Халиля. Войско Халиль-Султана преслѣдовало враговъ до Балха[6]) и заняло этотъ городъ, гдѣ захватило все имущество Султанъ-Хусейна и его гаремъ; самъ Султанъ-Хусейнъ въ Аліябадѣ (селеніи балхской области) прибылъ къ Сулейманъ-шаху (племяннику Тимура), управлявшему тогда Шапурганомъ и Андхоемъ, гдѣ нашелъ убѣжище. Халиль-Султанъ, повидимому, не возражалъ противъ этого, но Пиръ-Мухаммедъ упорно требовалъ выдачи побѣжденнаго Халиль-Султаномъ претендента; когда его требованіе не было исполнено, онъ отпра-

1) Міръ Ислама, I, 361; это извѣстіе находится уже у Хафизи-Абру, рук. Ind. Off., л. 60а; оксф. рук., л. 54а.

2) Ибн-Арабшахъ, стр. 192 и 200.

3) Онъ въ концѣ рамазана прибылъ къ Шахруху въ Андхой, въ началѣ шавваля (апрѣль) ушелъ отъ него и отправился къ Халилю (Хафизи-Абру, оксф. рук., л. 43б сл.).

4) Дата у Ибн-Арабшаха, стр. 193 (середина мѣсяца зу-л-ка'да).

5) Дата у Абд-ар-Реззака, л. 169а (8 мухаррема). Въ оксф. рук. Хафизи-Абру, л. 45б указанъ только мѣсяцъ мухарремъ и по ошибкѣ 810 г.

6) Объ этомъ и дальнѣйшемъ подробнѣе всего у анонима Шахруха, л. 77а сл. (листы невѣрно переплетены; л. 87 долженъ быть помѣщенъ между л. 77 и 78). По словамъ автора (л. 87а-б) Султанъ-Хусейну было поручено оказать Пиръ-Мухаммеду полное уваженіе и по возможности кончить дѣло миромъ, но не пускать его дальше предѣловъ его области и въ случаѣ необходимости оказать ему сопротивленіе въ Кундузѣ и Багланѣ.

вилъ противъ Сулейманъ-шаха отрядъ изъ 3000 всадниковъ; Сулейманъ-шахъ вмѣстѣ съ Султанъ-Хусейномъ бѣжали въ Гератъ къ Шахруху. Шахрухъ нашелъ, что Пиръ-Мухаммедъ былъ совершенно правъ и что Сулейманъ-шаху слѣдовало выдать Султанъ-Хусейна по первому требованію; Султанъ-Хусейнъ былъ посаженъ въ тюрьму и потомъ убитъ; кожа его головы, набитая травой, была послана Пиръ-Мухаммеду, отдѣльные члены тѣла были выставлены на гератскихъ базарахъ[1]). Сулейманъ-шахъ былъ посланъ съ подарками на западъ, чтобы уговорить Мираншаха и его сына Абу-Бекра вернуться въ свои владѣнія, но они ушли еще до его прибытія; тогда Сулейманъ-шахъ присвоилъ подарки себѣ, поднялъ возстаніе противъ Шахруха и укрѣпился въ Келатѣ; онъ объявилъ, что казнью Султанъ-Хусейна оскорблена и его честь, такъ какъ царевичъ искалъ у него защиты[2]). Для усмиренія возстанія пришлось выступить самому Шахруху; послѣ долгой борьбы Сулейманъ-шахъ бѣжалъ въ Самаркандъ[3]). Халиль-Султанъ принялъ къ себѣ на службу эмира, только что передъ тѣмъ оказавшаго убѣжище его врагу, и въ послѣдовавшей затѣмъ войнѣ съ Пиръ-Мухаммедомъ и Шахрухомъ ввѣрилъ ему передовой отрядъ своего войска.

Пиръ-Мухаммедъ послѣ своей побѣды надъ Сулейманъ-шахомъ занялъ Балхъ[4]), очевидно, не встрѣтивъ сопротивленія со стороны Халиля, и вступилъ въ переговоры съ Шахрухомъ для общихъ дѣйствій противъ Мавераннахра. Шахрухъ отвѣтилъ, что можетъ выступить только весной (1406 г.), но теперь же отправилъ съ передовымъ отрядомъ Улугбека, назначеннаго княземъ Шапургана и Андхоя, подъ опекой Шахъ-Мелика. Шахъ-Мелику удалось построить мостъ (очевидно, изъ судовъ) на Амударьѣ и переправиться черезъ рѣку; начальники пограничныхъ отрядовъ Халиля, Иса и Хызръ-ходжа, были взяты въ плѣнъ[5]); Улугбекъ отправилъ перваго къ Пиръ-Мухаммеду, второго къ Шахруху[6]). Отрядъ Шахъ-Мелика дошелъ до Карши и Хузара и насильно переселилъ жителей этихъ мѣстностей (вѣроятно, только джагатаевъ) на южный берегъ рѣки. Извѣстіе объ этомъ набѣгѣ вызвало страхъ въ Самаркандѣ, тѣмъ болѣе, что въ

---

1) Анонимъ Шахруха, л. 92б. Значительно короче у Хафизи-Абру (оксф. рук., л. 45б—47б) и Абд-ар-Реззака (л. 169а-б).

2) На этотъ мотивъ возстанія указываетъ уже Хафизи-Абру, рук. Ind. Off., л. 46а; оксф. рук., л. 50а.

3) Анонимъ Шахруха, л. 100б. О бѣгствѣ въ Самаркандъ Хафизи-Абру, оксф. рук., л. 50б; Абд-ар-Реззакъ, л 170а.

4) Анонимъ Шахруха говоритъ о занятіи Балха Пиръ-Мухаммедомъ послѣ разсказа о борьбѣ между Халилемъ и Шахъ-Меликомъ, но, очевидно, занятіе Балха произошло раньше, такъ какъ связывается съ бѣгствомъ Сулейманъ-шаха (л. 114а).

5) Объ этомъ и дальнѣйшемъ подробнѣе всего у анонима Шахруха, л. 104а и сл. (послѣ л. 112 долженъ слѣдовать л. 114; л. 113 долженъ быть помѣщенъ между 117 и 118).

6) Эта подробность у Хафизи-Абру, рук. Ind. Off., л. 48б; Абд-ар-Реззакъ, л. 170а.

то же самое время Худайдадъ, завладѣвшій Ташкентомъ, готовился предпринять походъ на Самаркандъ въ союзѣ съ моголами. Несмотря на опасность, угрожавшую съ сѣвера, Халиль-Султанъ тотчасъ же выступилъ противъ Шахъ-Мелика; уже на пути къ Аму-дарьѣ онъ узналъ, что походъ изъ Ташкента на Самаркандъ не состоялся, такъ какъ произошли раздоры между Худайдадомъ и моголами, которые вернулись въ свою страну. Халиль съ главной частью войска остановился въ Хузарѣ и послалъ оттуда къ берегу рѣки Сулейманъ-шаха съ десятитысячнымъ отрядомъ [1]). Ему удалось напасть врасплохъ на стражу, оставленную Шахъ-Меликомъ у моста, и захватить часть судовъ; но Шахъ-Меликъ съ главными силами во-время прибылъ къ мѣсту боя, и переправа осталась въ его рукахъ. По просьбѣ Сулейманъ-шаха, къ берегу Аму-дарьи прибылъ со своимъ войскомъ самъ Халиль-Султанъ, но и ему не удалось завладѣть переправой; послѣ нерѣшительной битвы Халиль-Султанъ отправилъ въ лагерь Шахъ-Мелика пословъ съ предложеніемъ мира и съ подарками (халаты, поясы, колчаны, мечи, украшенные драгоцѣнными камнями) для Улугбека [2]). По договору Халиль-Султанъ вновь обязался вернуть находившееся въ Самаркандѣ имущество Шахруха, его сыновей, Шахъ-Мелика и его приближенныхъ. Послѣ этого Халиль-Султанъ вернулся въ Самаркандъ; Шахъ-Меликъ и Улугбекъ, вопреки договору, отправились къ Пиръ-Мухаммеду, съ которымъ сошлись въ мѣстѣ Ку-и-тенъ [3]). Очевидно, по этой причинѣ Халиль-Султанъ и на этотъ разъ не исполнилъ договора о выдачѣ имущества; къ Улугбеку только была послана его молодая жена, остававшаяся до тѣхъ поръ въ Самаркандѣ [4]).

Въ лагерѣ Пиръ-Мухаммеда Шахъ-Меликъ, по порученію Шахруха, просилъ отложить походъ на 40 дней, чтобы Шахрухъ успѣлъ присоединиться къ Пиръ-Мухаммеду со своимъ войскомъ; кромѣ того онъ совѣтовалъ начать военныя дѣйствія съ Бухары, которой было легче овладѣть (очевидно, у Шахруха и Шахъ-Мелика тамъ были связи), и уже оттуда итти на Самаркандъ [5]). Вопреки этому совѣту, было рѣшено начать походъ теперь же и итти прямо на Самаркандъ; приближенные Пиръ-Мухаммеда говорили, что для Шахъ-Мелика важно только получить изъ Самарканда имущество Шахруха, Улугбека и свое собственное и освободить изъ плѣна

---

1) Анонимъ Шахруха, л. 106а.

2) О подаркахъ ibid., л. 112а.

3) Анонимъ Шахруха, л. 114а. О мѣстоположеніи Ку-и-тена ср. Абульхайръ I, 443 о походѣ Тохтамыша, который, «пройдя Каршн и Хузаръ, опустошилъ страну до Ку-и-тена и берега Аму». Повидимому, Ку-и-тенъ соотвѣтствуетъ Кух-и-тенгу (названіе селенія и рѣчки между Хузаромъ и Келифомъ) современныхъ картъ.

4) Объ этомъ Хафизи-Абру, рук. Ind. Off., л. 49а; Абд-ар-Реззакъ, л. 170а.

5) Анонимъ Шахруха, л. 115б и сл.

свою мать, также находившуюся въ Самаркандѣ [1]). Войско двинулось, однако, въ сторону Карши, изъ чего можно заключить, что совѣты Шахъ-Мелика не были такъ рѣшительно отвергнуты въ лагерѣ Пиръ-Мухаммеда, какъ увѣряетъ историкъ; очень вѣроятно, что планъ соединенія въ Бухарѣ войскъ Шахруха и Пиръ-Мухаммеда былъ разстроенъ не столько упрямствомъ Пиръ-Мухаммеда, сколько быстротой дѣйствій Халиль-Султана.

Битва произошла въ 20-хъ числахъ февраля 1406 г. [2]) около Карши; по разсказу анонима Шахруха, войско Пиръ-Мухаммеда, благодаря храбрости Шахъ-Мелика, было уже близко къ побѣдѣ, когда бѣгство нѣсколькихъ эмировъ (приводятся шесть именъ) [3]), измѣнившихъ Пиръ-Мухаммеду, рѣшило битву въ пользу Халиль-Султана. Пиръ-Мухаммедъ бѣжалъ въ Балхъ, Шахъ-Меликъ и Улугбекъ — въ Хорасанъ, гдѣ на берегу Мургаба встрѣтили Шахруха, начавшаго въ это время, по соглашенію съ Пиръ-Мухаммедомъ, свой походъ къ Самарканду. Какъ поспѣшно было бѣгство, видно изъ того, что Халиль-Султану достался весь лагерь Пиръ-Мухаммеда съ его гаремомъ; всѣ женщины нашли защиту въ милосердіи и справедливости Халиль-Султана [4]).

Послѣ битвы Халиль-Султанъ прислалъ сказать Шахруху, что желаетъ оставаться съ нимъ въ мирѣ и что только нападеніе враговъ на области къ сѣверу отъ Аму-дарьи заставило его прибѣгнуть къ военнымъ дѣйствіямъ; Шахрухъ отвѣтилъ, что съ своей стороны тоже остается вѣрнымъ договору, но что границы его владѣній были нарушены войсками Халиль-Султана, подъ начальствомъ Сулейманъ-шаха и Аргунъ-шаха (этотъ отрядъ вторгся въ область Шапургана и Андхоя). Оба государя снова послали своихъ эмировъ на берегъ Аму-дарьи для возобновленія мира [5]).

Съ берега Мургаба Шахрухъ вернулся въ Гератъ; Шахъ-Меликъ и Улугбекъ [6]), по указанію Шахруха, провели мѣсяцъ въ Бадгисѣ; въ томъ же году они приняли участіе въ усмиреніи возстанія главнаго эмира Сейидъ-ходжи, начавшагося въ концѣ мая, послѣ чего Улугбекъ, подъ опекой Шахъ-Мелика, былъ назначенъ правителемъ «Хорасана Али-бека и Хора-

---

1) Ibid., л. 116б.

2) По Ибн-Арабшаху (стр. 197) въ воскресеніе 1-го рамазана 808 г. (21 февр.), по Хафизи-Абру (рук. Ind. Off., л. 51б, оксф. рук., л. 56б) въ понедѣльникъ 2-го рамазана, по анониму Шахруха (л. 117а) 4-го

3) Анонимъ Шахруха, л. 113б и 118а (о порядкѣ листовъ см. выше стр 56, пр. 5).

4) Слова Хафизи-Абру (рук. Ind Off., л. 51б): خليل سلطان بهادر ازانجا كه لطف او بود جملهرا در حريم عدل ونعيم احسان ماوى داد. Эта похвала Халиль-Султану изъ устъ придворнаго историка Шахруха заслуживаетъ быть отмѣченной.

5) Хафизи-Абру, оксф. рук., л. 56б сл.; Абд-ар-Реззакъ, л. 170б.

6) О дальнѣйшемъ Хафизи-Абру, рук. Ind. Off., л. 52б. сл; оксф рук., л. 58а и сл.; Абд-ар-Реззакъ, л. 170б сл.

сана Али-Муайяда»[1]), т. е. сѣверныхъ и среднихъ округовъ этой области; при этомъ Улугбекъ и Шахъ-Меликъ получили приказъ проводить зиму въ Астрабадѣ[2]). Шахрухъ весной 1407 г. совершилъ походъ для усмиренія возстанія мирзы Омара (сына Мираншаха), вторгшагося изъ пожалованнаго ему Мазандерана въ Хорасанъ; мирза Омаръ былъ разбитъ 18 апрѣля[3]) въ окрестностяхъ Джама; Улугбеку кромѣ Хорасана былъ пожалованъ послѣ того также Мазандеранъ; изъ Джама онъ отправился въ Тусъ (во время нападенія мирзы Омара онъ, очевидно, бѣжалъ изъ Хорасана къ отцу). Въ концѣ 1407 г. Шахрухъ по просьбѣ Улугбека снова совершилъ походъ на Мазандеранъ для усмиренія возстанія бывшаго владѣтеля области Пиръ-Падишаха. Шахъ-Меликъ встрѣтилъ войско Шахруха въ Мешхедѣ, Улугбекъ въ Кучанѣ[4]).

Войско Пиръ-Мухаммеда послѣ своего отступленія за Аму-дарью тоже не подвергалось преслѣдованію со стороны побѣдителей[5]). Халиль-Султанъ предпочелъ обратиться противъ враговъ, угрожавшихъ ему съ сѣвера. Кромѣ мятежниковъ, захватившихъ бассейнъ Сыръ-дарьи, Мавераннахру угрожали также золотоордынскіе татары, захватившіе зимой 1405—6 г.[6]) Хорезмъ и доходившіе въ своихъ набѣгахъ до Бухары. Когда Халиль-Султанъ прибылъ съ войскомъ на Сыръ-дарью[7]), Ходжендъ и Шахрухія подчинились ему добровольно, Ташкентъ послѣ продолжительной осады былъ принужденъ къ сдачѣ голодомъ; на пути оттуда на сѣверъ Халиль-Султанъ при Шарапханѣ подвергся неожиданному ночному нападенію со стороны Худайдада и Шейхъ-Нур-ад-дина и понесъ такія потери, что былъ вынужденъ вернуться обратно; изъ дальнѣйшаго можно заключить, что гарнизоновъ въ мѣстностяхъ по Сыръ-дарьѣ имъ оставлено не было. Шейхъ-Нур-ад-динъ подъ вліяніемъ размолвки съ Худайдадомъ ушелъ въ Саганакъ[8]) и вступилъ въ переговоры съ Халилемъ; по его желанію,

---

1) Выраженіе Фасиха (л. 396б сл.). Али-Муайядъ былъ, какъ извѣстно, послѣднимъ имамомъ сербедаровъ; ср. Лэнъ-Пуль, Мусульм. дин., стр. 211. Объ Али-бекѣ см. ZN I, 66 сл., также выше стр. 15; о его казни въ 1383 г. ZN I, 355.

2) Хафизи-Абру, оксф. рук., л. 74б.

3) Понед. 9-го зу-ль-ка'да (Абд-ар-Реззакъ, л. 174а); въ оксф. рук. Хафизи-Абру, л. 85б 9-го зу-ль-хиджжа.

4) Абд-ар-Реззакъ, л. 176б.

5) По Ибн-Арабшаху (стр. 198) Халиль послѣ битвы пошелъ въ Чекдаликъ, гдѣ остался до конца рамазана; Пиръ-Мухаммедъ вторично переправился черезъ Аму-дарью и занялъ Хисаръ, гдѣ былъ осажденъ Халилемъ и вынужденъ просить мира, который былъ заключенъ въ 809 г. (1406—7) (стр. 200 сл.).

6) По Хафизи-Абру (оксф. рук. л. 191б; Абд-ар-Реззакъ, л. 194б) въ реджебѣ 808 г. (дек. 1405—янв. 1406).

7) О дальнѣйшемъ Ибн-Арабшахъ, стр. 203 сл Время этого похода точно не опредѣляется; говорится только, что онъ произошелъ послѣ побѣды надъ Пиръ-Мухаммедомъ.

8) О названіи города см. мой трудъ «Къ исторіи орошенія Туркестана», стр. 149 сл

Халиль отправилъ къ нему одну изъ вдовъ Тимура, Туманъ-Ага. Все это не мѣшало ни Шейхъ-Нур-ад-дину, ни его врагу Худайдаду продолжать сношенія съ Шахрухомъ.

Дѣйствія Шахруха въ 1407 г., можетъ быть, также были одной изъ причинъ поспѣшнаго возвращенія Халиль-Султана изъ сѣверныхъ областей. Ровно черезъ годъ послѣ битвы при Карши, 22 февраля 1407 г.[1]) Пиръ-Мухаммедъ погибъ отъ руки убійцы, Пиръ-Али-Таза[2]); Шахрухъ объявилъ себя мстителемъ за убитаго и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы овладѣть Балхомъ[3]). Дѣйствія Шахруха вызвали подозрѣнія со стороны Халиля, который прибылъ въ Термезъ и возстановилъ старую крѣпость на берегу рѣки[4]); съ своей стороны Шахрухъ возстановилъ цитадель города Балха, разрушенную по приказанію Тимура въ 1370 г. Въ то же время, однако, были возобновлены мирные переговоры, кончившіеся и на этотъ разъ успѣшно; на берегу рѣки сошлись и обмѣнялись подарками Аллададъ со стороны Халиля, эмиръ Мизрабъ со стороны Шахруха, и оба государя вернулись въ свои столицы.

Со стороны Шахруха миръ и на этотъ разъ не былъ искреннимъ; гератскій владѣтель продолжалъ сноситься съ врагами Халиля и подготовлять почву для завоеванія Мавераннахра. Успѣху интригъ содѣйствовалъ начавшійся въ самомъ Самаркандѣ, среди войска и населенія, глухой ропотъ противъ молодого государя. Одной изъ первыхъ причинъ этого ропота былъ голодъ, постигшій страну[5]); такимъ же бѣдствіемъ въ 1407 г. былъ постигнутъ Хорасанъ, но, повидимому, тамъ удалось принять болѣе быстрыя и дѣйствительныя мѣры для помощи населенію[6]). Халиль-Султану приходилось безъ внѣшнихъ завоеваній содержать многочисленную армію, что должно было постепенно привести къ истощенію казны Тимура. Въ Самаркандѣ, кромѣ того, находили[7]), что въ распоряженіи денежными средствами и вообще въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ принимаетъ слишкомъ большое участіе любимая жена Халиля Шадъ-Мулькъ. Благодаря ея

1) Дата у Абд-ар-Реззака, л. 173 а (14 рамазана 809 г.).

2) По Абд-ар-Реззаку Пиръ-Мухаммедъ самъ возвысилъ Пиръ-Али-Таза изъ ничтожества и сдѣлалъ его эмиромъ. По анониму Шахруха (л. 78 а) Пиръ-Али-Тазъ въ 1405 г. находился въ войскѣ Султанъ-Хусейна; онъ же побудилъ Султанъ-Хусейна измѣнить Халиль-Султану По Хафизи-Абру (оксф. рук., л. 10 б) и Абд-ар-Реззаку (л. 163 б) Пиръ-Али-Тазъ тотчасъ послѣ смерти Тимура покинулъ Халиль-Султана и прибылъ въ Балхъ.

3) Объ этомъ и дальнѣйшемъ Хафизи-Абру, рук. Ind. Off., л. 74 б сл.; Абд-ар-Реззакъ, л. 175 б и сл. О возстановленіи балхской цитадели еще Фасихъ, л. 397 б; Ибн-Арабшахъ, стр. 206.

4) Ибн-Арабшахъ, стр. 205.

5) Ibid. стр. 207.

6) Хафизи-Абру, рук. Ind. Off., л. 29 б; Абд-ар-Реззакъ, л 173 а; ср. ЗВО. XVIII, 0142 сл.

7) Шереф-ад-динъ посвящаетъ этимъ обвиненіямъ противъ Халиль-Султана и его жены особую главу (ظفرنامه, II, 720 сл).

покровительству возвышались люди низкаго происхожденія, въ ущербъ сподвижникамъ Тимура; нѣкій Баба-Турмушъ, сдѣлавшійся, благодаря царицѣ, полновластнымъ министромъ [1]), не оказывалъ должнаго уваженія даже главнымъ вельможамъ, Аллададу и Аргунъ-шаху. Не оказывалось уваженіе также вдовамъ Тимура; Шадъ-Мулькъ уговорила Халиль-Султана выдать всѣхъ женъ и наложницъ прежняго государя замужъ за эмировъ и богатырей, чтобы пріобрѣсти ихъ расположеніе. Приведенный выше разсказъ о Шейхъ-Нур-ад-динѣ и Туманъ-Агā показываетъ, что этой чести, дѣйствительно, придавалось большое значеніе; но Халиль-Султанъ будто-бы даже насильно выдавалъ царицъ замужъ за людей, стоявшихъ по своему положенію несравненно ниже ихъ. Въ персидскихъ источникахъ нѣтъ отголоска болѣе тяжкаго обвиненія противъ царицы Шадъ-Мулькъ, о которомъ говоритъ Ибн-Арабшахъ [2]); по его словамъ ею были отравлены обѣ главныхъ жены Тимура, Сарай-Мулькъ-ханумъ и Тукель-ханумъ.

Ослабленію власти Халиль-Султана не могли не содѣйствовать постоянныя сношенія Шахруха съ бухарскими шейхами. Историкъ бухарскаго дервишизма [3]) разсказываетъ, что глава бухарскихъ накшбендіевъ, Мухаммедъ-Пāрсā, постоянно сносился съ Шахрухомъ «для устройства дѣлъ мусульманъ»; чтобы прекратить эти сношенія, Халиль-Султанъ предложилъ шейху отправиться въ степь для распространенія среди кочевниковъ ислама; шейхъ согласился, но отвѣтилъ, что предварительно посѣтитъ могилы бухарскихъ святыхъ. Въ это время пришла въ Бухару грамота Шахруха на имя Халиля, съ предложеніемъ выбрать мѣсто битвы; шейхъ распорядился, чтобы грамота была прочитана въ бухарской соборной мечети и потомъ отправлена въ Самаркандъ. Вскорѣ послѣ этого Халиль былъ побѣжденъ.

Въ этомъ разсказѣ достовѣренъ, повидимому, только фактъ сношеній между Шахрухомъ и бухарскими шейхами. Къ веснѣ 1409 г. ожидалось, дѣйствительно, рѣшительное столкновеніе между войсками Хорасана и Мавераннахра, но вызова на бой Шахрухъ своему врагу не посылалъ; если бы такія сношенія происходили, они не могли бы вестись черезъ Бухару, такъ какъ Шахрухъ стоялъ съ войскомъ въ Бадгисѣ, Халиль — въ Шахрисябзѣ [4]).

Въ это время пришло извѣстіе о новомъ выступленіи Худайдада и о взятіи имъ города Уратюбе. Въ виду предстоявшей борьбы съ Шахрухомъ,

---

1) У Ибн-Арабшаха (стр. 203) دستور الممالك. Въ персидскихъ источникахъ это лицо не упоминается.

2) Ибн-Арабшахъ, стр. 228.

3) رشحات, рук. унив. 253, л. 38а; рук. Аз. муз. а 581*, л. 44б и сл.; ташк. литогр., стр 62 сл.

4) Абд-ар-Резакъ, л. 180а. Въ оксф. рук. Хафизи-Абру здѣсь пропускъ.

на сѣверъ могли быть отправлены только небольшія силы; противъ Худайдада были посланы Аллададъ и Аргунь-шахъ съ трехтысячнымъ отрядомъ[1]). Они встрѣтили врага уже у Джизака, но не вступили съ нимъ въ бой и извѣстили Халиля, что нуждаются въ подкрѣпленіяхъ; на этотъ разъ Халиль-Султанъ выступилъ самъ, но взялъ съ собой только 4000 человѣкъ (сколько войска стояло въ Шахрисябзѣ и кому послѣ отъѣзда Халиля было ввѣрено начальство, не говорится). Уже въ Султаніи (по Ибн-Арабшаху) или въ Ширазѣ (по Абд-ар-Реззаку)[2]) на Халиля неожиданно напалъ Худайдадъ, очевидно, съ превосходными силами, и взялъ его въ плѣнъ; по словамъ Ибн-Арабшаха, все это было заранѣе условлено между Худайдадомъ и Аллададомъ. Взятіе въ плѣнъ Халиля произошло 30 марта 1409 г.[3]); тотчасъ послѣ этого Худайдадъ занялъ безъ сопротивленія Самаркандъ, гдѣ потребовалъ покорности отъ всѣхъ эмировъ, дѣйствуя, однако, отъ имени Халиль-Султана. Стоявшее въ Шахрисябзѣ войско, повидимому, не подчинилось ему и разошлось, вслѣдствіе чего Шахрухъ на пути къ Самарканду не встрѣтилъ никакого сопротивленія.

Шахрухъ выступилъ съ войскомъ 7 апрѣля[4]), но только 22 апрѣля[5]) достигъ Аму-дарьи. Во время переправы черезъ рѣку къ нему прибылъ посолъ Худайдада, соглашавшагося послать къ Шахруху Халиль-Султана и Шадъ-Мулькъ, если Шахрухъ уступитъ Мавераннахръ Мухаммедъ-Джехангиру[6]). Неизвѣстно, какой отвѣтъ былъ данъ послу. Съ берега Аму-дарьи былъ посланъ отрядъ на Хисаръ; самъ Шахрухъ съ остальной частью войска направился къ Хузару. Еще въ Ку-и-тенѣ въ его лагерь была привезена Шадъ-Мулькъ; въ Хузарѣ было получено извѣстіе, что Худайдадъ покинулъ Самаркандъ, взявъ съ собой Халиля. Аллададъ, Аргунъ-шахъ и Баба-Турмушъ оставались въ самаркандской цитадели, но власть взялъ въ свои руки шейх-ал-исламъ Абд-ал-Эввель; повинуясь ему, Аллададъ и другіе отказались отъ борьбы съ Шахрухомъ[7]). Уже изъ Хузара Шахрухъ отправилъ въ Самаркандъ нѣсколькихъ эмировъ, въ томъ числѣ своего воспитателя Ала-ад-дина Алике-кукельташа[8]); самъ онъ отправился въ Джамъ, гдѣ его встрѣтили царевичи, съ Мухаммедъ-Джеханги-

1) Свѣдѣнія объ этомъ походѣ у Абд-ар-Реззака (l. c.) и у Ибн-Арабшаха (стр. 209 сл.). О численности отрядовъ говоритъ только Абд-ар-Реззакъ.

2) Ср. выше стр. 36, пр. 5.

3) Дата у Абд-ар-Реззака (13 зу-л-ка'да 811).

4) 21-го зу-л-ка'да (эта и слѣдующія даты у Абд-ар-Реззака, l. c.)

5) 6-го зу-л-хиджжа.

6) Такъ по Фасиху, л. 398 б.

7) Ибн-Арабшахъ, стр. 211 и 213. По Ибн-Арабшаху Шадъ-Мулькъ также оставалась въ Самаркандѣ, т. е. была отправлена къ Шахруху уже послѣ отъѣзда Худайдада.

8) Такъ по Фасиху, l. c. и Абд-ар-Реззаку, л. 180 б.

ромъ во главѣ, и 13 мая[1]) вступилъ въ Самаркандъ. Съ нимъ находились Шахъ-Меликъ и Улугбекъ, котораго предполагалось, подъ опекой Шахъ-Мелика, назначить правителемъ Самарканда, хотя объ этомъ было торжественно объявлено только къ концу года, передъ отъѣздомъ Шахруха. Въ Самаркандѣ къ Шахруху присоединился Шейхъ-Нур-ад-динъ; по соглашенію съ Шахрухомъ онъ изъ Отрара двинулся къ Бухарѣ, но тамъ былъ разбитъ Худайдадомъ (до отъѣзда послѣдняго изъ Самарканда) и прибылъ въ Самаркандъ безъ войска.

Такимъ образомъ, столица безъ пролитія крови перешла во власть Шахруха, какъ четырьмя годами раньше во власть Халиль-Султана; но на этотъ разъ побѣдитель не былъ склоненъ проявлять великодушіе. Одинаково жестокой расправѣ[2]) подверглись представители обѣихъ враждовавшихъ между собой партій, царицы и эмировъ. Аллададъ и Аргунъ-шахъ были подвергнуты пыткѣ (отъ нихъ требовали выдачи денегъ, принадлежавшихъ казнѣ) и потомъ казнены; казни подвергся также одинъ изъ представителей гражданскаго управленія, ходжа Юнусъ Семнани. Царицу Шадъ-Мулькъ также пытали, потомъ съ позоромъ провезли по городскимъ базарамъ. Баба-Турмушъ, также подвергнутый жестокимъ пыткамъ, однажды, когда стража вела его въ цѣпяхъ мимо большого хауза, вырвался изъ рукъ стражи, бросился въ хаузъ и утонулъ.

Послѣ занятія Самарканда оставался вопросъ объ областяхъ по Сыръ-дарьѣ, находившихся при Халиль-Султанѣ въ рукахъ мятежниковъ и теперь сдѣлавшихся убѣжищемъ Худайдада и самого Халиля. Худайдадъ увезъ Халиль-Султана въ Фергану и въ главномъ городѣ области, Андижанѣ, велѣлъ упоминать его имя въ хутбѣ; самъ онъ отправился просить помощи «къ моголамъ», вѣроятно черезъ Ташкентъ; съ Халилемъ оставался сынъ Худайдада Абд-ал-Халикъ; другой сынъ Худайдада, Аллададъ, былъ начальникомъ Шахрухіи. Тщетно Шахрухъ уговаривалъ Худайдада покориться добровольно; Худайдадъ требовалъ, чтобы къ нему прислали связаннымъ его врага Шейхъ-Нур-ад-дина[3]); изъ дальнѣйшаго видно, что Шахрухъ не могъ бы исполнить это требованіе, даже если бы хотѣлъ. Шахрухъ послѣ этого двинулся съ войскомъ къ Сыръ-дарьѣ, при чемъ отправилъ одинъ отрядъ къ Шахрухіи (въ этомъ отрядѣ былъ Шахъ-Меликъ), другой къ Ходженду; самъ Шахрухъ проводилъ лѣто въ Уратюбе. Ибн-Арабшахъ[4]) увѣряетъ, что моголы оказали почетъ Халиль-Султану и прислали ему подарки, въ томъ числѣ золотое кресло; по военной

1) 27-го зул-л-хиджжа.
2) Объ этомъ кромѣ Ибн-Арабшаха, стр. 213 сл. говоритъ только Фасихъ, л. 401 а.
3) Абд-ар-Реззакъ, л. 181 б
4) Ибн-Арабшахъ, стр. 215.

помощи онъ отъ моголовъ, повидимому, не получилъ, такъ какъ долженъ былъ вмѣстѣ съ Абд-ал-Халикомъ удалиться въ крѣпость Алла или Аллакухъ (вѣроятно въ Алайской долинѣ), гдѣ былъ осажденъ Шахъ-Меликомъ. Осада закончилась договоромъ, по которому Шахъ-Меликъ отступилъ; съ своей стороны Халиль-Султанъ обѣщалъ отправиться къ Шахруху, но потомъ предпочелъ уйти въ Отраръ, куда передъ этимъ, съ согласія Шахруха, возвратился Шейхъ-Нур-ад-динъ. Пространство между Ферганой и Отраромъ было пройдено имъ, очевидно, при содѣйствіи моголовъ; Худайдадъ, разсчитывавшій на помощь тѣхъ же моголовъ, былъ ими убитъ, и голова его была отправлена по Ибн-Арабшаху[1]) къ Халилю, по Абд-ар-Реззаку[2]) къ Шахъ-Мелику. Шахъ-Меликъ послалъ ее Шахруху вмѣстѣ съ головой Алладада (сына Худайдада), бывшаго начальника Шахрухіи, изъ чего можно заключить, что этотъ городъ былъ имъ занятъ; Абд-ал-Халикъ, какъ видно изъ разсказовъ о дальнѣйшихъ событіяхъ, оставался до своей смерти правителемъ областей за Сыръ-дарьей. Шахрухъ доходилъ до Ходжента, откуда отправился въ Аксулатъ, когда Шейхъ-Нур-ад-динъ, обѣщавшій скоро вернуться къ Шахруху, обнаружилъ намѣреніе остаться въ Отрарѣ. На пути изъ Аксулата къ Отрару въ мѣстѣ Узунъ-Ата[3]) къ Шахруху прибылъ Халиль-Султанъ. Для заключенія договора съ нимъ въ Отраръ передъ этимъ прибыли Шахъ-Меликъ и Алике-кукельташъ; договоръ былъ заключенъ при посредствѣ Шейхъ-Нур-ад-дина; Халиль-Султанъ отправился въ Рей, назначенный ему въ удѣлъ, при чемъ ему была возвращена его жена Шадъ-Мулькъ, по которой онъ во время разлуки изливалъ свое горе въ персидскихъ стихахъ[4]). Удѣльнымъ княземъ Рейя Халиль-Султанъ оставался до своей смерти, послѣдовавшей въ среду 4 ноября 1411 г.[5]); Шадъ-Мулькъ, не желая пережить его, кончила жизнь самоубійствомъ. Съ юныхъ лѣтъ прославившій себя боевыми подвигами, Халиль-Султанъ не былъ тѣмъ «сентиментальнымъ пастушкомъ», какимъ изображаетъ его одинъ изъ европейскихъ оріенталистовъ[6]); но романическій эпизодъ его жизни и царствованія, дѣйствительно, мало соотвѣтствовалъ общему характеру эпохи.

Договоромъ съ Халиль-Султаномъ закончились военныя дѣйствія

---

1) Loc. cit.

2) Абд-ар-Реззакъ, л. 182а.

3) Въ разсказѣ о послѣднемъ походѣ Тимура это мѣсто упоминается какъ первая послѣ Аксулата станція на пути къ Сыръ-дарьѣ; ср. زفر نامه, II, 646.

4) Такъ по Ибн-Арабшаху, стр. 216.

5) Дата у Хафизи-Абру (оксф. рук., л. 170б) и Абд-ар-Реззака (л. 191б): среда 16 реджеба 814.

6) A. Müller, Der Islam im Morgen- und Abendland, II, 315 (sentimentaler Schäfer). Халиль тамъ-же ошибочно названъ сыномъ Омаръ-шейха.

1409 г. Покидая Самаркандъ, Шахрухъ назначилъ[1]) Улугбека правителемъ города; другой сынъ Шахруха, Ибрагимъ, сдѣлался правителемъ Балха, Мухаммедъ-Джехангиръ — правителемъ Хисара и Сали-Сарая на Аму-дарьѣ, сынъ Омаръ-шейха Ахмедъ — правителемъ Ферганы. Кромѣ Ахмеда, всѣ другіе царевичи были малолѣтними, и дѣйствительными правителями ихъ удѣловъ сдѣлались эмиры. Въ Самаркандѣ дѣйствительная власть была ввѣрена «величайшему эмиру, справедливѣйшему и великодушнѣйшему нойону» Шахъ-Мелику; кромѣ того Улугбекъ долженъ былъ оказывать полное уваженіе наслѣдственнымъ шейх-ал-исламамъ Самарканда. 24 декабря[2]) 1409 г. Шахрухъ возвратился въ Гератъ.

Съ возвышеніемъ Шахъ-Мелика не могли примириться его соперники, Шейхъ-Нур-ад-динъ въ Отрарѣ и опекуны малолѣтняго Мухаммедъ-Джехангира въ Хисарѣ[3]). Весной 1410 г. они вмѣстѣ выступили противъ Шахъ-Мелика и Улугбека и въ воскресенье 20 апрѣля[4]) нанесли имъ рѣшительное пораженіе при Кызылъ-Рабатѣ къ западу отъ Самарканда[5]). Разбитое войско отступило къ Кара-тюбе и въ горы между Самаркандомъ и Шахрисябзомъ; побѣдителю была открыта дорога къ столицѣ[6]). Уже на слѣдующій день къ воротамъ Самарканда прибылъ для переговоровъ уполномоченный Шейхъ-Нур-ад-дина; въ пятницу 25-го самъ Шейхъ-Нур-ад-динъ подъѣхалъ къ воротамъ Шейхзадэ (нынѣ Пайкабакскимъ), но жители съ шейх-ал-исламомъ во главѣ отказались отворить ему ворота безъ приказанія Шахруха. Городъ не былъ сданъ и впослѣдствіи, хотя Шейхъ-Нур-ад-динъ занялъ его окрестности и провелъ нѣсколько дней въ одномъ изъ загородныхъ дворцовъ Тимура, Дилькуша, къ сѣверу отъ города; по желанію Шейхъ-Нур-ад-дина, въ его лагерь былъ привезенъ изъ Хисара царевичъ Мухаммедъ-Джехангиръ[7]), но и прибытіе бывшаго «хана» не заставило самаркандцевъ сдать городъ. За исключеніемъ столицы, вся страна до Аму-дарьи перешла во власть мятежниковъ; въ Бухару и Шах-

1) О назначеніяхъ Хафизи-Абру, рук. Ind. Off., л. 113б и слѣд. и оксф. рук., л. 98а сл.; Абд-ар-Реззакъ, л. 182б и слѣд.

2) 16-го ша'бана (Абд-ар-Реззакъ, л. 183а). Онъ покинулъ Самаркандъ еще въ реджебѣ (Хаф.-Абру, оксф. рук., л. 100б).

3) По Фасиху (л. 401б) главнымъ виновникомъ возстанія Шейхъ-Нур-ад-дина былъ одинъ изъ хисарскихъ эмировъ, Хамза. Хафизи-Абру (оксф. рук., л. 128а, рук. Ind. Off., л. 134б) среди хисарскихъ эмировъ называетъ на первомъ мѣстѣ эмира Мубашшара, одного изъ извѣстныхъ сподвижниковъ Тимура.

4) Дата у Фасиха, л. 400б (15-го зу-л-хиджжа).

5) О мѣстоположеніи В. Л. Вяткинъ, Матеріалы, стр. 47.

6) Объ этомъ и дальнѣйшемъ Хафизи-Абру, рук. Ind. Off., л. 133б сл.; оксф. рук., л. 126а и сл.; Абд-ар-Реззакъ, л. 186а сл.

7) Характерны слова, приписанныя у Хафизи-Абру Шейхъ-Нур-ад-дину (оксф. рук., л. 127б), когда онъ призывалъ царевича: من این مملکترا از بهر تو کرفته ام...وامیر صاحب قران انار الله برهانه بتو وصیّت کرده است. Ср. выше, стр. 50, о дѣйствіяхъ Халиля.

рисябзъ были посланы намѣстники Шейхъ-Нур-ад-дина; Улугбекъ былъ вынужденъ отступить къ Келифу (городъ до XVIII в. находился не на правомъ берегу рѣки, какъ теперь, а на лѣвомъ)[1]); кромѣ того Шахруху оставался вѣрнымъ начальникъ Термеза, эмиръ Мизрабъ, прежде служившій Халиль-Султану. Отряды, посланные Шейхъ-Нур-ад-диномъ къ Келифу и Термезу, не успѣли взять этихъ городовъ до прибытія войска Шахруха.

Шахрухъ выступилъ съ войскомъ изъ Герата уже 9 мая[2]), но почему-то только 20 іюня дошелъ до Келифа[3]); здѣсь и у Термеза хорасанское войско безпрепятственно переправилось черезъ рѣку. Улугбекъ присоединился къ термезскому отряду и вмѣстѣ съ эмиромъ Мизрабомъ двинулся на Шахрисябзъ; Шахрухъ съ главными силами медленно слѣдовалъ за ними. Шейхъ-Нур-ад-динъ послѣ полученія извѣстія о прибытіи Шахруха отступилъ отъ Самарканда; Шахъ-Меликъ тотчасъ напалъ на него, но снова былъ разбитъ, при чемъ побѣдителю досталась огромная добыча и все оружіе разбитаго войска. На этотъ разъ Шахъ-Меликъ бѣжалъ въ Самаркандъ, но тамъ вельможи (въ числѣ ихъ, вѣроятно, былъ шейх-ал-исламъ) встрѣтили его такими упреками, что онъ не рѣшился остаться въ городѣ и увелъ вельможъ съ собой. Шахрухъ послѣ занятія Шахрисябза подошелъ къ Самарканду; къ нему пришелъ также Ахмедъ изъ Ферганы, хотя привелъ съ собою только 500 всадниковъ; битва съ Шейхъ-Нур-ад-диномъ и Мухаммедъ-Джехангиромъ произошла въ субботу[4]) 12 іюля у того же Кызылъ-Рабата и рѣчки Джамъ; Шахрухъ лично принималъ участіе въ сраженіи, одержалъ полную побѣду и два дня спустя занялъ Самаркандъ, но уже 23 іюля[5]) покинулъ городъ, предоставивъ окончаніе войны съ Шейхъ-Нур-ад-диномъ Шахъ-Мелику; на обратномъ пути онъ изъ Шахрисябза отправилъ отрядъ на Хисаръ подъ начальствомъ Мизраба. Уже въ началѣ августа[6]) Шахрухъ вернулся въ Гератъ. Порядокъ въ Хисарѣ, повидимому, былъ возстановленъ безъ труда; Мухаммедъ-Джехангиръ оставался правителемъ Хисара до своей смерти, послѣдовавшей въ 1433 г.[7]); въ 1413 г.[8]) за него была выдана дочь Шахруха.

1) В. Бартольдъ, Къ исторіи орошенія Туркестана, стр. 75.

2) 4 мухаррема (Хафизи-Абру, оксф. рук., л. 129 б; Абд-ар-Реззакъ, л. 186 а).

3) Въ пятницу 17 сафара (Абд-ар-Реззакъ, л. 186 б).

4) Дата уже у Хафизи-Абру, рук. Ind. Off., л. 138 б (9 раби' I), также Абд-ар-Реззакъ, л. 187 а; по оксф. рук. Хафизи-Абру (л. 135 б) въ субботу 11-го.

5) 20-го раби' I по Абд-ар-Реззаку (л. 187 а); по оксф. рук. Хаф.-Абру, л. 137 а въ четвергъ (?) 27-го.

6) Въ началѣ раби' II, т. е. послѣ 3 авг. (Абд-ар-Реззакъ, л. 187 а). У Хаф.-Абру (оксф. рук., л. 138 б) указанъ только мѣсяцъ.

7) 7-го зу-л-ка'да 836=25 іюня 1433 (Абд-ар-Реззакъ, л. 242 а).

8) Свадьба была 14 джумада II 816=11 сент. 1413 г. (Абд-ар-Реззакъ, л. 196 а); въ оксф. рук. Хафизи-Абру, л. 203 а число пропущено. Разсказомъ объ этомъ событіи заканчивается сочиненіе Хафизи-Абру въ рук. Ind. Off. (л. 181 б—183 а).

Походъ Шахъ-Мелика противъ Шейхъ-Нур-ад-дина состоялся только въ январѣ 1411 г.[1]); Улугбекъ, повидимому, не принималъ участія ни въ этомъ походѣ, ни въ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ бассейнѣ Сыръ-дарьи. Шейхъ-Нур-ад-динъ находился въ то время въ Сауранѣ; при приближеніи Шахъ-Мелика онъ безъ битвы бѣжалъ къ моголамъ; Шахъ-Меликъ могъ настигнуть только его арріергардъ. Съ своей стороны Шахъ-Меликъ тоже не имѣлъ возможности прочно занять область и долженъ былъ вернуться обратно; онъ былъ увѣренъ, что тотчасъ послѣ полученія извѣстія объ этомъ Шейхъ-Нур-ад-динъ вернется изъ Моголистана, и поручилъ Абд-ал-Халику, какъ намѣстнику пограничной съ Моголистаномъ области, преградить ему дорогу. Абд-ал-Халикъ успѣшно выполнилъ порученіе и даже могъ бы взять Шейхъ-Нур-ад-дина въ плѣнъ, но нарочно далъ ему уйти къ моголамъ, такъ какъ не считалъ для себя выгоднымъ чрезмѣрное усиленіе Шахъ-Мелика и потому не хотѣлъ уничтожить его врага — фактъ, наглядно показывающій, какъ мало признавалась власть династіи.

Абд-ал-Халикъ умеръ въ томъ же году и былъ замѣненъ другимъ лицомъ[2]) по назначенію Шахъ-Мелика; повидимому, это лицо не сразу взяло власть въ свои руки, такъ какъ могольскій ханъ Мухаммедъ воспользовался этимъ временемъ для нападенія на пограничную область. Отрядъ въ 15000 человѣкъ, подъ начальствомъ брата хана, Шахъ-Джехана[3]), осадилъ Сайрамъ и дошелъ до Кара-Самана, мѣста въ окрестностяхъ Отрара[4]). Шахъ-Меликъ отправилъ одного изъ своихъ нукеровъ (имя его — شايستم) съ двухтысячнымъ отрядомъ для неожиданнаго нападенія на тылъ враговъ; отрядъ отправился изъ Пскента[5]) къ Таласу[6]), вѣроятно по горнымъ дорогамъ, разбилъ стоявшихъ тамъ моголовъ и захватилъ большую добычу, въ томъ числѣ 12000 коней, изъ которыхъ Шахъ-Мелику была послана только половина[7]).

Эта неудача заставила моголовъ снять осаду Сайрама и отступить, но еще не привела къ отмѣнѣ похода. На этотъ разъ выступилъ съ войскомъ самъ Мухаммедъ-ханъ и дошелъ до мѣста Куланъ-баши, между Яны (на

1) Выступленіе по Хафизи-Абру (оксф. рук., л. 153б) 13 рамазана (9 января). Ср. Абд-ар-Реззакъ, л. 189б сл.

2) Имя его было Тимуръ-Меликъ, сынъ Дулдая (Абд-ар-Реззакъ, л. 190а; оксф. рук. Хафизи-Абру, л. 154б).

3) Такъ вѣрно у Хафизи-Абру, оксф. рук. л. 155а; у Абд-ар-Реззака (л. 190а) по ошибкѣ названъ Шам'-и-джеханъ, предшественникъ Мухаммедъ-хана; ср. мой «Очеркъ исторіи Семирѣчья», стр. 76. Анонимъ Искендера (рук. Аз. Муз. л. 252а, лонд. рук л. 264а) относитъ смерть Шам'-и-джехана къ 802 (1399 г.), что противорѣчитъ китайскимъ извѣстіямъ.

4) Упоминается въ ظفرنامه, I, 230 и 499.

5) Такъ по Хафизи-Абру, оксф. рук., л. 155б.

6) Въ текстѣ ينكى.

7) Кромѣ Хафизи-Абру и Абд-ар-Реззака то же самое у Фасиха, л. 402а.

Таласѣ, близъ Ауліе-ата) и Саураномъ (вѣроятно имѣется въ виду плоскогорье между хребтами Кара-тау и Таласскій Ала-тау, на пути въ степь, простирающуюся къ сѣверу отъ Александровскаго хребта)[1]); но тамъ между нимъ и Шахъ-Меликомъ безъ битвы былъ заключенъ договоръ; ханъ обмѣнялся подарками съ Шахъ-Меликомъ и обязался больше не поддерживать Шейхъ-Нур-ад-дина.

Шейхъ-Нур-ад-динъ, отдѣлившись отъ моголовъ, проникъ въ Сауранъ[2]) всего съ 500 всадниковъ; но въ самомъ городѣ въ его распоряженіи оказались такія силы, что Шахъ-Меликъ, послѣ заключенія мира съ моголами подступившій къ Саурану, не могъ овладѣть имъ открытой силой; возможно, что его удерживало также присутствіе въ городѣ вдовы Тимура. Хафизи-Абру[3]) съ эпическими подробностями описываетъ, какъ Туманъ-Ага съ вершины одной изъ башень говорила съ Шахъ-Меликомъ и заплакала при упоминаніи о Тимурѣ, какъ происходили переговоры между Шахъ-Меликомъ и Шейхъ-Нур-ад-диномъ, какъ было условлено между ними свиданіе, какъ они, каждый съ двумя нукерами, сошлись у стѣнъ крѣпости, какъ Шейхъ-Нур-ад-динъ бросился обнимать своего бывшаго друга[4]), находившагося въ войскѣ Шахъ-Мелика, и какъ тотъ, заранѣе подговоренный Шахъ-Меликомъ, неожиданно повалилъ на землю ничего не подозрѣвавшаго эмира и быстро закололъ его.

Такъ былъ уничтоженъ послѣдній военачальникъ въ Мавераннахрѣ, не признававшій власти Шахруха и Улугбека. Шахъ-Меликъ сдѣлалъ свое дѣло; чтобы плодами его дѣятельности могъ воспользоваться Улугбекъ, необходимо было удалить изъ Мавераннахра слишкомъ могущественнаго эмира; негодованіе, вызванное его вѣроломнымъ поступкомъ подъ стѣнами Саурана, давало Шахруху и Улугбеку желанный предлогъ для этого.

Отношенія между Улугбекомъ и его опекуномъ къ этому времени приняли такой же характеръ, какъ нѣкогда отношенія между Халиль-Султаномъ и Худайдадомъ. Еще во время войны съ моголами Улугбекъ воспользовался отсутствіемъ Шахъ-Мелика, чтобы принести отцу жалобу на дѣйствія эмира. Шахрухъ поручилъ одному изъ знатныхъ эмировъ, Сейидъ-Али-тархану, отправиться въ Самаркандъ и произвести разслѣдованіе; Сейидъ-Али-тарханъ пришелъ къ заключенію, что Шахъ-Меликъ хорошо правитъ страной и даетъ Улугбеку хорошіе совѣты, но эти совѣты

1) См. выше стр. 54, пр. 4.

2) У Ибн-Арабшаха (стр. 204) вмѣсто Саурана названъ Саганакъ.

3) Все это есть уже въ рукоп. Ind. Off., л. 165а сл. (оксф. рук., л. 160а—167а; Абд-ар-Реззакъ, л. 190б—191б).

4) Имя его въ персидскихъ источникахъ مرغداق, у Ибн-Арабшаха ارغوداق. Въ разсказѣ о посольствѣ Шахруха въ Китай Абд-ар-Реззакъ (л. 224б, также текстъ въ Not. et Extr. XIV, part. I, p. 388) также пишетъ ارغداق.

оскорбляютъ самолюбіе царевича, чѣмъ пользуются злонамѣренные люди[1]). Во время военныхъ дѣйствій противъ моголовъ Шахъ-Меликъ продолжалъ оказывать внѣшнее вниманіе Улугбеку и присылалъ ему въ Самаркандъ связанныхъ плѣнныхъ; уже изъ Самарканда они пересылались къ Шахруху, проводившему лѣто до іюня въ Бадгисѣ. Подъ вліяніемъ хорошихъ извѣстій изъ Мавераннахра Шахрухъ, выступившій съ войскомъ изъ Герата въ среду 22 іюля[2]), направился сначала къ Балху и только 10 сентября[3]) переправился черезъ Аму-дарью по мосту (на судахъ); на Кашка-дарьѣ его встрѣтили Улугбекъ и самаркандскіе вельможи; послѣ прибытія въ Самаркандъ онъ расположился съ войскомъ на равнинѣ Кан-и-гиль, около Чопанатинскихъ высотъ. Въ этотъ лагерь черезъ шесть дней послѣ прибытія Шахруха была доставлена голова Шейхъ-Нур-ад-дина. Шахъ-Меликъ тотчасъ былъ вызванъ въ Самаркандъ и, по словамъ Ибн-Арабшаха, встрѣченъ рѣзкими упреками; непосредственный убійца былъ наказанъ палками; на обоихъ Шахрухъ долгое время не могъ смотрѣть, пока не простилъ ихъ.

Отозваніе Шахъ-Мелика, кромѣ негодованія на его вѣроломный поступокъ, объяснялось также тѣмъ, что родственники убитаго не рѣшились бы вступить съ нимъ въ переговоры. Вслѣдъ за его возвращеніемъ въ Самаркандъ туда же, дѣйствительно, прибылъ уполномоченный отъ Шейхъ-Хасана, брата Шейхъ-Нур-ад-дина, съ выраженіемъ покорности; по требованію Шахруха, въ Самаркандъ была прислана царица Тумашъ-Ага; вслѣдъ за этимъ Шахрухъ покинулъ Самаркандъ, увезя съ собою царицу и Шахъ-Мелика; въ ноябрѣ онъ уже снова былъ въ Гератѣ[4]). Передъ его отъѣздомъ Улугбекъ въ первый разъ, въ качествѣ хозяина, далъ пиръ своему отцу и поднесъ ему богатые подарки. Семнадцатилѣтній царевичъ освободился отъ своего опекуна и сдѣлался полновластнымъ правителемъ области, простиравшейся отъ Аму-дарьи до Саганака на сѣверо-западъ, до Ашпары на сѣверо-востокъ[5]).

---

1) Все это есть у Хафизи-Абру уже въ рук. Ind. Off., л. 161 a сл (оксф. рук., л. 158 a сл.; Абд-ар-Реззакъ, л. 190 б).

2) Конецъ раби' I (Абд-ар-Реззакъ, л. 190 а; Хафизи-Абру, оксф. рук., л. 157 а).

3) 21 джумада I (Абд-ар-Реззакъ, л. 190 б; Хафизи-Абру, оксф. рук., л. 159 б).

4) Здѣсь имъ было получено извѣстіе о смерти Халиль-Султана (см. выше, стр. 64).

5) Ср. разсказъ о посольствѣ въ Китай 1420 г., когда послы, пройдя Ашпару, прибыли въ страну моголовъ (Абд-ар-Реззакъ, л. 224 б; также Хаф.-Абру, оксф. рук., л. 384 а-б).

4.

Улугбекъ какъ правитель. Внѣшнія дѣла.

Въ теченіе слѣдующихъ 36 лѣтъ (1411—1447) Улугбекъ правилъ областью, гдѣ на монетахъ и, конечно, въ хутбѣ, въ качествѣ имени государя, упоминалось имя его отца Шахруха; нѣсколько разъ онъ ѣздилъ на поклонъ въ Гератъ[1]); тѣмъ не менѣе современники не считали его только намѣстникомъ или удѣльнымъ княземъ. Въ надписи 1425 г. на скалѣ въ Джиланутинскомъ ущеліи Улугбекъ названъ «величайшимъ султаномъ, покорителемъ царей народовъ, тѣнью Бога на землѣ», безъ всякаго упоминанія о Шахрухѣ[2]); въ 1427 г. ученый Гіяс-ад-динъ Джемшидъ Каши въ посвященномъ Улугбеку математическомъ сочиненіи называлъ его «величайшимъ, справедливѣйшимъ, великодушнѣйшимъ, ученѣйшимъ султаномъ, владѣтелемъ вый народовъ, господиномъ султановъ арабскихъ и персидскихъ, султаномъ востока и запада» и т. п.[3]).

Единодержавіе въ имперіи Тимура, казавшееся невозможнымъ послѣ смерти ея основателя, по внѣшности постепенно было возстановлено въ пользу Шахруха; потомки другихъ сыновей Тимура утратили всякое значеніе, частью даже бѣдствовали, какъ видно изъ стихотворнаго произведенія одного изъ нихъ, составленнаго въ 839 г. (1435—6) и обращеннаго къ Шахруху[4]); но, въ противоположность Тимуру, Шахрухъ былъ само-

---

1) Абд-ар-Реззакъ упоминаетъ о путешествіяхъ 1414 (л. 201 б), 1417 (л. 209 а), 1422 (л 224 а), 1425 (л. 231 а) и 1434 (л. 244 б) гг., о первыхъ четырехъ со словъ Хафизи-Абру (оксф. рук., л. 247 а и сл., 296 а и сл., 379 б и сл., 427 б и сл.).

2) П. Лерхъ, Археол. поѣздка, стр. IX и 26.

3) Рук. Публ. Библ. Dorn 131, л. 2 а.

4) تعشّق نامه, рук. Брит. муз. Add. 7914, л. 273 б—289 б; ср. Rieu, Turk. Man., p. 289 и Изв. Акад. Наукъ 1914, стр. 880. Приведенный тамъ стихъ грамматически можно толковать и въ томъ смыслѣ, что поэтъ называетъ себя сыномъ Мираншаха («пока въ мірѣ будетъ такой царь, какъ онъ, сынъ Мираншаха будетъ молитвенникомъ (за него)»); на возможность такого пониманія указалъ мнѣ А. Н. Самойловичъ; остается, однако, фактъ, что въ ZN (II, 734 сл.) Сиди-Ахмедъ упоминается среди сыновей Омаръ-шейха и не упоминается среди сыновей Мираншаха. Однако у Абд-ар-Реззака (рук. Аз. Муз. 574, стр. 655; 574 а, л. 454 а; въ рук. унив. 157 здѣсь пропускъ) упоминается въ разсказѣ о событіяхъ 859 г. (1455—6) سلطان احمد بن سيّد احمد بن ميرزا ميرانشاه. Поэтъ обращается къ шаху и, въ условной поэтической формѣ жалобъ на жестокость возлюбленной, жалуется на свою горькую судьбу. Особенно характеренъ стихъ غزل, слѣдующей за первымъ письмомъ (л. 276 б):

شها دورونكدا جور وظلم وبيداد بولوب‌تور سيدى احمدقا مقرّر

и стихи заключительной просьбы (التماس), обращенной къ государю (л. 289 а-б):

ايشيتكيل اى اولوس‌نونك پادشاهى يتيم‌لارنينك بوكون پشت وپناهى
رياضت‌تين تن انچرا قالمادى قان توكانسه قان تيريك قالغاى‌مو انسان
بسى آشفته وحيران بولوب‌مين فلك‌تيك بى سر وسامان بولوب‌مين
بيلورسين بارچه‌نينك حالينى اى شاه عنايت چاغى دور والله وبالله

держцемъ только по имени; въ дѣйствительности государствомъ управляли его старшая жена Гаухаръ-Шадъ (мать Улугбека), его сыновья и вельможи. Устойчивость государственнагое порядка и сравнительное благоденствіе подданныхъ въ это царствованіе объясняются, повидимому, удачнымъ выборомъ главныхъ сановниковъ и продолжительнымъ срокомъ ихъ управленія. Въ первые годы Шахруху было трудно замѣстить должность главнаго эмира, начальника всѣхъ военныхъ силъ; первыя два лица, назначенныя на эту должность, возстали противъ государя и были казнены; за то ихъ преемникъ Джелаль-ад-динъ Фирузшахъ, назначенный въ 1407 г., сохранялъ власть до 1442 г. Какъ поклонникъ шарі'ата, Шахрухъ не обращалъ вниманія на требованія церемоніала и военнаго искусства, и потому главный эмиръ при немъ могъ полновластно распоряжаться дѣлами двора и войска[1]); въ Самаркандѣ онъ, повидимому, не имѣлъ представителей; есаулъ получалъ распоряженія, касавшіяся дѣлъ войска, непосредственно отъ Улугбека[2]), который, въ противоположность отцу, въ дѣлахъ двора и войска дорожилъ монгольскими традиціями[3]). Во главѣ гражданскаго управленія въ Гератѣ въ теченіе почти столь же продолжительнаго срока (съ 1417 г., съ небольшимъ перерывомъ[4]), до конца царствованія Шахруха) стоялъ Гіяс-ад-динъ Пиръ-Ахмедъ Хавафи; повидимому, его родственникомъ былъ министръ Улугбека, Насир-ад-динъ Насрулла Хавафи, скончавшійся 20 іюля 1441 г.[5]); историкъ Фасихъ называетъ его человѣкомъ благороднымъ, знатнаго происхожденія, хорошо обращавшимся съ людьми[6]). О подчиненіи самаркандскаго министра гератскому свѣдѣній нѣтъ. Разсказы о постройкахъ Улугбека, о пышности его двора и т. п. заставляютъ полагать, что доходы, приносившіеся его областью, оставались въ его распоряженіи и не пересылались въ Гератъ.

Замѣчательно, что въ Самаркандѣ при Улугбекѣ въ одно и то же время чеканились монеты отъ имени Шахруха и издавались ярлыки отъ имени подставныхъ хановъ изъ чингизидовъ. При Тимурѣ такіе ханы номинально считались главами всей имперіи, и во всѣхъ областяхъ, подчинявшихся Тимуру, на монетахъ и въ хутбѣ вмѣстѣ съ именемъ Тимура появлялось

---

1) О полнотѣ его власти Абд-ар-Реззакъ, л. 257 б.

2) Хондемиръ, Хабиб-ас-сіяръ, тегер. изд., III, 219.

3) Ta'rikh-i Rashidi, engl. transl., p. 70.

4) По Фасиху (л. 417 б сл.) онъ былъ отставленъ въ 828 г. (1425), но вновь назначенъ въ 829 г. Въ 845 г. (1441—2) султанъ вновь разгнѣвался на своего министра, но не лишилъ его власти (Абд-ар-Реззакъ, л. 255 а сл.; Фасихъ, л. 430 б).

5) 1-го раби' I 845 (Фасихъ, л. 430 б); у Абд ар-Реззака (л. 256 б) безъ числа мѣсяца Какъ министръ Улугбека, онъ названъ также у Хондемира (حبيب السير, тегер. изд., III, 214).

6) واو مردی اصيل وبزرگزاده بود ويا مردم معاش نيكو داشت. Ср. также характеристику у Абд-ар-Реззака (l. c.): بغايت ضابط وكافی وامين بود.

имя хана[1]). Халиль-Султанъ, какъ преемникъ Тимура въ Самаркандѣ, вмѣсто хана изъ чингизидовъ поставилъ рядомъ съ собой хана изъ рода Тимура, но вмѣстѣ съ владычествомъ Халиль-Султана окончилось и ханство Мухаммедъ-Джехангира. Въ Гератѣ при Шахрухѣ подставныхъ хановъ изъ чингизидовъ не было; историки и поэты нерѣдко называли ханами самого Шахруха и его сыновей[2]), но нѣтъ основанія полагать, что представители династіи оффиціально присвоили себѣ этотъ титулъ, иначе едва-ли могли бы оставаться ханы изъ чингизидовъ въ Самаркандѣ. При Улугбекѣ ханы уже не принимали участія въ походахъ, какъ при Тимурѣ, но содержались взаперти въ такъ называемой «ханской оградѣ» (حیاط خان)[3]), находившейся, повидимому, въ восточной части города, въ одномъ изъ красивѣйшихъ мѣстъ. Историки тимуридовъ не упоминаютъ объ этихъ ханахъ и не сохранили намъ ихъ именъ. По словамъ анонима Искендера, послѣ Султанъ-Махмудъ-хана остался сынъ Абу-Саʿидъ, который былъ въ живыхъ во время составленія книги[4]), т. е. между 1409 и 1414 г.; но не говорится, носилъ ли онъ ханскій титулъ. По словамъ Мухаммедъ-Хайдера, ханомъ въ Самаркандѣ въ 1428 г. считался нѣкій Сатукъ-ханъ (о его происхожденіи ничего не говорится); Улугбекъ въ этомъ году отправилъ его въ Моголистанъ и провозгласилъ на его мѣсто ханомъ въ Самаркандѣ другое лицо[5]). Въ надписи 838 г. (1434—5), надъ главнымъ входомъ въ Шахи-зиндэ, ханомъ названъ малолѣтній сынъ Улугбека Абд-ал-Азизъ[6]). Новый ханъ изъ чингизидовъ былъ провозглашенъ, повидимому, въ послѣдній разъ въ 1449 г., послѣ низложенія Улугбека[7]); имя его не приводится.

Самъ Улугбекъ, подобно Тимуру, по родству съ чингизидами называлъ себя «гурганомъ» (зятемъ) — титулъ, котораго не носили ни Шахрухъ, ни другіе его сыновья. Возможно, что Улугбекъ считалъ себя вправѣ принимать этотъ титулъ уже по своей первой женѣ, дочери Мухаммедъ-Султана, происходившаго со стороны матери отъ хана Узбека; дочь Улуг-

---

1) Тексты по ист. Ср. А., I, 53 сл.

2) Выраженіе شاهرخ بهادر خان постоянно встрѣчается у Фасиха (напр., л. 388б и сл., 393б), также بایسنغر بهادر خان (л. 390а, 421а и сл.); ср. также Хафизи-Абру, оксф. рук., л. 430а о смерти سیورغتمش خان; то же выраженіе ibid., л. 292б. Въ تعشّق نامه, рук. Брит. муз. Add. 7914, л. 275а اولغ سلطان معظّم شاهرخ خان; у Лутфи, *А.-З.* Валидовъ, Джагатайскій поэтъ Лутфій и его диванъ, Казань, 1914, стр. 23 اولوغ بیك خان; однако у Секкаки, рук. Брит. муз. Or. 2079, л. 5б شاهرخ بیك.

3) О ней Справ. кн. Самарк. обл. VI, 255. Ta'rikh-i Rashidi, engl. transl., p. 72.

4) Рук. Аз. Муз., л. 252б; рук. Бр. муз., л. 263б: واکنون ابو سعید نام پسری دارد وتا غایت در قید حیوة است.

5) Ta'rikh-i Rashidi, engl. transl., p. 72.

6) Справ. кн. Самарк. обл. IV, отд. IV, стр. 4; VI, стр. 178 и 250.

7) Объ этомъ см. ниже разсказъ о событіяхъ 1449 г.

бека и этой царевны, родившаяся въ пятницу 19 августа 1412 г.[1]), носила, подобно своей бабкѣ, титулъ «ханзадэ»[2]). Еще больше правъ на титулъ гургана давалъ Улугбеку его бракъ съ Акъ-Султанъ-Ханике, дочерью Султанъ-Махмудъ-хана[3]); но неизвѣстно, когда этотъ бракъ былъ заключенъ. Улугбекъ названъ «гурганомъ» уже въ сочиненіи Хафизи-Абру, написанномъ не позже 1417 года[4]).

За исключеніемъ поѣздокъ въ Гератъ, Улугбекъ въ царствованіе своего отца не посѣщалъ другихъ областей имперіи тимуридовъ; въ походахъ Шахруха принимали участіе вспомогательные отряды, посланные Улугбекомъ, но самъ Улугбекъ въ этихъ военныхъ дѣйствіяхъ не участвовалъ, даже когда они происходили вблизи его владѣній. Послѣ возстановленія спокойствія въ Мавераннахрѣ однимъ изъ первыхъ вопросовъ, поставленныхъ на очередь событіями, было возстановленіе власти тимуридовъ въ Хорезмѣ, захваченномъ послѣ смерти Тимура узбеками. Въ началѣ 1413 г. эта задача была выполнена Шахъ-Меликомъ, при участіи войска, посланнаго изъ Мавераннахра[5]). Благодаря происходившимъ въ Золотой Ордѣ междуусобіямъ Шахъ-Меликъ не встрѣтилъ почти никакого сопротивленія и въ началѣ апрѣля вернулся въ Гератъ; вскорѣ послѣ этого онъ былъ назначенъ намѣстникомъ Хорезма, оставался въ этой должности до своей смерти, послѣдовавшей въ 1426 г., и передалъ ее своему сыну, хотя, въ противоположность Улугбеку, часто покидалъ свою область для участія въ походахъ Шахруха на западъ. Улугбекъ сохранялъ со своимъ прежнимъ опекуномъ добрососѣдскія отношенія: есть извѣстіе о возвращеніи въ Самаркандъ въ мартѣ 1418 г. отряда, посланнаго въ Хорезмъ на помощь Шахъ-Мелику[6]). Когда Улугбекъ въ ноябрѣ 1419 г. прибылъ въ Бухару, Шахъ-Меликъ послалъ туда нукеровъ привѣтствовать его и поднести ему въ подарокъ кречетовъ[7]).

Осенью 1413 г. началась война между Шахрухомъ и Искендеромъ, которой закончилось внѣшнее объединеніе государства тимуридовъ. Изъ Самарканда для этого похода были посланы только слоны; военные отряды, стоявшіе въ Мавераннахрѣ и Хорезмѣ, были оставлены въ этихъ областяхъ

1) Дата уже у Хафизи-Абру, рук. Ind. Off., л. 180 а (10 джумада I, годъ дракона). Та же дата въ оксф. рук., л. 191 а; Абд-ар-Реззакъ, л. 194 а.

2) خانزاده بيكم у Абд-ар-Реззака (л. 251 а) и Фасиха (л. 404 а, 411 б и 427 а).

3) О женахъ Улугбека Хондемиръ, حبيب السير, III, 219.

4) Хафизи-Абру, рукоп. Ind. Off., л 48 а: اميرزاده الغبيك كوركان.

5) Хафизи-Абру, оксф. рук., л. 197 а. Абд-ар-Реззакъ, л 195 а.

6) Абд-ар-Реззакъ, л. 212 б (въ началѣ сафара 821 г.).

7) Хафизи-Абру, л. 321 а. Абд-ар-Реззакъ, л. 214 а. Во время своего пребыванія въ Гератѣ въ 1417 г. Улугбекъ въ началѣ раби' II (послѣ 18 мая) далъ пиръ Мухаммедъ-Джехангиру и прибывшему изъ Хорезма Шахъ-Мелику (Хафизи-Абру, л. 296 б; Абд-ар-Реззакъ, л. 209 а).

для защиты границъ[1]). Подъ предлогомъ совѣщанія о военныхъ мѣрахъ Улугбекъ вызвалъ къ себѣ царевича Ахмеда, владѣтеля Ферганы; тотъ, опасаясь характера (مزاج) Улугбека, не рѣшился пріѣхать Улугбекъ отправилъ въ Андижанъ для переговоровъ своего эмира (Баязида-парваначи); было условлено, что Ахмедъ пришлетъ въ Самаркандъ черезъ нѣсколько дней своего сына (вѣроятно, въ качествѣ заложника; взрослаго сына Ахмедъ, которому не было 30-ти лѣтъ, едва-ли могъ имѣть), но это обѣщаніе не было исполнено. Тогда Улугбекъ вторгся въ Фергану съ войскомъ; Ахмедъ ушелъ въ горы, оставивъ гарнизоны въ крѣпостяхъ. Улугбекъ взялъ Ахси и Андижанъ и ушелъ, оставивъ въ области своихъ начальниковъ; послѣ его ухода Ахмедъ вернулся въ свою область съ войскомъ, полученнымъ отъ моголовъ, разбилъ при Ошѣ войско, оставленное Улугбекомъ, но не могъ взять Андижана. Моголы разграбили Фергану и ушли въ Моголистанъ; Ахмедъ остался въ Кашгарѣ[2]).

Неизвѣстно, предпринялъ ли Улугбекъ завоеваніе Ферганы по собственному почину или по порученію Шахруха, въ связи съ борьбой противъ другихъ сыновей Омаръ-шейха; во всякомъ случаѣ Шахрухъ не наказалъ своего сына и въ то же время не принялъ на себя отвѣтственности за его дѣйствія. Когда Улугбекъ въ ноябрѣ того же 1414 г. прибылъ въ Гератъ, онъ стоялъ у престола своего отца рядомъ со своимъ братомъ Байсункаромъ (Байсункаръ въ отсутствіе отца правилъ Гератомъ), и Шахрухъ, по словамъ историка, радовался, что у него два такихъ сына[3]); очевидно, не было рѣчи о какихъ либо упрекахъ за дѣйствія въ Ферганѣ. Однако 26 мая 1415 г.[4]) Шахрухъ послалъ въ Кашгаръ одного изъ нукеровъ Ахмеда (вѣроятно, взятаго въ плѣнъ въ Ферганѣ) съ письмомъ къ его повелителю, гдѣ событія 1414 г. объяснялись недоразумѣніемъ, которое не было своевременно улажено только вслѣдствіе отсутствія Шахруха; въ письмѣ Шахрухъ приглашалъ царевича прибыть въ Гератъ, обѣщая ему полное прощеніе[5]). Ахмедъ прибылъ въ Гератъ только весной 1416 г.[6]), оставивъ въ Кашгарѣ своего намѣстника. О возвращеніи ему Ферганы не было рѣчи; напротивъ, въ Гератѣ онъ былъ задержанъ, будто бы за то, что велъ мятежные разговоры съ другими царевичами, съ которыми проводилъ время за виномъ. Царевичъ былъ отпущенъ въ Мекку, откуда онъ, насколько извѣстно, не вернулся; лѣтъ 13—14 спустя Хафизи-Абру писалъ о немъ

1) Абд-ар-Реззакъ, л. 196а.
2) Хафизи-Абру, оксф. рук., л 219а и сл.; Абд-ар-Реззакъ, л. 198а сл.; Фасихъ, л. 406б
3) Хафизи-Абру, л. 248б; Абд-ар-Реззакъ, л 201б.
4) 16-го раби' I 818 г.
5) Хафизи-Абру, л. 258б; Абд-ар-Реззакъ, л. 203а-б; Фасихъ, л. 407а сл.
6) Хафизи-Абру, л. 281б; Абд-ар-Реззакъ, л. 206а.

какъ о покойникѣ[1]). Оставленный имъ въ Кашгарѣ намѣстникъ Шейхъ-Али Тугаи въ томъ же 1416 г. вступилъ въ переговоры съ Улугбекомъ, прибѣгая къ защитѣ «духа великаго эмира», т. е Тимура; Улугбекъ отправилъ въ Кашгаръ своихъ намѣстниковъ, Сиддика и Али; Тугаи сдалъ имъ городъ и прибылъ въ Самаркандъ[2]).

Самъ Улугбекъ въ томъ же 1416 г. стоялъ съ войскомъ на Сыръ-дарьѣ; 17 или 18 марта[3]) онъ подошелъ къ берегу рѣки напротивъ Шахрухіи, въ концѣ мѣсяца переправился черезъ рѣку и провелъ нѣсколько дней на правомъ берегу; въ это время изъ Хорезма были получены извѣстія о событіяхъ въ Золотой Ордѣ (воцареніе хана Джаббаръ-берди, одного изъ сыновей Тохтамыша, и пораженіе Чингизъ-оглана, раньше находившагося на службѣ у Тимура), которыя побудили его вернуться обратно, и 22 апрѣля[4]) онъ прибылъ въ Самаркандъ. Изъ этого можно заключить, что походъ былъ направленъ противъ узбековъ.

Походъ противъ того же народа былъ задуманъ въ 1419 г. Въ маѣ этого года[5]) къ Улугбеку прибылъ съ просьбой о помощи узбецкій царевичъ Буракъ, внукъ Урусъ-хана, съ которымъ воевалъ Тимуръ; Улугбекъ отпустилъ его на родину и оказалъ ему помощь противъ враговъ[6]). Съ этимъ событіемъ, вѣроятно, было связано выступленіе въ походъ самого Улугбека, на этотъ разъ оставившаго въ Самаркандѣ особаго начальника (даругу)[7]) на время своего отсутствія; очевидно, походъ былъ разсчитанъ на долгое время. Войско выступило изъ Самарканда въ концѣ августа[8]), переправилось черезъ Сыръ-дарью у Чиназа 5 сентября[9]) и дошло до мѣста

1) Выраженіе طاب ثراهما (объ Ахмедѣ и его отцѣ Омаръ-шейхѣ, Хафизи-Абру, л. 281б). Ахмедъ у Хафизи-Абру и Абд-ар Реззака почему-то называется не «мирзой», а «эмирекомъ» (уменьшительное отъ «эмиръ»). Иногда встрѣчаются рядомъ оба слова, اميرك и ميرزا.

2) Хафизи-Абру, л. 288б; Абд-ар-Реззакъ, л. 207а; Фасихъ, л. 409а. Подробный разсказъ тимуридскихъ историковъ, конечно, заслуживаетъ больше довѣрія, чѣмъ основанный на устныхъ преданіяхъ разсказъ автора XVI в. Мухаммедъ-Хайдера, гдѣ не упоминаются ни Ахмедъ, ни Тугаи, и все событіе изложено совершенно иначе. Кашгаръ будто-бы принадлежалъ дуглатскому эмиру Сейидъ-Ахмеду, сыну эмира Худайдада; населеніе, съ ходжей Шарифомъ во главѣ, возстало противъ него и передало городъ Улугбеку (Tarikh-i Rashidi, engl. transl., p. 61). Дальше излагается совершенно фантастическій разсказъ о мирзѣ Ахмедѣ, будто бы происходившемъ отъ Шахруха и бѣжавшемъ въ Моголистанъ, о его сестрѣ и любви къ ней Сейидъ-Али, сына Сейидъ-Ахмеда, о прибытіи всѣхъ тропхъ въ Андижанъ, о женитьбѣ на царевнѣ Улугбека, убившаго ея брата, и пребываніи Сейидъ-Али въ плѣну въ Самаркандѣ, откуда онъ будто бы черезъ годъ спасся бѣгствомъ (ibid. 62).

3) 18-го мухаррема у Хафизи-Абру, л. 288а, 17-го у Абд-ар-Реззака, л. 207а.

4) 23-го сафара (ibid., у Абд-ар-Реззака «въ концѣ сафара»).

5) Въ концѣ раби' II.

6) Хафизи-Абру, л. 319б; Абд-ар-Реззакъ, л. 213б.

7) Искендера, сына Хинду-буки (Абд-ар-Реззакъ, l. c.; Хафизи-Абру, л. 320а).

8) Въ началѣ ша'бана.

9) 14-го ша'бана. О подробностяхъ пути еще Хафизи-Абру, оксф. рук., л. 320а; ср. المظفرية, стр. 26.

Бурлакъ за Ташкентомъ, гдѣ отъ перебѣжчиковъ было получено извѣстіе, что узбецкое войско[1]) разсѣялось; то же самое извѣстіе было подтверждено купцами; вслѣдствіе этого Улугбекъ отмѣнилъ походъ и 22 октября[2]) вернулся въ свою столицу. Вѣроятно, предполагалось, что послѣ отступленія враговъ Бурак ъ достигнетъ своей цѣли съ помощью даннаго ему вспомогательнаго отряда, безъ участія главныхъ силъ Мавераннахра. Эта увѣренность вполнѣ оправдалась; въ 1423 г. черезъ Хорезмъ пришло въ Бадгисъ, гдѣ находился Шахрухъ, извѣстіе объ успѣхахъ Бурака[3]), захватившаго орду узбецкаго хана Мухаммеда и сдѣлавшагося главой большей части узбецкаго улуса. Извѣстіе объ окончательной побѣдѣ Бурака и вступленіи его «на престолъ отцовъ и дѣдовъ» дошло до Улугбека въ началѣ 1425 г.[4]).

Считая Бурака своимъ ставленникомъ, Улугбекъ, повидимому, былъ увѣренъ, что со стороны узбековъ безопасность Мавераннахра достаточно обезпечена, и направилъ свое вниманіе въ другую сторону, противъ моголовъ. Въ Моголистанѣ въ эти годы происходили такія же смуты, какъ въ узбецкомъ улусѣ; донесенія о происходившихъ въ Моголистанѣ событіяхъ присылались Улугбеку изъ Кашгара намѣстникомъ Сиддикомъ. Въ 1416 г. при дворѣ Улугбека было посольство отъ новаго могольскаго хана Накши-джехана (сына Шамʿ-и-джехана), преемника Мухаммедъ-хана[5]). Зиму 1417—8 г. Улугбекъ провелъ на Чирчикѣ, куда отправился въ началѣ ноября, и въ мѣстности около Ходжента, вѣроятно по военнымъ соображеніямъ, но не предпринималъ похода (во время зимовки онъ отпустилъ на родину нѣкоторыхъ узбецкихъ чингизидовъ, находившихся у него въ плѣну) и въ февралѣ 1418 г. вернулся въ Самаркандъ[6]). Въ мартѣ пришло извѣстіе о смерти могольскаго хана; въ апрѣлѣ было получено болѣе подробное донесеніе отъ кашгарскаго намѣстника, что Накши-джеханъ убитъ въ сраженіи съ Вейсъ-ханомъ; новый ханъ поспѣшилъ отправить къ Улугбеку посольство, прибывшее къ концу года, съ выраженіемъ «согласія и доброжелательства»; съ своей стороны Улугбекъ еще въ іюлѣ отпустилъ изъ самаркандской цитадели находившихся тамъ въ заключеніи моголовъ[7]). Въ 1419 г. былъ заключенъ бракъ между сыномъ Шахруха семнадцатилѣт-

1) Въ данномъ мѣстѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ страна узбековъ обозначается также словомъ «Токмакъ» (تغماق).

2) 2-го шавваля.

3) Хафизи-Абру, л. 414б. Абд-ар-Реззакъ, л. 229б.

4) Ср. ниже стр. 79 и текстъ Мирхонда въ приложеніи.

5) Хафизи-Абру, л. 289а. Абд-ар-Реззакъ, л. 207а.

6) Хафизи-Абру, л. 296б. Абд-ар-Реззакъ, л. 209а и л. 212а (прибытіе въ кышлакъ 21 рамазана 820, возвращеніе въ началѣ мухаррема 821).

7) Хафизи-Абру, л. 313б и слд.; Абд-ар-Реззакъ, л. 212б и Фасихъ, л. 411а (тамъ выраженіе يكجهتى ونيكوخواهى). Упоминаются даты 10-го сафара, 7-го рабиʿ I, джумада II и начало шавваля.

нимъ Джуки и могольской царевной[1]). Въ августѣ того же года[2]) Улугбеку было сообщено, что въ Моголистанѣ снова начались смуты, дочь дуглатскаго эмира Худайдада подняла возстаніе противъ государя, вѣроятно противъ Вейсъ-хана[3]). Возможно, что возстаніе тайно было вызвано или поддержано Улугбекомъ или его намѣстниками; самъ Худайдадъ осенью того же года послалъ въ Мавераннахръ своихъ нукеровъ, которые были приняты Улугбекомъ во время похода на Золотую Орду[4]).

Въ слѣдующемъ 1420 г. въ Моголистанѣ происходила борьба за престолъ между Вейсъ-ханомъ и другимъ царевичемъ, Ширъ-Мухаммедомъ. Во время этихъ смутъ черезъ Моголистанъ прослѣдовало посольство[5]) тимуридовъ (въ немъ принимали участіе и послы Улугбека), при чемъ безопасность проѣзда пословъ была обезпечена покровительствомъ Худайдада[6]). Улугбекъ, повидимому, надѣялся и на военную помощь Худайдада, когда въ томъ же году, въ концѣ іюня[7]), задумалъ походъ на Моголистанъ, походъ, однако, былъ отмѣненъ въ самомъ началѣ, при чемъ войско, повидимому, даже не успѣло переправиться черезъ Сыръ-дарью; отмѣна похода объясняется только прибытіемъ могольскихъ эмировъ (однимъ изъ нихъ былъ упоминаемый и впослѣдствіи Меликъ-Исламъ) съ выраженіемъ дружбы[8]). Вѣроятно, были и другія причины; въ томъ же году Улугбекъ долженъ былъ отправить часть своего войска (10.000 человѣкъ) на западъ, для участія въ походѣ Шахруха[9]); кромѣ того междуусобная война въ Моголистанѣ, которую, повидимому, разсчитывалъ использовать для своихъ своихъ цѣлей Улугбекъ, окончилась торжествомъ Вейсъ-хана; почти тотчасъ же послѣ возвращенія Улугбека въ Самаркандъ[10]) туда же прибылъ побѣжденный Ширъ-Мухаммедъ и нѣсколько эмировъ, въ томъ числѣ

1) Хафизи-Абру, л. 316б и сл. Абд-ар-Реззакъ, л. 213а. По этому разсказу царевна была отправлена Мухаммедъ-ханомъ, котораго тогда однако, не могло быть въ живыхъ. Улугбекъ встрѣтилъ царевну на Сыръ-дарьѣ около Чиназа (Хаф.-Абру, л. 320а; Абд-ар-Реззакъ, л. 213б).

2) По Хафизу-Абру, л. 319б 12-го реджеба, по Мирхонду, L 1291 и рук. унив. № 291, л. 209б, въ концѣ реджеба.

3) У Хафизи-Абру, вѣроятно по ошибкѣ, پادشاه ختا.

4) Хафизи-Абру, л. 320а; Абд-ар-Реззакъ, л. 213б.

5) Текстъ и переводъ разсказа Абд-ар-Реззака о немъ напечатанъ Катрмеромъ, Not. et Extr., XIV, p. I, p. 308—341, 387—426.

6) Хафизи-Абру, л. 384б. Абд-ар-Реззакъ, л. 224б, ср. у Катрмера текстъ, стр. 309, перев. стр. 388.

7) Въ серединѣ джумада II.

8) Хафизи-Абру, л. 342а и сл.; Абд-ар-Реззакъ, л. 218а.

9) Абд-ар-Реззакъ, л. 214б.

10) Въ томъ же мѣсяцѣ реджебѣ. Объ этомъ Хаф.-Абру, л. 313а, Абд-ар-Реззакъ, л. 218б. 3-го ша'бана (13 авг.) прибыла въ Самаркандъ черезъ Кашгаръ другая партія бѣглецовъ изъ Моголистана. Еще до похода Улугбека, въ мѣсяцѣ джумада II прибыли Кулъ-Мухамедъ, сынъ Худайдада, и Джеханшахъ, сынъ Камар-ад-дина (Хафизи-Абру, л. 341а; Абд-ар-Реззакъ, л. 218а.

Садръ-Исламъ. Улугбекъ сначала держалъ Ширъ-Мухаммеда въ почетномъ плѣну; въ октябрѣ[1]), когда царевичъ сдѣлалъ попытку бѣжать, онъ былъ насильно возвращенъ обратно[2]); но въ декабрѣ[3]) Улугбекъ самъ отпустилъ его. На этотъ разъ Ширъ-Мухаммеду удалось, вѣроятно, съ помощью намѣстниковъ Улугбека, побѣдить Вейсъ-хана и овладѣть престоломъ; извѣстіе объ этомъ было получено Улугбекомъ въ маѣ или іюнѣ 1421 г.[4]). Въ томъ же году приходили извѣстія объ успѣхахъ тимуридскихъ войскъ въ пограничной полосѣ Моголистана. Еще въ декабрѣ 1420 или въ первыхъ числахъ января 1421 г.[5]) изъ Кашгара было получено извѣстіе о взятіи крѣпости Рухъ (точное мѣстоположеніе ея не указывается; другихъ извѣстій объ этой крѣпости, повидимому, нѣтъ). Въ октябрѣ 1421 г.[6]) андижанскій намѣстникъ Абу-л-Лейсъ также прислалъ гонцовъ съ извѣстіемъ о военныхъ успѣхахъ.

Улугбеку, такимъ образомъ, удалось въ обоихъ кочевыхъ государствахъ, прилегавшихъ къ Мавераннахру, возвести на престолъ своихъ ставленниковъ, Бурака и Ширъ-Мухаммеда; но эти ханы столь же мало оправдали надежды Улугбека, какъ Тохтамышъ — надежды Тимура. Ширъ-Мухаммедъ не предпринималъ наступательныхъ дѣйствій противъ Мавераннахра, но не былъ склоненъ признавать себя въ зависимости отъ Улугбека[7]); для Улугбека эта причина оказалась достаточной, чтобы по совершенно ничтожному поводу начать войну съ моголами[8]). Однимъ изъ военачальниковъ, посланныхъ Улугбекомъ въ 1416 г. въ Кашгаръ, былъ Али изъ племени бекритовъ; въ 1423 г. сынъ этого лица бѣжалъ къ моголамъ; Улугбекъ потребовалъ его выдачи. Переговоры велись не съ ханомъ Ширъ-Мухаммедомъ, но съ вельможей, носившимъ титулъ Садръ-Исламъ, который, какъ видно изъ описанія похода Улугбека, вмѣстѣ съ другимъ вельможей, Меликъ-Исламомъ, владѣлъ мѣстностью, прилегавшей къ озеру Алтунъ-куль — повидимому къ Балхашу[9]). Садръ-Исламъ обѣщалъ весной

1) 6-го шавваля.

2) Бѣглецы были настигнуты самимъ Улугбекомъ за Сыръ-дарьей; преслѣдованіе, о которомъ Абд-ар-Реззакъ только кратко упоминаетъ, у Хафизи-Абру (л. 343 б) подробно описывается.

3) 13-го зу-ль-хиджа (19-го дек.) были отпущены въ Кашгаръ Меликъ-Исламъ и Садръ-Исламъ, 16-го былъ отпущенъ самъ Ширъ-Мухамедъ. Хаф.-Абру, л. 344 а, Абд-ар-Реззакъ, л. 218 б.

4) 6 джумâдâ I 824 (9 мая) по Абд-ар-Реззаку, л. 223 б; 16-го джумâдâ II (18 іюня) по Хаф.-Абру, л. 375 а.

5) Въ самомъ концѣ 823 г., Хаф.-Абру, л. 344 а; Абд-ар-Реззакъ, л. 218 б.

6) 7 шавваля (5 окт.) по Абд-ар-Реззаку, л. 223 б, 17-го по Хаф.-Абру, л. 375 б.

7) Хафизи-Абру, л. 418 а. Абд-ар-Реззакъ, л. 230 а, гдѣ говорится о признакахъ уклоненія отъ покорности въ его письмахъ.

8) Дальнѣйшее главнымъ образомъ по тексту Мирхонда (см. приложеніе).

9) Въ ZN I, 496 это озеро называется اتراك كول. Названія التون كول мнѣ въ другихъ источникахъ не приходилось встрѣчать.

1424 г. прислать гонца съ просьбой о прощеніи бѣглецу его вины и, если его просьба будетъ отвергнута, подчиниться требованію Улугбека. Обѣщанное посольство, однако, не прибыло ни весной, ни лѣтомъ. Осенью Улугбекомъ были сдѣланы приготовленія къ походу на Моголистанъ, причемъ предварительно былъ отправленъ въ Хорасанъ эмиръ Хамза, чтобы извѣстить Шахруха о предположенномъ походѣ и получить его согласіе; Шахрухъ одобрилъ намѣренія своего сына. Улугбекъ выступилъ въ среду 8 ноября[1]) по направленію къ Шахрухіи, гдѣ рѣшилъ провести зиму; сперва были собраны отряды, стоявшіе въ Самаркандѣ, Шахрисябзѣ, Карши и Бухарѣ, за ними должны были послѣдовать другія войска Мавераннахра. Центръ арміи зимовалъ съ Улугбекомъ на берегу Сыръ-дарьи около Шахрухіи, правое крыло — въ Ферганѣ, лѣвое — въ области Отрара. Въ ту же зиму къ Улугбеку прибыли послы отъ Бурака съ подарками и съ извѣстіемъ о его вступленіи на престолъ своихъ предковъ; Улугбекъ отпустилъ посольство съ отвѣтными подарками и отправилъ съ ними своихъ пословъ.

Когда вѣсть о приготовленіяхъ къ походу дошла до Герата, Шахрухъ сдѣлалъ попытку взять назадъ данное имъ согласіе; два раза отъ него являлись послы къ Улугбеку съ предписаніемъ отказаться отъ похода. Улугбеку пришлось доказывать, что приготовленія къ походу были начаты съ вѣдома и согласія Шахруха и что послѣ сосредоточенія войскъ у Сыръ-дарьи отказъ отъ предпріятія былъ бы истолкованъ какъ знакъ слабости. Съ такимъ отвѣтомъ послы Шахрура возвратились въ Гератъ; Шахрухъ не взялъ назадъ своего повелѣнія, но и не принялъ мѣръ къ тому, чтобы заставить сына ему подчиниться.

Походъ начался въ субботу 17-го февраля 1425 г.[2]); войско Улугбека переправилось черезъ Сыръ-дарью у Чиназа и прибыло въ Ташкентъ; здѣсь же къ центру присоединились войска праваго и лѣваго крыла. Моголы зимовали въ Ашпарѣ (повидимому, этотъ пограничный пунктъ джагатайскаго государства еще раньше былъ занятъ ими), откуда передовой отрядъ передвинулся къ Таласу[3]), подъ начальствомъ Ибрагима, сына Туктимура. Улугбекомъ туда же былъ посланъ отрядъ, въ числѣ 30000 человѣкъ[4]);

---

1) Въ текстѣ по всѣмъ рукописямъ 11-го зу-ль-хиджа, но, по дню недѣлю, надо читать 15-го (پانزدهم вм. یازدهم). По Хафизи-Абру (л. 419а) и Абд-ар-Реззаку (л. 230а) день 15-го зу-ль-хиджа 827 г. былъ днемъ занятія войскомъ зимнихъ квартиръ у Шахрухіи.

2) 27-го раби' I 828 (Хаф.-Абру, л. 419б; Абд-ар-Реззакъ, л. 230а).

3) Въ текстѣ Мирхонда ینکی طراز сначала названо среди мѣстностей, откуда собиралось войско Улугбекомъ, потомъ говорится, что близъ того же ینکی طراز расположились войска моголовъ. О зимованіи моголовъ въ Ашпарѣ говоритъ Хафизи-Абру (оксф. рук., л. 419б) и съ его словъ Абд-ар-Реззакъ (рук. унив., л. 230а).

4) Такое число указано у Хафизи-Абру (л. 420а).

ему было предписано на пути нигдѣ не зажигать костровъ, чтобы застать врага врасплохъ; послѣ нападенія и захвата добычи отрядъ долженъ былъ столь же быстро вернуться обратно, чтобы враги считали это нападеніе случайнымъ успѣхомъ небольшого отряда и думали, что никакой другой опасности имъ не угрожаетъ. Застигнуть врасплохъ моголовъ не удалось; передовая часть отряда разграбила нѣсколько домовъ, встрѣченныхъ сю на пути; одинъ изъ жителей этихъ домовъ бѣжалъ къ Ибрагиму и разсказалъ ему о приближеніи джагатаевъ; Ибрагимъ поспѣшилъ отступить къ Иссыкъ-кулю; только на рѣкѣ Кызылъ-су[1]) (какъ показываетъ ходъ дальнѣйшихъ событій, одной изъ рѣчекъ между Аксу и Буамскимъ ущельемъ) джагатаи въ субботу 3 марта[2]) настигли часть моголовъ, захватили добычу и отступили по направленію къ Ашпарѣ, гдѣ рѣшили ждать Улугбека. Ибрагимъ дошелъ до Буамскаго[3]) ущелья, гдѣ стоялъ съ войскомъ дуглатскій эмиръ Джеханшахъ, сынъ воевавшаго съ Тимуромъ Камар-аддина; Джеханшахъ хотѣлъ обратиться въ бѣгство, но Ибрагимъ уговорилъ его выступить противъ джагатаевъ, чтобы отнять у нихъ добычу. Уже въ понедѣльникъ 5-го марта[4]) джагатайское войско при Аксу было застигнуто моголами; произошла битва, кончившаяся въ пользу джагатаевъ; Ибрагимъ и съ нимъ два его сына и племянникъ были убиты. Побѣдители воздвигли нѣсколько башень изъ головъ убитыхъ враговъ, отправили голову Ибрагима къ Улугбеку и послѣ этого продолжали свое отступленіе къ Ашпарѣ; Джеханшахъ отступилъ къ Большому Кебину.

Прибывъ съ главными силами въ Ашпару, Улугбекъ пробылъ тамъ десять дней для приготовленія къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ. Противъ Джеханшаха былъ отправленъ пятитысячный отрядъ подъ начальствомъ Арсланъ-Ходжи-тархана; отрядъ уже не засталъ въ долинѣ Большого Кебана Джеханшаха, бѣжавшаго къ Иссыкъ-кулю. Арсланъ-Ходжа рѣшилъ отказаться отъ преслѣдованія враговъ, чтобы не слишкомъ удаляться отъ главныхъ силъ; кромѣ того онъ узналъ, что отрядъ враговъ черезъ какой-то перевалъ[5]), вѣроятно, со стороны Иссыкъ-куля, направляется къ равнинѣ Абишъ, между Чиликомъ и Чарыномъ, гдѣ была ставка могольскихъ хановъ. Въ какой-то трудно доступной горной мѣстности Арсланъ-Ходжѣ удалось разбить враговъ, захватить плѣнныхъ и на берегу Чилика[6]), куда онъ,

1) Въ текстѣ Мирхонда это قزل سوی خاصکنت, очевидно, противополагается упоминаемому дальше قزل سوی کوك تیپا, за Чарыномъ.

2) Въ текстѣ, очевидно, надо читать 11 раби' II вмѣсто «раби' I».

3) Въ текстѣ здѣсь بغوم, ниже (въ разсказѣ о возвращеніи Улугбека) также بغام.

4) По Мирхонду 13-го раби' II; по Абд-ар-Реззаку, л. 230б, 14-го, что правильнѣе (у Хаф.-Абру здѣсь даты нѣтъ).

5) Въ текстѣ только нарицательное слово دابان (монг. «перевалъ»).

6) Въ текстѣ названо мѣсто آق چلیغ, на рѣкѣ تکلیك. Вѣроятно, имѣется въ виду рѣка Чиликъ, самая значительная рѣка на пути къ Чарыну. У Хафизи-Абру и Абд-ар-

вѣроятно, проникъ изъ долины Большого Кебина, присоединиться къ войску Улугбека [1]). Улугбекъ, повидимому, до самаго Чилика нигдѣ не встрѣтилъ сопротивленія; о его маршрутѣ извѣстно только, что онъ переправился черезъ Чу и что ближайшій путь черезъ горы, вѣроятно, черезъ перевалъ Кастекъ, въ то время еще былъ закрытъ снѣгами; оттого Улугбекъ выбралъ другую дорогу, вѣроятно, соотвѣтствующую нынѣшнему почтовому тракту. На военномъ совѣтѣ въ Аксу нѣкоторые совѣтовали итти сначала къ Алтунъ-кулю (вѣроятно, къ Балхашу), противъ Садръ-Ислама и Меликъ-Ислама, но большинство рѣшило, что необходимо скорѣе дойти до главныхъ силъ хана Ширъ-Мухаммеда и не дать ему возможности спастись бѣгствомъ.

Болѣе подробно описываются дѣйствія между Чиликомъ и Чарыномъ, при чемъ приводятся нѣсколько географическихъ названій, къ сожалѣнію, не встрѣчающихся на современныхъ картахъ и не поддающихся точному опредѣленію. Отъ Чилика былъ отправленъ передовой отрядъ въ 1000 всадниковъ, съ 20 всадниками въ качествѣ развѣдчиковъ; имъ было предписано двигаться только ночью и нигдѣ не зажигать огня. Предосторожности оказались излишними; отрядъ дошелъ до Абиша, нигдѣ не заставъ враговъ, и вернулся къ Улугбеку. Улугбекъ на пути къ Абишу въ мѣстѣ Буралгу велѣлъ насыпать сторожевой холмъ изъ камней, такъ называемую «обу» [2]); изъ Абиша онъ лично произвелъ нападеніе на могольскій отрядъ, занявшій одну изъ возвышенностей вблизи Абиша, но моголы еще до столкновенія обратились въ бѣгство и не могли быть настигнуты. За Абишемъ въ мѣстѣ Кушъ-булакъ къ Улугбеку прибылъ посолъ отъ эмира Худайдада съ выраженіемъ покорности и былъ отпущенъ съ подарками. Еще дальше, въ мѣстѣ Арпа-Язы, Улугбекъ узналъ, что Джеханшахъ находится на Иссыкъ-кулѣ и собирается соединиться съ Садръ-Исламомъ и Меликъ-Исламомъ; чтобы преградить ему путь, былъ отправленъ отрядъ для занятія перевала Санъ-ташъ [3]), границы владѣній Джеханшаха; у перевала

Реззака эта рѣка не упоминается. Послѣ переправы черезъ Чу упоминаются перевалъ ابركيتو (كوتل) (такъ Хафизи-Абру, л. 422 а; Абд-ар-Реззакъ, рук. унив., л. 230 б ابركيتو, также рук. Аз. Муз. 574, стр. 492 и 574 а, л. 357 б), Сурхабъ (очевидно, переводъ названія рѣчки Кызылъ-су), дорога (راه) بيلقون (Х.-Абру) или هلقون (Абд., всѣ рук.), Абишъ, перевалъ كيتو (у Х.-Абру كهتو), мѣсто Арпа-Язы (у Х.-Абру нѣтъ, у Абд. вездѣ اره ياری) и Чарынъ.

1) Среди плѣнныхъ была одна изъ наложницъ прежняго хана Хызръ-ходжи; по приказанію Улугбека ее съ почетомъ отправили въ Самаркандъ.

2) Насыпные холмы, обозначаемые этимъ терминомъ, какъ извѣстно, существуютъ въ степи и теперь; монг. слово *обо*, ср., напр., въ словарѣ Будагова, I, 107. О монг. обо, напр, А. Позднѣевъ, Монголія, II, 172.

3) Въ текстѣ سنك تاش; объ этомъ перевалѣ и связанной съ нимъ легендѣ о Тимурѣ см. мой «Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію 1893—4 гг.», стр. 61.

былъ застигнутъ авангардъ войска Джеханшаха, причемъ мужчины были перебиты, женщины и дѣти уведены въ плѣнъ. Изъ Арпа-Язы Улугбекъ переправился черезъ Чарынъ, прошелъ черезъ Ташъ-буйнакъ и Кызылъ-су, гдѣ къ нему явился Худайдадъ. Улугбекъ раньше не довѣрялъ искренности Худайдада и даже послалъ отрядъ въ 1.000 человѣкъ, чтобы въ случаѣ необходимости привести его силой; но Худайдадъ явился самъ и былъ принятъ съ почетомъ [1]).

Въ той же мѣстности Улугбекъ узналъ, что на берегу Акъ-Куяша, подъ которымъ, повидимому, надо понимать рѣку Или [2]), стоятъ Садръ-Исламъ и Меликъ-Исламъ, чтобы оттуда двинуться на соединеніе съ Ширъ-Мухаммедомъ. Улугбекъ отправилъ противъ нихъ войско, въ числѣ 20.000 человѣкъ, и присоединилъ къ нему трехтысячный отрядъ, стоявшій у Санъ-таша; враги, однако, успѣли во-время переправиться черезъ Текесъ [3]); преслѣдованіе ихъ было признано нецѣлесообразнымъ. По желанію эмира Худайдада часть его людей, испытавшихъ большія бѣдствія во время предшествовавшей зимы, получили позволеніе отправиться въ Самаркандъ, съ конвоемъ изъ войска Улугбека; самъ Худайдадъ остался съ Улугбекомъ; его приближенный, Шейхъ-Дервишъ-кукельташъ, тотъ самый, который прибылъ къ Улугбеку въ Кушъ-булакъ, сдѣлался проводникомъ передового отряда войска Улугбека, отправленнаго на развѣдки, въ числѣ 20.000 человѣкъ. Имъ было установлено, что части войска, стоявшаго прежде у Или, теперь укрѣпились въ горахъ и что Ширъ-Мухаммедъ сосредоточилъ свои силы у Кетмень-тепе [4]), т. е., очевидно у горъ Кетмень (съ переваломъ и урочищемъ того же имени), оставивъ свои семьи, стада и обозы за Текесомъ. У Кетменя произошла битва между обоими войсками, при чемъ приводятся названія рѣчки Богуту [5]), у которой расположилось войско Улугбека, и нѣкоторыхъ другихъ урочищъ. На пути Улугбекъ, очевидно, для того, чтобы враги получили преувеличенное представленіе о численности его войска, велѣлъ каждому воину по ночамъ зажигать огонь въ пяти мѣстахъ; для обозначенія этого военнаго пріема у кочевниковъ былъ особый терминъ.

---

1) У Хафизи-Абру и Абд-ар-Реззака послѣ Чарына упоминаются мѣста غريان تركس (Х.-А. غريان تركس, Абд. غريان بركش, غريان تركش и غريان تركش) и Кокъ-тепе (Х.-А. بيشه, у Абд. بينه или پنبه), гдѣ произошло свиданіе съ Худайдадомъ.

2) Ср. слова въ текстѣ о величинѣ рѣки, не уступавшей величинѣ Джейхуна (Амударьи). Названіе «Куяшъ» носила въ XIII в. орда Джагатая на южномъ берегу Или; см. Очеркъ исторіи Семирѣчья, стр. 44.

3) Въ текстѣ تكه; объ этомъ же названіи ср. еще Отчетъ о поѣздкѣ въ Ср. Азію, стр. 71.

4) Объ этомъ также Хафизи-Абру, л. 422б; у Абд. нѣтъ.

5) Это же мѣсто (تغوتو) упоминается у Абд-ар-Реззака (рук. унив., л. 230б), какъ мѣсто, откуда войско Улугбека увидѣло войско враговъ.

Изъ описанія битвы[1]) видно, что войско Улугбека въ укрѣпленномъ лагерѣ ждало нападенія врага, спускавшагося съ высотъ; съ обѣихъ сторонъ наступательныя дѣйствія велись войсками праваго крыла[2]). Битва кончилась пораженіемъ моголовъ; плѣнные были приведены къ Улугбеку и по его приказанію всѣ перебиты. Чтобы надолго ослабить моголовъ, было рѣшено захватить ихъ стада и имущество и двинуться къ ихъ главной лѣтней ставкѣ, носившей названіе «Карши» (дворецъ)[3]). Туда медленно направился тяжелый обозъ; самъ Улугбекъ съ передовымъ отрядомъ переправился черезъ Акъ-Куяшъ (Или)[4]), часть войска отправилъ оттуда внизъ по рѣкѣ, а самъ направился къ Текесу, переправился безъ мостовъ черезъ нѣсколько рѣкъ (на этомъ пути онъ, очевидно, снова перешелъ на лѣвый берегъ Или и потомъ переправился черезъ Текесъ) и прибылъ «къ мѣсту Кунгесъ», т. е., очевидно, къ берегу Кунгеса[5]); во время этого движенія было истреблено нѣсколько могольскихъ отрядовъ, укрывшихся въ горахъ. Отъ Кунгеса Улугбекъ направился къ Карши, откуда вернулся обратно.

Возвращеніе арміи, вѣроятно, было нѣсколько ускорено извѣстіями о событіяхъ въ тылу ея. Отозваніемъ отряда, охранявшаго перевалъ Санъ-ташъ, воспользовался Джеханшахъ, чтобы съ Иссыкъ-куля пройти черезъ этотъ перевалъ, напасть на людей Худайдада, отправленныхъ въ Самаркандъ съ конвоемъ изъ войска Улугбека, нанести имъ полное пораженіе и захватить ихъ имущество. Узнавъ объ этомъ, Улугбекъ тотчасъ отправилъ войско на западъ, но скоро узналъ, что Джеханшахъ послѣ своего успѣха не пошелъ на Абишъ, какъ раньше предполагалъ, и возвратился на Иссыкъ-куль. Чтобы отрѣзать ему путь, Улугбекъ отправилъ два отряда, одинъ подъ начальствомъ Арсланъ-Ходжи черезъ Буамское ущелье, другой по какому-то другому пути[6]), вѣроятно по южному берегу озера. Арсланъ-Ходжа узналъ, что Джеханшахъ отъ Иссыкъ-куля направился на западъ,

---

1) Дата у Мирхонда не приводится; по Хафизи-Абру и Абд-ар-Реззаку битва произошла въ пятницу 15 джумада II (4 мая).

2) По Хафизи-Абру (л. 422б) каждая изъ трехъ частей войска Улугбека (центръ, правое и лѣвое крыло) состояла изъ 20.000 человѣкъ.

3) По Хафизи-Абру и Абд. Улугбекъ дошелъ до «главнаго яйлака» моголовъ на Юлдузѣ и уже на обратномъ пути оттуда былъ въ Карши.

4) По Хафизи-Абру (л. 425б) рѣки Или (ايله) достигъ только отрядъ (10.000 всадниковъ), посланный для преслѣдованія враговъ; о переправѣ черезъ рѣку не говорится. У Абд-ар-Реззака названія рѣки нѣтъ.

5) У Хафизи-Абру (л. 425б) вмѣсто всего этого говорится только о сосредоточеніи войска послѣ битвы در میان بای آب وتقوتو (у Абд., унив. рук., л. 231а در موضع بای بات وتقوتو, рук. Аз. Муз. 574, стр. 492 پای بات وتقوتو, 574а, л. 358а بای بات وتقوتو.

6) Слово كيرو въ текстѣ есть, повидимому, названіе перевала или рѣчки.

черезъ долины Кочкара и Джумгала[1]), и рѣшилъ его преслѣдовать. Предводители другого отряда, Мухаммедъ, Искендеръ и Шахъ-Вели, знали только, что врагъ бѣжалъ, и старались его настигнуть, не предполагая съ его стороны никакого нападенія; отрядъ во время этого движенія даже не находился въ боевомъ порядкѣ. Неожиданно Джеханшахъ со своимъ войскомъ напалъ на джагатаевъ; большая часть отряда тотчасъ обратилась въ бѣгство, только предводители съ небольшимъ числомъ оказали сопротивленіе. Отрядъ былъ спасенъ только быстрымъ прибытіемъ Арсланъ-Ходжи; узнавъ объ опасности, въ которой находились его товарищи, онъ переправился черезъ Джумгалъ и успѣлъ прибыть во-время; моголы уже при видѣ издали приближавшагося войска бѣжали въ горы. Улугбекъ въ это время находился въ крѣпости Иссыкъ-куль, построенной Тимуромъ, на сѣверномъ берегу озера[2]); узнавъ о происшедшемъ, онъ отправилъ на помощь своимъ новый отрядъ въ числѣ 2.000 всадниковъ; настигнуть враговъ, однако, не удалось. Мухаммедъ, Искендеръ и Шахъ-Вели подверглись со стороны Улугбека суровымъ упрекамъ за свою безпечность, потомъ получили прощеніе, благодаря заступничеству Худайдада.

Изъ этого разсказа видно, что обратный путь черезъ Семирѣчье былъ совершенъ Улугбекомъ вдоль сѣвернаго берега Иссыкъ-куля. Другимъ путемъ, вѣроятно, шелъ двухтысячный отрядъ[3]), которому было поручено отвезти въ Самаркандъ два большихъ куска нефрита[4]), находившихся въ Карши, за которые будто бы предлагали прежде большіе деньги китайскіе императоры. Для камней были устроены телѣжки, въ которыя впрягали то лошадей, то быковъ. Историки не прибавляютъ, что послѣ прибытія въ Самаркандъ оба куска были положены на гробницу Тимура[5]). Кромѣ надписи на этихъ камняхъ, памятникомъ похода Улугбека остается также извѣстная надпись въ Джиланутинскомъ ущеліи, о которой письменные источники тоже не упоминаютъ.

Улугбекъ вернулся въ Самаркандъ 27 іюня[6]); нѣсколько дней праздновалось успѣшное окончаніе похода; извѣстіе о достигнутыхъ успѣхахъ еще раньше[7]) пришло въЕратъ, гдѣ положило конецъ опасеніямъ Шах-

1) Мирхондъ, повидимому, считалъ слова يومقال قچقار названіемъ *одной* рѣки.

2) Ср. выше стр. 44 и 54. О городѣ Иссыкъ-кулѣ ср. Отчетъ о поѣздкѣ въ Ср. Азію, стр. 60; Очеркъ исторіи Семирѣчья, стр. 19.

3) Число указано у Хафизи-Абру, л. 426б и Абд-ар-Реззака.

4) Хафизи-Абру и Абд-ар-Реззакъ говорятъ только объ одномъ камнѣ. По Мирхонду кусковъ нефрита первоначально было три, изъ которыхъ одинъ былъ увезенъ Тимуромъ. Кромѣ разсказа о перенесеніи камня Хафизи-Абру и Абд-ар-Реззакъ не даютъ никакихъ свѣдѣній о движеніи войска отъ Карши до Самарканда.

5) Ср. З. В. О. XXIII, 31.

6) По Мирхонду 10-го ша'бана.

7) По Абд-ар-Реззаку (л. 231а) въ началѣ ша'бана (около 18 іюня)

руха и его правительства. Шахрухъ, повидимому, вполнѣ примирился съ тѣмъ, что походъ былъ совершенъ вопреки его запрещенію. 28 октября[1]) Улугбекъ прибылъ въ Гератъ, гдѣ былъ торжественно принятъ Шахрухомъ и гдѣ тоже были отпразднованы одержанныя побѣды. Улугбекъ пробылъ въ Гератѣ до 10 ноября[2]) и черезъ недѣлю послѣ отъѣзда оттуда прибылъ въ Самаркандъ.

Военная слава Улугбека была недолговѣчной. Его ставленникъ въ узбецкомъ ханствѣ Буракъ, еще въ 1425 г. выражавшій ему свою признательность, въ 1426 г. объявилъ притязаніе на земли по Сыръ-дарьѣ, всегда принадлежавшія потомкамъ Джучи и только при Тимурѣ присоединенныя къ джагатайскому государству. Одинъ изъ джагатайскихъ историковъ, анонимъ Искендера, говоритъ объ одномъ изъ узбецкихъ хановъ XIV в., Эрзенѣ, сынѣ Сасы-Буки, похороненномъ въ Саганакѣ, что имъ воздвигнута большая часть богоугодныхъ учрежденій (медресе, ханаки, мечети и друг.), находившихся въ Отрарѣ, Сабранѣ, Джендѣ и Барчкентѣ[3]). Города Джендъ и Барчкентъ къ концу XIV в., повидимому, уже не существовали[4]), но Саганакъ еще нѣсколько столѣтій сохранялъ свое значеніе; около 1377 г. здѣсь находился лагерь дѣда Бурака, Урусъ-хана, воевавшаго съ Тохтамышемъ, котораго поддерживалъ Тимуръ[5]). Урусъ-хану приписывалось возстановленіе города; поэтому Буракъ объявилъ, что на основаніи шарі'ата и обычнаго права городъ долженъ принадлежать ему, какъ наслѣдіе дѣда. Улугбекъ узналъ о притязаніяхъ Бурака отъ своего намѣстника, Арсланъ-Ходжи-тархана, рѣшилъ итти на узбековъ и извѣстилъ о своемъ намѣреніи Шахруха. Дѣйствія Шахруха и на этотъ разъ были такъ-же противорѣчивы, какъ годомъ раньше; онъ запретилъ сыну начинать войну и въ то же время отправилъ ему на помощь отрядъ подъ начальствомъ своего другого сына Джуки, выступившаго изъ Герата 15 февраля 1427 г.[6]). Джуки присоединился къ Улугбеку на пути изъ Самарканда къ Саганаку. Послѣ соединенія войскъ оба царевича чувствовали себя настолько сильными, что, какъ въ 1425 г. военачальники Улугбека на Джумгалѣ, не приняли никакихъ мѣръ предосторожности; когда къ нимъ прибылъ посолъ Бурака съ извиненіями и съ просьбой о мирѣ, его просьба была отклонена[7]). Въ холмистой мѣстности недалеко отъ Сага-

1) 15-го зу-ль-хидджа (Хафизи-Абру, л. 427 б; Абд-ар-Реззакъ, л. 231 а).

2) 28-го зу-ль-хидджа.

3) Анонимъ Искендера, рук. Аз. Муз., л. 241 б, лонд. рук., л. 254 б. Хронологическія опредѣленія этого автора крайне ненадежны.

4) Къ исторіи орошенія Туркестана, стр. 153 сл.

5) ZN I, 279.

6) 17 рабі' II 830 г. (Абд-ар-Реззакъ, л. 233 б).

7) Такъ по продолж. Хафизи-Абру, л. 442 а-б. Абд-ар-Реззакъ о просьбѣ Бурака не упоминаетъ.

нака на царевичей напало войско узбековъ, гораздо менѣе многочисленное; джагатаи были застигнуты врасплохъ и обращены въ бѣгство; обоихъ царевичей насильно увели съ поля битвы.

Пораженіе Улугбека произвело на жителей Мавераннахра такое впечатлѣніе, что въ Самаркандѣ образовалась партія, требовавшая закрытія воротъ столицы передъ разбитымъ войскомъ. Вельможамъ удалось возстановить порядокъ; Улугбекъ и Джуки могли вернуться въ Самаркандъ; побѣдители не дошли до столицы, но опустошили страну. Извѣстіе объ этихъ событіяхъ дошло до Герата еще въ мартѣ [1]); въ среду 2 апрѣля [2]) прибылъ посолъ Улугбека. Шахрухъ въ это время еще не вполнѣ оправился отъ раны, нанесенной ему злоумышленникомъ въ пятницу 21 февраля [3]) того же года, но послалъ сыну отрядъ войска и денежную помощь. Больной царевичъ Джуки остался въ Самаркандѣ; Улугбекъ присоединилъ къ своимъ войскамъ кандагарскія (принадлежавшія Джуки) и гератскія, переправился черезъ Сыръ-дарью у Шахрухіи и дошелъ до Ташкента, гдѣ узналъ, что узбеки вернулись обратно.

Опасность, такимъ образомъ, была устранена; тѣмъ не менѣе Шахрухъ 28 мая [4]) выступилъ съ войскомъ изъ Герата; съ нимъ былъ его сынъ Байсункаръ. Присутствіе въ войскѣ послѣдняго встревожило Улугбека, очевидно, опасавшагося, что Шахрухъ отниметъ у него Мавераннахръ и отдастъ его Байсункару; по настоянію Улугбека, Байсункаръ былъ изъ Балха отправленъ обратно и 16 іюля вернулся въ Гератъ [5]). Около того же времени войско Шахруха (очевидно, двигавшееся очень медленно) подошло къ Аму-дарьѣ; переправа войска была произведена на 200 судовъ и продолжалась около мѣсяца. Въ Термезѣ къ отцу прибылъ Улугбекъ, покинувшій свое войско, стоявшее въ Ташкентѣ. На вопросъ Шахруха о состояніи этого войска Улугбекъ отвѣтилъ, что оно лишилось большей части своихъ лошадей; Шахрухъ велѣлъ распустить его. Прибывъ въ Самаркандъ, Шахрухъ пробылъ тамъ до понедѣльника 6 октября [6]); виновные въ военныхъ неудачахъ были привлечены имъ къ отвѣтственности и наказаны палками; самъ Улугбекъ долженъ былъ перенести суровый выговоръ, на нѣкоторое время былъ лишенъ своего намѣстничества и только въ видѣ милости получилъ его обратно.

---

1) Еще въ мѣсяцѣ джумада I (прод. Хафизи-Абру, л. 441 б).

2) 4 джумада II (продолж. Хафизи-Абру, л. 443 а).

3) 23-го раби' II у Абд-ар-Реззака (л. 234 а); у Хафизи-Абру (оксф. рук. 434 б) по ошибкѣ раби' I.

4) 1-го ша'бана; одинаковая дата у продолж. Хафизи-Абру (л. 445 б) и у Абд-ар-Реззака (л. 235 а).

5) Дата у Фасиха (л. 419 а) и Абд-ар-Реззака (l. c.) — 21-го рамазана.

6) 14-го зу-ль-хиджжа (Абд-ар-Реззакъ, l. c.).

Униженіе 1427 г., повидимому, наложило отпечатокъ на все дальнѣйшее царствованіе Улугбека. Въ теченіе слѣдующихъ двадцати лѣтъ онъ лично не совершалъ никакихъ походовъ; дѣйствія посылавшихся имъ отрядовъ не отличались успѣшностью, и къ концу этого періода какъ моголы, такъ и узбеки могли безнаказанно совершать набѣги на его государство.

Даже побѣдоносный походъ 1425 г., повидимому, не доставилъ Улугбеку никакихъ выгодъ, кромѣ кратковременной военной славы. Изъ разсказа о походѣ видно, что Улугбеку пришлось поспѣшно возвращаться изъ Моголистана, причемъ нѣкоторымъ изъ его отрядовъ были нанесены чувствительныя потери; не могло быть рѣчи ни объ оставленіи гарнизоновъ, ни о постройкѣ крѣпостей, ни о подчиненіи кочевниковъ и ихъ предводителей. Подчинившійся Улугбеку дуглатскій эмиръ Худайдадъ ушелъ съ Улугбекомъ въ Мавераннахръ, оттуда отправился въ Мекку и умеръ въ Мединѣ; его потомокъ, историкъ Мухаммедъ-Хайдеръ, даже оправдываетъ его измѣну тѣмъ, что только такимъ путемъ онъ могъ осуществить свое давнишнее желаніе и совершить паломничество, на которое Вейсъ-ханъ не давалъ ему разрѣшенія[1]). Изъ его родственниковъ никто не послѣдовалъ его примѣру и не вступилъ въ сношенія съ Улугбекомъ; его старшій сынъ, несмотря на измѣну отца, по назначенію Вейсъ-хана сдѣлался его преемникомъ, въ качествѣ «улуснаго эмира» Моголистана[2]).

Ширъ-Мухаммедъ-ханъ вскорѣ умеръ отъ болѣзни[3]), послѣ чего власть снова перешла къ его прежнему сопернику Вейсъ-хану. Улугбекомъ противъ него былъ выставленъ Сатукъ-ханъ, номинальный ханъ Самарканда, и посланъ съ войскомъ въ Моголистанъ; около 1429 г.[4]) Вейсъ-ханъ на берегу Иссыкъ-куля палъ въ битвѣ съ Сатукъ-ханомъ, но и послѣдній скоро долженъ былъ бѣжать въ Кашгаръ, гдѣ былъ убитъ при набѣгѣ на этотъ городъ внука Худайдада, Каракулъ-Ахмедъ-мирзы. Каракулъ-Ахмедъ-мирза потомъ былъ взятъ въ плѣнъ войскомъ Улугбека, отправленъ въ Самаркандъ и тамъ разрубленъ пополамъ.

Мухаммедъ-Хайдеръ, единственный историкъ, говорящій объ этихъ событіяхъ, не даетъ точныхъ хронологическихъ датъ; остается также неяснымъ, какое мѣсто занимаютъ набѣгъ Каракулъ-Ахмедъ-мирзы и взятіе его въ плѣнъ въ происходившей между джагатаями и моголами борьбѣ за Кашгаръ. По словамъ Мухаммедъ-Хайдера[5]), борьба за Кашгаръ велась

1) The Tarikh-i-Rashidi, p. 69.

2) Ibid., p. 71.

3) Ibid., p. 65.

4) Tarikh-i-Rashidi, p. 72; дата точно не указывается; говорится только (ibid., p. 73), что старшему сыну Вейсъ-хана Юнусу было тогда 13 лѣтъ; по вычисленію автора (p. 84), Юнусъ родился въ 819 г. (1416).

5) Tarikh-i-Rashidi, p. 75 sq.

между дуглатскимъ эмиромъ Сейидъ-Али (внукомъ Худайдада), владѣтелемъ Аксу, и намѣстниками Улугбека. Мухаммедъ-Шаисте выступилъ противъ Сейидъ-Али, у котораго было только 7000 человѣкъ, съ 30.000 войска; битва произошла въ 3 фарсахахъ отъ Кашгара; джагатаи покинули своихъ предводителей и бѣжали, вслѣдствіе чего битва получила у моголовъ названіе «Салай-бегўм», что, по словамъ историка, значитъ: «я покину своего эмира». Бѣглецы были впущены жителями въ городъ; моголы опустошили область и ушли съ добычей. На слѣдующій годъ набѣгъ повторился; на этотъ разъ намѣстникъ остался за стѣнами города и не мѣшалъ врагамъ опустошать страну; моголы снова ушли, взявъ одну изъ сосѣднихъ крѣпостей. Тотъ же ходжа Шерифъ, который, по разсказу Мухаммедъ-Хайдера, въ 1416 г. предалъ Кашгаръ тимуридамъ, теперь отправился въ Самаркандъ просить помощи. Улугбекъ [1]) отозвалъ прежняго намѣстника и назначилъ поваго, Пиръ-Мухаммеда; но когда моголы явились въ третій разъ, Пиръ-Мухаммедъ также не могъ помѣшать имъ опустошить страну. Потеря третьяго урожая угрожала странѣ голодомъ; съ согласія ходжи, жители вступили въ переговоры съ моголами; Пиръ-Мухаммедъ былъ связанъ, выданъ Сейидъ-Али и убитъ. Сейидъ-Али вступилъ въ Кашгаръ, гдѣ, по словамъ историка, правилъ еще 24 года, до своей смерти; годъ смерти приводится по датѣ, указанной на его гробницѣ, еще существовавшей при историкѣ въ Кашгарѣ — 862 г. хиджры [2]). Изъ этого можно заключить, что завоеваніе имъ Кашгара произошло въ 838 г., т. е. въ 1434 или 1435 г. по Р. Хр., скорѣе въ 1435 г., такъ какъ опустошеніе страны было связано съ временемъ урожая. Съ этими датами трудно было бы привести въ согласіе слова того же историка, будто тимуриды господствовали въ Кашгарѣ 40 лѣтъ [3]). Хронологическія противорѣчія вообще встрѣчаются у Мухаммедъ-Хайдера довольно часто; фактическія подробности его разсказа тоже вызываютъ сомнѣніе, тѣмъ болѣе, что авторъ писалъ въ половинѣ XVI в. на основаніи устныхъ преданій. Общій ходъ завоеванія Кашгара моголами, повидимому, переданъ вѣрно: къ такому же пріему кочевники прибѣгли въ началѣ XIII в., когда Кучлукъ найманскій, не осаждая города и не вступая въ открытую битву, четыре года къ ряду своими опустошеніями отнималъ у жителей урожай и этимъ заставилъ ихъ сдаться [4]). Привезти хлѣбъ въ необходимомъ количествѣ по горнымъ путямъ, отдѣ-

1) Мухаммедъ-Хайдеръ передаетъ невѣроятный по грубости разговоръ, будто бы происшедшій между ходжей и Улугбекомъ. Улугбекъ будто бы спросилъ, много лиословъ въ Кашгарѣ, на что ходжа отвѣтилъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ пришли джагатаи, ихъ очень много».

2) Tarikh-i-Rashidi, p. 87. О молодости Сейидъ-Али ср. выше, стр. 75, пр. 1.

3) Tarikh-i-Rashidi, p. 75.

4) Туркестанъ въ эпоху монг. нашествія, стр. 396.

ляющимъ Кашгаръ отъ Ферганы и другихъ культурныхъ областей, очевидно, признавалось невозможнымъ.

Болѣе близкіе по времени авторы ничего не говорятъ о потерѣ тимуридами Кашгара. Изъ сочиненія Абд-ар-Реззака извѣстно только, что весной 1434 г. изъ Моголистана вернулся отрядъ, посланный туда Улугбекомъ; отрядъ вернулся «съ побѣдой»[1]), но въ чемъ заключались достигнутые успѣхи, не говорится. Абд-ар-Реззакъ не упоминаетъ даже о событіи, о которомъ, кромѣ Мухаммедъ-Хайдера, говоритъ также Бабуръ: о прибытіи въ Самаркандъ бѣглецовъ изъ Моголистана, съ царевичемъ Юнусомъ, сыномъ Вейсъ-хана, во главѣ. Послѣ смерти Вейсъ-хана и Сатукъ-хана въ Моголистанѣ произошла борьба между приверженцами двухъ малолѣтнихъ сыновей Вейса, Юнуса и Эсень-Буки; партія Эсэнь-Буки одержала верхъ; вмѣстѣ съ Юнусомъ предводители его партіи, Иразанъ и Мирекъ-Туркменъ, и ихъ приверженцы, въ числѣ 3—4.000 семействъ[2]), бѣжали къ Улугбеку, который будто бы еще раньше женилъ своего малолѣтняго сына Абд-ал-Азиза на сестрѣ Юнуса. По приказанію Улугбека начальники моголовъ были вѣроломно умерщвлены (ихъ впускали въ цитадель черезъ одни ворота, съ обѣщаніемъ снабдить ихъ провіантомъ, и задерживали у другихъ); остальные были частью взяты въ плѣнъ, частью разосланы по различнымъ областямъ; молодого царевича, съ пятой частью добычи, отправили къ Шахруху. Въ Гератѣ царевичъ былъ хорошо принятъ и посланъ на западъ; болѣе года онъ пробылъ въ Тебризѣ у туркменскаго султана Джеханшаха, потомъ прибылъ въ Ширазъ къ царевичу Ибрагиму, сыну Шахруха, за 5—6 мѣсяцевъ до его смерти, послѣдовавшей 3 или 4 мая 1435 г.[3]). Изъ этихъ словъ Бабура можно заключить, что избіеніе могольскихъ предводителей въ Самаркандѣ произошло въ 1433 г.[4]); на моголовъ это событіе произвело такое впечатлѣніе, что съ него вели счетъ годамъ. Очень вѣроятно, что съ тѣмъ же событіемъ были связаны отправленіе того отряда, о которомъ говоритъ Абд-ар-Реззакъ, и борьба между моголами и джагатаями за Кашгаръ.

При ханѣ Эсэнь-Букѣ, пережившемъ Улугбека, моголы могли безнаказанно опустошать владѣнія тимуридовъ. Мухаммедъ-Хайдеръ говоритъ о крѣпостяхъ, построенныхъ моголами на Алабугѣ и на Иссыкъ-кулѣ; изъ

---

1) У Абд-ар-Реззака (унив. рук., л. 244б) выраженіе مظفّر ومنصور.

2) Такъ у Бабура (يابرلاده, ed. Beveridge, p. 10a); по Тарихи-Рашиди (стр. 73)—30.000.

3) Дата у Абд-ар-Реззака, л. 245б и у Фасиха, л. 423б (среда 4 шавваля 838). Джеханшахъ, однако, вступилъ на престолъ позже, по Даулетшаху (457,19) въ 839 г. (1435—6). Въ 1434—6 гг. Шахрухъ воевалъ съ отцемъ Джеханшаха Искендеромъ (Абд., л. 245а—248а).

4) Мухаммедъ Хайдеръ въ другомъ мѣстѣ (Tarikh-i-Rashidi, p. 84) относитъ его къ 832 г. (1428—9), хотя тутъ же прибавляетъ, что хану было 16 лѣтъ, что указываетъ на 835 (1431—2) г. (ср. стр. 87, пр. 4).

первой совершались набѣги на Фергану, изъ второй — на Сайрамъ и будто бы даже на Туркестанъ [1]). Во время смутъ, происходившихъ въ послѣдніе годы жизни Улугбека и послѣ его смерти, Эсэнь-Бука, по разсказу Бабура, взялъ Андижанъ и дошелъ до Кенд-и-Бадама [2]).

Еще меньше извѣстно объ отношеніяхъ между Улугбекомъ и узбецкими ханами послѣ 1427 г. Въ 1429 г. къ Шахруху, находившемуся въ это время въ западной Персіи, пришло отъ Улугбека извѣстіе о смерти хана Бурака; онъ погибъ въ странѣ моголовъ отъ руки какого-то Султанъ-Махмудъ-оглана, котораго въ свою очередь убилъ какой-то Мухаммедъ-гази [3]). Въ 1427 г. Буракъ, повидимому, ограничился опустошеніемъ страны и не расширилъ своихъ владѣній насчетъ государства тимуридовъ; Саганакъ остался въ рукахъ Улугбека и былъ завоеванъ узбеками только 20 лѣтъ спустя, при новомъ ханѣ Абулхайрѣ. Абулхайръ [4]) еще въ 1428 г. былъ провозглашенъ ханомъ гдѣ-то въ Сибири; послѣ смерти его соперника Бурака его войска подошли къ границамъ государства тимуридовъ, но первыя дѣйствія ихъ были направлены не противъ Мавераннахра. Кромѣ низовьевъ Сыръ-дарьи, кочевниковъ, какъ мѣста, удобныя для зимовокъ, всегда привлекали Хорезмъ и прибрежье Каспійскаго моря; изъ зимнихъ ставокъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ предпринимались набѣги на культурныя земли [5]). Зимой 1430—1 г. Абулхайру удалось захватить на нѣкоторое время сѣверную часть Хорезма, съ городомъ Ургенчемъ (южная, съ Кятомъ и Хивой, оставалась въ рукахъ тимуридовъ); по словамъ узбецкаго историка, только климатическія условія заставили Абулхайра очистить страну; по словамъ Абд-ар-Реззака, посланное Шахрухомъ войско преслѣдовало узбековъ и произвело опустошенія въ ихъ странѣ [6]). Кромѣ подданныхъ Абулхайра, на владѣнія тимуридовъ нападали также отдѣлившіеся отъ Абулхайра роды, такъ называемые «казаки» (слово, въ восточной литературѣ впервые встрѣчающееся въ этотъ періодъ); часть казаковъ ушла въ Моголистанъ и была поселена ханомъ Эсэнь-Букой на берегахъ Чу [7]); другая часть [8]) производила нападенія на Астрабадъ;

1) Tarikh-i-Rashidi, стр. 78 сл. Изъ этого можно заключить, что пограничнымъ пунктомъ владѣній Улугбека на сѣверо-востокѣ въ то время былъ Сайрамъ.

2) بابرنامه, л. 10a.

3) Абд-ар-Реззакъ, л. 238a. Фасихъ, л. 419б.

4) Ср. о немъ мою статью въ Enz. des Islām, I, 101f.

5) Ср., напр., слова Нершахи (Nerchakhy, ed. Schefer, p. 16) о Пейкендѣ: زمستان كه وقت غلبهٔ كافران ميشد.

6) Абд-ар-Реззакъ, л. 240a.

7) Объ этомъ Tarikh-i-Rashidi, p. 82 и 272; ср Вельяминовъ-Зерновъ, Изслѣд. о Касим. царяхъ, II, 139 и «Очеркъ исторіи Семирѣчья», стр. 80 сл.

8) О ней Абд-ар-Реззакъ, л. 255a. О словѣ «казакъ» ср. П. Фалевъ въ Пословицахъ и т. д. Крымскихъ татаръ, Симферополь 1915, стр. 54. Время и мѣсто появленія слова «казакъ» едва-ли позволяютъ принять теорію, недавно предложенную И. Я. Марромъ (ЖМНП, іюнь 1915, стр. 286).

для отраженія набѣговъ въ этой мѣстности, по распоряженію Шахруха, всегда зимовали многочисленные отряды, подъ начальствомъ царевичей или знатныхъ эмировъ. Объ участіи въ этихъ дѣйствіяхъ отрядовъ изъ Мавераннахра свѣдѣній нѣтъ.

Въ сороковыхъ годахъ XV в. узбеки снова дѣйствовали на Сыръ-дарьѣ; ко времени смерти Шахруха въ Саганакѣ, Сузакѣ и Узкендѣ были намѣстники хана Абулхайра[1]). Изъ разсказа о послѣдующихъ событіяхъ, особенно о борьбѣ между Абу-Са'идомъ и Абдуллой, можно заключить, что пограничнымъ городомъ государства тимуридовъ былъ тогда городъ Туркестанъ.

Съ болѣе отдаленными восточными странами государство тимуридовъ при Шахрухѣ и Улугбекѣ поддерживало мирныя торговыя сношенія. Планъ похода на Китай былъ оставленъ тотчасъ послѣ смерти Тимура; китайскіе послы, задержанные Тимуромъ, были отпущены еще при Халиль-Султанѣ и вернулись въ Китай въ 1407 г.; съ ними прибылъ посолъ отъ Халиль-Султана, по имени Худайдадъ[2]). Около того же времени прибылъ посолъ съ лошадьми и верблюдами для императора отъ Шейхъ-Нур-ад-дина. Изъ Китая въ 1408 г. былъ посланъ въ Туркестанъ тотъ же Ань-чжи-дао, который стоялъ во главѣ посольства 1395 г., задержаннаго Тимуромъ; посольство было въ Гератѣ въ началѣ 1409 г. и выразило Шахруху соболѣзнованіе по случаю смерти Тимура[3]); въ томъ же 1409 г. посольство вернулось въ Китай[4]), причемъ съ нимъ прибыли послы изъ Герата и Самарканда. Въ 1410 г. говорится о проѣздѣ черезъ Бишбалыкъ китайскихъ пословъ, направлявшихся въ Самаркандъ[5]); въ томъ же году въ Китай прибылъ посолъ изъ Герата. Возможно, что посольство, проѣзжавшее черезъ Бишбалыкъ въ 1410 г., было тѣмъ же самымъ, которое прибыло въ Гератъ въ 1412 г. и было принято съ необыкновенной торжественностью (въ честь пословъ жители должны были украсить свои дома шелковыми тканями и коврами)[6]). Путешествіе пословъ изъ Китая на западъ во всякомъ случаѣ продолжалось нѣсколько лѣтъ, такъ какъ въ доставленныхъ ими письмахъ

---

1) Тарихи Абулхайръ-хани, рук. унив. 852, л. 446б и сл.

2) Объ этомъ и слѣдующихъ китайскихъ посольствахъ въ Самаркандъ E. Bretschneider, Med. res., II, 261 и сл.

3) Хафизи-Абру, рук. Dorn 290, л. 313б; Абд-ар-Реззакъ, л. 179б и сл. По Минъ-ши порученіе совершить жертвоприношеніе въ память умершаго царя и доставить дары новому было возложено на Бо-а-эръ-хинь-та'я (Med. res., II, 262), но послѣдній, какъ видно изъ дальнѣйшаго, былъ отправленъ изъ Китая позже, чѣмъ Ань.

4) О сношеніяхъ Китая съ Гератомъ Med. res., II, 279 сл.

5) Med. res., II, 240.

6) Хафизи-Абру, рук. Ind. Off., л. 175б и сл.; рук. Dorn, 290, л. 316б; рук. оксф., л. 183б и сл.; Абд-ар-Реззакъ, л. 192б и сл. Текстъ писемъ также у E. Blochet, Introduction etc., p. 244 сл. Китайскіе подлинники по Минъ-ши въ Med. res., II, 280.

китайскій императоръ увѣщевалъ Шахруха и Халиль-Султана прекратить свои ссоры и заключить миръ. Посольство, во главѣ котораго стоялъ Бо-а-эръ-хинь-тай, вернулось въ Китай въ 1413 г.; съ нимъ прибыли послы изъ Герата и другихъ мѣстъ до Шираза[1]). Въ томъ же году изъ Китая снова было отправлено посольство, которое вернулось на родину въ 1415 г.; съ нимъ прибыли послы изъ Герата, Самарканда и Шираза; хорасанскіе историки о прибытіи посольства въ Гератъ не упоминаютъ. Новые послы изъ Герата прибыли въ Китай въ 1416 г.; въ томъ же году было отправлено посольство изъ Китая въ Самаркандъ, Андхой[2]), Гератъ и Исфаханъ[3]); послы вернулись въ 1417 г. Изъ сочиненій Хафизи-Абру и Абд-ар-Реззака[4]) извѣстно, что они были въ Гератѣ въ апрѣлѣ и маѣ 1417 г.; 11 мая[5]) состоялась ихъ прощальная аудіенція, съ обычнымъ угощеніемъ; Улугбекъ, прибывшій въ Гератъ въ пятницу 7-го мая[6]), также принималъ участіе въ устройствѣ пировъ. Изъ Герата съ послами былъ отправленъ Ардаширъ-туваджи; изъ Самарканда также былъ отправленъ посолъ. Ардаширъ-туваджи вернулся въ Гератъ 13 октября 1419 г.[7]); съ нимъ прибыло новое китайское посольство. На пути въ Гератъ, въ августѣ того же года, послы были съ подарками для Улугбека въ Самаркандѣ, откуда выѣхали 23 августа[8]), на слѣдующій день послѣ угощенія; на обратномъ пути, въ октябрѣ, они снова посѣтили Самаркандъ. Улугбекъ принялъ участіе также въ отвѣтномъ посольствѣ, которое выѣхало изъ Герата 4 декабря 1419 г.[9]); когда послы 6 февраля 1420 г.[10]) прибыли въ Самаркандъ, они узнали, что Улугбекъ двумя мѣсяцами раньше отправилъ въ Китай своихъ пословъ, хотя китайскіе послы еще оставались въ Самаркандѣ; посольство покинуло Самаркандъ вмѣстѣ съ ними 25 февраля[11]). Въ Пекинѣ, гдѣ посольство пробыло съ декабря 1420 до мая 1421 г., послы видѣли черную лошадь съ бѣлыми ногами, подаренную императору Улугбекомъ. Въ составъ посольства входили по два посла отъ Шахруха, Улугбека и Байсункара и по одному отъ Суюргатмыша и Шахъ-Мелика; дневникъ посольства, составленный однимъ изъ пословъ Байсункара, живописцемъ (نقّاش) Гіяс-ад-

1) О сношеніяхъ Китая съ Ширазомъ Med. res., II, 292.

2) Med. res., II, 276.

3) Ibid., 291.

4) Хафизи-Абру, рук. Dorn 290, л. 324 б, оксф. рук., л. 296 б; Абд-ар-Реззакъ, л. 209 а.

5) 23-го раби' I 820 (у Абд-ар-Реззака даты нѣтъ).

6) 19-го раби' I.

7) 23-го рамазана 822; Хафизи-Абру, оксф. рук., л. 314 б; Абд-ар-Реззакъ, л. 212 б (безъ точной даты).

8) 1-го ша'бана (Хафизи-Абру, оксф. рук., л. 319 б; Абд-ар-Реззакъ, л. 213 б).

9) 16-го зу-ль-ка'да 822 (такъ по Абд.; по Хаф.-Абру 6-го).

10) 22-го мухаррема 823.

11) 10 сафара 823.

дипомъ, является однимъ изъ самыхъ подробныхъ и популярныхъ мусульманскихъ сочиненій о Китаѣ [1]).

Нѣсколько рѣже были посольства во второй четверти XV в., что китайцы объясняютъ измѣнившейся политикой китайскихъ императоровъ [2]); въ письмѣ китайскаго императора на имя Шахруха, посланномъ въ 1432 г. съ евнухомъ Ли-Гу'-емъ, перерывъ сношеній объясняется внѣшними препятствіями на пути, т. е. смутами въ Средней Азіи [3]); въ 1432 г. сношенія считались возстановленными, и императоръ просилъ Шахруха оказать покровительство купцамъ. Посолъ изъ Герата прибылъ въ Пекинъ еще въ 1427 г., посолъ изъ Самарканда въ 1430 г.; Ли-Гуй былъ посланъ въ оба города [4]). Въ китайской исторіи приводится еще текстъ письма императора Чжэнъ-Тун'а на имя Улугбека въ 1445 г. [5]).

Однимъ изъ главныхъ предметовъ вывоза изъ Китая былъ фарфоръ, производство котораго достигло въ Китаѣ въ XV в. высокаго совершенства [6]). Улугбекомъ въ одномъ изъ загородныхъ садовъ около возвышенности Чопанъ-Ата былъ построенъ павильонъ, внутренняя облицовка котораго состояла изъ китайскаго фарфора, привезеннаго въ Мавераннахръ въ нѣсколько пріемовъ [7]).

Зимой 1421—2 г. Улугбекомъ было принято въ Бухарѣ посольство изъ Тибета; къ сожалѣнію, о немъ говорится только въ краткихъ словахъ, причемъ ничего не сообщается ни о цѣляхъ посольства, ни о его маршрутѣ, ни о впечатлѣніи, произведенномъ имъ при дворѣ Улугбека [8]).

---

1) Имъ воспользовался Хафизи-Абру (оксф. рук., л. 383б—412а), откуда его, съ нѣкоторыми сокращеніями, воспроизвелъ Абд-ар-Реззакъ (л. 224б—228б). Текстъ Абд-ар-Реззака, часто воспроизводившійся и восточными авторами, изданъ въ подлинникѣ и французскомъ переводѣ Катрмеромъ (Not. et Extraits, XIV, part. I, 308—341, 387—426). Текстъ Хафизи-Абру еще не изданъ. Ср о немъ المظفّريّة, стр. 27 и Міръ Ислама, I, 107, пр. 1.

2) Med. res., II, 285.

3) Ibid. 286.

4) Онъ былъ также въ Бухарѣ, ibid. 271.

5) Ibid. 263.

6) Münsterberg, Chinesische Kunstgeschichte, II, 274.

7) بابرنامه ed. Beveridge, л 47а-б. Абд-ар-Реззакъ, л. 283а.

8) Абд-ар-Реззакъ, л. 223а. Въ текстѣ تلب, правильное чтеніе تبت въ рукоп. Аз. Муз. 574, стр. 472 и 574а, л. 345б, у Мирхонда L 1292 и C 322а и у Катрмера, Not. et Extr., XIV, part. I, p. 306

5.

Внутреннія дѣла Мавераннахра при Улугбекѣ.

Въ своихъ заботахъ о благосостояніи Мавераннахра и о блескѣ его столицы Улугбекъ еще больше подражалъ своему дѣду, чѣмъ въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ. Самаркандъ жилъ при немъ тою же жизнью, какъ при Тимурѣ, и дворъ Улугбека ничѣмъ не походилъ на дворъ его отца въ Гератѣ. Въ Гератѣ государь по пятницамъ посѣщалъ мечеть какъ простой мусульманинъ, ничѣмъ не ограждая себя отъ толпы, вслѣдствіе чего въ 1427 г. могло быть совершено покушеніе на его жизнь[1]); въ мѣсяцъ рамазанъ имъ строго соблюдался постъ, даже во время путешествія; четыре раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ, четвергамъ, пятницамъ и субботамъ ко двору призывались чтецы Корана[2]). Шахруха называли мусульманскимъ царемъ по преимуществу[3]); къ нему былъ примѣненъ хадисъ объ обновителѣ вѣры, являющемся въ началѣ каждаго столѣтія[4]); строго преслѣдовались запрещенныя религіей удовольствія; мухтасибамъ, которыхъ въ городѣ было двое, былъ предоставленъ полный просторъ; не соблюдалось даже старое правило, по которому мухтасибу не должно было быть дѣла до того, что происходило внутри частныхъ домовъ; гератскіе мухтасибы могли входить въ дома знатныхъ людей и, если находили тамъ вино, выливать его. Въ 1440 г. Шахруху донесли, что погреба съ виномъ остались только въ домахъ царевичей Джуки и Ала-ад-дауля (сына и внука Шахруха), куда мухтасибы не рѣшались войти; Шахрухъ самъ сѣлъ на коня, позвалъ мухтасибовъ съ ихъ подчиненными, вмѣстѣ съ ними отправился къ царевичамъ, и вино было вылито въ его присутствіи[5]).

Въ Самаркандѣ въ это время продолжались пиры съ музыкой и пѣніемъ; изъ Самарканда приглашались музыканты и пѣвцы богачами другихъ городовъ; въ біографіи ходжи Ахрара говорится о приглашеніи самаркандскихъ музыкантовъ и пѣвцовъ въ Ташкентъ на пиръ, устроенный однимъ изъ мѣстныхъ богачей въ началѣ 20-хъ годовъ XV в.[6]). Замѣчательно, что на сторонѣ Улугбека былъ самаркандскій шейх-ал-исламъ

---

1) Хафизи-Абру, оксф. рук., л. 435 б.

2) تاريخ خيرات, л. 299 а.

3) Слова одного шейха въ رشحات, ташк. литогр., стр. 294, рук. унив., л. 159 а, рук. Аз. Муз., л. 209 а: ميرزا شاهرخ را پادشاه مسلمان ميكويند.

4) Абд-ар-Реззакъ, л. 253 б. О хадисѣ и его примѣненіи см. еще Міръ Ислама, I (1912), стр. 103 и 391.

5) Абд-ар-Реззакъ, л. 254 а.

6) Ходжѣ Ахрару, родившемуся въ 806 г. (1404), въ то время было 18 лѣтъ (رشحات, рук. унив. 253, л. 134 а; рук. Аз. Муз., л. 167 б сл.; ташк. литогр., стр 239).

Исам-ад-динъ, сынъ Абд-ал-Мелика и преемникъ Абд-ал-Эввеля[1]); шейхи дервишей, нападавшіе на Улугбека за отступленіе отъ правилъ шарі'ата, были принуждены направлять свои обличенія также противъ оффиціальнаго главы мусульманскаго духовенства. Шейх-ал-исламъ однажды построилъ новыя бани и, празднуя окончаніе постройки, устроилъ пиръ, на который явились также женщины-пѣвицы; мухтасибъ Сейидъ-Ашикъ, назначенный на эту должность Улугбекомъ, обратился къ шейх-ал-исламу съ рѣзкимъ упрекомъ: «Шейх-ал-исламъ безъ ислама, по какому мазхабу (толку) дозволяется мужчинамъ и женщинамъ сидѣть вмѣстѣ и пѣть?»[2]).

Образъ жизни самаркандскихъ шейх-ал-исламовъ не былъ единственнымъ въ своемъ родѣ явленіемъ; еще съ XII в., со времени бухарскихъ садръ-джехановъ[3]), мы видимъ въ Средней Азіи духовныхъ сановниковъ, пышный образъ жизни которыхъ былъ соблазномъ для вѣровавшихъ. Какъ бухарскіе садръ-джеханы, такъ и самаркандскіе шейх-ал-исламы были представителями аристократическихъ слоевъ населенія, на сторонѣ которыхъ въ эпоху Улугбека была верховная власть. Защитниками интересовъ народныхъ массъ были шейхи дервишскихъ орденовъ, особенно накшбендіевъ. Такъ какъ представители книжнаго богословія сдѣлались руководителями аристократіи, борьба дервишизма съ книжнымъ богословіемъ приняла въ Туркестанѣ иной характеръ, чѣмъ въ западной Азіи. Тамъ представители книжнаго богословія требовали строгаго соблюденія шарі'ата, дервиши или суфіи отстаивали болѣе свободное толкованіе правилъ вѣры (извѣстно, что въ Персіи слово «суфизмъ» постепенно сдѣлалось синонимомъ религіознаго свободомыслія); здѣсь именно дервиши отстаивали шарі'атъ и обличали въ нарушеніи его правилъ какъ представителей верховной власти, такъ и оффиціальнаго главу мусульманскаго духовенства. Все это дѣлалось во имя интересовъ народныхъ массъ; какъ въ Европѣ послѣдовательные коммунисты отвергали науку и искусство, недоступныя для народныхъ массъ, такъ въ Туркестанѣ XV в. представители дервишизма были противниками всякой книжной учености, не исключая и богословія[4]).

---

1) Время смерти Абд-ал-Эввеля въ источникахъ не опредѣляется. Мы видѣли (стр. 62), что онъ еще упоминается въ разсказѣ о событіяхъ 1409—1411 гг.; въ 1422 г., во время путешествія Улугбека въ Гератъ, шейх-ал-исламомъ уже былъ Исам-ад-динъ, сопровождавшій Улугбека (Абд-ар-Реззакъ, л. 224 а).

2) حبيب السير, тегер. изд., III, 219.

3) О нихъ Туркестанъ въ эпоху монг. нашествія, II, 349, 379—381 и статья «Burhān» въ Enz. des Islām, I, 831.

4) Изъ ученыхъ богослововъ эпохи Улугбека, кромѣ шейх-ал-ислама Исам-ад-дина, Хондемиръ называетъ Ала-ад-дина Шаши (онъ упоминается также Даулетшахомъ, стр. 366,11), Мухаммеда Алима (за грубость онъ былъ изгнанъ Улугбекомъ и удалился въ Гератъ, гдѣ и умеръ), Афзаль-ад-дина Кеши (по Абд-ар-Реззаку, л. 244 б, онъ былъ съ

Составленная въ началѣ XVI в. исторія средне-азіатскаго дервишизма (*Рашахāту айни-л-хаятъ*) полна разсказовъ, свидѣтельствующихъ о враждебномъ отношеніи дервишей къ Улугбеку и шейх-ал-исламу. Даже глава бухарскихъ дервишей, шейхъ Мухаммедъ Пāрсā, одинъ изъ виновниковъ паденія Халиля и, слѣдовательно, воцаренія Улугбека, не пользовался расположеніемъ государя и шейх-ал-ислама. Когда въ Самаркандъ для провѣрки иснадовъ, съ которыми передавались хадисы, прибылъ Шемс-ад-динъ Мухаммедъ ибн-Мухаммедъ ал-Джезери[1]) (вѣроятно, упомянутый выше, стр. 40, современникъ Тимура), Мухаммедъ Пāрсā по распоряженію Улугбека былъ вызванъ въ Самаркандъ, чтобы дать отчетъ о томъ, съ чьихъ словъ имъ распространяются хадисы. Испытаніе было произведено при шейх-ал-исламѣ Исам-ад-динѣ и другихъ ученыхъ; когда нѣкоторые изъ иснадовъ, приведенныхъ Мухаммедомъ Пāрсā, показались Шемс-ад-дину сомнительными, Мухаммедъ Пāрсā попросилъ принести изъ библіотеки шейх-ал-ислама томъ одного изъ достовѣрныхъ, по признанію самого Шемс-ад-дина, «муснадовъ», причемъ будто бы точно указалъ, на какой полкѣ находится книга и на какой страницѣ находится хадисъ съ соотвѣтствующими иснадами, хотя раньше въ библіотекѣ шейх-ал-ислама никогда не бывалъ[2]). Одинъ изъ извѣстныхъ шейховъ, Низам-ад-динъ Хāмӯшъ[3]), за проступки своего сына подвергся преслѣдованію со стороны шейх-ал-ислама и государя. Сынъ шейха, обвиненный въ незаконныхъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ женщинъ гарема (неясно, имѣется ли въ виду гаремъ самого Улугбека), бѣжалъ; шейхъ былъ обвиненъ въ потворствѣ сыну и приведенъ къ Улугбеку, причемъ гонцы посадили его съ обнаженной головой на крупъ лошади. Улугбекъ находился въ «саду площади» (Баги-Мейданъ); онъ грубо принялъ шейха и сталъ осыпать его упреками; шейхъ отвѣтилъ: «На всѣ эти слова я могу отвѣтить только однимъ словомъ: я—мусульманинъ. Если ты мнѣ вѣришь, хорошо; если нѣтъ, то дѣлай все, что велитъ тебѣ твое сердце». Эти слова такъ подѣйствовали

Улугбекомъ въ Гератѣ еще въ 1434 г.; въ 1404 г. вмѣстѣ съ самаркандскими шейх-ал-исламами ѣздилъ къ Тимуру въ Карабагъ, ZN II, 560 и выше стр. 18), Сейидъ-Ашика (о немъ см. выше, объ отношеніи къ нему Улугбека дальше), Фазлуллу Абу-л-Лейси (также былъ въ 1434 г. въ Гератѣ, Абд 1 с.); см. حبيب السير, инд. изд., III, 159 сл.; полнѣе, чѣмъ тегер. изд., III, 219 сл.).

1) Онъ умеръ въ 5 раби' I 833 г. (2 дек. 1429) въ Ширазѣ (Brockelmann, II, 201. Абд-ар-Реззакъ, л. 239 б).

2) رشحات, рук. унив., л. 37 а-б, рук. Аз. Муз., л. 43 б, ташк. литогр., стр. 61. Вызовъ Мухаммеда-Пāрсā въ Самаркандъ могъ имѣть мѣсто только въ первые годы правленія Улугбека, такъ какъ шейхъ въ началѣ 822 г. (1419) отправился въ Мекку и въ томъ же году умеръ въ Мединѣ въ четвергъ 24-го зу-ль-хиджжа (11 янв 1420). Ср. نفحات стр. 253 сл.; رشحات, рук унив., л. 38 б; рук. Аз. Муз л. 45 б, ташк. литогр., стр 64.

3) Онъ упоминается въ حبيب السير, III, 209.

на Улугбека, что онъ велѣлъ отпустить шейха. Авторъ приводитъ слова ходжи Ахрара, что Улугбекъ за оскорбленіе шейха подвергся многимъ неудачамъ и скоро былъ убитъ своимъ сыномъ[1]). По этому случаю разсказывается еще, что передъ этимъ Низам-ад-динъ по просьбѣ сыновей шейх-ал-ислама пришелъ къ ихъ тяжело больному отцу и принялъ на себя его болѣзнь, послѣ чего шейх-ал-исламъ выздоровѣлъ; теперь, когда шейх-ал-исламъ не помогъ ему въ бѣдѣ, онъ взялъ назадъ свое рѣшеніе, и шейх-ал-исламъ тотчасъ палъ мертвымъ[2]).

Самому ходжѣ Ахрару, по разсказу его біографа, въ молодости пришлось испытать на себѣ презрительное обращеніе сановниковъ Улугбека съ дервишами. При дворѣ Улугбека былъ старикъ есаулъ, лично производившій расправу, бросавшій виновныхъ на землю и бившій ихъ палками. Однажды онъ послалъ въ Ташкентъ извѣстіе, что пріѣдетъ повидать «потомковъ шейховъ» (شيخ زادها), и велѣлъ имъ собраться въ «мазарѣ». Собралось 17 человѣкъ, изъ которыхъ ходжа Ахраръ былъ самымъ младшимъ. Пришелъ есаулъ и сталъ каждаго толкать и сбрасывать на землю; только одному ходжѣ Ахрару удалось ловко увернуться отъ удара. Ловкость молодого дервиша настолько понравилась есаулу, что онъ оказалъ ему предпочтеніе передъ другими, несмотря на его молодость, и во время своей рѣчи, обращенной ко всѣмъ, смотрѣлъ на него. Своимъ товарищамъ, удивленнымъ его ловкостью, ходжа Ахраръ объяснилъ, что прежде былъ мюридомъ ходжи Хасанъ-Аттара и по его указанію занялся искусствомъ борьбы, такъ какъ его старанія добиться духовнаго превосходства (سبق باطن) не увѣнчались успѣхомъ, что его сильно огорчало. Учитель объявилъ ему, что ему предстоитъ служить при дворѣ султановъ и тамъ помогать обиженнымъ, и далъ ему рекомендацію (سپارش) къ эмиру Са'иду, одному изъ эмировъ Улугбека[3]).

Трудно сказать, насколько отдѣльные факты въ этомъ разсказѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Ходжа Хасанъ-Аттаръ упоминается у Даулетшаха, какъ главный изъ шейховъ времени Улугбека[4]); сближеніе съ нимъ ходжи Ахрара могло произойти только въ Самаркандѣ; между тѣмъ ходжа Ахраръ отправился въ Самаркандъ, когда ему было 22 года[5]), т. е. около 1426 г., тогда какъ ходжа Хасанъ-Аттаръ, пробывъ нѣкото-

1) رشحات, рук. Аз. Муз., л. 82а (въ рук. унив. пропускъ); ташк. литогр., стр. 114 сл.

2) Ibid., л. 85а-б; ташк. литогр., стр. 118. Ср. نفحات, стр. 259, гдѣ вмѣсто шейх-ал-ислама Исам-ад-дина названъ خواجه عماد الدين, и весь разсказъ переданъ нѣсколько иначе.

3) رشحات, рук. унив., л. 132а сл.; рук. Аз. Муз., л. 165а-б, ташк. литогр., стр. 236.

4) Даулетшахъ, изд. Броуна, стр. 366,15.

5) رشحات, рук. унив., л. 135б; рук. Аз Муз., л. 169б, ташк. литогр., стр. 242.

рое время при дворѣ Шахруха, еще въ 1423 г. умеръ въ Ширазѣ [1]). Любопытно, что по представленію автора разсказа, «потомки шейховъ», т. е. молодые дервиши, при Улугбекѣ были подчинены военной дисциплинѣ и находились въ вѣдѣніи есаула [2]); съ другой стороны, главные шейхи и при Улугбекѣ пользовались уваженіемъ при дворѣ, и полученной отъ нихъ рекомендаціи придавали значеніе.

Кромѣ Низам-ад-дина Хāмӯша и Хасанъ-Аттара, однимъ изъ главныхъ шейховъ [3]) эпохи Улугбека былъ Я'кубъ Чархи, также считавшійся однимъ изъ учителей ходжи Ахрара [4]); послѣ смерти своего учителя Бехаад-дина Я'кубъ удалился сначала въ Бадахшанъ, потомъ въ Чаганіанъ [5]) и, насколько извѣстно, не имѣлъ сношеній съ самаркандскимъ дворомъ. Изъ центровъ дервишизма политическое значеніе имѣла, повидимому, только Бухара, гдѣ духовенство, какъ мы видѣли, способствовало низложенію предшественника Улугбека и гдѣ впослѣдствіи произошло возстаніе противъ самого Улугбска. Улугбекъ сознавалъ значеніе бухарскаго духовенства и старался пріобрѣсти его расположеніе; построенное имъ въ Бухарѣ медресе было едва ли не первой по времени изъ его построекъ; уже въ 1419 г. (28 ноября) онъ при посѣщеніи Бухары остановился въ этомъ зданіи; при этомъ имъ были розданы подарки студентамъ и другимъ «достойнымъ людямъ» [6]).

Религіознымъ учрежденіямъ принадлежитъ выдающееся мѣсто и среди самаркандскихъ построекъ Улугбека. Для этихъ построекъ была избрана базарная площадь Самарканда, носящая теперь, подобно извѣстной бухарской площади, названіе «Ригистанъ». Въ XV в. этого названія, повидимому, еще не было; Абд-ар-Реззакъ говоритъ о постройкѣ Улугбекомъ медресе въ мѣстѣ, которое называлось «головой двухъ اتيك (?)»; уже

---

1) Ср. свѣдѣнія о немъ въ رشحات, рук. унив., л. 54 б сл., рук Аз. Муз., л. 65 б сл., ташк литогр., стр. 93 сл.; نفحات, вост. изд., стр. 255 сл.

2) О роли есаула при дворѣ Улугбека см. дальше (стр. 104) разсказъ о столкновеніяхъ Улугбека съ мухтасибомъ.

3) Низам-ад-динъ Хāмӯшъ и Я'кубъ Чархи вмѣстѣ названы въ حبيب السير (III, 209), какъ шейхи Мавераннахра и хранители завѣтовъ Беха-ад-дина Накшбенда.

4) رشحات, рук. унив., л. 3 б, рук. Аз. Муз., л. 3 б; ташк. литогр., стр. 5.

5) Ср. біографію этого шейха въ رشحات, унив. рук., л. 40 а сл., рук. Аз. Муз., л. 47 б сл., ташк. литогр., стр. 66 и сл. и въ نفحات, вост. изд., стр. 256; о встрѣчѣ его съ ходжей Ахраромъ еще رشحات, рук. унив., л. 143 а, рук. Аз. Муз., л. 181 б, ташк. литогр., стр. 250. Съ Чаганіаномъ была связана также дѣятельность Хасанъ-Аттара; его отецъ Ала-ад-динъ Аттаръ, умершій въ 1400 г. (въ среду 20-го реджеба 802 г., نفحات, стр. 252), былъ похороненъ въ Чаганіанѣ, въ одномъ изъ селеній этой области; тамъ же, рядомъ съ отцомъ, похоронили самого Хасанъ-Аттара, послѣ того какъ привезли его тѣло изъ Шираза. Ходжа Ахраръ пріѣхалъ въ Чаганіанъ еще нѣсколькими годами позже, чѣмъ въ Самаркандъ.

6) Хафизи-Абру, спец. рук., л. 321 а. Абд-ар-Реззакъ, л. 214 а. Дата — 10 зу-ль-ка'да 822 г.

въ то время здѣсь находилась базарная площадь[1]). Изъ надписей видно, что постройка была начата въ 820 (1417) и окончена въ 823 (1420) г.; къ тому же году относятъ окончаніе постройки Хафизи-Абру[2]) и Абд-ар-Реззакъ. Неизвѣстно, кто былъ архитекторомъ этого великолѣпнаго зданія, не уступающаго постройкамъ Тимура въ художественномъ отношеніи и въ то же время значительно превосходящаго ихъ своею прочностью[3]). Зданіе было построено въ два этажа, съ четырьмя высокими куполами и четырьмя минаретами по угламъ; каждая комната была раздѣлена на два отдѣленія, для двухъ студентовъ[4]).

Медресе, построенныя Улугбекомъ въ Бухарѣ и Самаркандѣ, оказались самыми долговѣчными изъ его построекъ и вообще изъ его предпріятій. Оба зданія до сихъ поръ выполняютъ свое назначеніе, тогда какъ всѣ остальныя медресе, существовавшія въ обоихъ городахъ въ XV в. и раньше, исчезли безслѣдно[5]). О бухарскомъ медресе извѣстно только, что въ 1841—42 гг., во время пребыванія въ Бухарѣ Ханыкова, въ немъ было 80 комнатъ; студенты получали по $3^1/_2$ тилли въ годъ[6]); о судьбѣ учрежденія со времени его основанія до XIX в. мнѣ въ источникахъ не приходилось встрѣчать никакихъ извѣстій. О самаркандскомъ медресе впослѣдствіи (въ XIX в.) существовало преданіе, будто въ немъ преподавалъ самъ Улугбекъ[7]); болѣе ранніе источники объ этомъ не упоминаютъ[8]); въ XVI в. говорили только, что Улугбекъ лично принималъ участіе въ постройкѣ[9]). Тотъ же авторъ XIX в. называетъ мударрисомъ медресе Улугбека астронома Казы-задэ Руми[10]); повидимому, это тотъ же «румскій казій» (قاضي روم), который, дѣйствительно,

---

1) Абд-ар-Реззакъ, л. 217 б. Рук. Аз. Муз. 574, стр. 458 انيك, 574 а, л. 337 б также.

2) Оксф. рук., л. 341 а.

3) По сообщенію Н. И. Веселовскаго, во время осады самаркандской цитадели возставшими туземцами гарнизонъ цитадели старался разрушить минаретъ медресе, откуда стрѣляли въ крѣпость, но вслѣдствіе прочности постройки эти попытки остались безуспѣшными.

4) تاريخ راقمى, рук. унив. 949, л. 53 а-б.

5) Строителемъ медресе въ Самаркандѣ былъ, между прочимъ, опекунъ Улугбека, эмиръ Шахъ-Меликъ (شحات, унив. рук., л. 141 а, рук. Аз. Муз., л. 178 б, ташк. литогр., стр. 254). Кромѣ того упоминаются медресе Мубарекъ-Шаха въ Бухарѣ (ibid., унив. рук., л. 28 а, рук. Аз. Муз., л. 32 б, ташк. литогр., стр. 46) и медресе садра Кутб-ад-дина въ Самаркандѣ (ibid., рук. унив., л. 136 б и 141 а, рук. Аз. Муз., л. 171 а и 178 б, ташк. литогр., стр. 244 и 254); о послѣдней В. Л. Вяткинъ, Матер., стр. 18 сл.

6) Н. Ханыковъ, Описаніе Бухарскаго ханства, стр. 86. На дверяхъ зданія сохранилась надпись: طلب العلم فريضة على كل مسلم ومسلمة («стремленіе къ знанію обязательно для каждаго мусульманина и мусульманки»).

7) Самарія, стр. 16. Справ. кн. Самарк. обл., VI, 170.

8) П. П. Остроумовъ (Мадрасы въ Турк. краѣ, стр. 4) предполагаетъ, что предметомъ лекцій Улугбека была астрономія.

9) Васыфи, л. 18 а.

10) Самарія, стр. 16; Справ. кн. Самарк. обл., VI, 170.

читалъ въ Самаркандѣ лекціи въ медресе Улугбека; слушать его лекціи пріѣзжалъ въ Самаркандъ молодой Джами, родившійся въ 817 (1414) г.[1]). По словамъ Васыфи, первымъ мударрисомъ въ медресе Улугбека былъ назначенъ мауляна Мухаммедъ Хавафи. Когда постройка приближалась къ концу, присутствовавшіе при сооруженіи зданія спросили Улугбека, кто будетъ назначенъ мударрисомъ; Улугбекъ отвѣтилъ, что имъ будетъ пріисканъ человѣкомъ, свѣдущій во всѣхъ наукахъ. Слова Улугбека услышалъ мауляна Мухаммедъ, сидѣвшій тутъ же въ грязной одеждѣ «среди кучъ кирпича»[2]), и тотчасъ заявилъ о своемъ правѣ на эту должность. Улугбекъ сталъ его разспрашивать, убѣдился въ его познаніяхъ, велѣлъ отвести его въ баню и надѣть на него хорошую одежду. Въ день открытія медресе мауляна Мухаммедъ прочиталъ лекцію, въ качествѣ мударриса; присутствовало 90 ученыхъ, но никто изъ нихъ не могъ понять лекцію кромѣ самого Улугбека и Казы-задэ Руми. Въ біографическихъ свѣдѣніяхъ о ходжѣ Ахрарѣ говорится объ одномъ изъ его учениковъ, Абу-Са'идѣ Аубахи, учившемся прежде въ медресе Улугбека; разочаровавшись въ книжной наукѣ и познакомившись съ ишаномъ (ходжей Ахраромъ), онъ извѣстилъ своихъ товарищей по медресе, что даритъ имъ все, оставшееся въ его комнатѣ, въ томъ числѣ всѣ книги[3]). Изъ этого видно, что медресе Улугбека было средоточіемъ книжнаго богословія, въ противоположность дервишизму. Студентовъ медресе, по словамъ Даулетшаха, было болѣе ста[4]). Въ XVI в. число студентовъ, повидимому, увеличилось, такъ какъ однихъ мударрисовъ было десять человѣкъ; главный мударрисъ считался главой всѣхъ самаркандскихъ ученыхъ[5]). Въ 1580 г. медресе Улугбека посѣтилъ ханъ Абдулла[6]). Во время смутъ конца XVII в. медресе пришло въ упадокъ и уже въ началѣ XVIII в. стояло пустымъ[7]); вскорѣ послѣ этого захватившіе цитадель мятежники разрушили верхній этажъ зданія, командовавшій надъ цитаделью[8]). Въ 1752 г. эмиръ (впослѣдствіи ханъ) Мухаммедъ-Рахимъ

1) رشحات, рук. Аз. Муз., л. 98а, 99а и 105а; ташк. литогр, стр. 140 и 148. Предметомъ занятій, между прочимъ, былъ комментарій Казы-задэ къ ملخّص Чагмини (ibid., рук. Аз. Муз. л. 99б, ташк. литогр., стр. 140; ср. объ этомъ сочиненіи Brockelmann, Geschichte der Arab. Litt., I, 173.

2) На этихъ словахъ, повидимому, основано утвержденіе В. Л. Вяткина въ Справ. кн. Самарк. обл. VI, 235, безъ ссылки на источникъ, что мауляна Мухаммедъ «принималъ участіе въ постройкѣ медресе въ качествѣ чернорабочаго». Вѣроятно, имѣется въ виду ученый Шемс-ад-динъ Мухаммедъ Хавафи, умершій въ пятницу 16 реджеба 845 г. (1 дек. 1441); см. Фасихъ, л. 430а.

3) رشحات, рук. унив., л. 191а сл., рук. Аз. Муз, л. 269б сл., ташк. литогр, стр. 369 сл.

4) Даулетшахъ, стр. 362,11.

5) Васыфи, л. 17б и сл., 26а и сл.

6) عبد الله نامه, рук. Аз. Муз. 574age, л. 277б.

7) تاريخ راقمى, l. c.

8) Самарія, стр. 16. Справ. кн. Самарк. обл., VI, 170.

воспользовался пустыми зданіями самаркандскихъ медресе для устройства хлѣбныхъ амбаровъ[1]). Только въ XIX в. были приняты мѣры для возстановленія медресе и ихъ вакуфовъ; при эмирѣ Хайдерѣ (1799—1825) въ медресе Улугбека снова были студенты. Въ 1906 г., по сообщенію Н. П. Остроумова, въ этомъ медресе были два мударриса, съ жалованіемъ по 40 р. въ годъ, и 60 студентовъ (муллъ), получавшихъ по 10 р. въ годъ; вслѣдствіе непрочности той части зданія, гдѣ находилась аудиторія, лекціи читались въ комнатахъ студентовъ[2]).

На той же площади, напротивъ медресе, Улугбекомъ была построена ханака для дервишей; ханака, по словамъ Бабура, славилась своимъ высокимъ куполомъ, какихъ было мало въ мірѣ[3]). О дальнѣйшей судьбѣ ханаки нѣтъ никакихъ извѣстій; въ 1028=1619 г., когда на томъ же мѣстѣ было выстроено медресе Ширдаръ, ханаки, очевидно, уже не было; нѣтъ даже свѣдѣній о какихъ либо остаткахъ постройки Улугбека, сохранившихся до XVII в. Говорится только о «сводчатомъ помѣщеніи», прилегавшемъ къ южной сторонѣ фасада медресе Ширдаръ, но это помѣщеніе считалось гробницей шіитскаго имама (II в. х.) Мухаммеда, сына Джа'фара Садика[4]), хотя болѣе ранніе источники объ этой гробницѣ не упоминаютъ. Нѣтъ основанія полагать, что ханака въ меньшей степени, чѣмъ медресе, пользовалась покровительствомъ Улугбека; по словамъ Абд-ар-Реззака, какъ медресе, такъ и ханака были щедро надѣлены вакуфами; доходы съ вакуфовъ составляли гораздо большую сумму, чѣмъ сколько могло быть израсходовано: изъ лишнихъ суммъ былъ образованъ особый капиталъ, принадлежавшій обоимъ учрежденіямъ[5]).

Къ югу отъ медресе Улугбека при Бабурѣ находилась мечеть, называвшаяся «Месджид-и-Мукатта'»: стѣны и потолки были сложены изъ отдѣльныхъ кусковъ (*кыт'а*) дерева, украшеннаго рѣзьбой. Между кыблой мечети и кыблой медресе была большая разница; утверждали, что кыбла мечети заслуживаетъ больше довѣрія, такъ какъ была опредѣлена посредствомъ наблюденія надъ звѣздами[6]). И это зданіе впослѣдствіи было связано съ именемъ одного изъ дѣятелей ранней эпохи ислама — Абдуллы,

---

1) تحفة الخانى, л. 130б.

2) Мадрасы въ Турк. краѣ, стр. 4.

3) بابرنامه, ed. Beveridge, л. 46а.

4) Самарія, стр. 34; Справ. кн. Самарк. обл., VI, 185; VIII, 301.

5) Абд-ар-Реззакъ, л. 217б. Завѣдываніе всѣми вообще вакуфными учрежденіями въ XV в., какъ видно изъ словъ Хондемира (III, 208) было обязанностью садровъ. Садромъ при Улугбекѣ былъ ученый Фатхулла Тебризи (رشحات, ташк. литогр., стр. 140), пережившій Улугбека (Абд-ар-Реззакъ, л. 297б и 300а).

6) بابرنامه, ed. Beveridge, л. 46б.

сына халифа Омара I; зданіе называлось также «мечетью Омара» или «синей мечетью» (مسجد كبود); и въ этомъ случаѣ пріуроченіе его къ халифу Омару или его сыну не подтверждается болѣе ранними источниками. Къ сѣверу отъ мечети, между ней и медресе Улугбека, въ XVI в. было построено медресе Абу-Са'идъ-хана, отъ котораго теперь сохранилась только усыпальница шейбанидовъ, извѣстная подъ названіемъ Чихиль-духтеранъ[1]).

Въ Самаркандѣ въ царствованіе Улугбека, дѣйствительно, возникла новая соборная мечеть, хотя первенство оставалось и послѣ за соборной мечетью Тимура (Биби-ханымъ)[2]); строителемъ новой мечети былъ, однако, не самъ Улугбекъ, но бывшій воспитатель Шахруха Алике-кукельташъ, прожившій болѣе 90 лѣтъ и умершій въ пятницу 14 октября 1440 г.[3]). Этотъ вельможа, повидимому, не принималъ участія въ управленіи государствомъ[4]), но пользовался своимъ вліяніемъ и богатствомъ для защиты угнетенныхъ; каждый обиженный, обращавшійся къ нему, находилъ защиту; если до него доходило извѣстіе о какой-нибудь несправедливости, кѣмъ бы она ни была совершена, онъ тотчасъ принималъ мѣры для ея устраненія; несправедливые правители боялись его[5]). Кромѣ самаркандской соборной мечети, съ его именемъ былъ связанъ рядъ другихъ построекъ, какъ медресе въ Гератѣ[6]) и благотворительныя учрежденія (عمارت خير или بقاع خير) въ Мервѣ[7]). Его дѣятельность не ограничивалась владѣніями тимуридовъ; даже въ Малой Азіи и Египтѣ имъ покупались земли и принимались мѣры для развитія земледѣлія; когда Шахрухъ спросилъ его о причинѣ такихъ затратъ, онъ отвѣтилъ, что заботится о славѣ своего государя: пусть говорятъ, что слуга Шахруха покупаетъ земли въ такихъ отдаленныхъ странахъ[8]). Соборная мечеть, выстроенная имъ въ Самаркандѣ, упоминается въ XVI в. (въ 936 = 1529—30 г. ханъ Кучкунчи

---

1) Самарія, стр. 13 и 29; Справ. кн. Сам. обл., VI 167 сл., 181 и 231.

2) Въ мечети Тимура въ 1510 г., послѣ смерти Шейбани, была принесена присяга Суюнчукъ-хану (ЗВО. XV, 198,9); та же мечеть была мѣстомъ пятничнаго богослуженія во время чумы 939=1532—3 г. (ibid. 211). Ср. еще Справ. кн. Самарк. обл., V, 241.

3) Дата у Абд-ар-Реззака, л. 254б и Фасиха, л. 429а (17 джумâдâ I 844), также В. Л. Вяткинъ въ Матер., стр. 18. Другая дата у В. Л. Вяткина, Справ. кн. Сам. обл., VI, 246.

4) Онъ довольно часто упоминается въ разсказахъ о военныхъ предпріятіяхъ; еще въ глубокой старости онъ провелъ зиму 1431—32 гг. съ Байсункаромъ въ Мазандеранѣ (Абд-ар-Реззакъ, л. 240б).

5) Фасихъ, l. c.: وهر فرومانده كه احوال خود بدو عرض كردى البتّه مهمّ او ساخته شد واكر وقوف يافته كه كسى بر كسى ظلم كردى از شاه وكدا منع آن فرمودى وبر هيچ آفريده محابا نكردى وظالمان ازو خايف بودندى.

6) Фасихъ, л. 423б.

7 Ibid., л. 427а, также Абд-ар-Реззакъ, л. 250б (о событіяхъ 842=1438—9 г.). Абд-ар-Реззакъ, л. 254б.

устроилъ тамъ мимбаръ изъ мрамора)[1]), но къ концу XVIII в.[2]) пришла въ разрушеніе; даже мѣстоположеніе ея въ точности не установлено[3]). Абу-Тахиръ-ходжа помѣщаетъ ее къ югу отъ медресе Улугбека[4]); если такъ, то мечеть Алике-кукельташа, повидимому, слѣдуетъ отожествить съ «Месджид-и-Мукатта'» Бабура и съ «мечетью Омара».

Недалеко отъ медресе и ханаки Улугбекомъ были выстроены бани, называвшіяся въ эпоху Бабура «банями мирзы»; полъ былъ выложенъ камнями всякаго рода; другихъ такихъ бань не было извѣстно ни въ Самаркандѣ, ни въ Хорасанѣ[5]). Никакихъ слѣдовъ этого зданія не сохранилось[6]).

Другихъ свѣдѣній о постройкахъ Улугбека внутри стѣнъ столицы источники не сообщаютъ, не упоминаютъ даже о передѣлкахъ, произведенныхъ Улугбекомъ въ зданіи Гуръ-эмиръ, которое при немъ сдѣлалось усыпальницей тимуридовъ[7]). Свѣдѣніями о загородныхъ постройкахъ Улугбека мы обязаны почти исключительно Бабуру[8]). Нѣсколько западнѣе обсерваторіи, мѣстоположеніе которой опредѣлено раскопками 1908 г. и о которой будетъ рѣчь ниже, находился Баги-Мейданъ («садъ площади»); изъ словъ Хафизи-Абру можно заключить, что этотъ садъ, вопреки словамъ Бабура, существовалъ еще при Тимурѣ; рядомъ съ нимъ названъ у Хафизи-Абру «садъ мирзы Улугбека»[9]), вѣроятно устроенный Тимуромъ для малолѣтняго внука. Въ серединѣ сада Баги-Мейданъ находилась двухъэтажная постройка Чиль-Сутунъ («сорокъ колоннъ» — обыкновенное названіе для такихъ построекъ); нижній этажъ состоялъ изъ колоннъ, частью витыхъ; по четыремъ угламъ находились башни, похожія на минареты, по которымъ всходили наверхъ, гдѣ помѣщался залъ, выходившій на всѣ четыре стороны; фундаментъ зданія былъ изъ камня. По опредѣленію В. Л. Вяткина, Чиль-Сутунъ находился на правой сторонѣ Сіяба, «какъ разъ противъ самаго высокаго холма на Афрасіабѣ», т. е. противъ цитадели стараго Самарканда; «нѣсколько далѣе, по хальваинской дорогѣ, сохранилась часть гро-

---

1) تاريخ راقمى, рук. унив. 949, л. 121б.

2) Такъ по Абу-Тахиръ-ходжѣ (см. ниже). Зданіе еще было въ цѣлости при Сейидъ-Ракимѣ въ 1113 (1701–2) г.; تاريخ راقمى, л. 49а: مسجد جامع كه در سمرقند واقع است, и при Мухаммедъ-Салихѣ (Справ. кн. Сам. обл., V, 241).

3) В. Л. Вяткинъ, Матеріалы, стр. 18.

4) Самарія, стр. 20; Справ. кн. Самарк. обл., VI, 173.

5) بابرنامه, ed. Beveridge, л. 46а.

6) О его мѣстоположеніи по преданію В. Л. Вяткинъ въ Справ. кн. Сам обл. IV, отд. IV, стр. 33, пр. 6.

7) ЗВО. XXIII, 31.

8) بابرنامه, л. 47а.

9) المظفّريّة, стр. 15 (текстъ) и 17 (переводъ).

мадной стѣны Баги-Мейдана»[1]). Рядомъ съ Баги-Мейданомъ, въ сторону Чупанъ-Ата, былъ еще садикъ (باغچه) и въ немъ залъ (ايوان), гдѣ находился большой каменный тронъ, длиной въ 14—15 локтей, шириной въ 7—8 локтей, толщиной въ 1 локоть; камень былъ привезенъ изъ далекихъ мѣстъ; въ серединѣ его была щель, образовавшаяся, какъ говорили, уже послѣ перенесенія камня. Въ томъ же садикѣ находился упомянутый выше павильонъ съ внутренней фарфоровой облицовкой.

Какъ при Тимурѣ, такъ, вѣроятно, и при Улугбекѣ загородные дворцы были мѣстомъ царскихъ пировъ; какъ при Тимурѣ, во время этихъ пировъ не считались съ предписаніями религіи, что̀ вызывало негодованіе ревнителей шарі'ата; при Улугбекѣ это негодованіе выражалось открыто, что̀, конечно, было бы немыслимо въ царствованіе Тимура. Празднуя обрѣзаніе своего младшаго сына Абд-ал-Азиза, Улугбекъ пожаловалъ людямъ, вѣроятно самаркандцамъ, тарханство (т. е. освободилъ ихъ отъ податей); знатные и простолюдины пили вино на равнинѣ Кан-и-гиль; при дворѣ Улугбека тоже шелъ пиръ; во время пира пришелъ мухтасибъ Сейидъ-Ашикъ и обратился къ Улугбеку со словами: «Ты уничтожилъ вѣру Мухаммеда и ввелъ обычаи кафировъ». Сдерживая свое раздраженіе, Улугбекъ отвѣтилъ: «Ты заслужилъ славу своимъ происхожденіемъ отъ сейидовъ и знаніемъ и достигъ старости; очевидно, ты хочешь также удостоиться мученичества и потому говоришь грубыя слова; но я не удовлетворю твоего желанія[2])».

Оскорбленіе, нанесенное на другомъ пиру шейх-ал-исламу (см. стр. 95), могло имѣть для мухтасиба болѣе тяжелыя послѣдствія. Шейх-ал-исламъ обратился съ жалобой къ Улугбеку, который на другой день созвалъ казіевъ для суда надъ оскорбителемъ. Извѣстіе объ этомъ дошло до одного изъ представителей духовенства, Абу-л-Фатха Дейяра (?), пользовавшагося уваженіемъ Улугбека и имѣвшаго право обо всемъ непосредственно докладывать государю. Узнавъ отъ Улугбека, въ чемъ дѣло, Дейяръ нашелъ, что государь правъ и что мухтасибъ дѣйствительно заслуживаетъ наказанія за дерзкія рѣчи. Въ это время къ Улугбеку явился съ докладомъ одинъ изъ воиновъ и сообщилъ, что вдова его брата, которую онъ по обычаю кочевниковъ имѣетъ право взять себѣ въ жены, не соглашается выйти за него и хочетъ выйти за торговца тканями (بزّاز). Улугбекъ тотчасъ велѣлъ есаулу распорядиться, чтобы желаніе просителя было удовлетворено. При-

1) Справ. кн. Самарк. обл., IV, отд. IV, стр 34, пр. 3.

2) Этотъ и слѣдующій разсказъ у Хондемира, حبيب السير, тегер. изд. III, 219. Ср. также характерный разговоръ Улугбека съ тѣмъ же Сейидъ-Ашикомъ въ «Самаріи», Справ. кн. Самарк. обл., VI, 191 сл. (въ текстѣ, стр. 37 внизу пропускъ). Въ رشحات (унив рук., л. 158б, рук. Аз. Муз, л. 209б, ташк. литогр, стр. 293) приводится отзывъ ходжи Ахрара о Сейидъ-Ашикѣ, какъ необыкновенно краснорѣчивомъ проповѣдникѣ, и сравненіе его съ Моисеемъ.

2) Въ инд. изд. стр 159 ذبابه(?).

сутствовавшій при этомъ Дейяръ тогда объявилъ государю, что его рѣшеніе противорѣчитъ правиламъ шарі'ата, по которымъ бракъ можетъ быть заключенъ только съ обоюднаго согласія жениха и невѣсты, и заставляетъ полагать, что слова мухтасиба о нарушеніи въ царствованіе Улугбека правилъ вѣры не лишены основанія. Улугбекъ былъ такъ пораженъ этимъ замѣчаніемъ, что тотчасъ велѣлъ отмѣнить судъ надъ мухтасибомъ.

Подробности этихъ разсказовъ, явно носящихъ анекдотическій характеръ, едва ли вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности; во всякомъ случаѣ въ нихъ отразилось отношеніе къ Улугбеку представителей шарі'ата. Какъ почти всѣ мусульманскіе государи послѣ «праведныхъ» халифовъ, Улугбекъ былъ въ глазахъ духовенства несправедливымъ правителемъ, при которомъ уважающій себя представитель шарі'ата не могъ безъ ущерба для своего достоинства занимать должность казія. Объ одномъ изъ бухарскихъ шейховъ, Хусам-ад-динѣ Шаши, говорится, что Улугбекъ насильно заставилъ его принять должность казія въ Бухарѣ[1]).

Въ Самаркандѣ должность казія занималъ Шемс-ад-динъ Мухаммедъ Мискинъ. О его справедливости и смѣлости передается слѣдующій разсказъ. Какъ многіе восточные правители, Улугбекъ давалъ изъ казны деньги купцамъ, съ тѣмъ, чтобы они приносили ему часть прибыли; однажды купецъ, получившій отъ Улугбека, въ видѣ средствъ для торговли, драгоцѣнный камень, умеръ, не доставивъ прибыли и не вернувъ долга; Улугбекъ хотѣлъ завладѣть его наслѣдствомъ и выставилъ свидѣтелей. Узнавъ объ этомъ, казій черезъ одно изъ должностныхъ лицъ дворца велѣлъ передать государю слѣдующее: «Поднимать дѣло и выставлять свидѣтелей въ этомъ вопросѣ не принесетъ вамъ много пользы, такъ какъ суть дѣла для меня ясна. Если вы хотите, чтобы я во что бы то ни стало постановилъ приговоръ въ вашу пользу, велите въ холодную погоду погружать меня со связанными руками и ногами въ холодную воду, пока я не лишусь сознанія, тогда я постановлю, чтобы вещи купцовъ были переданы вамъ взамѣнъ пропавшаго имущества». Подъ вліяніемъ этихъ словъ Улугбекъ отказался отъ возбужденія процесса[2]).

---

1) رشحات, рук. унив., л. 28 б, рук. Аз. Муз., л. 32 б, ташк. литогр., стр. 46: ميرزا الغ بيك ايشانرا بقضای بخارا تكليف كرده بود وبزور قاضی ساخته. См. также въ حبيب السير тегер. изд., III, 219, инд. изд. III, 160 сл. о казіи, которому Улугбекъ за неправильное рѣшеніе дѣла хотѣлъ сбрить бороду и провести по городу въ такомъ видѣ; по заступничеству приближеннаго (ندیم) Улугбека ходжи Абд-ал-Мумина казій былъ помилованъ и вмѣсто того долженъ былъ доставить 20 лошадей; Абд-ал-Муминъ присвоилъ лошадей себѣ и, когда Улугбекъ вспомнилъ о нихъ, отвѣтилъ, что казій лошадей доставить не въ состояніи и предпочитаетъ дать себѣ сбрить бороду. Улугбекъ разсмѣялся, и этимъ дѣло было покончено.

2) حبيب السير, III, 219 сл. Разсказъ передается Хондемиромъ со словъ гератскаго шейх-ал-ислама Сейф-ад-дина Ахмеда Тафтазани, см. о немъ بابرنامه. л. 177 б: Brockelmann, II, 218.

Анекдотическій разсказъ о казіи, какъ и разсказы о столкновеніяхъ между Улугбекомъ и мухтасибомъ, во всякомъ случаѣ показываютъ, что представители шарі'ата не считали Улугбека своимъ сознательнымъ и непримиримымъ врагомъ. Съ мусульманской точки зрѣнія Улугбекъ не былъ идеальнымъ правителемъ, всѣ рѣшенія котораго опредѣляются правилами религіи, но не былъ также тираномъ, ставящимъ свою волю выше предписаній Бога и пророка [1]).

Еще меньше мы знаемъ о томъ, каково было въ царствованіе Улугбека положеніе народныхъ массъ. По Даулетшаху земельныя подати въ это царствованіе были доведены до минимума, что, конечно, содѣйствовало благосостоянію земледѣльческаго населенія [2]); съ другой стороны Улугбекъ придавалъ большое значеніе «тамгѣ» [3]), т. е. сборамъ съ промышленности и торговли [4]). Въ глазахъ духовенства заботы Улугбека о тамгѣ, вѣроятно, были однимъ изъ признаковъ его нечестія; во всемъ мусульманскомъ мірѣ [5]), въ томъ числѣ и въ Мавераннахрѣ [6]), эти сборы всегда считались преступленіемъ противъ шарі'ата, часто отмѣнялись правителями въ угоду духовенству, но всегда возстановлялись; въ царствованіе Улугбека случаевъ отмѣны тамги, насколько извѣстно, не было.

Историки ничего не говорятъ о какихъ либо сооруженіяхъ или постройкахъ Улугбека внѣ Самарканда и Бухары; даже преданіе о томъ, что имъ былъ прорытъ Мирза-арыкъ изъ Заряфшана [7]), не находитъ себѣ подтвержденія. Нѣтъ также свѣдѣній о какихъ либо поѣздкахъ Улугбека по своимъ владѣніямъ, за исключеніемъ военныхъ походовъ. При такихъ условіяхъ мало вѣроятно, чтобы Улугбекъ, какъ правитель, пользовался любовью населенія, но возстаній въ его государствѣ, насколько извѣстно, до 1447 г. не было. Только дѣйствія его сына Абд-ал-Азиза и вообще событія послѣднихъ лѣтъ его жизни, не вполнѣ зависѣвшія отъ его воли, побудили войско и народъ окончательно отвернуться отъ своего государя.

---

1) По словамъ Хондемира (III, 211) Улугбекъ былъ мюридомъ извѣстнаго суфія Касим-и-Анвара, жившаго нѣкоторое время въ Самаркандѣ Касимъ умеръ по Хондемиру въ 837 (1433—4), по Даулетшаху (348,23) въ 835 (1431—2). Первая дата у Ethé, Grundr. II, 295 и 299.

2) Даулетшахъ, стр. 362,14. По этому тексту съ одного джериба земли ($^1/_6$ дес.), доставлявшаго четыре ослиныхъ ноши (около 20 пудовъ) зерна, взимали $^2/_3$ дирхема мѣдью, что составляло $^1/_6$ дирхема серебромъ.

3) Хондемиръ حبيب السير, III, 218: ميرزا الغ بيك در باب وصول وجوه تمغا وزكوة مبالغة بسيار داشت. Ср. Мирхондъ, L 1320.

4) О тамгѣ ср. мою статью «Персидская надпись на стѣнѣ Анійской мечети Мануче», стр. 33 сл.

5) Ср. замѣчаніе Snouck Hurgronje, Mekka, I, 65 и 92.

6) Ср. анекдотъ изъ эпохи Тимура въ حبيب السير, III, 176 и приписанныя Тимуру слова о تمغا какъ حرام‌ترين وجوه.

7) Къ исторіи орошенія Туркестана, стр. 116.

6.

Ученыя занятія и личная жизнь Улугбека.

Въ мусульманскомъ мірѣ до Улугбека не было ученыхъ на престолѣ; въ этомъ отношеніи мусульманскіе авторы могли сравнивать Улугбека только съ царственнымъ ученикомъ Аристотеля[1]). Источники не даютъ отвѣта на вопросъ, когда и подъ чьимъ вліяніемъ въ немъ явилась склонность къ научнымъ занятіямъ; едва-ли онъ въ этомъ отношеніи былъ чѣмъ-нибудь обязанъ своей первой воспитательницѣ, царицѣ Сарай-Мулькъ-ханумъ, или своему дѣду; совершенно невѣроятно, чтобы онъ могъ заниматься наукой въ тѣ годы, когда находился подъ опекой эмира Шахъ-Мелика. Въ дни дѣтства и ранней молодости Улугбекъ едва-ли превосходилъ образованіемъ другихъ членовъ династіи тимуридовъ; по всей вѣроятности, онъ началъ заниматься наукой уже послѣ того, какъ сдѣлался правителемъ Мавераннахра. Въ Самаркандѣ при немъ еще находились нѣкоторые изъ представителей персидской культуры, уведенные туда при Тимурѣ. Ихъ вліяніемъ, вѣроятно, надо объяснить увлеченіе Улугбека точными науками[2]), получившими преобладаніе въ Персіи въ эпоху монгольскаго владычества. Монгольскіе ханы поощряли точныя науки вслѣдствіе ихъ практическаго значенія; Улугбекъ, сынъ болѣе культурной эпохи, видѣлъ преимущество ихъ передъ богословіемъ и литературой въ томъ, что выводы точныхъ наукъ сохраняютъ значеніе для всѣхъ временъ и народовъ, независимо отъ исчезновенія религій и языковъ[3]). Замѣчательная, хотя въ корнѣ ошибочная[4]) мысль Улугбека характерна для мусульманской культуры, представители которой усвоили античную образованность «съ Сократомъ, Платономъ и Аристотелемъ, съ Евклидомъ и Птолемеемъ, но безъ Гомера, Софокла и Еврипида, безъ Геродота, Ѳукидида и Поливія»[5]).

Изъ первыхъ учителей Улугбека въ Самаркандѣ жилъ «Платонъ своей эпохи» Салах-ад-динъ Муса ибн-Махмудъ Казы-задэ Руми; другой ученый, Гіяс-ад-динъ Джемшидъ ибн-Масʿудъ, былъ приглашенъ Улугбекомъ изъ Кашана, вѣроятно, по совѣту Казы-задэ. Абд-ар-Реззакъ говоритъ о при-

---

1) Даулетшахъ, стр. 362,1.

2) У Абд-ар-Реззака, л. 287б علوم رياضى وحكمى, также л. 217б. Слово رياض или رياضة есть, какъ извѣстно, переводъ греческаго «математика»; о значеніи термина رياضى см. еще مفاتيح العلوم, ed. Van Vloten, стр. 133 (ариѳметика, геометрія, астрономія и музыка, т. е. науки средневѣковаго «квадривія»).

3) Prolégomènes .. d'Oloug-Beg, ed. Sédillot, texte, p 4. علوم حكمى كه بتغيّر ملل واديان واختلاف كلمة زمان غبار تغيّر وتبديل به هرامن آن نكردد.

4) Достаточно сопоставить вѣчную красоту произведеній греческой литературы съ представляющими только историческій интересъ теоріями греческихъ ученыхъ.

5) Міръ Ислама, I (1912), 416

глашеніи еще другого кашанца Муʿин-ад-дина[1]), о которомъ самъ Улугбекъ не упоминаетъ; этотъ ученый, повидимому, оставилъ школу, такъ какъ среди астрономовъ упоминаются его сынъ Мансуръ Каши и ученикъ послѣдняго Абд-ал-Али ибн-Мухаммедъ Бирджанди[2]). Характерно, что Хондемиръ изъ сотрудниковъ Улугбека называетъ только кашанцевъ, не упоминая о самаркандцахъ[3]).

Абд-ар-Реззакъ говоритъ о постройкѣ обсерваторіи въ разсказѣ о событіяхъ 823 (1420) г., по поводу построенныхъ въ этомъ году медресе и ханаки[4]), изъ чего едва-ли можно заключить, что обсерваторія дѣйствительно была построена одновременно съ этими зданіями. Дата смерти Казы-задэ Руми, приведенная у Дорна[5]) и Броккельмана[6]), — 1412 г. — безусловно невѣрна; по словамъ Улугбека Казы-задэ умеръ послѣ Гіяс-ад-дина Джемшида. Время поступленія послѣдняго на службу къ Улугбеку приблизительно опредѣляется двумя датами: въ мѣсяцъ зу-ль-каʿда 818 года (январь 1416) имъ написанъ небольшой трактатъ объ астрономическихъ инструментахъ для султана Искендера (вѣроятно, представителя династіи Кара-Коюнлу[7]), слѣдовательно, въ то время онъ еще не находился на службѣ у Улугбека; 3-го джумада I 830 г. (2 марта 1427) имъ закончено составленное для библіотеки Улугбека математическое сочиненіе[8]). Слѣдовательно, онъ былъ вызванъ въ Самаркандъ послѣ 1416 и до 1427 года. Въ предисловіи къ математическому труду перечислены прежнія сочиненія автора, причемъ на первомъ мѣстѣ названы «Хакановы таблицы по усовершенствованію таблицъ ильхановыхъ»[9]), т. е. извѣстныхъ таблицъ Насир-ад-дина Туси. «Хаканъ», для котораго былъ написанъ этотъ трудъ, по всей вѣроятности, Шахрухъ; вѣроятно, авторъ до прибытія въ Самаркандъ прожилъ нѣкоторое время при гератскомъ дворѣ.

Астрономическія таблицы Гіяс-ад-дина Джемшида не дошли до насъ, и потому остается неизвѣстнымъ, насколько онѣ отличались отъ труда Улугбека. Во всякомъ случаѣ Улугбекъ пріобрѣлъ по астрономіи такія

---

1) Абд-ар-Реззакъ, л. 217б; см. также текстъ у E. Blochet, Introduction etc., p. 87 sq

2) О его трудахъ Brockelmann, Gesch. der Arab Litt., I, 473. 511, 512. Rieu, Pers. Man., p. 453.

3) حبيب السير, III, 214.

4) Абд-ар-Реззакъ, l. c.

5) Dorn, Catalogue de la Bibl. Imp, p. 110.

6) Geschichte der Arab. Litt., II, 212. Дата заимствована у Хаджи-Хальфы, I, 322; возраженія противъ нея у Rieu, Pers. Man., p. 456.

7) Ср. объ этомъ ИАН 1914, стр. 459 сл.

8) المفتاح فى الحساب, рук. Публ. библ. Dorn 131, дата въ концѣ (л. 122а).

9) الزيج المسمّى بالخاقانى فى تكميل الزيج الايلخانى.

познанія, что могъ обсуждать съ Гіяс-ад-диномъ научные вопросы [10]). Есть извѣстіе, что Гіяс-ад-динъ не обладалъ внѣшнимъ лоскомъ и что Улугбекъ изъ-за его познаній мирился съ его грубыми манерами [2]). Однако въ математическомъ трудѣ Гіяс-ад-дина посвященіе Улугбеку написано въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ; авторъ называетъ своего государя «обладателемъ святого духа, человѣческихъ совершенствъ, ангельскихъ качествъ и чертъ характера Мухаммеда» [3]), выражаетъ нѣсколько странное при жизни Шахруха пожеланіе, чтобы Богъ «сдѣлалъ вѣчными въ населенной части міра халифатъ и султанство» Улугбека [4]).

Время смерти Гіяс-ад-дина въ точности неизвѣстно; Сутеръ предположительно относитъ это событіе ко времени около 840 г. [5]), т. е. къ концу тридцатыхъ годовъ XV в. Послѣ него умеръ Казы-задэ Руми, также не дожившій до окончанія работъ по устройству обсерваторіи и составленію астрономическихъ таблицъ. Улугбекъ нашелъ себѣ новаго помощника въ лицѣ «Птолемея своей эпохи» Ала-ад-дина Али ибн-Мухаммеда Кушчи. Прозваніе «кушчи» (сокольничій) показываетъ, что этотъ ученый принадлежалъ къ числу придворныхъ [6]); онъ былъ моложе Улугбека, называвшаго его своимъ «сыномъ» [7]); повидимому, онъ заинтересовался астрономіей подъ вліяніемъ своего государя, но не изъ лести къ нему, такъ какъ продолжалъ заниматься наукой до конца жизни. Али-Кушчи былъ для Улугбека не только товарищемъ по научнымъ работамъ, но и личнымъ другомъ [8]), передъ которымъ у него не было тайнъ.

Объ устройствѣ обсерваторіи Улугбека, остатки которой въ 1908 г. были открыты В. Л. Вяткинымъ, источники (Абд-ар-Реззакъ и Бабуръ, отчасти также комментаторы сочиненій Улугбека) сообщаютъ крайне скудныя свѣдѣнія; раскопки площади зданія также не дали въ этомъ отношеніи почти никакихъ результатовъ [9]). Найдена находившаяся подъ землей часть

---

1) Примѣръ въ Prolégomènes, trad., p. 141.

2) Rieu, Pers. Man., p. 456b, по هفت اقليم Эминъ-Ахмеда Рази.

3) صاحب النفس القدسيّة والكمالات الانسيّة والاخلاق الملكيّة والشيم المحمّديّة.

4) خلّد الله تعالى فى الربع المسكون خلافته وسلطانه.

5) Suter, Mathem., № 429.

6) Ср. также رشحات, рук. Аз. Муз., л. 99 б, ташк. литогр., стр. 140, разсказъ о томъ, какъ Али-Кушчи въ Гератѣ пришелъ къ Джами въ турецкой одеждѣ.

7) Такъ Улугбекъ называетъ его и въ предисловіи къ таблицамъ (Prolégomènes, texte, p. 6).

8) Слова Улугбека въ разсказѣ Мирхонда (L 1320 и 1491, C 364a) со словъ Али-Кушчи: علی قوشچی محرم ما است.

9) О результатахъ раскопокъ ср. статью В. Л. Вяткина въ Изв. Русскаго Комитета для изученія Средн. и Вост. Азіи, серія II, № 1, стр. 76—93. Изъ частнаго письма В. Л. Вяткина мнѣ извѣстно, что и послѣдующія раскопки не способствовали выясненію устройства обсерваторіи.

квадранта огромной величины; по письменнымъ извѣстіямъ, высота квадранта равнялась высотѣ храма Св. Софіи въ Константинополѣ [1]). Все зданіе, по словамъ Бабура, было трехъэтажнымъ [2]). Абд-ар-Реззакъ говоритъ объ изображеніи девяти небесъ, девяти небесныхъ сферъ съ градусами, минутами, секундами и десятыми долями секундъ, небесъ вращенія (افلاك تداوير), семи планетъ, неподвижныхъ звѣздъ, земного шара съ дѣленіемъ на климаты, съ горами, морями, пустынями и т. п. [3]). Слова بنقوش دلپذير ورقوم بی‌نظير заставляютъ полагать, что рѣчь идетъ о стѣнной живописи, а не объ отдѣльныхъ глобусахъ (каковые были въ нѣкоторыхъ другихъ обсерваторіяхъ, напр., въ мерагской [4]) и картахъ. Совершенно неизвѣстно, находилась ли упомянутая выше библіотека Улугбека при обсерваторіи или въ одномъ изъ дворцовъ, имѣла ли обсерваторія опредѣленный штатъ, была ли при ней школа для изученія свѣтскихъ наукъ, какъ въ началѣ XIV в. въ Тебризѣ при обсерваторіи Газанъ-хана [5]).

Временемъ окончанія таблицъ Улугбека считается начало 841 г. хиджры (1437) [6]); но Улугбекъ и послѣ работалъ надъ своимъ трудомъ и вполнѣ закончилъ его только въ годъ своей смерти (853 = 1449) [7]). Въ самихъ таблицахъ дата ихъ составленія не указывается; 841 г. упоминается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ дата, изъ которой авторъ исходилъ при своихъ вычисленіяхъ [8]); но при сопоставленіи китайской эры съ мусульманской упоминается вторникъ 8 шавваля 847 г. (28 января 1444), какъ начало цикла Шанъ-вэнь [9]).

Обсерваторіи Улугбека не было суждено оказать такое вліяніе на прогрессъ науки, какъ мерагской обсерваторіи Насир-ад-дина Туси, построенной въ 1259 г. [10]) и дѣйствовавшей еще въ 1300 г., когда ее осматривалъ Газанъ-ханъ [11]). Обсерваторія Улугбека прекратила свою дѣятель-

---

1) Prolég., introd., p. CXXIX, съ ссылкой на Гревса (XVII в.). Сравненіе, вѣроятно, сдѣлано Али-Кушчи послѣ его прибытія въ Константинополь.

2) بابرنامه ed. Beveridge, л. 46б.

3) Абд-ар-Реззакъ, л. 217б. Blochet, Introduction etc., p. 88.

4) D'Ohsson, Hist. des Mongols, III, 264. Подлинныя слова Вассафа (инд. изд., стр. 52): وشكل كرهٔ زمين در غايت دقّت نظر بپرداخت ونخشش ربع مسكون بر اقاليم سبع وطول ايّام وعرض بلد وارتفاع قطب شمالی در مواضع وصورت وضع واسامئ بلدان وهيئت جزاير ودرياها روشن ومبرهن گردانيد.

5) Рашид-ад-динъ, рук. Аз. Муз. a 566, л. 393a. Ср. Міръ Ислама, I (1912), 87.

6) Prolég., introd., p. CXXIX; Самарія, стр. 17; Справ. кн. Самарк. обл., VI, 170.

7) Prolég., p. CXXXI.

8) Prolég., trad., pp. 131, 135, 146.

9) Prolég., texte p. 33, trad. p. 34.

10) 657 г. хиджры; Вассафъ, l. c.

11) Рашид-ад-динъ, рук. Аз. Муз. a 566, л. 368a. D'Ohsson, Hist. des Mongols, IV, 271. Въ 1339 г. обсерваторія уже лежала въ развалинахъ, ср. текстъ Хамдаллаха Казвини въ изд. Шефера, Siasset Namèh, Supplément, p. 219.

ность тотчасъ послѣ смерти ея основателя; его единственный ученикъ и сотрудникъ Али-Кушчи покинулъ Самаркандъ и умеръ въ 879 г. (1474) въ Константинополѣ[1]). Комментаторомъ трудовъ Улугбека, кромѣ Али-Кушчи, былъ также Марьямъ-челеби, внукъ Казы-задэ[2]); но мусульманская астрономія послѣ Улугбека уже не сдѣлала никакихъ успѣховъ; послѣ Улугбека «настоящіе астрономы исчезли, и ихъ мѣсто заступили мувакиты (составители календарей) при мечетяхъ»[3]). Труды самого Улугбека отличались точностью наблюденія, но признаковъ исканія новыхъ путей въ наукѣ, какъ въ трудахъ персидскаго астронома Кутб-ад-дина Ширази[4]), мы въ нихъ не находимъ.

Каково бы ни было увлеченіе Улугбека астрономіей, было бы ошибкой утверждать, что онъ отдавалъ этой наукѣ все свое время или хотя бы всѣ свои досуги. Улугбекъ былъ страстнымъ охотникомъ и, какъ въ XI в. сельджукскій султанъ Меликшахъ[5]), велъ списокъ убитой имъ дичи. Въ доказательство необыкновенной памяти Улугбека, Даулетшахъ разсказываетъ, что этотъ списокъ однажды былъ утраченъ и возстановленъ Улугбекомъ по памяти; потомъ пропавшую тетрадь нашли, и оказалось, что между старымъ и новымъ спискомъ было разногласіе только въ четырехъ или пяти мѣстахъ[6]). Зимнія поѣздки Улугбека въ Бухару, вѣроятно, дѣлались ради птичьей охоты[7]). Какъ и другіе сыновья Шахруха, Улугбекъ обладалъ нѣкоторыми познаніями по персидской литературѣ; между нимъ, Байсункаромъ и Ибрагимомъ велась переписка по литературнымъ вопросамъ[8]); изъ главныхъ персидскихъ поэтовъ Улугбекъ отдавалъ предпочтеніе Низами, Байсункаръ — индійскому поэту Хусрау Дехлеви, и на этой почвѣ между братьями происходилъ споръ[9]). Вкусъ Улугбека въ этомъ отношеніи болѣе соотвѣтствуетъ вкусу современныхъ европейскихъ знатоковъ персидской поэзіи, хотя среди современниковъ Байсункаръ, какъ знатокъ и любитель литературы и изящныхъ искусствъ, пользовался большей славой[10]). Даулетшахъ приводитъ еще отзывы Улугбека или его круга о

1) C. Brockelmann, Geschichte der Arab. Litt., II, 234 сл.

2) По Sédillot сынъ, см. Prolég., introd., p. CXXXII; trad., p. 225. У Броккельмана (Geschichte der Arab. Litt., II, 235) онъ названъ внукомъ Али-Кушчи. Повидимому, онъ былъ внукомъ обоихъ астрономовъ, см. E. Blochet, Man. persans, II, 68 (№ 791).

3) Слова Nallino въ Enz. des Islām, I, 519.

4) О немъ бар. В. Р. Розенъ въ Collections scientifiques, III, 307.

5) Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seldjoucides, ed. Houtsma, II, 69.

6) Даулетшахъ, стр. 362,18.

7) О птичьей охотѣ въ Каракулѣ см. Nerchakhy, ed. Schefer, p. 17; Туркестанъ въ эпоху монг. наш., II, 121, 492. Ср. также характерныя слова Бабура (л. 19a) о своемъ дядѣ Султанъ-Ахмедѣ, что *послѣ Улугбека* не было такого قوشچی بادشاه, какъ онъ.

8) Даулетшахъ, стр. 351,7.

9) Даулетшахъ, стр. 240,16.

10) Ср. отзывъ о немъ Фасиха (л. 422a): تا جهانست مثل او سلطانی بر تخت مملکت ننشسته.

трехъ персидскихъ поэтахъ XII—XIII вв., но не соглашается съ ними[1]). Изъ современныхъ Улугбеку персидскихъ поэтовъ, жившихъ въ Мавераннахрѣ, самый извѣстный, Исматулла Бухари, послѣ низложенія Халиль-Султана покинулъ дворъ, уклонился отъ чести воспѣвать Улугбека и остальную часть своей жизни провелъ вдали отъ оффиціальнаго міра, хотя другіе поэты продолжали его навѣщать и называли его своимъ учителемъ[2]). «Царемъ поэтовъ» при дворѣ Улугбека считался Кемаль Бадахши, стихи котораго, по словамъ Даулетшаха, еще при немъ пользовались въ Мавераннахрѣ нѣкоторой извѣстностью[3]). Историкъ XIX в. Абу-Тахиръ-ходжа утверждаетъ, будто Улугбекъ и самъ сочинялъ стихи на персидскомъ языкѣ, и для примѣра приводитъ одинъ стихъ[4]); Даулетшахъ о собственныхъ стихахъ Улугбека ничего не говоритъ[5]).

Совершенно неизвѣстно, пользовались ли вниманіемъ Улугбека диваны «джагатайскихъ» поэтовъ, пытавшихся въ эпоху тимуридовъ создать турецкую поэзію, въ подражаніе персидской. Одинъ изъ этихъ поэтовъ, Секкаки, диванъ котораго дошелъ до насъ[6]), вмѣстѣ съ Халиль-Султаномъ[7]) и Мухаммедомъ Пāрсā[8]) воспѣвалъ и Улугбека; въ одномъ изъ этихъ стихотвореній поэтъ въ униженныхъ выраженіяхъ проситъ государя о помощи[9]), въ другомъ ставитъ знанія Улугбека выше знаній великихъ ученыхъ древности и мусульманскаго міра[10]), въ третьемъ гордо заявляетъ: «Небо должно еще много лѣтъ совершать свой кругооборотъ, прежде чѣмъ оно вновь создастъ такого турецкаго поэта, какъ я, и такого ученаго царя, какъ ты»[11]).

---

1) Даулетшахъ, p. 103,24 (о فلكى), 126,6 (о Сейф-ад-динѣ Исференги), 141,23 (о Джемаль-ад-динѣ Исфахани).

2) Даулетшахъ, стр. 361,13 и Ракимъ (подъ 840 г.). По Даулетшаху (361,20) онъ умеръ въ 829 г. (1426), по Ракиму въ 840 г. (تاريخ راقمى, рук. унив. 949, л. 48 б и сл.).

3) Даулетшахъ, стр. 420 (также 366,16). Изъ словъ Даулетшаха (420) видно, что еще большей извѣстностью пользовался «въ Мавераннахрѣ, Бадахшанѣ и Туркестанѣ» диванъ другого ученика Исматуллы, бухарца Хіяли.

4) Самарія, стр. 17; Справ. кн. Сам. обл., VI, 171.

5) Въ XV в. находили, что писать стихи — ниже достоинства государя; ср. слова Фасиха (л. 422 б) о Байсункарѣ: آنحضرت ازانكه شعر كويد يا اورا بشعر كفتن نسبت كنند متعالى بود.

6) Рук. Брит. муз. Or. 2079. Rieu, Turk. Man., p. 284.

7) Л. 7 а сл.; дата (л. 7 б)—810 г. х.

8) Л. 5 а сл.

9) Л. 9 а: فلك قدرا منينك خود يوق هنردا فضليم اسراسانك
ولیکن بیر دعاجی من منی تنکری اوجون اسرا.

10) Л. 12 а: ارسطاليس وافلاطون وبطليموس وجالينوس
على سينا وفيلاقوس ارسطو وابو معشر
رياضى هشت وحكمت رصد اكسير واقليدس
بديعى وصنايعنى سننك تيك بيلمادى انلر.

11) Л. 14 б: فلك بيل لار كيراك سير ايتسه وكيلتورسه الكينكا
منينك تيك شاعرى ترك وسنينك تيك شاه دانانى.

Объ Улугбекѣ упоминаетъ въ своихъ стихахъ и другой поэтъ той же эпохи, Лутфи[1]). Нѣтъ свѣдѣній о томъ, какъ были приняты эти стихи Улугбекомъ и сочувствовалъ ли онъ появленію поэтической литературы на своемъ родномъ языкѣ.

Съ именемъ Улугбека также связанъ не дошедшій до насъ историческій трудъ — «Исторія четырехъ улусовъ» (تاريخ اربع الوس), т. е. четырехъ государствъ, образовавшихся послѣ распаденія монгольской имперіи: «великаго юрта», т. е. Китая и Монголіи, государства джучидовъ (Золотой Орды), Персіи подъ властью потомковъ Хулагу и Средней Азіи подъ властью потомковъ Джагатая. Едва ли Улугбекъ принималъ участіе въ составленіи этого труда; по крайней мѣрѣ Хондемиръ говоритъ вполнѣ опредѣленно, что исторія была написана «однимъ изъ лучшихъ людей эпохи Шахруха отъ имени Улугбека»[2]). О содержаніи книги мы можемъ составить себѣ довольно полное представленіе по многочисленнымъ ссылкамъ Хондемира и по сокращенной редакціи, сохранившейся въ одной изъ лондонскихъ рукописей[3]). Авторъ пользовался трудами Рашид-ад-дина и Низам-ад-дина Шами; исторіи монгольской имперіи предшествовалъ, какъ у Рашид-ад-дина, очеркъ легендарной исторіи турецкихъ и монгольскихъ народностей[4]). Къ сочиненію Низам-ад-дина авторъ сдѣлалъ нѣкоторыя дополненія для своего времени; къ четырнадцати именамъ хановъ «великаго юрта» присоединено еще пять именъ[5]), изъ которыхъ историческимъ является, повидимому, только имя послѣдняго хана, Адая[6]); эти имена остались неизвѣстными Шереф-ад-дину Іезди, заканчивающему свой перечень на имени Тайзи-оглана (см. выше стр. 43). Въ исторіи джучидовъ къ двадцати пяти именамъ, приведеннымъ у Низам-ад-дина (до Шади-бека включительно), прибавлено еще четырнадцать именъ[7]). Этотъ перечень полнѣе и достовѣрнѣе, чѣмъ перечень хановъ у Шереф-ад-дина Іезди, доведенный до 831 г. (1428). Изъ именъ хановъ, приведенныхъ въ «Исторіи четырехъ улусовъ»,

---

1) А.-З. Валидовъ, Джаг. поэтъ Лутфій, стр. 23 (ср. выше стр. 72):
اولوغ بيك خان بيلور لطفى كمالينك (sic) كه رنكين شعرى سلمان‌دين قالمشماس

2) حبيب السير, III, 4: تاريخى كه بكى ار افاضل زمان پادشاه عالميمكان شاهرخ سلطان بنام نامىء ميرزا الغ بيك كوركان نوشته است.

3) Add. 26190, ср. Rieu, Pers. Man., p. 163 sq. и Туркестанъ въ эпоху монг. наш., II, 57 сл.

4) Хондемиръ (حبيب السير, III, 4) приводитъ изъ этого труда этимологію слова قاج = قال اج, которая есть и у Рашид-ад-дина; ср. въ изданіи Березина (Труды Арх. Общ. VII), стр. 25 и у W. Radloff, Kudatku Bilik, Einleitung, S. XXI.

5) حبيب السير, III, 18 и 25; инд. изд. III³, 28 и 42.

6) О немъ Д. Покотиловъ, Исторія вост. монголовъ, стр. 46.

7) حبيب السير, III, 26. Рук. Брит. муз., л. 127б—128а. Miles, The Shajrat ul Atrak, Lond. 1838, p. 239 sq.

у Шереф-ад-дина пропущены три имени[1]); вслѣдъ за послѣднимъ ханомъ списка Шереф-ад-дина (Мухаммедъ-ханъ, преемникъ Дервишъ-оглана) въ «Исторіи четырехъ улусовъ» приведены еще имена четырехъ хановъ: Девлетъ-берди, сынъ Ташъ-Тимура; Буракъ; Гіяс-ад-динъ, сынъ Шадибека; Мухаммедъ, сынъ Тимуръ-хана, т. е. «Кучукъ-Мухаммедъ»[2]); объ исторіи этихъ правителей авторъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній и потому ограничился перечисленіемъ именъ[3]). При изложеніи исторіи джагатайскаго улуса Шереф-ад-динъ по ошибкѣ назвалъ правительницу Эргэнэ-хатунъ дочерью Арикъ-Буки; въ «Исторіи четырехъ улусовъ» этой ошибки не было[4]), и имя отца Эргэнэ-хатунъ было приведено по Рашид-ад-дину[5]). Изъ подставныхъ хановъ эпохи 1358—1370 гг. Кабулъ-шахъ какъ у Хондемира[6]), такъ и въ лондонской рукописи[7]) названъ по ошибкѣ послѣ Адиль-Султана[8]); очевидно, эта ошибка была въ «Исторіи четырехъ улусовъ». По всѣмъ признакамъ это сочиненіе было совершенно независимо отъ труда Шереф-ад-дина Іезди. Приписанный Улугбеку историческій трудъ, вѣроятно, представлялъ бы нѣкоторый интересъ, какъ литературный памятникъ и какъ матеріалъ для исторической критики; но едва-ли открытіе экземпляра этого труда существенно обогатило бы наши свѣдѣнія по исторіи монгольской имперіи и образовавшихся послѣ ея распаденія государствъ.

Изъ представителей медицинской науки въ Самаркандѣ при Улугбекѣ лучшимъ считался нѣкій Нефисъ (مولانا نفيس)[9]). Замѣчательно, что въ Гератѣ при Шахрухѣ религіозное направленіе отразилось и на медицинѣ, и были факты, напоминающіе современную «христіанскую науку» въ Америкѣ. Въ іюлѣ 1441 г. въ Гератѣ умеръ ученый и въ то же время

---

1) 27-ой (по Улугбеку) Тимуръ, сынъ Тимуръ-Кутлуга, о немъ А. Марковъ, Каталогъ монетъ Имп. Эрмитажа, стр. 498; 32-ой Джаббаръ-берди, сынъ Тохтамыша; 33-й Сиди-Ахмедъ.

2) Ст. Лэнъ-Пуль, Мусульм. дин., русск. перев., стр. 193.

3) حبيب السير, III, 26: وچون احوال ايشان سلاطين نامعلوم بود بمجرّد تعداد اسامئ ايشان اكتفا رفت.

4) Ibid. 28: بروايت صاحب مقدّمهٔ ظفرنامه دختر اريق بوكا بن تولى خان بود وبقول مولّف الوس اربعه بنت نور ايلچى كوركان.

5) Ср. въ изд. Blochet, 185 h.

6) حبيب السير, III, 32.

7) Рук Брит. муз. Add. 26190, л. 180б—181а; Miles, p. 380.

8) О немъ и его предшественникѣ ср. выше стр. 12 (гдѣ по ошибкѣ Адиль-шахъ), по анониму Искендера. По Шереф-ад-дину Кабулъ-шахъ былъ возведенъ на престолъ еще въ 765=1364 г. (ZN I, 96); это извѣстіе правдоподобнѣе, чѣмъ разсказъ анонима Искендера, такъ какъ и по этому автору (л. 251а) Кабулъ-шахъ правилъ годъ и четыре мѣсяца, Адиль-Султанъ — 5 лѣтъ. Въ ZN Адиль-Султанъ упоминается въ 1369 г. (I, 185 и 190), онъ былъ убитъ послѣ побѣды Тимура въ 1370 г. (I, 206).

9) Хондемиръ, тегер. изд., III, 219; инд. изд., III³, 159.

благочестивый врачъ Шемс-ад-динъ Мухаммедъ, «лечившій больныхъ вѣрой»[1]).

Остается еще разсмотрѣть вопросъ, насколько Улугбекъ въ своей семейной жизни отличался отъ обычнаго типа восточнаго деспота. По словамъ Хондемира[2]), у Улугбека было пять женъ, изъ которыхъ приводятся имена трехъ:

1) Өгэ-бегӯмъ (или Өгэ-бики), дочь Мухаммедъ-Султана, первая жена Улугбека, на которой онъ женился въ 1404 г., въ десятилѣтнемъ возрастѣ (см. выше стр. 40); умерла въ 1419 г. и была похоронена рядомъ съ отцомъ въ построенномъ имъ медресе[3]), т. е., вѣроятно, въ зданіи Гуръ-эмиръ, гдѣ ея гробница, однако, не сохранилась. Въ 1412 г., во время своей первой беременности, она была привезена въ Гератъ и тамъ въ пятницу 19 августа[4]) родила дочь, получившую имя Хабибе-Султанъ (или Хасибе) и титулъ Ханзадэ-бегӯмъ, вѣроятно, въ связи съ ханскимъ происхожденіемъ Мухаммедъ-Султана (см. выше стр. 30). По словамъ Хондемира, эта царевна прожила только два года; если такъ, то у нея была сестра, носившая то же имя и тотъ же титулъ[5]) и жившая въ Гератѣ. Въ 1438 г. Улугбекъ потребовалъ, чтобы эта дочь была прислана къ нему въ Самаркандъ[6]); царевна пріѣхала, но уже въ апрѣлѣ 1439 г. вернулась въ Гератъ[7]).

2) Акъ-Султанъ-Ханике, дочь Султанъ-Махмудъ-хана, номинальнаго государя, отъ имени котораго чеканились монеты при Тимурѣ. Къ ней, вѣроятно, относится разсказъ, переданный Мирхондомъ съ ссылкой на Али-Кушчи[8]). Улугбекъ будто бы спросилъ Мухаммеда Ардистани, знатока науки гаданія (علم رمل), о ближайшихъ событіяхъ; гадатель объявилъ, что дѣло идетъ о гаремѣ, и не хотѣлъ говорить, такъ какъ при этомъ присутствовалъ Али-Кушчи; Улугбекъ сказалъ, что Али-Кушчи — его другъ

---

1) Фасихъ, л. 429б: معالجهٔ بیماران باعتقاد کردی. О томъ же лицѣ Абд-ар-Реззакъ, л. 256б.

2) حبیب السیر, III, 219. Въ тегеранскомъ изд. эти свѣдѣнія помѣщены на поляхъ; въ индійскомъ ихъ нѣтъ совсѣмъ.

3) Ср. ЗВО. XXIII, 30. У Абд-ар-Реззака, рук. унив. 157, л. 213б по ошибкѣ در جنبذ مدرسهٔ والدهاش; но рук. Аз. Муз., 574, стр. 448 и 574а, л. 332б والدش مدرسهٔ در کنبذ. То же извѣстіе есть у Хафизи-Абру, оксф. рук., л. 319а.

4) 10 джумада I 815 г.; дата уже у Хафизи-Абру. рук. Ind. Off., л. 180а; оксф. рук., л. 191а.

5) Хондемиръ полагалъ, что имя خانزاد بیکم принадлежало только умершей царевнѣ и что имя حبیبه سلطان носила только ея сестра.

6) Фасихъ, л. 427а. Абд-ар-Реззакъ, л. 251а, гдѣ сказано, что царевна прежде была привезена царицей Гаухаръ-Шадъ изъ Самарканда въ Гератъ. Фасихъ (л. 411б) относитъ это событіе къ 822 г. (1419), т. е. къ году смерти матери царевны.

7) Объ этомъ говоритъ только Фасихъ, л. 427б.

8) С 364а, L 1320 и 1491, также حبیب السیر, III, 219. Въ L 1320 «дочь Хызръ-хана», но въ рукописяхъ и у Хондемира слова «Хызръ» нѣтъ. L 1491 دختر خان ترکستان.

и что при немъ можно говорить свободно. Тогда гадатель предсказалъ Улугбеку, что изъ двухъ своихъ женъ онъ черезъ нѣсколько дней одну убьетъ, съ другой, «дочерью хана», разведется. Улугбекъ не повѣрилъ второму предсказанію, такъ какъ очень любилъ «дочь хана» и никогда съ ней не разставался; но когда черезъ нѣсколько дней первое предсказаніе исполнилось, «дочь хана» такъ шумно выражала свою радость[1]), что Улугбекъ былъ возмущенъ и произнесъ формулу развода. Несмотря на легендарную форму разсказа, изъ него, повидимому, можно заключить, что Улугбекъ былъ связанъ тѣсною любовью съ одной изъ своихъ женъ, дочерью бывшаго хана, и что какая-то семейная трагедія положила конецъ этой любви.

3) Хуснъ-Нигаръ-Ханике, дочь Халиль-Султана.

Кромѣ того перечисляются имена шести наложницъ:

1) Ракійе-Султанъ-хатунъ, мать двухъ дочерей Улугбека, Акъ-Башъ и Султанъ-Бахтъ.

2) Михръ-Султанъ, дочь Тевкеля, сына Сарбуги.

3) Даулетъ-Бахтъ-Саʿадетъ, дочь Буянъ-кукельташа; отъ нея у Улугбека была дочь Кутлугъ-Турканъ-Ага.

4) Даулетъ-Султанъ, дочь Хондъ-Саʿида.

5) Бахты, дочь узбека Касуни.

6) Даулетъ-Бахтъ, дочь барласа Шейхъ-Мухаммеда.

Среди дочерей Улугбека у Хондемира не упоминается Рабіʿа-Султанъ-бегӯмъ, которая послѣ взятія Самарканда мирзой Абу-Саʿидомъ (855 = 1451) сдѣлалась женой узбецкаго хана Абулхайра, родила ему двухъ сыновей, будущихъ хановъ Кучкунчи и Суюнича[2]), и была похоронена въ городѣ Туркестанѣ, гдѣ до сихъ поръ сохранилась ея гробница[3]). Кромѣ того замѣчательно, что Хондемиръ только при именахъ нѣкоторыхъ дочерей Улугбека[4]) приводитъ имена ихъ матерей, такъ что остается неизвѣстнымъ, отъ какихъ женъ и наложницъ у Улугбека родились сыновья, именно царевичи:

---

1) По чтенію нѣкоторыхъ версій, вѣроятно ошибочному, «такъ сильно упрекала» Улугбека. Ср. L 1320: چندان اظهار مسرّت وشماتت کرد; L 1491: چندان شماتت از وقوع حادثه شادمان شده, III, 220: حبیب السیر آغاز کرد وبر پادشاه طعنه زد چندان بشاشت فرمود; въ инд. изд. III[3], 159 послѣ وقوع еще این, дальше شماتت вм. بشاشت, остальное какъ въ тегер.

2) Объ этомъ бар. Демезонъ въ примѣч. къ переводу Абулгази, p. 192, также П. Лерхъ, Археол. поѣздка въ Турк. край, стр. 20, съ ссылкой на «Шейбаніаду» и عبد الله نامه.

3) П. Лерхъ, Археол. поѣздка, стр. 19 сл. (дата — 890 = 1485 г.); также статья В. Л. Вяткина въ Турк. Вѣдом. 1906 г., № 93.

4) Всего у Улугбека, по Хондемиру, было семь дочерей; не извѣстны матери двухъ, Туга-Турканъ (рано умершей) и Огэ-Туганъ-Шахъ.

1) Абдулла, родившійся въ іюлѣ 1420 г.[1]); повидимому, онъ рано умеръ, такъ какъ больше не упоминается.

2) Абд-ар-Рахманъ, родившійся въ 1421 г.[2]) въ Бухарѣ, умершій въ 1432 г. въ Самаркандѣ[3]); по словамъ Мирхонда этотъ царевичъ встрѣтилъ Улугбека въ 1425 г. при его возвращеніи изъ похода на Моголистанъ.

3) Абд-ал-Лятифъ, будущій убійца и преемникъ Улугбека. Время его рожденія не указывается; въ 1437 г. надъ нимъ было совершено обрѣзаніе въ Гератѣ[4]), гдѣ онъ воспитывался подъ руководствомъ царицы Гаухаръ-Шадъ; въ концѣ 1439 г. онъ находился среди царевичей во время торжественнаго пріема, оказаннаго египетскому посольству[5]). Въ 1441 г. произошла размолвка между нимъ и его воспитательницей; недовольный предпочтеніемъ, оказывавшимся сыну Байсункара Ала-ад-дауля, Абд-ал-Лятифъ ушелъ къ отцу въ Самаркандъ[6]); царица въ началѣ 1442 г. сама отправилась въ Самаркандъ за своимъ «сыномъ, котораго у нея отняли»[7]), и уговорила его вернуться въ Гератъ[8]). Только отъ этого сына у Улугбека были внуки, которыхъ впослѣдствіи, въ 1457 и 1464 гг., постигла такая же печальная участь, какъ ихъ отца и дѣда.

4) Абд-ал-Азизъ. Время его рожденія также не указывается; извѣстно только, что онъ былъ моложе Абд-ал-Лятифа[9]); въ 838 г. (1434—5) онъ уже носилъ титулъ хана, и отъ его имени воздвигались постройки (ср. выше, стр. 72). Повидимому, онъ выросъ при отцѣ въ Самаркандѣ, гдѣ торжественно было отпраздновано его обрѣзаніе (см. выше, стр. 104). Изъ приведеннаго выше разсказа о событіи 1433 г. (стр. 89) видно, что Улугбекъ уже къ тому времени успѣлъ выбрать для Абд-ал-Азиза невѣсту, дочь Вейсъ-хана могольскаго.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ видно, что обычай воспитывать царевичей при дворѣ главы имперіи, подъ надзоромъ назначенныхъ имъ лицъ, при

---

1) Дата у Хафизи-Абру, оксф. рук., л. 342б и Абд-ар-Реззака, л. 218а — начало реджеба 823 г

2) По Абд-ар-Реззаку, л. 223б 8 мухаррема 824 (13 янв.), по Фасиху, л. 416а, 20 рабиʿ I (25 марта). По Хаф.-Абру (л. 374б) въ этотъ день пришло извѣстіе о его рожденіи въ Гератъ.

3) По Фасиху (л. 421а) во вторникъ 11 джумада I 835 (15 янв. 1432). Ср. Абд-ар-Реззакъ, л. 241а. Мирхондъ относитъ къ Абдуллѣ то, что сказано у Хафизи-Абру и у Абд-ар-Реззака объ Абд-ар-Рахманѣ, и наоборотъ (С 321б и 322а; въ L 1292 Абд-ар-Рахманъ совершенно не упомянутъ).

4) Абд-ар-Реззакъ, л. 248б.

5) Ibid., л. 252а.

6) Ibid., л. 256а.

7) Ibid. слова царицы: فرزند مرا از من جدا کردند.

8) По Фасиху (л. 430б) царица выѣхала изъ Герата въ среду 20-го шаʿбана 845 (3 янв. 1442), вернулась въ понедѣльникъ 14 шавваля (26 февр.) вечеромъ; на слѣдующій день около полудня прибылъ Абд-ал-Лятифъ.

9) Абд-ар-Реззакъ, л. 285а: برادر خورد او.

Шахрухѣ уже не соблюдался съ такою же послѣдовательностью, какъ при Тимурѣ; Абд-ар-Рахманъ и Абд-ал-Азизъ росли при дворѣ отца въ Самаркандѣ. Возможно, что Шахрухъ или, вѣрнѣе, его жена Гаухаръ-Шадъ, въ дѣйствительности управлявшая государствомъ, старались сосредоточить при гератскомъ дворѣ воспитаніе старшихъ дѣтей каждаго царевича; этимъ объясняется, что молодая жена Улугбека была привезена въ Гератъ, когда ожидалось появленіе на свѣтъ ея первенца; по этой же причинѣ Улугбеку могли быть оставлены Абд-ар-Рахманъ и Абд-ал-Азизъ, тогда какъ въ Гератѣ воспитывались Абд-ал-Лятифъ и, вѣроятно, Абдулла.

Изъ двухъ своихъ сыновей, достигшихъ возмужалости, Улугбекъ, естественно, больше любилъ Абд-ал-Азиза, выросшаго при немъ; слабостью Улугбека къ этому сыну, вѣроятно, объясняются дѣйствія избалованнаго молодого царевича въ Самаркандѣ въ 1449 г., бывшія одной изъ главныхъ причинъ гибели его отца. Совершенно другимъ характеромъ отличался Абд-ал-Лятифъ. Столь же честолюбивый и даровитый, какъ его отецъ (Абд-ал-Лятифъ, подобно Улугбеку, любилъ науку и ученыхъ, занимался астрономіей, поэзіей и исторіей)[1]), Абд-ал-Лятифъ отличался отъ него большей энергіей, внушалъ больше страха врагамъ и съ большей суровостью добивался своихъ цѣлей. Есть извѣстіе, будто между отцомъ и сыномъ съ самаго начала существовало недовѣріе; оба занимались астрономіей и оба будто бы убѣдились по своимъ гороскопамъ, что каждому изъ нихъ угрожаетъ опасность отъ другого[2]). По всей вѣроятности, эта легенда возникла только послѣ событій 1449 г. Интересы Абд-ал-Лятифа до 1448 г. вполнѣ совпадали съ интересами его отца, и только съ этого времени, за годъ до катастрофы, ихъ пути разошлись.

---

1) Характеристика у Мирхонда, C 370 *б*, L 1324.

2) Абд-ар-Реззакъ, л. 285 *а*.

7.

Конецъ жизни Улугбека и начало новой эпохи въ жизни Туркестана.

Улугбекъ при жизни отца былъ только временнымъ гостемъ при дворѣ главы имперіи и не принималъ непосредственнаго участія въ рѣшеніи вопросовъ, касавшихся всего государства, въ томъ числѣ и вопроса о престолонаслѣдіи, который для него, какъ для старшаго сына Шахруха, имѣлъ еще больше значенія, чѣмъ для другихъ тимуридовъ. Шахрухъ дожилъ до еще болѣе преклоннаго возраста, чѣмъ Тимуръ, но при немъ не было, какъ при Тимурѣ, открыто объявленнаго наслѣдника престола. Любимцемъ царицы Гаухаръ-Шадъ былъ сынъ Байсункара Ала-ад-дауля, родившійся 17 іюня 1417 г.[1]); но открыто объявить его наслѣдникомъ царица не могла изъ страха передъ Улугбекомъ и его сыномъ Абд-ал-Лятифомъ, представлявшимъ въ Гератѣ интересы своего отца. Кромѣ того кандидатомъ на гератскій престолъ считался сынъ Шахруха Мухаммедъ-Джуки, правитель Балха, родившійся въ 1401 или 1402 г.[2]). Шахрухъ «втайнѣ»[3]) желалъ назначить своимъ наслѣдникомъ этого сына, но его мать Гаухаръ-Шадъ, въ рукахъ которой была дѣйствительная власть, не допускала его даже къ дѣламъ «дивана», въ рѣшеніи которыхъ принимали участіе Ала-ад-дауля и Абд-ал-Лятифъ[4]). Въ 1444 г. въ Гератѣ ждали смерти Шахруха, котораго постигла тяжкая болѣзнь; Мухаммедъ-Джуки поспѣшилъ изъ Балха въ Гератъ и тамъ узналъ, что по настоянію царицы начальникъ военныхъ силъ Джелаль-ад-динъ Фирузшахъ принесъ присягу Ала-ад-дауля, какъ наслѣднику[5]). Противъ ожиданія Шахрухъ выздоровѣлъ, тогда какъ Мухаммедъ-Джуки въ томъ же году (848=1444—5) умеръ. Съ преждевременной присягой, можетъ быть, была связана немилость, постигшая въ томъ же году Джелаль-ад-дина Фирузшаха и его сына, къ которому послѣ смерти отца перешла должность начальника войска[6]). Какъ показываютъ дальнѣйшія событія, вопросъ о престолонаслѣдіи

---

1) Дата у Абд-ар-Реззака (л. 207б): четвергъ 1-го джумада I 820; также Хаф.-Абру, оксф. рук., л. 293а-б, гдѣ пропущено имя царевича (дата приводится также по эрамъ Александра и Іездегерда).

2) Ко времени смерти Тимура ему было три года (ZN II, 735). Мухаммедъ-Джуки большую часть времени проводилъ въ Гератѣ, принималъ участіе въ походахъ Шахруха въ западную Персію (Абд-ар-Реззакъ, л. 237б и 247а), еще въ 1438 г. ѣздилъ къ Улугбеку въ Мавераннахръ (ibid. 250б), въ 1438 г. былъ правителемъ Гармсира и области авганцевъ (ibid. 244а), въ 1443 г. былъ посланъ въ Балхъ (ibid.).

3) Выраженіе Даулетшаха, стр. 395,1.

4) Абд-ар-Реззакъ, л. 268а.

5) Ibid., л. 266а.

6) Ibid., л. 266б.

и послѣ 1444 г. оставался открытымъ; по прежнему не рѣшались открыто объявить Ала-ад-дауля будущимъ главой имперіи и этимъ нарушить права Улугбека, старшаго и въ то же время единственнаго остававшагося въ живыхъ изъ сыновей Шахруха.

Въ 1446 г. престарѣлый государь снова предпринялъ походъ на западъ, гдѣ молодой царевичъ Султанъ-Мухаммедъ, сынъ Байсункара, возсталъ противъ своего дѣда, захватилъ Хамаданъ и Исфаханъ и осадилъ Ширазъ[1]). Ала-ад-дауля остался въ Гератѣ; Гаухаръ-Шадъ и Абд-ал-Лятифъ вмѣстѣ съ Шахрухомъ находились при войскѣ. Въ западной Персіи Шахрухъ не встрѣтилъ сопротивленія; Султанъ-Мухаммедъ бѣжалъ въ горы; виновники возстанія были жестоко наказаны[2]); по настоянію Гаухаръ-Шадъ, благочестивый Шахрухъ велѣлъ казнить въ Савѣ нѣсколькихъ сейидовъ — мѣра, на которую не рѣшились бы ни Тимуръ, ни Улугбекъ; проклятіемъ сейидовъ впослѣдствіи объясняли гибель потомства Шахруха[3]). Во время пребыванія въ зимней ставкѣ Шахрухъ снова заболѣлъ и въ воскресенье 12 марта[4]) умеръ.

Гаухаръ-Шадъ предложила Абд-ал-Лятифу принять начальство надъ войскомъ, желая этимъ угодить Улугбеку; Абд-ал-Лятифъ, тотчасъ отправившій гонца къ своему отцу, покинулъ правое крыло, гдѣ находился раньше, и сталъ у главнаго знамени; съ своей стороны Гаухаръ-Шадъ тайно отправила гонца къ Ала-ад-дауля въ Гератъ. Улугбекъ тотчасъ послѣ полученія этого извѣстія собралъ войска и двинулся къ Аму-дарьѣ; по словамъ Абд-ар-Реззака, онъ находилъ, что къ нему должны перейти всѣ земли Шахруха, какъ къ единственному остававшемуся въ живыхъ изъ его сыновей[5]), т. е. не признавалъ никакихъ правъ за своими племянниками. Еще раньше Улугбека черезъ Аму-дарью переправился съ войскомъ сынъ Мухаммедъ-Джуки, мирза Абу-Бекръ. Послѣ смерти Мухаммедъ-Джуки балхская область была подѣлена между двумя его сыновьями[6]), Мухаммедъ-Касимомъ и Абу-Бекромъ; первому, родившемуся въ 1422 г.[7]), достался Балхъ, второму, родившемуся 18 ноября 1427 г.[8]) — земли къ сѣверу отъ Аму-дарьи: Хутталанъ, Архенгъ и Сали-Сарай; послѣ смерти Шахруха онъ захватилъ также удѣлъ брата: Балхъ, Шапурганъ, Кундузъ

1) Абд-ар-Реззакъ, л. 268б и слѣд.

2) Историкъ Шереф-ад-динъ Іезди былъ спасенъ заступничествомъ Абд-ал-Лятифа (л. 270б).

3) Даулетшахъ, стр. 339,20.

4) 25-го зу-ль-хиджжа 850 г. (Абд-ар-Реззакъ, л. 271б).

5) Абд-ар-Реззакъ, л. 276а.

6) О раздѣленіи Абд-ар-Реззакъ, л. 268а

7) Хафизи-Абру, оксф. рук., л 383а; Абд-ар-Реззакъ, л. 224а. Фасихъ, л. 416а.

8) Дата у Фасиха, л. 419б и Абд-ар-Реззака, л. 235б: 28 мухаррема 831 г

и Багланъ. Улугбекъ вызвалъ молодого царевича въ свой лагерь и обѣщалъ выдать за него свою дочь; въ лагерѣ будущаго тестя Абу-Бекръ будто-бы былъ изобличенъ въ какихъ-то коварныхъ намѣреніяхъ; его отправили въ Самаркандъ и заключили въ цитадель, въ замокъ Кёкъ-Сарай, гдѣ впослѣдствіи умертвили его по приказанію Улугбека[1]). Улугбекъ переправился черезъ Аму-дарью и занялъ Балхъ. Въ это время до него дошли извѣстія о неудачѣ Абд-ал-Лятифа.

Принявъ начальство надъ войскомъ Шахруха, Абд-ал-Лятифъ долженъ былъ выдержать борьбу съ мятежными элементами. Абу-л-Касимъ Бабуръ, сынъ Байсункара, родившійся въ 1422 г.[2]), и Халиль-Султанъ, сынъ Мухаммедъ-Джехангира отъ дочери Шахруха, отдѣлились отъ войска, разграбили Орду-Базаръ, т. е., вѣроятно, главный обозъ арміи, и бѣжали въ Хорасанъ; въ остальной части войска Абд-ал-Лятифъ возстановилъ дисциплину нѣсколькими казнями и на третій день послѣ смерти Шахруха повелъ войско на востокъ; Улугбекъ предполагалъ, что онъ съ западной границы Хорасана[3]) двинется на сѣверъ (черезъ Несā и Абивердъ), приведетъ войско въ Самаркандъ и привезетъ туда же тѣло Шахруха. Между Рейемъ и Семнаномъ Абд-ал-Лятифъ велѣлъ посадить подъ стражу царицу Гаухаръ-Шадъ и ея сторонниковъ — тархановъ. Въ Дамганѣ Абд-ал-Лятифу впервые было оказано сопротивленіе, и городъ былъ взятъ силой. Въ Бистамѣ онъ узналъ, что отряды, стоявшіе на Гюргенѣ противъ узбековъ, подчинились Абу-л-Касиму Бабуру, послѣ чего Бабуръ овладѣлъ Мазандераномъ, такъ что путь на сѣверъ и оттуда въ Самаркандъ былъ для Абд-ал-Лятифа закрытъ. Абд-ал-Лятифъ продолжалъ послѣ этого путь на востокъ и дошелъ до Нишапура, гдѣ узналъ, что Мешхедъ занятъ войскомъ Ала-ад-дауля.

Ала-ад-дауля изъ страха передъ Улугбекомъ не рѣшился провозгласить себя государемъ тотчасъ послѣ полученія извѣстія о смерти Шахруха; предполагалось по пятницамъ поминать въ мечетяхъ по прежнему умершаго государя; только послѣ полученія извѣстія о поступкахъ Абд-ал-Лятифа, особенно о дурномъ обращеніи съ царицей, Ала-ад-дауля рѣшился овладѣть престоломъ, роздалъ войску казну Шахруха[4]) и послалъ отрядъ въ Мешхедъ. Въ субботу 29 апрѣля 1447 г.[5]) Абд-ал-Лятифъ около Нишапура подвергся неожиданному нападенію со стороны войска

---

1) Абд-ар-Реззакъ, л. 276 а; Даулетшахъ, стр. 397,7.

2) Хафизи-Абру, л. 380 б. Абд-ар-Реззакъ, л. 224 а (825 г.).

3) По Абд-ар-Реззаку (л. 273 б и 276 а) отъ моста черезъ рѣку Ибришемъ.

4) По словамъ Даулетшаха (стр. 414.7) въ казнѣ послѣ Шахруха оставалось 20.000 томановъ (не менѣе 100 милл. рублей), что, вѣроятно, преувеличено.

5) 13 сафара 851 (Абд-ар-Реззакъ, л. 274 а).

Ала-ад-дауля, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Освобожденная царица Гаухаръ-Шадъ съ плѣннымъ Абд-ал-Лятифомъ двинулась къ Герату и въ мѣстѣ Сa'дабадъ, въ окрестностяхъ Джама, была встрѣчена Ала-ад-дауля. Абд-ал-Лятифъ былъ привезенъ въ Гератъ и посаженъ въ крѣпость Ихтіяр-ад-динъ; тѣло Шахруха было погребено въ медресе Гаухаръ-Шадъ, въ мавзолеѣ Байсункара[1]). Послѣ этого гератское войско, подъ начальствомъ Ала-ад-дауля, отправилось на сѣверо-востокъ противъ Улугбека и переправилось черезъ Мургабъ.

Подъ вліяніемъ этихъ событій Улугбекъ, по совѣту своихъ военачальниковъ, отказался отъ дальнѣйшихъ завоеваній и вступилъ въ переговоры съ Ала-ад-дауля; посланный имъ садръ Низам-ад-динъ Мирекъ-Махмудъ объявилъ Ала-ад-дауля, что Улугбекъ считаетъ его своимъ сыномъ и ничего не замышляетъ противъ Герата. Съ своей стороны Ала-ад-дауля не могъ продолжать войну, такъ какъ съ запада Герату угрожалъ Абу-л-Касимъ Бабуръ, разбившій въ окрестностяхъ Джама гератскій сторожевой отрядъ. Былъ заключенъ договоръ, по которому границей владѣній Ала-ад-дауля была признана мѣстность Чечекту[2]), т. е., какъ много разъ до и послѣ этого времени[3]), пограничной мѣстностью иранскаго государства на сѣверо-востокѣ сдѣлался бассейнъ Мургаба; Абд-ал-Лятифъ былъ отпущенъ къ отцу и назначенъ правителемъ Балха съ зависѣвшими отъ него областями по обѣ стороны Аму-дарьи[4]). Въ томъ же году былъ заключенъ договоръ между Ала-ад-дауля и Бабуромъ, по которому пограничнымъ пунктомъ между владѣніями обоихъ царевичей былъ признанъ Кучанъ.

Военныя дѣйствія возобновились уже зимой 1447—8 гг., прежде всего между Абд-ал-Лятифомъ и Ала-ад-дауля. Послѣдній, вопреки договору, освободивъ Абд-ал-Лятифа, оставилъ у себя, въ качествѣ заложниковъ, его нукеровъ, взятыхъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ нимъ; кромѣ того, во главѣ стоявшаго въ Чечекту пограничнаго отряда находился врагъ Абд-ал-Лятифа мирза Салихъ, внукъ Омаръ-шейха (сынъ Пиръ-Мухаммеда), принимавшій участіе въ битвѣ при Нишапурѣ. Все это побудило Абд-ал-Лятифа начать враждебныя дѣйствія; Салихъ былъ разбитъ и бѣжалъ въ Гератъ; послѣ этого Ала-ад-дауля велѣлъ убить нукеровъ Абд-ал-Лятифа.

---

1) Постройка медресе была закончена въ 1432 г. (Абд-ар-Реззакъ, л. 241 б); въ разсказѣ о погребеніи Байсункара (въ слѣдующемъ году) упоминаются «медресе и высокій куполъ» (ibid., л. 243 б); въ томъ же мавзолеѣ былъ погребенъ Мухаммедъ-Джуки (ibid., л. 268 а). Объ остаткахъ зданія и сохранившихся могильныхъ камняхъ см. C. E. Yate, Northern Afghanistan, p. 30 sq.

2) Мѣсто Чечекту было въ 10 агачахъ (фарсахахъ) отъ Мургаба (къ востоку), ср. Бабуръ, л. 187 б.

3) Ср. объ эпохѣ сасанидовъ J. Marquart, Eranšahr, S 52 f; о XVII в. Искендеръ Мунши, стр. 397, 427 сл. (гдѣ упоминается Чечекту) и друг.

4) Послѣднее видно изъ словъ Абд-ар-Реззака, л. 278 б.

Несмотря на зимнее время, Ала-ад-дауля тотчасъ предпринялъ походъ на Балхъ; Абд-ал-Лятифъ былъ вынужденъ отступить, укрѣпиться въ Балхѣ и обратиться за помощью къ Улугбеку. Улугбекъ велѣлъ передать Ала-ад-дауля, что ему слѣдовало обратиться съ жалобой на дѣйствія Абд-ал-Лятифа въ Самаркандъ, а не начинать войны; по требованію Улугбека, Ала-ад-дауля согласился вернуться въ Гератъ, но принялъ мѣры для защиты своей области отъ новаго нападенія. Въ Чечекту была построена крѣпость; такъ какъ вслѣдствіе холода нельзя было строить печи для обжиганія кирпича, пришлось разрушить кирпичные хаузы, построенныя для путешественниковъ зданія (ленгеры) и другія постройки, предназначенныя для бѣдныхъ[1]). Вернувшись въ Гератъ, Ала-ад-дауля старался возстановить благосостояніе пострадавшаго отъ войны населенія[2]).

Весной 1448 г. Улугбекъ самъ возобновилъ войну вмѣстѣ съ Абд-ал-Лятифомъ; отецъ и сынъ вмѣстѣ собрали до 90.000 войска[3]). Ала-ад-дауля выступилъ противъ враговъ и далъ имъ сраженіе при Тарнабѣ, въ 14 фарсахахъ отъ Герата[4]); сраженіе кончилось полной побѣдой Улугбека; Ала-ад-дауля бѣжалъ въ Мешхедъ и оттуда въ Кучанъ, гдѣ нашелъ убѣжище у своего брата Бабура. Оставшіеся въ Гератѣ везиръ и военачальники, вмѣстѣ съ царицей Гаухаръ-Шадъ, тоже покинули городъ тотчасъ послѣ полученія извѣстія о пораженіи. Улугбекъ встрѣтилъ сопротивленіе только въ крѣпости Нерету, которую взялъ послѣ осады, и въ гератской цитадели Ихтіяр-ад-динъ, которая была взята Абд-ал-Лятифомъ. Изъ Герата Улугбекъ отправился дальше на западъ, занялъ безъ сопротивленія Мешхедъ, но не могъ взять крѣпости Имадъ (عماد), построенной Ала-ад-дауля еще при Шахрухѣ; весной, передъ походомъ противъ Улугбека, Ала-ад-дауля оставилъ тамъ часть своихъ сокровищъ[5]), но послѣ своего пораженія успѣлъ взять ихъ оттуда и раздать своимъ воинамъ. Несмотря на эту неудачу, Улугбекъ продолжалъ походъ. Въ Радканѣ его встрѣтили послы Бабура, который соглашался признать Улугбека своимъ государемъ, ввести его имя въ хутбу и чеканить отъ его имени монету; Улугбекъ милостиво отпустилъ пословъ, но не прекратилъ военныхъ дѣйствій[6]).

---

1) بقاع خير (Абд-ар-Реззакъ, л. 278 б).

2) Ibid., л. 280 а. Въ Гератѣ дѣлались приготовленія для празднества по случаю обрѣзанія сына Ала-ад-дауля и объявленія жителей «тарханами» (т. е. освобожденія ихъ отъ податей), когда пришло извѣстіе о переходѣ Улугбека черезъ Аму-дарью.

3) О числѣ войска Даулетшахъ стр. 363,20; тамъ-же о царицѣ Гаухаръ-Шадъ.

4) На пути отъ Герата къ Тарнабу былъ перевалъ سنجاب (Абд-ар-Реззакъ, л. 280 б).

5) 4.000 томановъ (около 20 милл. рублей) деньгами были оставлены имъ въ цитадели Ихтіяр-ад-динъ (Абд-ар-Реззакъ, л. 280 а); тамъ же находились 200 томановъ (ок. 1 милл.), принадлежавшіе Абд-ал-Лятифу (ibid, л. 281 б).

6) Абд-ар-Реззакъ, л. 282 а.

Въ Исфераинѣ Улугбекъ почему-то остановился и провелъ тамъ 20 дней; изъ той же мѣстности онъ послалъ Абд-ал-Лятифа на Бистамъ и Астрабадъ. Бабуръ бѣжалъ въ Дамганъ, но тамъ узналъ, что Улугбекъ отъ моста черезъ рѣку Ибришемъ вернулся обратно въ Мешхедъ. Историкъ Абд-ар-Реззакъ считаетъ это отступленіе большой ошибкой со стороны Улугбека, такъ какъ его враги Ала-ад-дауля и Бабуръ уже приготовились бѣжать въ Иракъ, и къ нему перешли бы всѣ ихъ владѣнія. Улугбекъ, очевидно, боялся итти дальше, оставляя за собой страну, гдѣ его власть, какъ показываютъ дальнѣйшія событія, не была достаточно прочно установлена; но его возвращеніе только ненадолго остановило успѣхъ мятежныхъ элементовъ въ Хорасанѣ и въ то же время придало новыя силы бѣжавшимъ изъ Хорасана царевичамъ.

Разсказъ Абд-ар-Реззака о встрѣчѣ Улугбека съ гератскимъ шейх-ал-исламомъ[1]) показываетъ, что завоеваніе Хорасана Улугбекомъ, какъ и слѣдовало ожидать, не было пріятно мѣстному вліятельному духовенству. Шейх-ал-исламъ Беха-ад-динъ имѣлъ отъ Ала-ад-дауля порученіе выступить посредникомъ между нимъ и Улугбекомъ, но не успѣлъ прибыть къ Улугбеку до битвы при Тарнабѣ. Послѣ битвы встрѣча Улугбека съ шейхомъ произошла въ Чильдухтеранѣ (на Кушкѣ), при чемъ воины Улугбека ограбили шейха; Улугбекъ велѣлъ возвратить шейху его носилки и вообще старался дать ему удовлетвореніе, но шейхъ остался обиженнымъ и будто бы предсказалъ, что Улугбекъ будетъ убитъ своимъ сыномъ по приговору казія, произнесенному на основаніи шарі'ата.

Хорасанскій походъ, дѣйствительно, положилъ начало враждѣ между Улугбекомъ и Абд-ал-Лятифомъ. Во время битвы при Тарнабѣ Улугбекъ поручилъ лѣвое крыло Абд-ал-Лятифу, правое (вѣроятно, номинально) — Абд-ал-Азизу; Абд-ал-Лятифъ своей храбростью много способствовалъ успѣху, тѣмъ не менѣе Улугбекъ велѣлъ составить разосланную по всѣмъ областямъ грамоту о побѣдѣ отъ имени Абд-ал-Азиза[2]). Еще большія оскорбленія были нанесены Абд-ал-Лятифу въЕратѣ. При Шахрухѣ цитадель Ихтіяр-ад-динъ, повидимому, считалась собственностью Абд-ал-Лятифа, какъ крѣпость Имадъ — собственностью Ала-ад-дауля; отправляясь въ 1446 г. на западъ со своимъ дѣдомъ, Абд-ал-Лятифъ оставилъ въ цитадели свое имущество: золотые и серебряные сосуды вѣсомъ въ нѣсколько тысячъ золотниковъ и 200 томановъ деньгами (около милліона рублей). Во время хорасанскаго похода цитадель была взята Абд-ал-Лятифомъ; тѣмъ не менѣе Улугбекъ не позволилъ сыну взять свое имущество[3]).

1) Абд-ар-Реззакъ, л. 281 а.

2) Абд-ар-Реззакъ, л. 281 а; выраженіе جلدوی فتح رقم زد.

3) Ibid, л. 281 б.

Вообще Абд-ал-Лятифъ въ Гератѣ, гдѣ онъ при Шахрухѣ провелъ многіе годы «въ величіи»[1]), былъ вынужденъ терпѣть униженія отъ своего отца. Улугбекъ, повидимому, предполагалъ послѣ побѣды надъ своими врагами вернуться въ Самаркандъ и оставить въ Гератѣ Абд-ал-Лятифа; своимъ обращеніемъ съ сыномъ Улугбекъ, вѣроятно, хотѣлъ показать гератцамъ, что время Шахруха прошло и что Герату съ его областью снова предстоитъ сдѣлаться, какъ при Тимурѣ, удѣльнымъ княжествомъ.

Вѣсть объ отступленіи Улугбека побудила Бабура снова двинуться изъ Дамгана на востокъ[2]); Абд-ал-Лятифъ былъ вынужденъ отступить изъ Бистама къ Нишапуру съ такой поспѣшностью, что на одной изъ стоянокъ оставилъ барабанъ и знамя. Въ Нишапурѣ Абд-ал-Лятифъ заболѣлъ; Улугбеку сообщили, что болѣзнь притворная и что Абд-ал-Лятифъ замышляетъ козни противъ отца; царевичъ былъ вызванъ въ Мешхедъ и принесенъ туда на носилкахъ; только увидѣвъ его въ такомъ состояніи, Улугбекъ убѣдился, что его оклеветали[3]). Улугбекъ пробылъ въ Мешхедѣ до ноября[4]), когда вѣсти о возмущеніи въ крѣпости Нерету побудили его вернуться въ Гератъ и поручить Мешхедъ Абд-ал-Лятифу.

Виновникомъ возстанія былъ туркменскій царевичъ Яръ-Али, сынъ султана Искендера изъ династіи Кара-Коюнлу, бѣжавшій отъ своего отца къ ширванъ-шаху и въ 1432 г. отправленный изъ Ширвана морскимъ путемъ, т. е. по Каспійскому морю, вѣроятно черезъ Астрабадъ, къ Шахруху[5]). Осенью 1432 г. онъ въ Гератѣ присутствовалъ при испытаніи какой-то вновь изобрѣтенной военной машины[6]); Шахрухъ замѣтилъ, что красота молодого царевича произвела сильное впечатлѣніе на толпу. Черезъ нѣкоторое время Яръ-Али былъ подвергнутъ заключенію и отправленъ въ Самаркандъ[7]), гдѣ оставался до 1448 г. Неизвѣстно, почему Улугбекъ во время хорасанскаго похода взялъ его съ собой и послѣ взятія Нерету заключилъ его въ эту крѣпость; тамъ же находился гератскій военачальникъ[8]) Султанъ-Абу-Са'идъ, бѣжавшій изъ Герата вмѣстѣ съ царицей Гаухаръ-Шадъ и захваченный войсками Улугбека[9]). Одинъ изъ людей Султанъ-Абу-Са'ида послалъ

---

1) Ibid., л. 285 а (بعظمت).

2) Абд-ар-Реззакъ, л. 283 б.

3) Ibid, л. 282 а.

4) До середины рамазана (ibid., л. 282 б).

5) Фасихъ, л. 421 б.

6) Ею можно было метать камни вѣсомъ въ 400 меновъ.

7) Абд-ар-Реззакъ, л. 241 а-б.

8) Уже отецъ этого эмира Мухаммедъ-Дервишъ, умершій въ февралѣ 1433 г., былъ даругой (военнымъ начальникомъ) Герата, и сынъ наслѣдовалъ его должность (Абд-ар-Реззакъ, л. 242 а; Фасихъ, л. 421 б и сл., гдѣ дата 22 джумада II 836).

9) Ibid., л. 281 б.

въ крѣпость большой хлѣбъ и вложилъ въ него пилу [1]). Султанъ-Абу-Са'идъ и Яръ-Али разбили свои оковы, вышли изъ тюрьмы, перебили стражу, овладѣли крѣпостью и хранившимися въ ней сокровищами, съ помощью этихъ денегъ собрали отрядъ приверженцевъ и пошли прямо на Гератъ, гдѣ отъ имени Улугбека начальствовалъ Баязидъ-перваначи. Находившіяся въ распоряженіи Баязида военныя силы были недостаточны; ему пришлось собрать жителей-таджиковъ, и всѣ, у кого были лошади, получили приказаніе выступить. При Карухѣ, къ СВ отъ Герата, это войско было разбито, послѣ чего враги осадили Гератъ. При защитѣ города народное ополченіе оказалось болѣе полезнымъ, чѣмъ во время битвы въ открытомъ полѣ: одинъ изъ приступовъ, при которомъ «самаркандскіе турки» [2]), т. е. воины Улугбека уже были обращены въ бѣгство, былъ отбитъ благодаря стрѣлкамъ-таджикамъ изъ Бахарза [3]). Только черезъ 17 дней послѣ начала осады прибылъ съ войскомъ Улугбекъ, и враги отступили къ Нерету. Улугбекъ велѣлъ произвести разслѣдованіе о причинахъ успѣха возстанія; жители гератскихъ предмѣстій были обвинены въ оказаніи помощи врагамъ; за это предмѣстья были подвергнуты трехдневному грабежу, послѣ чего жителямъ было разрѣшено вернуться въ пустые дома. Разоренное населеніе страдало отъ недостатка одежды и пищи, тѣмъ болѣе, что стояли холодные дни. Во время празднованія байрама (28 ноября) одинъ изъ дервишей бѣжалъ передъ конемъ Улугбека и говорилъ: «Справедливый падишахъ, хорошій праздникъ устроилъ ты для дервишей, да продлится твоя жизнь и твоя держава» [4]). Даулетшахъ утверждаетъ, что Хорасанъ въ 1448 г. сдѣлался «разореннымъ и безводнымъ» и что слѣды опустошеній, произведенныхъ войсками Улугбека, были видны еще въ его время, въ концѣ XV в. [5]). Гератъ и его окрестности пострадали, однако, еще больше послѣ ухода Улугбека.

Улугбекъ послѣ возвращенія въ Гератъ пробылъ тамъ еще нѣкоторое время, но не успѣлъ упрочить свою власть. При приближеніи къ Мешхеду Абу-л-Касима Бабура, Абд-ал-Латифъ очистилъ городъ и прибылъ къ отцу въ Гератъ; Яръ-Али и его сторонники оставались въ крѣпости Нерету, которую войска Улугбека, очевидно, не могли взять. Наконецъ, узбецкій ханъ Абулхайръ воспользовался отсутствіемъ Улугбека и его сыновей,

---

1) Ibid., л. 282б. از کسان امیر سلطان ابو سعید شخصی کماجی بقلعه فرستاد ودر میان کوماج سوهان آبدار نهاد.

2) ترکان سمرقندی, Абд-ар-Резакъ, л. 282б

3) Мѣстность къ западу отъ Турбет-и-Шейхъ-Джамъ; ср. на современныхъ картахъ названіе горъ Kuh Bakharz.

4) Абд-ар-Резакъ, л. 283б.

5) Даулетшахъ, стр. 363,21.

чтобы совершить набѣгъ на Мавераннахръ; онъ дошелъ до стѣнъ Самарканда и разграбилъ окрестности города, по словамъ Абд-ар-Реззака въ тѣ самые дни (въ концѣ рамазана, т. е. въ двадцатыхъ числахъ ноября), когда войско Улугбека грабило окрестности Герата [1]). Біографъ Абулхайръ-хана разсказываетъ, будто начальникъ Самарканда, эмиръ Джелаль-ад-динъ, сынъ Баязида (вѣроятно, того самаго, который въ томъ же году былъ начальникомъ Герата), и самаркандскіе вельможи поднесли хану дары и объявили, что Улугбекъ «благожелательно относится къ намѣстникамъ хана и выполняетъ условія союза и повиновенія» [2]). Едва-ли намѣстникъ Улугбека рѣшился бы настолько унизить достоинство своего государя передъ ханомъ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ не было необходимости. Кочевники, вѣроятно, какъ при прежнихъ нашествіяхъ, отступили безъ даровъ отъ укрѣпленной столицы, продолжая, однако, грабить страну.

При такихъ условіяхъ Улугбекъ покинулъ Гератъ, увозя съ собой тѣло Шахруха и нѣкоторыя драгоцѣнности [3]), оставленныя Шахрухомъ въ медресе Гаухаръ-Шадъ; въ Гератѣ былъ оставленъ Абд-ал-Лятифъ. Отступленіе не удалось совершить безъ потерь. На пути къ Аму-дарьѣ Улугбекъ былъ настигнутъ отрядомъ хорасанцевъ подъ начальствомъ Хиндуке, котораго Бабуръ, прибывшій съ войскомъ изъ Мешхеда въ Серахсъ, послалъ изъ этого города по направленію къ Мерву; Хиндуке причинилъ войску Улугбека большія потери и взялъ въ плѣнъ одного изъ главныхъ его эмировъ, Ибрагима, сына Идику-Тимура. Во время самой переправы черезъ рѣку по пловучему мосту Улугбекъ подвергся нападенію со стороны узбековъ, также захватившихъ часть обоза и большое число плѣнныхъ. Улугбекъ провелъ остальную часть зимы въ Бухарѣ, откуда отправилъ тѣло Шахруха въ Самаркандъ, гдѣ оно было погребено въ мавзолеѣ Тимура [4]).

Одновременно съ движеніемъ къ Серахсу Бабуръ отправилъ отрядъ къ Герату противъ Абд-ал-Лятифа; послѣдній черезъ 15 дней послѣ ухода Улугбека очистилъ городъ и черезъ Андхой (вѣроятно, тѣмъ же путемъ шелъ и Улугбекъ) направился къ Аму-дарьѣ; послѣ переправы черезъ рѣку онъ получилъ отъ Улугбека приказаніе итти въ свой удѣлъ, въ Балхъ, чѣмъ былъ очень доволенъ, такъ какъ боялся свиданія съ отцомъ.

---

1) Абд-ар-Реззакъ, л. 283 а; тамъ же о разрушеніи узбеками «Фарфороваго» павильона (см. выше, стр. 93).

2) تاريخ ابو الخير خانى, рук. Петрогр. унив. № 852, л. 448 а: سلطان الوغ بيك در هواداری ودولتخواهیٔ نوّاب فلك‌دركاه تقصير نميكند وشرايط يكجهتى وانقياد بجاى می‌آرد.

3) Въ числѣ ихъ находились (?) چند زوج در فولاد; также въ рук. Аз. Муз. 574, стр. 616; 574 а, л. 429 а.

4) Абд-ар-Реззакъ, л. 283 б.

По словамъ Абд-ар-Реззака, Абд-ал-Лятифъ былъ недоволенъ отцомъ, между прочимъ, за то, что тотъ не оказалъ ему своевременно поддержки въ Бистамѣ, Мешхедѣ и Гератѣ[1]). Едва-ли это соотвѣтствуетъ дѣйствительности; обстоятельства, при которыхъ произошло отступленіе Улугбека, ясно показываютъ, что онъ не имѣлъ возможности оказать сыну военную помощь. Улугбекъ, несомнѣнно, дорожилъ Гератомъ и не оставилъ бы тамъ Абд-ал-Лятифа, если бы не довѣрялъ ему.

Отрядъ Бабура, овладѣвшій Гератомъ, сталъ грабить городъ; черезъ три дня изъ Нерету прибылъ Яръ-Али; городъ послѣ трехдневной осады перешелъ въ его власть и оставался въ его рукахъ 20 дней, до прибытія самого Бабура; побѣжденный Бабуромъ Яръ-Али былъ казненъ въ центрѣ города около чарсу. Это произошло въ послѣдніе дни 852 г. хиджры, т. е. во второй половинѣ февраля 1449 г.[2]).

Событія 1448 г., по словамъ Абд-ар-Реззака, лишили Улугбека всякой популярности среди войска и населенія[3]). Улугбекъ, однако, хотѣлъ весной 1449 г. возобновить попытку овладѣть Хорасаномъ; вмѣсто этого ему пришлось вести войну съ собственнымъ сыномъ.

Абд-ал-Лятифу, какъ удѣльному князю обширной области, были подчинены мелкіе удѣлы отдѣльныхъ царевичей; одинъ изъ нихъ, потомокъ Тимура Мираншахъ (болѣе точныхъ свѣдѣній о его происхожденіи нѣтъ), поднялъ весной 1449 г. возстаніе, которое было усмирено Абд-ал-Лятифомъ; послѣдній въ вещахъ убитаго царевича будто бы нашелъ письмо Улугбека, изъ котораго оказывалось, что возстаніе Мираншаха было вызвано самимъ Улугбекомъ[4]). На этотъ поступокъ отца ссылался Абд-ал-Лятифъ, когда открыто отложился отъ отца, овладѣлъ всѣми судами на Аму-дарьѣ и отмѣнилъ въ своемъ удѣлѣ «тамгу», т. е. торговые сборы, которымъ Улугбекъ всегда придавалъ большое значеніе, особенно въ Балхѣ, черезъ который шелъ торговый путь въ Индію[5]).

Вынужденный итти съ войскомъ на Абд-ал-Лятифа, Улугбекъ на этотъ разъ поручилъ столицу своему младшему сыну Абд-ал-Азизу. Въ войскѣ Улугбека находился его племянникъ, царевичъ Абдулла, сынъ Ибрагима, родившійся 19 марта 1433 г.[6]). Послѣ смерти своего отца,

---

1) Абд-ар-Реззакъ, л 285 а.

2) Абд-ар-Реззакъ, л. 284 а.

3) Абд-ар-Реззакъ, л. 284 б: وايل والوس كه بكلّى از ميرزا الغ بيك نفور بودند.

4) Объ этомъ эпизодѣ говоритъ только Мирхондъ, L 1320.

5) Абд-ар-Реззакъ, л. 284 б. О значеніи тамги при Улугбекѣ Мирхондъ, L 1320 (ميرزا الغ بيك در باب تمغا مبالغهٔ تمام داشت); о пересылкѣ черезъ Балхъ مال ولايت دهلى Абд-ар-Реззакъ, л. 260 б. Ср. также выше стр. 106.

6) Дата у Абд-ар-Реззака, л. 241 б (27 реджеба 836).

послѣдовавшей 4 мая 1435 г.[1]), онъ считался владѣтелемъ Фарса. Въ 1447 г. Фарсъ послѣ ухода войска Шахруха перешелъ во власть Султанъ-Мухаммеда; Абдулла удалился на востокъ, въ 1448 г. находился въ войскѣ Ала-ад-дауля и передъ битвой при Тарнабѣ перешелъ на сторону Улугбека[2]). По словамъ Даулетшаха, Улугбекъ выдалъ за него одну изъ своихъ дочерей[3]).

Войска Улугбека и Абд-ал-Латифа долгое время, по Даулетшаху три мѣсяца[4]), стояли другъ противъ друга на берегахъ Аму-дарьи. Отдѣльные отряды съ обѣихъ сторонъ дѣлали попытки переправиться черезъ рѣку и вступали между собою въ стычки, при чемъ успѣхъ большею частью былъ на сторонѣ Абд-ал-Латифа; во время одной изъ такихъ стычекъ былъ взятъ въ плѣнъ Абдулла. Помимо борьбы съ сыномъ, Улугбекъ долженъ былъ подавить мятежное движеніе въ собственномъ войскѣ. Пришло извѣстіе, что Абд-ал-Азизъ въ Самаркандѣ притѣсняетъ семьи находившихся съ Улугбекомъ эмировъ; негодованіе эмировъ было такъ велико, что Улугбеку угрожала опасность быть схваченнымъ и выданнымъ Абд-ал-Латифу; съ трудомъ ему удалось успокоить недовольныхъ; Абд-ал-Азизу было отправлено отъ имени Улугбека письмо съ увѣщаніями и угрозами[5]). Вскорѣ послѣ этого въ тылу Улугбека произошло другое движеніе, заставившее его вернуться въ Самаркандъ.

Извѣстія какъ о возникновеніи этого движенія, такъ и о личности его руководителя не вполнѣ ясны. Туркменское[6]) племя Аргунъ провозгласило своимъ главой двадцатипятилѣтняго[7]) мирзу Абу-Саʿида и осадило Самаркандъ, гдѣ находился Абд-ал-Азизъ. Абу-Саʿидъ будто бы былъ внукомъ Мираншаха, сыномъ Султанъ-Мухаммеда; но среди именъ сыновей Мираншаха, приведенныхъ въ исторіи Тимура[8]), имени «Султанъ-Мухаммедъ» нѣтъ. Говорится, что онъ всегда сопровождалъ Улугбека; между тѣмъ въ разсказахъ о прежнихъ событіяхъ его имя ни разу не встрѣчается. Онъ будто бы принималъ участіе и въ войнѣ съ Абд-ал-Латифомъ и уже на Аму-дарьѣ отдѣлился съ аргунцами отъ войска Улугбека; между тѣмъ изъ порядка изложенія у Абд-ар-Реззака можно вывести заключеніе, что Улуг-

1) Ibid, л. 245 б (4 шаввала 838) и Фасихъ, л. 423 б (среда).
2) Абд-ар-Реззакъ, л. 280 б.
3) Даулетшахъ, стр. 425,18. Также Бабуръ, л. 50 б.
4) Даулетшахъ, стр. 364,8.
5) Абд-ар-Реззакъ, л. 286 б.
6) Такъ по Даулетшаху, стр. 364,10.
7) Такъ по Абд-ар-Реззаку, л. 287 а.
8) ZN II, 734 сл., гдѣ названы сыновья Мираншаха Абу-Бекръ, Омаръ, Халиль-Султанъ и Суюргатмышъ. Рѣшающаго значенія этотъ фактъ, однако, не имѣетъ. ср. выше, стр. 70, пр. 4, вопросъ о Сиди-Ахмедѣ.

бекъ узналъ о возстаніи только послѣ начала осады Самарканда[1]). Возстаніе одного туркменскаго племени, едва ли особенно многочисленнаго, не могло бы заставить Улугбека покинуть берегъ Аму-дарьи со всѣмъ своимъ войскомъ.

Несомнѣнно, что причиной возвращенія Улугбека были новыя извѣстія, полученныя изъ Самарканда; движеніе противъ Абд-ал-Азиза, очевидно, приняло такіе размѣры, что Улугбекъ не могъ оставаться вдали отъ столицы. Едва ли въ возстаніи принимали участіе только обиженные Абд-ал-Азизомъ представители военнаго сословія и присягнувшее Абу-Са'иду племя Аргунъ. Абу-Са'идъ съ самаго начала находилъ опору въ религіозныхъ кругахъ[2]), особенно въ Бухарѣ; этими кругами, вѣроятно, былъ выдвинутъ противъ Улугбека дѣйствительный или мнимый потомокъ Тимура.

Улугбеку удалось возстановить спокойствіе въ Самаркандѣ и заставить Абу-Са'ида бѣжать въ степь; вслѣдъ за тѣмъ онъ снова отправился противъ Абд-ал-Лятифа, при чемъ на этотъ разъ взялъ Абд-ал-Азиза съ собой; начальникомъ Самарканда былъ назначенъ Мираншахъ-каучинъ[3]). Абд-ал-Лятифъ за это время успѣлъ переправиться черезъ Аму-дарью, занять Термезъ и Шахрисябзъ, гдѣ къ нему присоединились мѣстные военные отряды. Битва между отцомъ и сыномъ произошла уже въ окрестностяхъ Самарканда, близъ Димишка, въ мѣсяцѣ ша'банѣ[4]), т. е. въ сентябрѣ или октябрѣ 1449 г. Войско Улугбека было разбито. Улугбекъ надѣялся найти убѣжище въ самаркандской цитадели, но Мираншахъ заперъ передъ нимъ ворота. Вмѣстѣ съ Абд-ал-Азизомъ и нѣсколькими нукерами Улугбекъ отправился на сѣверъ и прибылъ къ крѣпости Шахрухіи; начальникъ этой крѣпости, мамлюкъ Ибрагимъ, сынъ Пулада, не только не впустилъ его, но хотѣлъ его схватить и выдать Абд-ал-Лятифу; Улугбекъ предпочелъ самъ отдаться въ руки сына и добровольно вернулся вмѣстѣ съ Абд-ал-Азизомъ и своими приверженцами въ Самаркандъ. Абд-ал-Лятифъ сначала позволилъ отцу отправиться въ Мекку и далъ ему, въ качествѣ провожатаго, одного изъ прежнихъ паломниковъ, эмира Мухаммеда-Хусрау; въ то же время, тайно отъ самого Улугбека, былъ устроенъ судъ надъ павшимъ государемъ, при чемъ Абд-ал-Лятифъ по внѣшности совершенно устранилъ себя отъ рѣшенія судьбы своего отца. Ханомъ, какъ при Ти-

---

1) Абд-ар-Реззакъ, л. 287 а. По Хондемиру (III, 218) вѣсть объ осадѣ только черезъ недѣлю послѣ ея начала дошла до Улугбека.

2) Слова Абд-ар-Реззака, л. 287 а: وپیوسته از خاطر فیض‌بخش وضمیر آفتاب درخشی مشایخ واهل الله استمداد همّت کیمیاخاصیّت می‌نمود.

3) Такъ по Абд-ар-Реззаку, л. 287 а (рук. Аз. Муз. 574, стр. 624; 574 а, л. 434 б); у Даулетшаха, стр. 364,17 میرانشاه قورچی.

4) Дата у Даулетшаха, стр. 364,15.

мурѣ, былъ провозглашенъ какой-то нищій (مغلوك) изъ чингизидовъ; передъ нимъ, по наущенію Абд-ал-Лятифа, преклонилъ колѣни нѣкто Аббасъ[1]), отецъ котораго былъ убитъ по приказанію Улугбека, и просилъ признать за нимъ право отомщенія согласно шарі'ату; ханъ приказалъ исполнить все, что требуется шарі'атомъ. Религіозными авторитетами была составлена соотвѣтствующая фетва, къ которой приложили свои печати самаркандскіе имамы[2]), кромѣ казія Мискина. Въ дни могущества Улугбека казій, какъ мы видѣли, смѣло останавливалъ своего государя; теперь онъ нашелъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы не скрѣплять несправедливаго приговора надъ самимъ Улугбекомъ.

О смерти Улугбека Мирхондъ передаетъ подробный разсказъ[3]) со словъ провожавшаго Улугбека хаджи Мухаммеда-Хусрау. Улугбекъ вмѣстѣ съ хаджи вечеромъ выѣхалъ верхомъ изъ Самарканда; онъ былъ веселъ и разговаривалъ обо всемъ. Когда они проѣхали небольшое разстояніе, ихъ догналъ какой-то джагатай изъ рода сулдузовъ и отъ имени хана велѣлъ имъ остановиться въ сосѣдней деревнѣ, чтобы могли быть закончены приготовленія къ путешествію Улугбека; Улугбекъ будто бы долженъ былъ совершить путешествіе въ такой обстановкѣ, которая вызвала бы одобреніе «малыхъ и большихъ, таджиковъ и турковъ». Очень смущенный этимъ распоряженіемъ, Улугбекъ былъ вынужденъ остановиться въ сосѣдней деревнѣ[4]) и вошелъ въ одинъ изъ домовъ. Было холодно; Улугбекъ велѣлъ развести огонь и сварить мясо. Искра отъ пламени, разведеннаго нукерами, упала на плащъ Улугбека и сожгла часть его; Улугбекъ посмотрѣлъ на огонь и сказалъ по-турецки: «*Сен хем билъдин*» (ты тоже узналъ). Мысли Улугбека приняли мрачное направленіе; хаджи тщетно старался его утѣшить. Вдругъ отворилась дверь, и вошелъ Аббасъ съ другимъ человѣкомъ; увидя Аббаса, Улугбекъ, не помня себя, бросился на него и ударилъ его кулакомъ въ грудь; спутникъ Аббаса удержалъ Улугбека и сорвалъ съ его плечъ «алтайскую шубу»[5]); Аббасъ ушелъ за веревкой. Хаджи заперъ за нимъ дверь на цѣпь, чтобы Улугбекъ успѣлъ совершить омовеніе. Когда Аббасъ вернулся, Улугбекъ былъ связанъ и вытащенъ на дворъ; хаджи и другіе спутники Улугбека попрятались по угламъ; Аббасъ посадилъ Улугбека у горѣвшаго фонаря и однимъ ударомъ меча покончилъ съ нимъ; хаджи и нукеры вернулись въ Самаркандъ. Не сказано, взяли ли они съ собой тѣло Улугбека и кѣмъ, гдѣ и когда было совершено погре-

1) Такъ по Мирхонду, L 1321, C 365 б; Абд-ар-Реззакъ (л. 287 б) говоритъ о нѣсколькихъ лицахъ, мстившихъ за своихъ родственниковъ.

2) Имамы по Мирхонду, факихи по Хондемиру (III, 218).

3) Мирхондъ, L 1321; лучшій текстъ въ C 365 б—366 а.

4) L قلعه (крѣпость).

5) پوستين الطايى или التايى.

беніе. По словамъ Даулетшаха, Улугбекъ былъ убитъ на берегу рѣчки (или канала) سوخ 8-го рамазана 853 г. (25 октября)[1]; въ надгробной надписи Улугбека указана другая дата — 10-е рамазана.

Борьба между отцомъ и сыномъ могла быть окончена безъ вмѣшательства другихъ представителей династіи потому, что въ то же самое время происходила война въ Персіи; Султанъ-Мухаммедъ изъ Фарса совершилъ походъ на Хорасанъ, разбилъ войско своего брата Бабура при Ферхадджирдѣ[2], между Мешхедомъ и Джамомъ, и овладѣлъ Гератомъ. Абд-ал-Лятифъ, въ началѣ войны съ Улугбекомъ отправившій посла съ изъявленіемъ дружбы къ Бабуру[3], теперь поздравилъ съ успѣхомъ Султанъ-Мухаммеда и выразилъ надежду, что онъ будетъ счастливъ въ господствѣ надъ Хорасаномъ, какъ самъ Абд-ал-Лятифъ — въ господствѣ надъ Мавераннахромъ. Султанъ-Мухаммедъ былъ удрученъ извѣстіемъ о гибели Улугбека[4], но не рѣшился начать войну съ Абд-ал-Лятифомъ.

Кромѣ отца, Абд-ал-Лятифъ предалъ смерти также брата; Абд-ал-Азизъ былъ убитъ черезъ два-три дня послѣ смерти Улугбека, при чемъ на этотъ разъ, повидимому, не было признано нужнымъ прибѣгнуть къ авторитету судей и законовѣдовъ. Въ день взятія Самарканда четырьмя эмирами Улугбека былъ настигнутъ отрядъ, направлявшійся къ Абд-ал-Лятифу, подъ начальствомъ Султанъ-Шаха барласа и его сына Джелаль-ад-дина Мухаммеда; оба были ранены въ битвѣ и взяты въ плѣнъ; отецъ умеръ на пути въ Самаркандъ, сынъ два или три дня спустя. По приказанію Абд-ал-Лятифа всѣ четыре эмира были преданы суду казія[5], осуждены на смерть и казнены. Мирза Абдулла былъ пощаженъ и оставленъ въ заключеніи; также было поступлено съ Абу-Саʿидомъ, котораго Абд-ал-Лятифу удалось взять въ плѣнъ. Къ зимѣ господство Абд-ал-Лятифа въ Мавераннахрѣ казалось вполнѣ обезпеченнымъ; даже узбеки не рѣшились повторить свой набѣгъ на Мавераннахръ. По словамъ Абд-ар-Реззака, они прежде каждую зиму приближались къ Самарканду на разстояніе пяти фарсаховъ; теперь, изъ страха передъ Абд-ал-Лятифомъ, они всю зиму оставались отъ города въ ста фарсахахъ[6].

---

1) Даулетшахъ, стр. 364,25; 366,10. У Маʿуда Кухистани, تاريخ ابو الخير خانى, л. 407б آب سوخ.

2) О мѣстѣ битвы Даулетшахъ, стр. 408,19. У Абд-ар-Реззака (л. 286а) только ولايت جام.

3) Абд-ар-Реззакъ, л. 284б.

4) Абд-ар-Реззакъ, л. 286б и 288а.

5) Ibid., л. 287б, выраженіе در مجلس قاضى; въ рукоп. Аз. Муз. 574, стр. 624 и 574а, л. 434б در مجلس خاصى; у Хондемира (тегер. изд. III, 221, инд. изд. III[3], 163) در مجلس خاص.

6) Абд-ар-Реззакъ, l. c.

Въ зиму 1449—50 г. жизнь Самарканда приняла совершенно иной видъ, чѣмъ при Улугбекѣ. Абд-ал-Лятифъ, подобно отцу, занимался и свѣтскими науками, астрономіей и исторіей, но «людямъ Божьимъ», т. е. дервишамъ, оказывалось всякое уваженіе[1]); Абд-ал-Лятифъ почтительно выслушивалъ ихъ рѣчи и посѣщалъ ихъ лекціи. Со словъ одного изъ представителей духовенства, Шемс-ад-дина Мухаммеда Джаджерми, Мирхондъ приводитъ разсказъ, какъ Абд-ал-Лятифъ во время одной лекціи принялъ участіе въ преніяхъ по вопросу объ арабскомъ глаголѣ فعل (дѣлать), который иногда объяснялся глаголомъ ذهب (уходить); Абд-ал-Лятифъ привелъ примѣръ такого же употребленія персидскаго глагола رفتن (уходить) во фразѣ فلان كس نيك رفت; замѣчаніе государя вызвало общее одобреніе. Въ соборной мечети по пятницамъ хутба читалась, какъ при первыхъ халифахъ, самимъ государемъ[2]). При такомъ отношеніи Абд-ал-Лятифа къ духовенству вполнѣ естественно, что бѣжавшій изъ Самарканда весной 1450 г. Абу-Са'идъ не нашелъ въ Бухарѣ той поддержки, на которую разсчитывалъ; даруга и казій[3]) велѣли посадить его подъ стражу и даже хотѣли его убить, когда неожиданно пришло извѣстіе о смерти Абд-ал-Лятифа.

Въ противоположность духовенству, для войска и народа при Абд-ал-Лятифѣ наступили болѣе тяжелые дни, чѣмъ при Улугбекѣ. Абд-ал-Лятифъ желѣзной рукой подавлялъ всякое неповиновеніе; по выраженію Абд-ар-Реззака, онъ не допускалъ ни уваженія къ старости, ни снисхожденія къ молодости[4]). Недовольные не рѣшились поднять возстаніе, но составился заговоръ, руководителями котораго были прежніе нукеры Улугбека и Абд-ал-Азиза, считавшіе своимъ долгомъ мстить за смерть своихъ бековъ[5]). Одинъ изъ приближенныхъ Абд-ал-Лятифа впослѣдствіи говорилъ историку Абд-ар-Реззаку, что зналъ о заговорѣ, но, боясь гнѣва Абд-ал-Лятифа, не рѣшился его предупредить.

Абд-ал-Лятифъ палъ жертвой заговора въ пятницу 8 мая 1450 г.[6]), почью или рано утромъ, когда отправлялся въ городъ на богослуженіе изъ загороднаго сада, по разсказу Мирхонда[7]), изъ сада «Чинары» (باغ چنار),

---

1) Слова Мирхонда, L 1324, C 370 б: واين پادشاه پيوسته خدمت اهل الله كردى ودر مجلس ايشان بادب نشستى. Также Абд-ар-Реззакъ, л. 289 б: بملازمت اهل الله ميل مى‌نمود ودر خدمت وصحبت ايشان در كمال نيازمندى واحترام بود.

2) Абд-ар-Реззакъ, л. 289 б, гдѣ خلف вм. خلفا (правильно въ рукоп. Аз. Муз. 574, стр. 628, 574 а, л. 437 б). Тамъ-же о дальнѣйшемъ.

3) Такъ у Мирхонда, L 1325; у Абд-ар-Реззака داروغه وامراء بخارا.

4) حرمت پيران نميداشت ومرحمت بر جوانان كناه مى‌پنداشت.

5) О нукерахъ и ихъ правѣ на кровомщеніе за своего бека ср. выше стр. 17.

6) 26-го раби' I 854 (Абд-ар-Реззакъ).

7) Мирхондъ, L 1325, C 371 а.

находившагося къ югу отъ города[1]). По разсказу Мас'уда Кухистани[2]) онъ провелъ ночь въ «саду площади», т. е. въ сѣверныхъ окрестностяхъ Самарканда[3]). Тѣмъ же авторомъ передается легенда о снѣ Абд-ал-Лятифа въ эту ночь; ему снилось, что ему подносятъ на блюдѣ (طشت) его собственную голову. Испугавшись сна, онъ будто бы сталъ гадать по стихамъ Низами и раскрылъ книгу на стихѣ: «Отцеубійцѣ не можетъ достаться царство, а если достанется, то не больше, чѣмъ на шесть мѣсяцевъ»[4]). Мѣсто убійства подробно опредѣляется тѣмъ же авторомъ: убійцы встрѣтили Абд-ал-Лятифа на узкомъ пространствѣ между городскимъ рвомъ и садомъ Баги-нау, который былъ отдѣленъ отъ городской стѣны «только крѣпостнымъ рвомъ и шедшей по краю его дорогой»[5]). Единственнымъ убійцей Мас'удъ называетъ нѣкоего Баба-Хусейнъ-бахадура[6]); поразивъ стрѣлой Абд-ал-Лятифа, онъ будто бы спасся бѣгствомъ, пока спутники Абд-ал-Лятифа столпились у тѣла убитаго государя, и прибылъ въ Туркестанъ[7]). Изъ разсказа Мирхонда видно, что убійцы не имѣли никакихъ причинъ искать спасенія въ бѣгствѣ, такъ какъ тотчасъ послѣ смерти Абд-ал-Лятифа власть перешла въ руки его враговъ. Когда Абд-ал-Лятифъ съ крикомъ: «Аллахъ! стрѣла попала»[8]), упалъ съ коня, свита его тотчасъ разбѣжалась; заговорщики бросились на раненаго, отрубили ему голову и потомъ выставили ее на входной аркѣ медресе Улугбека (вѣроятно, въ этомъ медресе первоначально былъ похороненъ его строитель).

Заговорщиками былъ освобожденъ и возведенъ на престолъ мирза Абдулла; ревностнымъ сторонникомъ этого царевича былъ и шейх-ал-исламъ Бурхан-ад-динъ, сынъ и преемникъ Исам-ад-дина[9]). О поведеніи

---

1) О мѣстоположеніи сада باغ برنامه, л. 46а; переводъ В. Л. Вяткина, Справочн. кн. Самарк. обл., IV, отд. IV, стр. 33. Иначе у Вяткина, Матеріалы, стр 34.

2) تاريخ ابو الخير خانى, рук. унив. 852, л. 407б и сл.

3) По Мас'уду Кухистани (л. 408а) онъ изъ «сада площади» отправлялся въ «садъ чинары», повидимому, черезъ городъ, такъ какъ говорится о его *выѣздѣ* изъ воротъ چهارراهه. Ворота چهارراهه или چهارسو находились «нѣсколько западнѣе гробницы Тимура» (Вяткинъ, Матеріалы, стр. 18 и 82). Впрочемъ, черезъ эти ворота выходили и отправлявшіеся въ «садъ площади» (Бабуръ, л. 80а).

4) پدرکشی پادشاهی‌را نشاید وکر شاید به شش ماهی نپاید. Стихъ приблизительно также у Бабура, л. 50а; также Мирхондъ, L 1325.

5) В. Л. Вяткинъ, Матеріалы, стр. 22.

6) Имя этого убійцы называютъ также Абд-ар-Реззакъ, л. 289б и Бабуръ, л. 50б.

7) تاريخ ابو الخير خانى, л. 469а.

8) الله اوق تيكدى (такъ у Мирхонда, гдѣ невѣрный переводъ از خداى تير رسيد).

9) Абд-ар-Реззакъ, л. 292а: شيخ الاسلام الاعظم سلطان علماء العالم برهان الدين خواجه مولانا سلّمه الله وابقاه كه در جانب ميرزا سلطان عبد الله كمال اخلاص بظهور آورده علوى عظيم داشت. О томъ, что онъ былъ сыномъ Исам-ад-дина, говоритъ только авторъ رشحات, рук. унив., л. 172а, рук. Аз Муз. л. 233б, ташк. литогр., стр. 323: خواجه مولانا ولد خواجه عصام الدين كه شيخ الاسلام سمرقند بود. Какъ показываетъ приве-

шейх-ал-ислама при низложеніи Улугбека и во время царствованія Абд-ал-Лятифа ничего не извѣстно; очень вѣроятно, что онъ принималъ участіе въ составленіи заговора. Абдулла долженъ былъ начать свое царствованіе раздачей войску большой суммы денегъ изъ самаркандской казны[1]). Были ли вмѣстѣ съ тѣмъ награждены заговорщики и наказаны виновники событій предшествующаго года, не говорится. Казней, во всякомъ случаѣ, не было, иначе трудно было бы объяснить молчаніе историковъ. Послѣ суроваго царствованія Абд-ал-Лятифа для самаркандцевъ вернулись времена сравнительно мягкаго правленія Улугбека, которому, повидимому, старались подражать Абдулла и шейх-ал-исламъ. Очень вѣроятно, что при Абдуллѣ тѣло Улугбека было перенесено въ Гуръ-эмиръ и составлена надгробная надпись, гдѣ съ явнымъ осужденіемъ упоминается объ отцеубійствѣ Абд-ал-Лятифа[2]).

Перемѣну царствованія меньше всего могли привѣтствовать въ Бухарѣ, центрѣ вліянія духовенства. Какъ только было получено извѣстіе о смерти Абд-ал-Лятифа, даруга и казій поспѣшили освободить Абу-Саʿида и присягнуть ему, какъ государю; сторонникомъ Абу-Саʿида былъ также одинъ изъ главныхъ бухарскихъ ученыхъ (افتخار العلما), Шемс-ад-динъ Мухаммедъ Ардукуджнуди (?)[3]). Абу-Саʿидъ тотчасъ пошелъ на Самаркандъ, но былъ разбитъ и принужденъ бѣжать черезъ степь на сѣверъ[4]); и на этотъ разъ ничего не говорится о наказаніи бухарцевъ, въ частности бухарскаго духовенства, за поддержку возстанія.

Абдуллѣ пришлось выдержать войну также съ другимъ врагомъ, мирзой Ала-ад-дауля, захватившимъ Шапурганъ, Балхъ и Хисаръ, откуда онъ хотѣлъ завоевать Самаркандъ. Абдулла двинулся противъ него изъ Шахрисябза, но войска разошлись безъ битвы; Ала-ад-дауля вернулся въ Балхъ, Абдулла въ Самаркандъ[5]), вѣроятно, принявъ мѣры для установленія своей власти въ областяхъ къ сѣверу отъ Аму-дарьи. Ала-ад-дауля вернулся въ Хорасанъ въ 1449 г. съ Султанъ-Мухаммедомъ и получилъ отъ него Гуръ и Гармсиръ, т. е. юго-западную часть Авганистана; въ 1450 г., во время новой войны между Султанъ-Мухаммедомъ и Бабуромъ, Султанъ-Мухам-

---

денный выше (стр. 97) разсказъ о Низам-ад-динѣ Хамушѣ, шейхъ-ал-исламъ Исам-ад-динъ умеръ въ концѣ царствованія Улугбека. Въ 1434 г. онъ еще сопровождалъ Улугбека во время его путешествія въ Гератъ (Абд-ар-Реззакъ, л. 244б).

1) Абд-ар-Реззакъ, л. 290а. Цифра 100,000 томановъ, указанная у Даулетшаха, стр. 425,22, во всякомъ случаѣ преувеличена.

2) ЗВО. XXIII, 31 сл. Текстъ надписи у E. Blochet, Les inscriptions de Samarkand, p. 14 сл. и pl. III.

3) تاريخ ابو الخير خانى, рук. унив. 852, л. 448б.

4) Абд-ар-Реззакъ, л. 290а и 291а.

5) Абд-ар-Реззакъ, л. 290а.

меду удалось въ мартѣ[1]) нанести пораженіе Бабуру близъ Мешхеда, но его отсутствіемъ воспользовался Ала-ад-дауля, чтобы овладѣть Гератомъ, откуда имъ и было предпринято завоевательное движеніе на сѣверо-востокъ[2]). Отступленіе его безъ битвы съ войскомъ Абдуллы, вѣроятно, было вызвано дѣйствіями Бабура, которому вскорѣ послѣ этого удалось возстановить свою власть въ Хорасанѣ.

Между тѣмъ Абу-Саʿиду съ шайкой приверженцевъ удалось захватить въ бассейнѣ Сыръ-дарьи сѣверный пограничный городъ государства тимуридовъ Ясы (Туркестанъ)[3]). Зимой 1450—51 гг. Абдулла послалъ туда войско, которое осадило городъ. Абу-Саʿиду удалось обмануть осаждавшихъ; посланные имъ люди въ узбецкой одеждѣ распространили слухъ, что на помощь городу идетъ узбецкій ханъ Абулхайръ; осажденные сдѣлали видъ, что вѣрятъ этому слуху, и громкими возгласами выражали свою радость; самаркандцы поспѣшно отступили, бросивъ обозъ, лошадей и муловъ. Абдулла тогда выступилъ самъ противъ Абу-Саʿида и прибылъ съ войскомъ въ Шахрухію; узнавъ объ этомъ походѣ, Абу-Саʿидъ уже на самомъ дѣлѣ прибѣгъ къ помощи узбековъ. Абулхайръ охотно воспользовался случаемъ, чтобы повторить набѣгъ на Самаркандъ. Вмѣстѣ съ Абулхайромъ и его войскомъ Абу-Саʿидъ прибылъ изъ Туркестана въ Ташкентъ, оттуда въ Ходжентъ; войско Абдуллы при приближеніи враговъ отошло отъ Сыръ-дарьи. Узбеки и Абу-Саʿидъ прошли черезъ Голодную степь. Встрѣча съ войскомъ Абдуллы произошла только на Булунгурѣ, близъ селенія Ширазъ[4]), на южной границѣ Булунгурской степи, въ іюнѣ 1451 г.[5]). Узбеки одержали полную побѣду надъ гораздо болѣе многочисленнымъ войскомъ Абдуллы; самъ Абдулла, храбро сражавшійся, былъ настигнутъ во время отступленія и убитъ. Не встрѣчая больше сопротивленія, побѣдители вступили въ Самаркандъ, гдѣ Абу-Саʿидъ занялъ престолъ.

Разсказы объ этихъ событіяхъ дошли до насъ въ различномъ освѣще-

---

1) По Даулетшаху, стр 409,16 въ четвергъ 1-го сафара 854 г.; день недѣли или день мѣсяца указанъ невѣрно. О Гурѣ и Гармсирѣ 409,20. По Абд-ар-Реззаку, л. 288 а Ала-ад-дауля получилъ отъ Султанъ-Мухаммеда Гармсиръ и Даверъ-Заминъ.

2) Абд-ар-Реззакъ, л. 289 а.

3) Объ этомъ и дальнѣйшемъ Абд-ар-Реззакъ, л. 291 а и сл.

4) Селеніе Ширазъ указано у Абд-ар-Реззака, л. 292 а; Булунгуръ въ رشحات, рук. унив., л. 165 б внизу (آب بلونغور), также рук. Аз. Муз., л. 222 а и ташк. литогр., стр. 309 (гдѣ по ошибкѣ بولوبغور). О мѣстоположеніи ср. мой трудъ «Къ исторіи орошенія Туркестана», стр. 111 и сл.

5) По Абд-ар-Реззаку (l. c.) въ субботу 22 джумада I 855; день недѣли не совпадаетъ съ числомъ мѣсяца. У Мирхонда I, 1326, С 373 а только در عشر آخر джумада II У Хондемира по тегер. изд. III, 224 суббота 20-го джумада I, по инд. изд. III³, 167 понед. 22-го, что соотвѣтствовало бы 21 іюня 1451.

шіи. Въ біографіи хана Абулхайра единственнымъ героемъ похода является ханъ; Абу-Саʿидъ ѣздитъ въ его орду, тамъ преклоняетъ передъ нимъ колѣни и благодаритъ его за обѣщанную помощь въ такихъ же униженныхъ выраженіяхъ[1]), какія въ разсказѣ о набѣгѣ 1448 г. приписываются намѣстнику Улугбека; послѣ взятія Самарканда имя Абулхайра поминается въ хутбѣ и чеканится на монетахъ[2]). Съ другой стороны, біографъ бухарскихъ святыхъ совершенно не упоминаетъ объ узбекахъ; по его разсказу[3]), Абу-Саʿида и его воиновъ вдохновляла вѣра въ покровительство шейха Убейдуллы, болѣе извѣстнаго подъ именемъ ходжи Ахрара, представителя ордена накшбендіевъ въ Ташкентѣ, и эта вѣра доставила имъ побѣду надъ гораздо болѣе многочисленнымъ врагомъ. Ходжа Ахраръ будто бы предсказалъ завоеваніе Абу-Саʿидомъ Ташкента, Самарканда и Хорасана, когда самое имя Абу-Саʿида еще никому не было извѣстно; съ своей стороны, Абу-Саʿидъ видѣлъ во снѣ ходжу Ахрара, на котораго ему указывалъ Ахмедъ Іесеви. Запомнивъ имя и наружность шейха, Абу-Саʿидъ послѣ прибытія въ Ташкентъ сталъ спрашивать о немъ и узналъ, что шейхъ отправился въ Паркентъ; Абу-Саʿидъ поѣхалъ туда и имѣлъ свиданіе съ шейхомъ, который обѣщалъ ему побѣду, если для него цѣль войны — укрѣпленіе шаріʿата и милость къ подданнымъ; при этомъ шейхъ предписалъ Абу-Саʿиду не начинать нападенія на врага, пока за его войскомъ не появится стая вороновъ. Когда сошлись войска, войско Абдуллы успѣло разстроить правое крыло войска Абу-Саʿида и готовилось напасть на лѣвое крыло, когда вдругъ позади войска Абу-Саʿида появились вороны; увидя обѣщанный шейхомъ знакъ, воины Абу-Саʿида ободрились и однимъ дружнымъ натискомъ опрокинули врага. Тутъ же приводится другая легенда о той же битвѣ, будто бы со словъ принимавшаго въ ней участіе Хасанъ-бахадура, воина знатнаго рода изъ Туркестана. Съ Абу-Саʿидомъ было всего около 7000 человѣкъ; войско Абдуллы было гораздо многочисленнѣе и лучше вооружено; Абу-Саʿидъ очень боялся за исходъ битвы, когда вдругъ передъ нимъ и Хасанъ-бахадуромъ показался образъ ходжи Ахрара, шествующаго впереди войска. Хасанъ-бахадуръ съ крикомъ: «Ягы качты» (врагъ бѣжалъ)[4]) бросился впередъ, воины повторили за нимъ этотъ крикъ, обратили въ бѣгство войско Абдуллы и въ тотъ же день взяли Самаркандъ.

---

1) زانو زده زبان بدعاگویی ودولتخواهی کشاده خدمتی, تاریخ ابو الخیر خانی, л. 451a: وتواضعی که مناسب چنان پادشاهی باشد بجای آورد.

2) По Абд-ар-Реззаку (л. 291 б) Абу-Саʿидъ не ѣздилъ самъ въ орду, но только отправилъ къ хану посла просить помощи.

3) رشحات, рук. унив., л. 165a и сл., рук. Аз. Муз., л. 221a сл; ташк. литогр. стр. 307 и сл.

4) Ср. въ ЗВО. XXIII, 27 разсказъ о крикѣ Береке передъ битвой съ Тохтамышемъ.

Всѣ эти разсказы, конечно, возникли подъ вліяніемъ исхода войны и дѣятельности ходжи Ахрара въ завоеванномъ Самаркандѣ. Руководителемъ похода былъ, конечно, не ходжа Ахраръ и не мирза Абу-Саʿидъ, а узбецкій ханъ, о которомъ легенда совершенно умалчиваетъ. По разсказу Абд-ар-Реззака[1]), повторенному и Масʿудомъ Кухистани[2]), тѣ самые воины, которыхъ легенда изображаетъ защитниками шаріʿата, при переходѣ черезъ Голодную степь прибѣгли къ языческому колдовству; чтобы облегчить войску переходъ черезъ безводную степь въ жаркое время года, колдуны будто бы посредствомъ камня «ядà»[3]) вызвали холодъ, дождь и снѣгъ, чѣмъ были смущены воины Абдуллы, особенно хорасанцы, ничего не знавшіе о дѣйствіи камня «ядà».

Остается, однако, вопросъ о свиданіи между Абу-Саʿидомъ и ходжей Ахраромъ; современникъ обоихъ Абд-ар-Реззакъ также говоритъ, что Абу-Саʿидъ еще до своей побѣды видѣлся съ ходжей Ахраромъ, который внушилъ ему мысль добиваться престола; вслѣдствіе этого Абу-Саʿидъ въ теченіе всего своего царствованія «повиновался ходжѣ и не могъ противиться его указаніямъ, даже когда это было возможно»[4]). Какъ глава ташкентскихъ накшбендіевъ, ходжа Ахраръ, несомнѣнно, находился въ сношеніяхъ съ бухарскимъ духовенствомъ, съ которымъ, вѣроятно, сохранялъ связи и Абу-Саʿидъ; этимъ вполнѣ можетъ быть объяснено сближеніе между ними. Если бы дѣйствительно самая мысль о стремленіи къ престолу была внушена Абу-Саʿиду ходжей Ахраромъ, то изъ этого пришлось бы заключить, что Абу-Саʿидъ видѣлся съ шейхомъ еще при жизни Улугбека, хотя Абд-ар-Реззакъ говоритъ о времени, когда Абу-Саʿидъ блуждалъ по разнымъ областямъ[5]), т. е. 1450—51 гг. Полное отсутствіе свѣдѣній о жизни Абу-Саʿида до 1449 г. не даетъ возможности рѣшить этотъ вопросъ.

Побѣдитель вступилъ въ Самаркандъ безъ сопротивленія, хотя едва-ли въ самый день побѣды; шейх-ал-исламъ Бурхан-ад-динъ послѣ полученія извѣстія о смерти Абдуллы успѣлъ покинуть Самаркандъ до прибытія Абу-Саʿида; въ Хорасанѣ онъ съ почетомъ былъ принятъ Бабуромъ[6]). Ханъ

---

1) Абд-ар-Реззакъ, л. 292 а.

2) تاريخ ابو الخير خانی, рук. унив. 852, л. 452 б.

3) Извѣстія объ этомъ камнѣ и вызываніи дождя собраны у Катрмера, Histoire des Mongols en Perse, p. 428—435; ср. также Tarikh-i-Rashidi, ed. by N. Elias, p. 32—33, изъ ZN I, 102.

4) Абд-ар-Реззакъ, л. 298 а: وآنحضرت نفسهای نیکو راند وداعیهٔ سلطنت جهان در خاطر همایون نشاند ومیرزا سلطان ابو سعید همیشه خودرا مامور آنحضرت میدانست وخلاف اشارت اگرچه ممکن بود نمی‌توانست.

5) در اطراف ولایت.

6) Абд-ар-Реззакъ, л. 292 а.

Абулхайръ получилъ въ жены дочь Улугбека и съ богатыми подарками удалился въ свои степи, предоставивъ Самаркандъ Абу-Саʿиду [1]).

Въ издающейся въ настоящее время международными силами «Энциклопедіи ислама» напечатана объ Абу-Саʿидѣ статья A. S. Beveridge, носящая характеръ панегирика. По этой статьѣ, Абу-Саʿидъ выросъ подъ личнымъ наблюденіемъ Улугбека и заслужилъ его одобреніе своей наклонностью къ наукѣ и образованію; какъ государь, онъ по достоинству своего образа жизни, по величію своихъ дѣлъ, по своей энергіи и дарованіямъ былъ достойнымъ предшественникомъ Бабура, Акбара и Шахъ-Джехана [2]). Въ дѣйствительности царствованіе Абу-Саʿида, въ противоположность царствованію Улугбека, было временемъ господства враждебныхъ культурѣ дервишей. Абу-Саʿидъ вступилъ въ Самаркандъ мстителемъ не за Улугбека, а за Абд-ал-Лятифа; убійцы Абд-ал-Лятифа въ томъ же мѣстѣ, гдѣ совершили свое дѣло, были убиты и тѣла ихъ сожжены [3]). Сорокалѣтнее господство Улугбека смѣнилось тоже сорокалѣтнимъ господствомъ представителя ордена накшбендіевъ, ходжи Ахрара, вызваннаго Абу-Саʿидомъ изъ Ташкента. Ревнитель шаріʿата и суфизма, ходжа Ахраръ былъ типичнымъ «ишапомъ», едва-ли не первымъ изъ туркестанскихъ суфіевъ, къ которому было примѣнено это слово. Какъ признаютъ и панегиристы ишана, ему была чужда книжная наука [4]), въ томъ числѣ и богословіе; но его праведная жизнь въ духѣ шаріʿата и сила личнаго обаянія доставили ему славу религіознаго подвижника и чудотворца, съ чѣмъ былъ связанъ также притокъ матеріальныхъ пожертвованій; своимъ богатствомъ и вліяніемъ онъ старался пользоваться на благо народа [5]). Жизнь и интересы

---

1) По Мирхонду (L 1326 сл.) Абу-Саʿидъ послѣ побѣды поспѣшилъ въѣхать въ городъ раньше узбековъ и этимъ спасти его отъ разграбленія; онъ обманулъ приставленнаго къ нему шыгаула, предложивъ ему и узбекамъ остановиться и напоить лошадей, а самъ поспѣшилъ къ воротамъ города и убѣдилъ жителей впустить его. О словѣ «шыгаулъ» см. Катрмеръ въ Not. et Extr. XIV, part. I, p. 502. Ханъ былъ вынужденъ примириться съ совершимся фактомъ и довольствоваться поднесенными ему подарками. Ср. П. Лерхъ, Археол. поѣздка, стр. 20.

2) Enz. des Islām, I, 111—112.

3) Абд-ар-Реззакъ, л. 292б.

4) رشحات, унив. рук., л. 135б, рук. Аз. Муз., л. 169б, ташк. литогр., стр. 242 о годахъ ученія ишана въ Самаркандѣ: وایشانرا غلبهٔ شغل باطنی از تحصیل علوم ظاهری مانع شده. Тамъ же, унив. рук., л. 132б, рук. Аз. Муз., л. 165а, ташк. литогр., стр. 236, слова, приписанныя самому ишану: من مرید خواجه حسن عطّار بودم ومدّتی در ملازمت ایشان اوقات بسر بردم وبسبق باطن اشتغال داشتم وهیچ کونه فتحی نمی‌شد (въ рук. Аз. Муз. послѣ فتحی еще میسّر). Ср. выше стр. 97.

5) О ходжѣ Ахрарѣ см. В. Л. Вяткинъ, Изъ біографіи Ходжи Ахрара (Турк. Вѣдом. 1904 г., № 147); Н. И. Веселовскій, Памятникъ Ходжи Ахрара въ Самаркандѣ (Восточныя Замѣтки, Спб. 1895, стр. 321—335).

высшихъ классовъ, лучшимъ представителемъ которыхъ былъ Улугбекъ, были для него непонятны; какъ послѣдовательные европейскіе коммунисты, онъ, повидимому, отрицалъ всякую культуру, недоступную народнымъ массамъ.

Царствованіе Абу-Са'ида положило начало побѣдѣ этого дервишизма надъ противоположнымъ теченіемъ въ мѣстномъ обществѣ, представителями котораго были наслѣдственные шейх-ал-исламы, потомки автора «Хидаи». Вопреки словамъ Абд-ар-Реззака о безусловномъ подчиненіи Абу-Са'ида вліянію ходжи Ахрара[1]) эта побѣда была одержана не сразу. Въ Самаркандѣ и послѣ ухода шейх-ал-ислама Бурхан-ад-дина оставался шейх-ал-исламъ изъ потомковъ автора «Хидаи», Низам-ад-динъ Маудудъ[2]); во время войны между Абу-Са'идомъ и Бабуромъ и похода Бабура на Самаркандъ этотъ шейх-ал-исламъ сначала ѣздилъ къ Бабуру въ Хисаръ, потомъ, послѣ окончанія неудачной осады Самарканда Бабуромъ, принималъ участіе въ заключеніи мирнаго договора; оба раза[3]) съ нимъ былъ ученый Джемаль-ад-динъ Фатхулла Тебризи, занимавшій при Улугбекѣ должность садра[4]). Для дипломатическихъ переговоровъ эти лица, очевидно, были признаны болѣе полезными, чѣмъ суровый ишанъ, рѣзко отвѣтившій представителю Бабура на его слова о достоинствахъ его государя, что щадитъ Бабура только изъ уваженія къ заслугамъ его дѣда Шахруха[5]). Той же причиной, вопреки словамъ біографа ишана, вѣроятно, слѣдуетъ объяснить, что Абу-Са'идъ для окончательнаго заключенія договора послалъ въ лагерь Бабура вмѣсто ишана одного изъ его учениковъ[6]). Своеобразная личность ишана не могла не вызвать любопытства сопровождавшихъ Бабура представителей гератскаго образованнаго общества; одинъ изъ нихъ, историкъ Абд-ар-Реззакъ, поѣхалъ въ городъ нарочно для свиданія съ ишаномъ. Разсказъ объ этомъ свиданіи людей различнаго міровоззрѣнія представлялъ бы для насъ большой интересъ; къ сожалѣнію, историкъ ограничивается загадочными словами: «Что нашелъ въ немъ, то нашелъ;

---

1) См. выше, стр. 138, прим 4.

2) Повидимому, это то же самое лицо, которое Мас'удъ Кухистани (تاريخ ابو الخير خانى, л. 459а) называетъ Низам-ад-диномъ Фатхуллой и которое, по словамъ того же автора, встрѣтило Абулхайра и Абу-Са'ида въ Самаркандѣ.

3) Абд-ар-Реззакъ, л. 297б и 300а.

4) رشحات, рук. Аз. Муз., л. 99а, ташк. литогр., стр. 140. مولانا فتح الله تبريزى كه از دانشمندان متبحّر بود وپيش ميرزا الغ بيك مرتبهٔ صدارت داشت. Ср. выше стр. 101, пр 5

5) رشحات, рук. унив., л. 166б; рук. Аз. Муз., л. 223а; ташк. литогр , стр. 310.

6) Авторъ رشحات (ташк. литогр., стр. 311) приводитъ, конечно, другое объясненіе: Абу-Са'идъ будто бы опасался, что спутники ишана при встрѣчѣ съ Бабуромъ почувствуютъ влеченіе къ молодому султану и покинутъ Самаркандъ.

что увидѣлъ, то увидѣлъ»[1]). Вѣроятно, онъ былъ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ и, составляя свой трудъ при жизни ишана, не могъ откровенно изложить свои впечатлѣнія.

Въ 1455 г. Абу-Саʿиду пришлось подавить мятежъ въ Отрарѣ, причемъ мятежники получили помощь отъ бывшаго союзника Абу-Саʿида, узбецкаго хана; мятежники, повидимому, имѣли связи съ бухарскимъ духовенствомъ, такъ какъ одинъ изъ нихъ былъ спасенъ заступничествомъ Абу-Насра Пāрсā[2]). Можетъ быть, съ этимъ связано возвращеніе въ томъ же году въ Самаркандъ, по приглашенію Абу-Саʿида, шейх-ал-ислама Бурхан-ад-дина; какъ его отъѣздъ изъ Герата, гдѣ Бабуръ подарилъ ему свои собственныя носилки, такъ и его прибытіе въ Самаркандъ были обставлены необычайной торжественностью; по словамъ Абд-ар-Реззака, онъ при прежнихъ государяхъ даже не мечталъ о такихъ милостяхъ, какія были оказаны ему Абу-Саʿидомъ. Абд-ар-Реззакъ приводитъ стихи поэта Арифа, посвященные уѣзжавшему шейху, въ которыхъ поэтъ совѣтовалъ шейху взять эти стихи съ собой, такъ какъ «такого рода сладости трудно найти въ Самаркандѣ и Бухарѣ»[3]). Повидимому, гератцамъ уже тогда, черезъ шесть лѣтъ послѣ смерти Улугбека, Самаркандъ казался печальнымъ городомъ, чуждымъ поэзіи, наравнѣ съ Бухарой.

Съ 1455 г. до конца царствованія Абу-Саʿида Самаркандъ былъ мѣстопребываніемъ обоихъ шейховъ, хранителя традицій эпохи Улугбека и разрушителя этихъ традицій. Оба носили титулъ шейх-ал-исламовъ[4]) и пользовались вліяніемъ при дворѣ; Абу-Саʿидъ во время борьбы съ мятежниками въ Мавераннахрѣ и борьбы за утвержденіе своей власти въ Хорасанѣ послѣ смерти Бабура (1457) въ зависимости отъ обстоятельствъ пользовался авторитетомъ то одного, то другого. Ишанъ обладалъ бо̀льшимъ вліяніемъ на народъ и даже на войско; съ другой стороны, интересы представителя культуры были болѣе тѣсно связаны съ интересами власти, особенно во время возстанія народныхъ массъ противъ государя. Разница въ образѣ дѣйствій обоихъ шейховъ особенно ярко проявилась во время долгой осады Шахрухіи, гдѣ укрѣпился возставшій противъ Абу-Саʿида сынъ Абд-ал-Лятифа, Мухаммедъ-Джуки. Возстаніе началось въ

---

1) Абд-ар-Реззакъ, л. 300б: دید در آن آنچه یافت ʿ. یافت در آن آنچه دید.

2) Абд-ар-Реззакъ, рук. Аз. Муз. 574, стр. 654 сл.; 574а, л. 453 б и сл. Въ рук. унив. здѣсь пропускъ (передъ заголовкомъ на л. 301 б). Ходжа Абу-Насръ Пāрсā, сынъ Мухаммеда Пāрсā, умеръ въ 865 г. (1460—1); о немъ رشحات, унив. рук., л. 39а сл.; рук. Аз. Муз., л. 455 и сл.; ташк. литогр., стр. 64 сл.

3) Абд-ар-Реззакъ, л. 302а: شعر شیرینم ببر با خود که این نوع شکرʿ هست در شهر سمرقند وبخارا کمتر یاب.

4) Ср. у Абд-ар-Реззака, л. 324б: حضرت شیخ الاسلام ارشادمنزلت ولایتمنقبت خواجه ناصر الدین عبید الله.

1461 г.[1]); въ первый разъ событія въ Хорасанѣ и Мазандеранѣ заставили Абу-Са'ида снять осаду и заключить съ Мухаммедъ-Джуки «нѣчто въ родѣ мира»[2]); въ 1462 г. городъ вновь былъ осажденъ[3]) и только послѣ цѣлаго года осады, осенью 1463 г., былъ вынужденъ сдаться. Изъ Самарканда для переговоровъ, по желанію самихъ осажденныхъ, два раза пріѣзжалъ ишанъ, но переговоры не увѣнчались успѣхомъ. Послѣ этого прибылъ шейх-ал-исламъ Бурхан-ад-динъ и объявилъ, что самаркандцы будутъ продолжать осаду нѣсколько лѣтъ и не уйдутъ, не взявъ города, хотя бы имъ пришлось для этого пожертвовать своимъ роднымъ городомъ и основать новый Самаркандъ близъ Шахрухіи. Рѣчь шейх-ал-ислама очень понравилась султану, но осажденные снова попросили вызвать для переговоровъ ишана. Ходжа Ахраръ прибылъ въ третій разъ и достигъ цѣли, при чемъ заставилъ Абу-Са'ида поклясться своей вѣрой, что сдавшимся мятежникамъ будетъ оказана милость и дарована жизнь[4]). Обѣщаніе, повидимому, было выполнено по отношенію ко всѣмъ, кромѣ самого царевича, которому было оказано уваженіе въ Шахрухіи и Самаркандѣ, но послѣ прибытія въ Гератъ въ началѣ января 1464 г.[5]) онъ былъ посаженъ въ цитадель Ихтіяр-ад-динъ, въ находившуюся въ серединѣ цитадели тюрьму, построенную въ видѣ башни, гдѣ въ томъ же году умеръ[6]).

Шейх-ал-исламъ Бурхан-ад-динъ упоминается въ разсказѣ о вторичномъ завоеваніи Абу-Са'идомъ Хорасана въ 863 г. (1458—9), когда онъ вмѣстѣ съ Абу-Са'идомъ прибылъ въ Гератъ, но въ томъ же году былъ отпущенъ обратно въ Самаркандъ[7]). Самъ Абу-Са'идъ предпочиталъ Самарканду Гератъ и послѣ завоеванія Хорасана сдѣлалъ его своей столицей[8]); утвержденіе его власти и здѣсь сопровождалось убійствами и казнями, превосходившими своей жестокостью даже казни эпохи Тимура. Въ 1457 г. по приказанію Абу-Са'ида была убита престарѣлая царица Гаухаръ-Шадъ, которую обвинили въ тайныхъ сношеніяхъ съ ея правнукомъ

1) Абд-ар-Реззакъ, л. 325а и сл. О возстаніи подробнѣе, чѣмъ Абд-ар-Реззакъ, говоритъ Мас'удъ Кухистани (تاريخ ابو الخير خانى, л. 469б и сл.) Мухаммедъ-Джуки встрѣтилъ поддержку со стороны Абулхайра и его жены, дочери Улугбека (л. 470а); съ нимъ было послано узбецкое войско, подъ начальствомъ Бурке-султана; къ нему присоединилась также часть войска Улугбека (л. 470б). Войско Абу-Са'ида до прибытія къ нему самого султана было разбито, и враги уже дошли до Куфина, въ окрестностяхъ Кермине (л. 472а).

2) Ibid., л. 327а: صلح كونه در هم بست.

3) Ibid., л. 329б и сл. Мухаммедъ-Джуки изъ Шахрухіи управлялъ Ташкентомъ, Ахсикетомъ и Сайрамомъ (ibid., л. 330б).

4) ibid., л. 331б.

5) Абу-Са'идъ вернулся въ Гератъ 22 раби' II 868 г. (3 января 1464); ibid., л. 332а.

6) Ibid., л. 333а.

7) Ibid., л. 318б.

8) Ср. слова, приписанныя Абу-Са'иду (ibid., л. 311а): مرا داعيه آن بود كه هراةرا دار السلطنه ساخته اينجا اقامت نمايم.

Султанъ-Ибрагимомъ, сыномъ Ала-ад-дауля[1]). Въ концѣ января 1462 г. въ Гератѣ были обвинены во взяточничествѣ и лихоимствѣ сборщикъ податей для войска ходжа Му'изз-ад-динъ и мѣняла (саррафъ) Шейхъ-Ахмедъ; по приказанію Абу-Са'ида съ Шейхъ-Ахмеда содрали кожу у сѣверныхъ воротъ города, ходжу Му'изз-ад-дина сварили въ котлѣ съ кипяткомъ у подножія цитадели[2]).

Дѣятельность ходжи Ахрара и послѣ завоеванія Абу-Са'идомъ Хорасана ограничивалась Мавераннахромъ. Въ 1460 г. Абу-Са'идъ узналъ, что жившій въ горахъ близъ бухарскаго селенія Нуръ эмиръ Нуръ-Са'идъ производитъ набѣги на окрестности Самарканда и Бухары; къ нему было послано довѣренное лицо, чтобы убѣдить его возвратиться къ повиновенію; въ случаѣ безуспѣшности этой попытки то же лицо должно было обратиться къ ходжѣ Ахрару. Мятежникъ не послушался ни увѣщаній посланца Абу-Са'ида, ни увѣщаній ходжи Ахрара, отправившагося къ нему въ его горы; послѣ этого онъ былъ прогнанъ изъ Нура самаркандскими войсками и бѣжалъ въ степь[3]), гдѣ скоро послѣ этого присоединился къ возстанію Мухаммедъ-Джуки. Еще прежде, прямо изъ Нура, ходжа Ахраръ отправился въ Гератъ, гдѣ прожилъ съ 8 до 25 декабря того же года[4]); по его просьбѣ Абу-Са'идъ согласился отмѣнить тамгу Самарканда и Бухары и обѣщалъ въ будущемъ отмѣнить тамгу и все запрещенное во всѣхъ своихъ владѣніяхъ.

Зиму 1467—8 г. Абу-Са'идъ проводилъ въ окрестностяхъ Мерва, гдѣ подъ вліяніемъ извѣстія о смерти могущественнаго туркменскаго владѣтеля Джеханшаха рѣшилъ предпринять походъ для завоеванія западной Персіи. О своемъ намѣреніи онъ сообщилъ ходжѣ Ахрару, совѣтамъ котораго привыкъ слѣдовать[5]), и вызвалъ его къ себѣ; ходжа прибылъ изъ Самарканда въ Мервъ, гдѣ былъ встрѣченъ въ войскѣ султана съ большимъ почетомъ; одинъ день султанъ былъ гостемъ шейха, на другой день шейхъ—гостемъ султана; послѣ долгаго совѣщанія вопросъ о походѣ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, и въ концѣ февраля 1468 г.[6]) Абу-Са'идъ выступилъ изъ зимнихъ квартиръ въ походъ, который долженъ былъ кончиться гибелью его самого и большей части его войска (1469).

Неудачный исходъ войны, начатой съ благословенія ходжи Ахрара, не только не положилъ конецъ вліянію ишана, но позволилъ ему окончательно устранить своего соперника и сдѣлаться въ Самаркандѣ полнымъ

1) Ibid., л. 310 б.
2) Ibid., л. 328 б.
3) Ibid., л. 324 б.
4) Прибылъ 23-го сафара (ibid.), уѣхалъ 11-го раби' I 865 г. (л. 325 а).
5) Ibid., л. 338 б.
6) Въ первыхъ числахъ ша'бана 872 г. (ibid., л. 339 а).

хозяиномъ. По словамъ автора «Рашахāтъ»[1]), извѣстіе о смерти Абу-Са'ида сначала рѣзко измѣнило отношеніе къ ишану въ Самаркандѣ. Всегда интриговавшій противъ ишана шейх-ал-исламъ Бурхан-ад-динъ вмѣстѣ съ нѣсколькими эмирами, во главѣ которыхъ стоялъ шуринъ Абу-Са'ида[2]) Дервишъ-Мухаммедъ-тарханъ, сговорились между собой больше не ходить въ домъ ишана и не слушать его словъ; только родственникъ Дервишъ-Мухаммеда Абд-ал-Али-тарханъ[3]) отказался присоединиться къ соглашенію и предсказалъ его полную неудачу. Ишанъ находился въ то время въ Матуридѣ (къ сѣверу отъ города); шейх-ал-исламъ отправился къ нему, чтобы насладиться своимъ торжествомъ, и взялъ съ собой пришедшаго къ нему гостя, сказавъ ему: «Посмотрите, что я сегодня сдѣлаю съ этимъ деревенскимъ шейхомъ»[4]). Въ Матуридѣ гости были встрѣчены ишаномъ, который собственноручно принесъ шейх-ал-исламу угощеніе. Во время ѣды къ ишану пришелъ человѣкъ съ извѣстіемъ о неожиданномъ прибытіи мирзы (Султанъ-Ахмеда, сына Абу-Са'ида) съ эмирами. Шейх-ал-исламъ долженъ былъ опасаться, что его присутствіе у ишана покажется эмирамъ нарушеніемъ договора, и поспѣшилъ скрыться въ то время, когда ишанъ вышелъ встрѣчать мирзу. Послѣ этого ишанъ видѣлъ у себя мирзу и эмировъ еще чаще, чѣмъ въ царствованіе Абу-Са'ида, тогда какъ шейх-ал-исламъ утратилъ всякое вліяніе и былъ вынужденъ удалиться въ Гератъ, гдѣ прожилъ послѣдніе годы своей жизни въ медресе эмира Чакмака[5]), всѣми покинутый. Авторъ присоединяетъ къ этому нѣкоторыя подробности о послѣдней болѣзни шейх-ал-ислама и его смерти; передъ смертью онъ будто бы просилъ передать ишану его просьбу о прощеніи.

Свѣдѣній о причинахъ и подробностяхъ отъѣзда шейх-ал-ислама изъ Самарканда мы въ другихъ источникахъ не находимъ; изъ словъ Абд-ар-Реззака видно, что во время составленія его труда шейх-ал-исламъ былъ еще въ живыхъ[6]), но о пріѣздѣ его въ Гератъ послѣ смерти Абу-Са'ида Абд-ар-Реззакъ не упоминаетъ. На основаніи разсказа автора «Рашахāтъ» можно признать достовѣрнымъ только тотъ фактъ, что въ Самаркандѣ послѣ смерти Абу-Са'ида началось движеніе противъ ишана, очевидно, подъ влія-

---

1) رشحات, рук. унив., л. 172а и сл., рук. Аз. Муз., л. 233б и сл., ташк. литогр., стр. 323 и сл.

2) Такъ по Бабуру, изд. Beveridge, л. 21б. Тамъ же сказано, что онъ при Султанъ-Ахмедѣ былъ главнымъ бекомъ.

3) Замѣчательно, что по Бабуру именно этотъ защитникъ ишана былъ «тиранномъ и развратникомъ» (л. 22а), тогда какъ Дервишъ-Мухаммедъ былъ «мусульманиномъ, гуманнымъ человѣкомъ, похожимъ на дервиша» (л. 21б: مسلمان وآدمی ودرویش کیشی).

4) شیخ روستایی.

5) Одинъ изъ эмировъ Шахруха упоминается, напр., въ разсказѣ о событіяхъ 833 г. (1429—30), ср. Абд-ар-Реззакъ, л. 239а наверху.

6) Формула ادام الله تعالی ایّام جبوده (л. 318б). См. также стр. 134, прим. 9.

ніемъ неудачнаго исхода благословеннаго шейхомъ предпріятія, и что это движеніе прекратилось, когда преемникъ Абу-Са'ида показалъ, что сохраняетъ къ ишану такое же уваженіе и довѣріе, какъ прежде.

Мирза Султанъ-Ахмедъ, старшій сынъ Абу-Са'ида, родился въ самый годъ завоеванія Абу-Са'идомъ Самарканда (855=1451)[1]). По словамъ Бабура, онъ, хотя и выросъ въ городѣ, былъ «простодушнымъ туркомъ»[2]) и ничего не читалъ; естественно, что такой государь еще больше находился подъ вліяніемъ ишана, чѣмъ его отецъ. Въ своей личной жизни Султанъ-Ахмедъ всегда совершалъ въ установленное время намазъ и старался соблюдать предписанія вѣры, кромѣ запрещенія пить вино. Страдая запоемъ, онъ могъ пить 20—30 дней кряду[3]), но даже во время пиршествъ не забывалъ совершать намазъ[4]). Какъ государь, онъ старался быть справедливымъ правителемъ въ духѣ ислама и рѣшать всѣ дѣла по шарі'агу, но въ глазахъ современниковъ его правленіе было въ сущности правленіемъ ишана[5]), котораго онъ пережилъ только на нѣсколько лѣтъ[6]).

Перечисляя выдающихся людей царствованія своего дяди Султанъ-Ахмеда, Бабуръ не называетъ ни ученыхъ, ни поэтовъ; очевидно, ихъ въ Самаркандѣ въ то время не было. Представители побѣжденной «деревенскимъ шейхомъ» городской культуры удалились въ Гератъ, къ блестящему двору Султанъ-Хусейна (правнука Омаръ-шейха, сына Тимура), къ которому послѣ Абу-Са'ида перешла власть въ Хорасанѣ. Гератъ сдѣлался, по преувеличенному мнѣнію Бабура, городомъ, подобнаго которому не было въ мірѣ; блескъ его при Султанъ-Хусейнѣ увеличился въ десять или двадцать разъ[7]); каждый, кто при дворѣ Султанъ-Хусейна занимался какимъ нибудь дѣломъ, старался довести это дѣло до совершенства[8]).

Полнаго прекращенія умственной жизни не было и въ Самаркандѣ. Точныя науки, насаждавшіяся Улугбекомъ, не нашли для себя въ Самар-

---

1) Такъ по Бабуру, л. 18 а.

2) Ibid., л. 18 б: ترك وساده ايدى.

3) Ibid., л. 19 а.

4) Ibid., л. 18 б. Извѣстно, что Коранъ (4,46) запрещаетъ молиться въ состояніи опьяненія.

5) Бабуръ, л. 24 а: اكثر معامله حضرت خواجه جهتى دين عدل وشرع طريقى بيله ايدى. Въ رشحات (рук. унив., л. 170 б, рук. Аз. Муз. л. 230 а, ташк. литогр., стр. 319) приводится разсказъ о ميرك حسن, начальникѣ дивана Султанъ-Ахмеда, предложившемъ ишану совершенно устранить и номинальную власть мирзы; предложеніе было отвергнуто ишаномъ съ негодованіемъ. Двѣ недѣли спустя съ ميرك حسن, за какое-то преступленіе, по приказанію Султанъ-Ахмеда содрали кожу.

6) Ишанъ умеръ въ субботу 29-го раби' I 895 г (رشحات, рук. унив., л. 199 б, гдѣ по ошибкѣ ربيع الاخر, рук. Аз. Муз. л. 286 а, ташк. литогр., стр. 389), т. е. 20 февр. 1490, Султанъ-Ахмедъ — въ серединѣ шавваля 899 (Бабуръ, л. 18 а), т. е. въ іюлѣ 1494.

7) Бабуръ, л. 188 а.

8) Ibid., л. 177 б

кандѣ благопріятной почвы, хотя еще мирза Султанъ-Махмудъ, братъ и преемникъ Султанъ-Ахмеда, въ противоположность своимъ братьямъ относившійся съ презрѣніемъ къ ишану[1]), обладалъ нѣкоторыми познаніями по математикѣ[2]). Больше слѣдовъ оставила эпоха Улугбека въ исторіи мусульманскаго богословія, какъ показываютъ приведенныя выше свѣдѣнія о дѣятельности основаннаго Улугбекомъ медресе. Книжное богословіе не могло остаться безъ вліянія на самихъ дервишей; ученостью отличался уже сынъ ишана, такъ называемый «великій ходжа» (خواجهٔ کلان) или «ходжа ходжей» (خواجگان خواجه)[3]). Каковы бы ни были отрицательныя стороны мусульманскаго схоластическаго богословія, его борьба съ еще болѣе враждебнымъ культурѣ среднеазіатскимъ дервишизмомъ есть несомнѣнная заслуга передъ человѣчествомъ.

---

1) Ibid., л. 26a.

2) Ibid., л. 23б (سیاق علمی بیلور ایدی) и 25б (سیاق علمی‌نی خوب بیلور ایدی).

3) رشحات, рук. унив., л. 179б, рук. Аз. Муз., л. 247a, ташк. литогр., стр. 340: آراسته بانواع واصناف علوم ظاهری وباطنی ودانشمند متبحّر بودند ودر علوم عقلی ونقلی درجهٔ کمال داشتند.

Хронологическій обзоръ жизни Улугбека.

1394 г. 22 марта. Рожденіе Улугбека въ Султаніи.
1394—1405. Воспитаніе Улугбека подъ надзоромъ царицы Сарай-Мулькъ-ханумъ.
1394, май. Вызовъ царицъ съ дѣтьми въ Арменію и Закавказье.
1395. Возвращеніе ихъ въ Самаркандъ.
1396. Встрѣча Тимура въ Хузарѣ.
1397—98. Сопровожденіе Тимура въ индійскомъ походѣ до Кабула.
1399, 30 марта. Встрѣча Тимура на берегу Аму-дарьи.
1399—1404. Сопровожденіе Тимура въ походѣ на западъ.
1399—1400. Зимовка въ Карабагѣ.
1400—1401. Зимовка въ Султаніи.
1401—1402. Зимовка въ Карабагѣ.
1402—1403. Зимовка въ Султаніи.
1403. Встрѣча Тимура въ Эрзерумѣ.
1403—1404. Зимовка въ Карабагѣ.
1404. Возвращеніе въ Самаркандъ. Свадьба Улугбека. Участіе въ походѣ на Китай. Назначеніе правителемъ Ташкента и Моголистана.
1405, 14 января. Прибытіе въ Отраръ.
» 18 февраля. Смерть Тимура.
1405—1411. Улугбекъ подъ опекой эмира Шахъ-Мелика.
1405, мартъ. Пребываніе въ Бухарѣ и бѣгство въ Хорасанъ.
1405—1406. Улугбекъ — князь Шапургана и Андхоя.
1405. Походъ за Аму-дарью. Возвращеніе жены Улугбека.
1406, февраль. Пораженіе при Карши и бѣгство въ Хорасанъ.
1406—1409. Улугбекъ — князь сѣвернаго и средняго Хорасана.
1407. Присоединеніе къ удѣлу Улугбека Мазандерана. Возстаніе въ этой области. Походъ Шахруха и встрѣча его съ Улугбекомъ въ Кучанѣ.
1409. Походъ Шахруха на Самаркандъ и занятіе города (13 мая). Посольство въ Китай.
1409—1449. Правленіе Улугбека въ Мавераннахрѣ.
1410. Борьба съ Шейхъ-Нур-ад-диномъ. Пораженіе Шахъ-Мелика и Улугбека при Кызылъ-Рабатѣ (20 апр.). Улугбекъ у Келифа и Тер-

меза. Походъ Шахруха. Новое пораженіе Шахъ-Мелика. Побѣда Шахруха при Кызылъ-Рабатѣ (12 іюля); занятіе Самарканда (14 іюля). Отъѣздъ Шахруха (23 іюля).

1411. Усмиреніе возстанія Шейхъ-Нур-ад-дина. Новый походъ Шахруха; встрѣча съ нимъ Улугбека на Кашка-дарьѣ (осенью). Отъѣздъ Шахруха и Шахъ-Мелика.

1412. Рожденіе старшей дочери Улугбека (19 августа въ Гератѣ).

1413—1426. Шахъ-Меликъ — правитель Хорезма.

1413. Походъ Шахруха на западъ. Слоны изъ Самарканда.

1414. Захватъ Улугбекомъ Ферганы. Улугбекъ въ Гератѣ (ноябрь).

1415. Послы изъ Самарканда въ Китаѣ.

1416. Улугбекъ на Сыръ-дарьѣ противъ узбековъ (мартъ-апрѣль). Присоединеніе Кашгара. Посольство изъ Моголистана.

1417. Улугбекъ въ Гератѣ (7 мая); участіе въ пріемѣ китайскихъ пословъ. Зимовка на Чирчикѣ.

1418. Возвращеніе въ Самаркандъ (февраль). Переворотъ въ Моголистанѣ и посольство оттуда въ Самаркандъ; освобожденіе заключенныхъ въ самаркандской цитадели моголовъ.

1419. Смерть жены Улугбека Өгэ-бегӯмъ. Прибытіе узбецкаго царевича Бурака. Китайскіе послы въ Самаркандѣ (августъ). Походъ къ Сыръ-дарьѣ (августъ-октябрь). Смуты въ Моголистанѣ; послы отъ Худайдада. Возвращеніе въ Самаркандъ; путешествіе въ Бухару (ноябрь). Упоминаніе построеннаго Улугбекомъ въ Бухарѣ медресе. Паломничество Мухаммеда Пāрсā. Посольство въ Китай (декабрь).

1420. Пріѣздъ пословъ изъ Герата въ Китай; отправленіе съ ними пословъ Улугбека (февраль). Походъ къ Сыръ-дарьѣ противъ моголовъ (іюнь-іюль). Рожденіе сына Улугбека, Абдуллы (іюль). Прибытіе Ширъ-Мухаммедъ-хана; попытка его бѣжать (октябрь); отъѣздъ его съ согласія Улугбека (декабрь). Постройка медресе и ханаки въ Самаркандѣ. Взятіе войсками Улугбека крѣпости Рухъ.

1421. Рожденіе сына Улугбека, Абд-ар-Рахмана (13 янв.). Извѣстіе о побѣдѣ Ширъ-Мухаммедъ-хана въ Моголистанѣ (май-іюнь). Успѣхи войскъ Улугбека тамъ-же.

1421—22. Зимовка въ Бухарѣ; посольство изъ Тибета.

1422. Улугбекъ въ Гератѣ.

1423. Извѣстіе объ успѣхахъ Буракъ-хана въ Золотой Ордѣ. Столкновеніе между Улугбекомъ и моголами.

1424. Приготовленія къ походу на Моголистанъ. Зимовка на Сыръ-дарьѣ.

1425. Извѣстіе о новыхъ успѣхахъ Буракъ-хана. Походъ на Моголистанъ до Кунгеса (февраль-іюнь). Улугбекъ въ Гератѣ (октябрь-ноябрь).

1426. Притязанія Буракъ-хана и разрывъ между нимъ и Улугбекомъ.

1427. Походъ Улугбека къ Саганаку, пораженіе его и опустошеніе узбеками Мавераннахра. Окончаніе математическаго труда Гіяс-ад-дина Джемшида Каши (2 марта) и поднесеніе его Улугбеку. Походъ Шахруха и пребываніе его въ Самаркандѣ (іюль-октябрь).

1428. Провозглашеніе узбецкимъ ханомъ Абулхайра.

1429. Извѣстіе о гибели Буракъ-хана.

1429? Гибель Вейсъ-хана въ битвѣ съ Сатукъ-ханомъ.

1430. Посольство изъ Самарканда въ Китаѣ.

Зима 1430—1. Нашествіе узбековъ на Хорезмъ.

1432. Смерть сына Улугбека, Абд-ар-Рахмана (15 янв.). Туркменскій царевичъ Яръ-Али отправленъ въ Самаркандъ (осенью) и тамъ подвергнутъ заключенію.

1433? Избіеніе могольскихъ предводителей въ Самаркандѣ и взятіе въ плѣнъ Юнусъ-хана.

1434. Путешествіе Улугбека въ Гератъ.

1434—5. Сооруженіе главнаго зданія Шахи-зиндэ отъ имени Абд-ал-Азиза.

1435? Потеря Кашгара.

1437. Обрѣзаніе Абд-ал-Лятифа въ Гератѣ. Составленіе астрономическихъ таблицъ Улугбека.

1438. Прибытіе въ Самаркандъ дочери Улугбека.

1439. Возвращеніе ея въ Гератъ.

1441. Прибытіе въ Самаркандъ Абд-ал-Лятифа. Смерть министра Улугбека, Насир-ад-дина Хавафи (20 іюля).

1442. Прибытіе въ Самаркандъ матери Улугбека Гаухаръ-Шадъ (январь) и возвращеніе Абд-ал-Лятифа съ нею въ Гератъ (февраль).

1444. Болѣзнь Шахруха и споры о престолонаслѣдіи.

1445. Письмо китайскаго императора на имя Улугбека.

1446. Походъ Шахруха на западъ. Захватъ узбеками сѣверной пограничной области владѣній Улугбека.

1447. Смерть Шахруха (12 марта). Пораженіе и взятіе въ плѣнъ Абд-ал-Лятифа около Нишапура (29 апр.). Походъ Улугбека и договоръ между нимъ и Ала-ад-дауля.

Зима 1447—8. Столкновеніе между Ала-ад-дауля и Абд-ал-Лятифомъ.

1448. Побѣда Улугбека надъ Ала-ад-дауля при Тарнабѣ. Занятіе Герата, походъ до рѣки Ибришемъ и отступленіе. Возстаніе въ крѣпости Нерету и осада мятежниками Герата; прибытіе туда Улугбека; разграбленіе войскомъ Улугбека окрестностей Герата (ноябрь). Нашествіе узбековъ на Мавераннахръ. Возвращеніе Улугбека въ Самаркандъ, Абд-ал-Лятифа въ Гератъ.

1449. Борьба за Хорасанъ между Яръ-Али туркменскимъ, Бабуромъ и Султанъ-Мухаммедомъ. Возстаніе Абд-ал-Лятифа противъ Улугбека; стычки на берегу Аму-дарьи. Возстаніе Абу-Са'ида и возвращеніе Улугбека въ Самаркандъ. Побѣда Абд-ал-Лятифа надъ Улугбекомъ близъ Димишка (сентябрь-октябрь). Убіеніе Улугбека (25 или 27 октября). Убіеніе его сына Абд-ал-Азиза.

Указатель именъ.

Аббасъ, убійца Улугбека 131.
Абд-ал-Азизъ, с. Улугбека 72, 89, 104, 106, 117, 118, 124, 128—130, 132, 133.
Абд-ал-Али Бирджанди 108.
Абд-ал-Али-тарханъ 144.
Абд-ал-Латифъ 117—135, 139, 141.
Абд-ал-Меликъ, шейх-ал-исламъ 18, 36, 95.
Абд-ал-Муминъ, ходжа 105.
Абд-ал-Халикъ 63, 64, 67.
Абд-ал-Хамидъ 18.
Абд-ал-Эввель, шейх-ал-исламъ 18, 35, 55, 62.
Абд-ар-Рахманъ кешскій 18.
Абд-ар-Рахманъ, с. Улугбека 117, 118.
Абд-ар-Реззакъ 17, 20, 21—25, 27—29, 32, 34, 36—38, 42, 51—71, 73—86, 89—96, 98. 99, 101, 102, 107—110, 115, 117—142, 144.
Абдулла, с Ибрагима 91, 128, 129, 132, 134—138.
Абдулла, с. Казагана 12.
Абдулла, с. Омара 101.
Абдулла, с. Улугбека 117, 118.
Абдулла-ханъ бухарскій 100.
Абивердъ 121.
Абишъ 80, 81, 83.
Абу-Бекръ, с. Мираншаха 31, 53, 56, 129.
Абу-Бекръ, с. Мухаммедъ-Джуки 120, 121.
Абулгази 116.
Абу-л-Лейсъ андижанскій 78.
Абу-л-Лейсъ самаркандскій 18.
Абу-л-Ма'али 7, 17, 18.
Абулхайръ-ханъ 90, 91, 116, 126, 127, 136, 137, 139, 140, 142.
Абу-Насръ Пāрсā 141.
Абу-Са'идъ Аубахи 100.
Абу-Са'идъ-мирза 91, 116, 129, 130, 132, 133, 135—145.
Абу-Са'идъ, с. Султанъ-Махмудъ-хана 72.
Абу-Са'идъ-ханъ 102
Абу-Тахиръ, ходжа 103, 112.
Авганистанъ 10, 24, 135.
Адай-ханъ 113.
Адиль-Султанъ 12, 114.
Азія 4, 95.
Азія Малая 31, 44, 102.
Азія Передняя 5, 43.
Азія Средняя 5—8, 10, 27, 41, 45, 93, 95, 113.
Акбаръ 139.
Аксу (въ Кит. Туркестанѣ) 88.
Аксу (въ Семирѣчьѣ) 80, 81.
Аксулатъ 45, 48, 64.
Акъ-Башъ 116.
Акъ-Куяшъ 82, 83; см. Или.
Акъ-Сарай 23.
Акъ-Султанъ-Ханике 73, 115.
Ала-ад-дауля 94, 117, 119—123, 129, 135, 136.
Ала-ад-динъ Аттаръ 98.
Ала-ад-динъ Шаши 95.
Ала-ал-мулькъ Тирмизи 7.
Ала-ал-мулькъ Худавендъ-задэ (XIV в.) 7.
Ала-ал-мулькъ Худавендъ-задэ (XV в.) 18.
Алабуга 89
Алай (Алайская долина) 17, 64
Ала-тау таласскій 54, 68.
Александровскій хребетъ 68.
Александръ Македонскій 119.
Али-Акбаръ 7, 17.
Али бекритъ 75. 78.
Ачи-бекъ 15, 58, 59.
Алике-кукельташъ 32, 62, 64, 102, 103.
Али-Кушчи 109—111, 115.
Али-Муайядъ 21, 59
Алій 21.
Аліябадъ балхскій 55.
Аліябадъ самаркандскій 49, 50
Аллададъ, начальникъ Ашпары 54, 55, 60—63.
Аллададъ, с. Худайдада 63, 64.
Алла-кухъ 64.
Алтунъ-кулъ 78. 81; см. Балхашъ.
Америка 114.
Аму-дарья 6, 16, 25, 39, 45, 52, 53, 55—59, 62, 65, 69, 82, 86, 120—123, 127—130, 135.
Ангора 22, 44.
Андижанъ 8, 63, 74, 75, 90.
Андхой (Андхудъ) 17, 18, 52, 55, 56, 58, 92, 127.
Ань-чжи-дао 41, 91.
Аргунъ, племя 129, 130.
Аргунъ-шахъ 49, 50, 52, 55, 58, 61—63.
Ардаширъ-туваджи 92.
Arendt C. 42.
Арикъ-Бука 114.
Аристотель 107.
Арифъ Азери, шейхъ 39.
Арифъ, поэтъ 141.
Арменія 38.
Арпа-Язы 81, 82.
Арсланъ-Ходжа-тарханъ 80, 83—85.
Архенгъ 120.

Астрабадъ 59, 90, 124, 125.
Ауліе-ата 44, 54, 68.
Афзаль-ад-динъ Кеши 18, 95.
Афрасіабъ, городище 103.
Ахмедъ Джеламръ 22.
Ахмедъ Іесеви 137.
Ахмедъ, мауляна 21.
Ахмедъ, с. Омаръ-шейха 45, 47, 65, 66, 74, 75.
Ахраръ, ходжа 45, 94, 97, 98, 100, 104, 137—140, 142, 143.
Ахси (Ахсикетъ) 74, 142.
Ачикъ-Паркентъ 48.
Ашпара 32, 44, 45, 54, 69, 79, 80.

Баба-Сенгу 18.
Баба-Турмушъ 61—63.
Баба-Хусейнъ-бахадуръ 134.
Бабуръ, Абу-л-Касимъ 121—128, 132, 135, 136, 138, 140, 141.
Бабуръ-падишахъ 7, 89, 101, 103, 109—111, 122, 129, 134, 139, 144, 145.
Багдадъ 21, 29, 31.
Багдадъ самаркандскій 36.
Баги-Мейданъ 96, 103, 104.
Баги-нау 134.
Багланъ 55, 121.
Багустанъ 45.
Бадахшанъ 98, 112.
Бадгисъ 58, 61, 69, 76.
Байсункаръ 74, 86, 92, 102, 111, 112, 117, 119, 121, 122.
Балхашъ 78, 81; см. Алтунъ-куль.
Балхъ 6, 12, 13, 55, 56, 58, 60, 65, 69, 119—123, 127, 128, 135.
Бальджуанъ 12; см. Мункъ.
Бартольдъ В. 3, 66.
Барчкентъ 85.
Бахарзъ 126.
Бахты 116.
Баязидъ-парваначи (перваначи) 74, 126, 127.
Баязидъ, султанъ 22, 30, 40.
Beveridge A. S 139.
Бедр-ад-динъ, астрологъ 50.
Бердибекъ 54.
Береке, сейидъ 17, 18, 20, 137.
Беха-ад-динъ Накшбендъ 18, 19, 98.
Беха-ад-динъ, шейх-ал-исламъ 124.
Бехрамъ, эмиръ 22.
Биби-ханымъ 102.
Бируни 6.
Бистамъ 121, 124, 125, 128.
Бишбалыкъ 91.
Blochet E. 91, 108, 110, 111, 135.
Бо-а-эръ-хинь-тай 91, 92.
Богуту 82.
Боракъ 8.
Bretschneider E. 41, 91.
Brockelmann C. 40, 96, 100, 105, 108, 111.
Бруса 40.
Буамское ущелье 80, 83.
Bouvat L. 7.
Будаговъ 81.
Булунгурская степь 136.
Булунгуръ 136.
Буракъ-ханъ 75, 76, 78, 79, 85, 90, 114.
Буралгу 81.
Бурке-султанъ 142.
Бурлакъ 76.
Бурундукъ 48, 50, 51.
Бурхан-ад-динъ, шейх-ал-исламъ 134, 138, 140—142, 144.
Бухара 7—9, 16, 18, 48—51, 57—59, 61, 63, 65, 73, 79, 93, 98, 99, 105, 106, 111, 117, 127, 130, 133, 141, 143.
Бухари 7.
Бушенгъ 19.
Буянъ-кукельташъ 116.

Валидовъ А.-З. 10, 72, 113.
Вассафъ 8, 110.
Васыфи 99, 100.
Вахшъ 17.
Вейсъ-ханъ 76—78, 87, 89, 117.
Вельяминовъ-Зерновъ 90.
Веселовскій Н. И. 9, 29, 99, 139.
Византія 6.
Вяткинъ В. Л. 36, 44, 45, 48, 49, 52, 65, 99, 100, 102, 103, 109, 116, 134, 139.

Газанъ-ханъ 35, 110.
Ганьсу 41.
Гармсиръ 119, 135, 136.
Гаухаръ-Шадъ 37, 71, 115, 117—123, 125, 127, 142.
Гератъ 12, 19, 29, 32, 56, 58, 65, 66, 69—74, 79, 84—86, 89, 91—96, 102, 109, 114, 115, 117—128, 132, 135, 136, 141—145.
Герирудъ 19.
Геродотъ 107.
Гиндукушъ 32.
Гиппократъ 21.
Гіяс-ад-динъ Али 21, 39.
Гіяс-ад-динъ Джемшидъ Каши 70, 107—109.
Гіяс-ад-динъ Наккашъ 92.
Гіяс-ад-динъ Пиръ-Ахмедъ Хавафи 71.
Гіяс-ад-динъ-тарханъ 37.
Гіяс-ад-динъ-ханъ 114.
Gobineau 6.
Голодная степь 54, 136, 138.
Гомеръ 107.
Го-цзи 41.
Гревсъ 110.
Грузія 44.

Гуръ 135, 136.
Гуръ-эмиръ 103, 115, 135.

Дабусія 49.
Даверъ-Заминъ 136.
Дамаскъ 27, 31, 36.
Дамганъ 121, 124, 125.
Даулетшахъ 29, 30, 34, 39, 89, 95, 97, 100, 106, 107, 111, 112, 119—121, 123, 126, 129, 132, 135, 136.
Даулетъ-Бахтъ 116.
Даулетъ-Бахтъ-Са'адетъ 116.
Даулетъ-Султанъ 116.
Девлетъ-берди-ханъ 114.
Дейяръ, Абу-л-Фатхъ 104, 105.
Демезонъ 116.
Дервишъ-Мухаммедъ-тарханъ 144.
Дервишъ-огланъ 114.
Джаббаръ-берди-ханъ 75, 114.
Джагатай 11, 14, 26, 82, 113.
Джами 7, 19, 20, 100, 109.
Джамъ, рѣчка 66.
Джамъ самаркандскій 62.
Джамъ хорасанскій 59, 122, 132.
Джа'фаръ Садикъ 101.
Джейхунъ 82; см. Аму-дарья.
Джелаль-ад-динъ Мухаммедъ, с. Султанъ-Шаха 132.
Джелаль-ад-динъ, с. Баязида 127.
Джелаль-ад-динъ Фирузшахъ 71, 119.
Джелаль, эмиръ 25, 26.
Джемаль-ад-динъ Исфахани 112.
Джемаль Карши 7, 11.
Джендъ 85.
Джехангиръ, с. Тимура 15, 17, 30, 32.
Джеханшахъ дуглатскій 77, 80—84.
Джеханшахъ туркменскій 89, 143.
Джизакъ 54, 62.
Джиланутинское ущелье 70, 84.
Джузджани 2.
Джуки 77, 85, 86, 94; см. Мухаммедъ-Джуки.
Джулекъ 46.
Джумгалъ 84, 85.
Джучи 26, 85.
Дизе 52.
Дилькуша 28, 65.
Димишкъ (самаркандскій) 36, 130.
Дорнъ 108.
Дулдай 67.

Евклидъ 107.
Еврипидъ 107.
Европа 4, 95.
Египетъ 35, 102.
Елисаветпольская губ. 39.
Ethé 106.

Закавказье 29. 38
Заряфшанъ 49—51, 106.
Захир-ад-динъ 21.
Зейн-ад-динъ Казвини 29.
Зейн-ад-динъ Тайабади 19.
Зенджиръ-Сарай 10.
Зиминъ Л. А. 45, 49.
Золотая Орда 45, 73, 75, 77, 113.

Ибаджъ-огланъ 25, 26.
Ибн-ал-Асиръ 30.
Ибн-Арабшахъ 2, 7, 9, 13, 14, 16—22, 24, 25, 27, 28, 30, 33—36, 40, 48, 54, 55, 58—64, 68, 69.
Ибн-Батута 7, 9.
Ибн-Сина 6.
Ибн-Халдунъ 20, 34.
Ибн-Шухба 20.
Ибрагимъ-Султанъ 38—40, 44, 46, 48, 49, 51. 65, 89, 111, 128.
Ибрагимъ, с. Идику-Тимура 127.
Ибрагимъ, с. Пулада 130.
Ибрагимъ, с. Туктимура 79, 80.
Ибришемъ, рѣка 121, 124.
Идику-Тимуръ 127.
Или 9, 82, 83; см. Акъ-Куяшъ.
Имадъ 123, 124.
Индія 4, 5, 11, 30, 39, 128.
Индъ 32.
Иразанъ 89.
Иракъ 124.
Иракъ Арабскій 44.
Иранъ 25, 37.
Иса, военачальникъ 56.
Исам-ад-динъ, шейх-ал-исламъ 18, 95—97, 134, 135.
Искендеръ, мирза 16, 30, 31, 33, 43, 44, 73.
Искендеръ Мунши 122.
Искендеръ, с. Хинду-буки 75, 84.
Искендеръ туркменскій 89, 108, 125.
Искендеръ Шейхи 33.
Исматулла Бухари 112.
Испанія 40.
Иссыкъ-куль 44, 45, 54, 80, 81, 83, 84, 87, 89.
Исфаханъ 31, 92, 120.
Исфраинъ 124.
Исфизари 20.
Исфизаръ 34.
Ихтіяр-ад-динъ, крѣпость 122—124, 142.

Іездегердъ 119.

Кабулъ 36, 38, 43.
Кабулъ-шахъ 12, 114.
Кадакъ-хатунъ 15.
Казаганъ 10, 12, 13, 15, 16.
Казанъ-ханъ 10, 14, 22.

Казы-задэ Руми 99, 100, 107—109, 111
Кайкубадъ 17.
Кайхусрау 17.
Камар-ад-динъ 77, 80.
Кандагарь 46.
Кан-и-гиль 69, 104.
Карабагъ 18, 39, 96.
Каракулъ-Ахмедъ-мирза 87
Каракуль 111.
Кара-Саманъ 67.
Кара-тау 54, 68.
Кара-тюбе 65.
Карачаръ 14, 24.
Карухъ 126.
Карши (въ Мавераннахрѣ) 8, 10, 12, 13, 23 25, 56—58, 60, 79; см Нахшебъ
Карши (въ Моголистанѣ) 83, 84.
Касим-и-Анваръ 106.
Каспійское море 90, 125.
Кастекъ 81.
Касуни 116.
Катрмеръ 37, 77, 93, 138, 139.
Кашанъ 107.
Кашгаръ 9, 41, 44, 74—78, 87—89.
Кашка-дарья 8, 10, 13, 14, 69.
Кебекъ-ханъ 8, 9, 14
Кебинъ Большой 80, 81.
Келатъ 56.
Келифъ 57, 66.
Кемаль Бадахши 112.
Кенд-и-Бадамъ 90.
Кербела 26.
Керманъ 21.
Кермине 142.
Kern 7.
Кетмень-тепе 82.
Кешъ 13—15, 18; см. Шахрисябзъ.
Китай 4, 5, 32, 34, 40—46, 54, 68, 69, 91—93, 113.
Клавихо 2, 13, 16, 22—24, 27—29, 31, 33—35, 40, 42, 50, 51.
Кокъ-сарай 35, 121.
Кокъ-тепе 82.
Константинополь 110, 111.
Кочкаръ 84.
Krumbacher C. 6.
Крымскій А. Е. 6.
Ку-и-тенъ (Кух-и-тенгъ) 57, 62
Куланчукъ 54.
Куланъ 54.
Кулъ-Мухаммедъ 77.
Кунгесъ 83.
Кундузъ 55, 120.
Кура 21
Курчукъ 48.
Кусуя 19.
Кутахія 40.
Кутб-ад-динъ, садрь 99
Кутб-ад-динъ Ширази 111.
Кутлугъ-Турканъ, дочь Улугбека 116
Кутлугъ-Турканъ, сестра Тимура 16, 18.
Куфинь 142.
Kuh Bakharz 126
Кухсанъ 19.
Куча-Маникъ 52
Кучанъ 59, 122, 123.
Кучкунчи-ханъ 102, 116.
Кучлукъ найманскій 88.
Кучукъ-Мухаммедъ-ханъ 114.
Кушкъ 124.
Кушъ-булакъ 81, 82.
Куяшъ 82
Кызылъ-Рабатъ 65, 66.
Кызылъ-су 80—82.
Кышлыкъ 37.
Кятъ 90.

Лерхъ П. 70, 116, 139
Le Strange 8.
Ли-Гуй 93.
Луристанъ 25.
Лутфи (Лутфій) 10, 72, 113
Лэнъ-Пуль 59, 114.

Мавераннахръ 2, 6—13, 16, 36, 39, 43—45, 52, 53, 55, 59—62, 68, 69, 73, 76—79, 86, 87, 90, 91, 93, 94, 98, 107, 112, 119, 127, 132, 141, 143
Мазандеранъ 32, 59, 102, 121, 142.
Мансуръ Каши 108.
Мансуръ, музаффаридъ 27.
Мардинъ 37.
Марковъ А. 114.
Марко Поло 11.
Marquart J. 122.
Марръ Н Я. 90.
Марьямъ-Челеби 111.
Масальскій, кн. 54.
Мас'удъ Кухистани 132, 134, 138, 140, 142.
Матуридъ 144.
Маханъ 15, 16.
Махмудъ газневидскій 32.
Медина 87, 96.
Мекка 18, 19, 74, 87, 96, 130.
Меликшахъ 111.
Меликъ-Исламъ 77, 78, 81, 82.
Меликъ-Хусейнъ гератскій 12
Мервъ 15, 102, 127, 143.
Месджид-и-Мукатта' 101, 103.
Месопотамія 31, 37.
Мешхедъ 59, 121, 123—128, 132, 136.
Мизрабъ 60, 66
Miles 113, 114.
Милованов В. 1.
Минаевъ 11.

Минъ, дин. 41—43.
Мираншахъ-каучинъ 130.
Мираншахъ, с Тимура 20, 28—32, 45, 47, 53, 56, 59, 70, 129.
Мираншахъ, тимуридъ 128.
Мирекъ-Туркменъ 80.
Мирза-арыкъ 106.
Мироновъ Н. Д 9.
Мирхондъ 1, 76—80, 83, 84, 93, 106, 109, 115, 117, 118, 128, 131, 133, 134, 136, 139.
Мискинъ, казій 131. см. Шемс-ад-динъ.
Миср 36
Михръ-Султанъ 116
Моголистанъ 11, 13, 24, 27, 43, 44, 51, 54, 67, 72, 75—79, 87, 89, 90, 117
Моисей 104.
Монголія 4, 42, 43, 113.
Мубарекъ-шахъ туркменскій 15, 16.
Мубарекъ-шахъ, ханъ 8, 99.
Мубашшаръ, эмиръ 52, 65.
Муганская степь 36.
Му'изз-ад-динъ, ходжа 143.
Му'ин-ад-динъ Каши 108.
Мункъ 12; см. Балиджуанъ.
Мургабъ 15, 16, 36, 58, 122.
Мусеви 31, 38, 44.
Мухаммедъ-Алимъ 95.
Мухаммедъ Ардистани 115.
Мухаммедъ, военачальникъ 84.
Мухаммедъ-гази 90.
Мухаммедъ-Дервишъ 125.
Мухаммедъ-Джехангиръ 50, 62, 65, 66, 72, 73, 121.
Мухаммедъ-Джуки, с. Абд-ал-Латифа 141. 142.
Мухаммедъ-Джуки, с. Шахруха 119, 120, 122, см. Джуки.
Мухаммедъ, имамъ 101.
Мухаммедъ-Касимъ-мирза 120.
Мухаммедъ-Мирке 27.
Мухаммедъ Парса 61, 96, 112, 141.
Мухаммедъ, пророкъ 104, 109.
Мухаммедъ-Рахимъ-ханъ 100.
Мухаммедъ-Салихъ 103.
Мухаммедъ-Султанъ 30—32, 40. 44, 47, 50, 72, 115.
Мухаммедъ Хавафи, Шемс-ад-динъ 100.
Мухаммедъ-Хайдеръ 72, 75, 87—89.
Мухаммедъ-ханъ золотоордынскій 114.
Мухаммедъ-ханъ могольскій 67, 76, 77.
Мухаммедъ хорезмшахъ 7.
Мухаммедъ-Хусрау 130, 131.
Мухаммедъ-Шаисте 88.
Мэнь-Хунъ 2.
Muller A 21, 64.
Münsterberg 93.
Nallino C. A. 6, 111.
Накши-джеханъ 76.
Нанкинъ 41.
Насир-ад-динъ Насрулла Хавафи 71.
Насир-ад-динъ Туси 108, 110
Насиръ Хасанъ 35.
Наубехаръ 6.
Нахшебъ (Несефъ) 8. 9, 13; см Карши
Неджм-ад-динъ 30.
Нерету 123, 125, 126, 128.
Нершахи 90, 111.
Неса 121.
Нефисъ, мауляна 114.
Низам-ад-динъ Маудудъ 140.
Низам-ад-динъ Мирекъ Махмудъ 122.
Низам-ад-динъ Хамушъ 96—98, 135.
Низам-ад-динъ Шами 12, 13, 16, 17, 20—24, 26, 28, 29, 42, 44, 113
Низами 111, 134.
Nicholson R. A 7.
Нишапуръ 27, 121, 122, 125
Нуръ 143.
Нуръ-Са'ндъ 143.

Огэ-бегумъ 40, 115.
Огэ-Турканъ-Шахъ 116.
Омаръ, с. Мираншаха 24, 31, 44, 59, 129.
Омаръ, халифъ 102, 103.
Омаръ-шейхъ, с. Тимура 15, 26, 30, 37, 43, 45, 64, 65, 70, 74, 75, 122, 145
Орду-Базаръ 121.
d'Ohsson 35, 110.
Остроумовъ Н П. 99, 101.
Отраръ 36, 43, 45—47, 49, 51, 54, 63—65, 67, 79, 85, 141.
Ошъ 74

Pavet de Courteille 16.
Пайкабакскія ворота 65.
Палестина 32.
Паркентъ 137.
Пейкендъ 90.
Пекинъ 41, 92, 93.
Персія 5, 6, 8, 9, 25, 29, 31, 53, 90, 95, 107, 113, 119, 120, 132, 143.
Пиръ-Али-Тазъ 66.
Пиръ-Мухаммедъ, военачальникъ 88.
Пиръ-Мухаммедъ куртъ 29.
Пиръ-Мухаммедъ, с. Джехангира 32, 46, 48—50, 55—60.
Пиръ-Мухаммедъ, с. Омаръ-шейха 30, 31, 122.
Пиръ-Падишахъ 59.
Платонъ 1, 107.
Позднѣевъ А. 81.
Покотиловъ Д. 113.
Поливій 107.
Pauthier 5.

Пскентъ 67.
Птолемей 107, 109.
Пуладъ 130.
Пянджъ 17.

Рабі'а-Султанъ-бегумъ 116.
Ravaisse 35.
Радканъ 123.
Радловъ В. В (Radloff) 3, 5, 8, 9, 37, 113.
Ракійе-Султанъ-хатунъ 116.
Рамстедтъ Г. І. 11.
Рашид-ад-динъ 6, 10, 14, 29, 37. 110, 113, 114.
Рей 64, 121.
Ригистанъ 98.
Rieu 38, 70, 108, 109, 112, 113.
Рожевицъ Р. Ю. 7.
Розенъ бар. 111.
Ross E. D. 13.
Россія 4.
Рустемъ, военачальникъ 49—52.
Рустемъ, с. Омаръ-шейха 31
Рухъ 78.

Сабранъ 85; см. Сауранъ.
Сава 120.
Саганакъ 59, 68, 69, 85, 90, 91.
Са'дабадъ 122.
Садръ-Исламъ 78, 81, 82.
Са'идъ, эмиръ 97.
Сайрамъ 44, 45, 67, 90, 142.
Салах-ад-динъ, казій 40.
Сали-Сарай 12, 65, 120.
Салихъ, мирза 122.
Сам'ани 7, 19.
Самаркандъ 7, 12, 13, 16, 18, 20—23, 25, 27, 29, 30, 32, 35, 36, 38—41, 43, 44, 46—58, 60—63, 65, 66, 68, 69, 71—77, 79, 81—89, 91—94, 96—100, 102, 103, 106—108, 111, 114—118, 121, 123, 125, 127, 129—145.
Самойловичъ А. Н. 70.
Санъ-ташъ 81—83.
Сарай, кышлакъ 12.
Сарай-Мулькъ-ханумъ 22, 28, 37, 38, 47, 61, 107.
Сарбуга 116.
Sarre Fr. 6, 35.
Сасы-Бука 85.
Сатукъ-ханъ 72, 87, 89.
Сауранъ 32, 45, 54, 67, 68; см. Сабранъ.
Св. Софія 110.
Севинъ-бегъ 30.
Sédillot 1, 37, 111.
Сеистанъ 16, 26, 32.
Сейидъ-Али дуглатскій 75, 88.
Сейидъ-Али-тарханъ 68.
Сейидъ-Ахмедъ дуглатскій 75.
Сейидъ-Ашикъ 95, 96, 104.
Сейидъ-Ракимъ 103, 112.
Сейидъ-ходжа 58.
Сейф-ад-динъ Исференги 112.
Секкаки 72, 112.
СемирЁчье 41, 43, 44, 84.
Семнанъ 121.
Серахсъ 127.
Сибирь 90.
Сивасъ 34.
Сиддикъ кашгарскій 75, 76.
Сиди-Ахмедъ, тимуридъ 70, 129.
Сиди-Ахмедъ-ханъ 114.
Сикора І. І. 1.
Сирія 4, 21, 44.
Сіябъ 103.
Skrine F. H. 13.
Snouck-Hurgronje 106.
Сократъ 107.
Софоклъ 107.
Сузакъ 91.
Сулейманъ-шахъ 27, 55—58.
Султанія (въ Персіи) 21, 29, 31, 37—39.
Султанія (самаркандская) 36, 62.
Султанъ-Абу-Са'идъ, эмиръ 125, 126.
Султанъ-Ахмедъ-мирза 111, 144—146.
Султанъ-Бахтъ-бегумъ, дочь Тимура 27.
Султанъ-Бахтъ, дочь Улугбека 116.
Султанъ-Ибрагимъ, мирза 143.
Султанъ-Махмудъ, мирза 146.
Султанъ-Махмудъ-огланъ 90.
Султанъ-Махмудъ-ханъ 22, 23, 72, 73, 115.
Султанъ-Мухаммедъ, с. Байсункара 120, 129, 132, 135, 136.
Султанъ-Мухаммедъ, с. Мираншаха 129.
Султанъ-Хусейнъ. внукъ Тимура 20, 27, 31, 45, 47, 55, 56, 60.
Султанъ-Хусейнъ, правнукъ Омаръ-шейха 145.
Султанъ-Шахъ барласъ 132.
Сурхабъ 81.
Сурханъ 8.
Сутеръ (Suter H.) 6, 109.
Суюниčъ (Суюнчукъ)-ханъ 102, 116.
Суюргатмышъ, с. Мираншаха 129.
Суюргатмышъ, с. Шахруха 92.
Суюргатмышъ-ханъ 17, 22.
Сыръ-дарьинская обл. 43, 44.
Сыръ-дарья 8, 41, 45, 47, 48, 50, 54, 59, 63, 64, 67, 75, 77—79, 85, 86, 90, 136.
Сюань-цзанъ 6

Тайабадъ 19.
Тайзи-огланъ 43, 113.
Таласъ 54, 67, 68, 79.
Тарагай 13—15.
Тармаширинъ-ханъ 9, 14, 22
Тарнабъ 123, 124, 129.

Тарты 54.
Тафтазани, Сейф-ад-динъ 105.
Тахта-Карача 35
Ташкентъ 17, 44, 45, 47, 48, 50, 57, 59, 63, 76. 79, 86, 94, 97, 136, 137, 139, 152.
Ташъ-буйнакъ 82.
Ташъ-Тимуръ 114.
Тебризъ 21, 29, 89, 110.
Тевкель 116.
Текесъ 82, 83.
Текина-хатунъ 13
Термезъ 7, 8, 18, 26, 60, 66, 86, 130.
Тибетъ 93.
Тимуръ 1—3, 6, 7, 9, 10, 12—51, 54, 55, 60, 61, 64, 65, 68, 70—73, 75, 78, 80, 81, 84, 85, 91, 94, 96, 102—104, 106, 107, 114, 115, 117, 119, 120, 125, 127—130, 134, 142, 145.
Тимуръ-Кутлугъ 114.
Тимуръ-Меликъ, военачальникъ 67.
Тимуръ-Меликъ-ханъ 25.
Тимуръ-ханъ 114.
Тимуръ-Ходжа 44.
Тирмизи, Мухаммедъ ибн-Али 7.
Тирмизи, Мухаммедъ ибн-Иса 7.
Токмакъ 76.
Тонгузъ-ханъ 42.
Тохтамышъ 24, 25, 45, 57, 75, 78, 85, 114, 137.
Тува-ханъ 8.
Туга-Турканъ 116.
Тукель-ханумъ 22, 28, 61.
Туклукъ-Тимуръ-ханъ 12, 27.
Туктимуръ 79.
Туманъ-Ага 28, 38, 60, 61, 68, 69
Турбет-и-Шейхъ-Джамъ 126.
Туркестанъ, городъ 45, 90, 91, 116, 134, 136, 137; см. Ясы.
Туркестанъ Китайскій 8, 43, 44.
Туркестанъ, страна 6, 45, 47, 91, 95, 112.
Тусъ 59.
Тюмень-Кутлугъ 17.

Узбекъ-ханъ 29, 30, 72.
Узгендъ 8.
Узкендъ 91.
Узунъ-Ата 64.
Улджай-Турканъ-Ага 16.
Улугбекъ passim.
Улчжэй-Тэмуръ 43.
Ура-тюбе 61, 63.
Ургенчъ (старый) 21, 26, 90.
Урусъ-ханъ 75, 85.

Фазлулла Абу-л-Лейси 96.
Фалевъ П. 90.
Фараби 6
Фарсъ 27, 30, 129, 132.
Фасихъ 29, 32, 35—37, 40, 45, 52, 53, 60, 62, 63, 65, 67, 71—76, 86, 89, 90, 100, 102, 111, 112, 115, 117, 120, 125, 129.
Фатхулла Тебризи, Джемаль-ад-динъ 101, 140.
Фахр-ад-динъ Ахмедъ Туси 32.
Фергана 8, 9, 26, 41, 43—45, 54, 63—66, 74, 79, 89, 90.
Феридунъ 1.
Ферхадджирдъ 132.
Фирузкухъ 25, 39.

Хаджи барласъ 13, 14.
Хаджи-бекъ 28.
Хаджи-Хальфа 108.
Хайдеръ, эмиръ бухарскій 101.
Хайду 8.
Хайдъ (Th. Hyde) 1.
Халебъ 34
Халиль аз-Захири 35.
Халиль-Султанъ, с. Мираншаха 28, 44—66, 68, 69, 72, 91, 92, 96, 112, 116, 129.
Халиль-Султанъ, с. Мухаммедъ-Джехангира 121.
Хамаданъ 31, 120.
Хамдаллахъ Казвини 8, 27, 110.
Хамза бухарскій 51.
Хамза хисарскій 65, 79.
Хамидъ, эмиръ 15, 25, 26.
Ханзадэ-бегумъ 115.
Ханыковъ Н 99.
Hartmann R. 6.
Хасанъ-Аттаръ 97, 98.
Хасанъ-бахадуръ 137.
Хасанъ (Хусейнъ)-Суфи-тарханъ 37.
Хафизи-Абру 19—21, 25, 26, 34, 36, 46, 51—61, 64—70, 72—86, 91—94, 98, 99, 103, 115, 117, 119—121.
Хафизъ, мауляна 41.
Хейбеталлахъ 6.
Хива 90.
Хинду-бука 75.
Хисаръ 59, 62, 65, 66, 135, 140.
Хияли 112.
Ходжа-Ильгаръ 14.
Ходжа-Юсуфъ 49, 52.
Ходжендъ (Ходженть) 10, 23, 25, 54, 59, 63, 64, 76, 136.
Хондемиръ 22, 30, 37, 43, 71, 73, 95, 101, 104—106, 108, 113—116, 131, 132, 136.
Хондъ-Са'идъ 116.
Хорасанъ 18, 19, 21, 29, 32, 36, 39, 51—53, 58—61, 79, 103, 121, 124, 126, 128, 132, 135—138, 141—143.
Хорезмъ 8, 12, 18, 21, 59, 73, 75, 76, 90.
Хотанъ 44.
Худайдадъ дуглатскій 75, 77, 81—84, 87, 88.

Худайдадъ, посолъ 91.
Худайдадъ Хусейни 48, 53, 54, 57, 59—64, 68.
Хузаръ 33, 56, 57, 62.
Хулагу 29, 31, 113.
Humboldt A v 1.
Хусам-ад-динъ Ибрагимъ-шахъ керманскій 21.
Хусам-ад-динъ Шаши 105.
Хусейнъ, внукъ Казагана 12, 13, 15—17, 22, 26, 27.
Хусейнъ, имамъ 26.
Хусейнъ Суфи 27.
Хуснъ-Нигаръ-Ханике 116.
Хусрау Дехлеви 111.
Хутталанъ 17, 120.
Хызръ-ханъ 115.
Хызръ-ходжа, военачальникъ 56
Хызръ-ходжа-ханъ 22, 81.
Huart C 20.

Ценкеръ 37.

Чаганіанъ 8, 98.
Чагмини 100.
Чакмакъ, эмиръ 144.
Чарынъ 80—82.
Чекдаликъ 55, 59.
Чечекту 122, 123.
Чжэнъ-Тунъ 93.
Чиликъ 46, 80, 81.
Чильдухтеранъ (на Кушкѣ) 124.
Чиль-Сутунъ 103.
Чимкентъ 54.
Чиназъ 75, 77, 79.
Чингизъ-оглань 75
Чингизъ-ханъ 2—4, 8, 10, 13, 14, 20, 22—24, 29, 32—35, 37, 46.
Чирчикъ 12, 76.
Чихиль-духтеранъ, зданіе 102.
Чохпанъ-Мулькъ 28.
Чопанъ-Ата (Чупанъ-Ата) 69, 93, 104.
Чу 81, 90.

Шади-бекъ-ханъ 113, 114.
Шадъ-Мулькъ 60—64.
Шам'-и-джеханъ 67, 76.
Шапурганъ 55, 56, 58, 120, 135.
Шарапхана 59.
Шарифъ, ходжа 75; см Шерифъ.
Шахи-Зиндэ 72.
Шахрисябзъ 12, 13, 23, 35, 55, 61, 62, 65, 66, 79, 130, 135; см. Кешъ.
Шахрухія 45, 48, 59, 63, 64, 75, 79, 86. 130. 136, 141, 142.
Шахрухъ 20, 22, 26, 32, 33, 37, 38, 42, 44, 46, 49, 51—77, 79, 84—86, 89—94, 98, 102, 108, 109, 113, 114, 117—125, 127, 129, 140, 144.
Шахъ-Вели 81
Шахъ-Джеханъ индійскій 139.
Шахъ-Джеханъ могольскій 67.
Шахъ-Меликъ 46, 48—53, 56—59, 63—69, 73, 92, 99, 107.
Шейбани 102.
Шейхзадэ, ворота 65.
Шейхъ-Али Туган 75.
Шейхъ-Ахмедъ, саррафъ 143.
Шейхъ-Дервишъ-кукельташъ 82.
Шейхъ-Мухаммедъ барласъ 116.
Шейхъ-Нур-ад-динъ 46, 48—53, 59—61, 63—69, 91.
Шейхъ-Хасанъ 69.
Шемс-ад-динъ Куларъ (Кулаль, Фахури) 14, 15, 20.
Шемс-ад-динъ Мухаммедъ ал-Джезери 40, 96.
Шемс-ад-динъ Мухаммедъ Ардукуджнуди 135.
Шемс-ад-динъ Мухаммедъ, врачъ 115.
Шемс-ад-динъ Мухаммедъ Джаджерми 133.
Шемс-ад-динъ Мухаммедъ Мискинъ 105; см. Мискинъ.
Шемс-ад-динъ, эмиръ 52.
Шерефъ-ад-динъ Іезди 7, 9, 14, 17, 22, 26, 31, 38, 40—43, 46—51, 60, 113, 114, 120.
Шерифъ, ходжа 88; см. Шарифъ
Ширазъ (въ Фарсѣ) 21, 31, 89, 92, 96, 98, 120.
Ширазъ самаркандскій 36, 50, 62, 136.
Ширванъ 125.
Ширдаръ, медресе 101.
Ширъ-Мухаммедъ-ханъ 77, 78, 81, 82, 87.

Эминъ-Ахмедъ Рази 109.
Эргэнэ-хатунь 114.
Эрзенъ 85.
Эрзерумъ 39.
Эсэнь-Бука 89, 90.

Yate 122.

Юнусъ Семнани 63.
Юнусъ-ханъ 27, 87, 89.
Юсуфъ Суфи 26.

Я'кубъ Чархи 98.
Якутъ 19.
Янги (Яны) 44, 54, 67.
Яръ-Али 125, 126, 128.
Ясы 45, 136; см. Туркестань, городъ.

Ѳукидидъ 107.

Объясненіе сокращенныхъ ссылокъ[1]).

Абд-ар-Резакъ — مطلع السعدين, рукоп Петрогр. Унив. № 157.

Анонимъ Искендера — рукоп. Аз. Муз. 566bc; то же самое сочиненіе въ рукоп. Брит муз Or 1566 (Rieu, Pers Man, p. 1062). Ср ИАН. 1915, стр. 1365 сл.

Анонимъ Шахруха — рукоп. Брит. муз. Or. 159 (Rieu, Pers. Man., p 180). Ср. Тексты по исторіи Ср Азіи, I, стр. XXXIII и ЗВО. XXIII. 20 сл.

اصحّ التواريخ — см. Мусеви.

В. Бартольдъ, Къ исторіи орошенія Туркестана — изданіе Отдѣла Земельныхъ Улучшеній.

В. Бартольдъ, Очеркъ исторіи Семирѣчья — отпискъ изъ Пам. кн. Семирѣч. обл. Статист. Комитета, т. II, 1898.

В. Бартольдъ, Туркестанъ = Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, ч. I, тексты, Спб. 1898; ч II, Изслѣдованіе, Спб. 1900.

Blochet, Introduction etc. — Introduction à l'histoire des Mongols par Fadl Allah Rashid ed-din, Leyden-London 1910.

Вассафъ — تاريخ وصّاف, бомбейское изданіе 1269 г. х.

Васыфи — بدايع الوقايع, рукоп. Аз. Муз. 568ba. Ср. Mél. Asiat. VII, 400.

Вяткинъ, Матеріалы — Матеріалы къ исторической географіи Самаркандскаго вилайета (въ Справ. кн. Самарк. обл., вып. VII, 1902, съ отдѣльной пагинаціей).

Даулетшахъ — The Tadhkiratu 'sh-shu'ará... of Dawlatsháh..., ed.... by E. G. Browne, Lond 1901.

ЗВО. (или Зап. Вост. Отд.) — Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общества.

ZN (или ظفرنامه) — The Zafarnámah by Maulánà Sharfuddin (sic) 'Ali of Yazd, ed. by Maulawi Muḥammad Ilahdád. Calcutta 1887—1888.

Захир-ад-динъ — Sehir eddin's Geschichte von Tabaristan etc., pers. Text, herausg. von B. Dorn, St.-P. 1850 (Muh. Quellen zur Geschichte der südlichen Küstenländer des Kaspischen Meeres, Th. I).

Иби-Арабшахъ — كتاب عجائب المقدور فى اخبار تيمور, каирское изд. 1285 г. х.

Ibn-Batoutah — Voyages d'Ibn-Batoutah, texte et traduction par C. Defrémery et le Dr. Sanguinetti.

Искендеръ Мунши — تاريخ عالم آراى عبّاسى, тегер. изд. 1314 г. х.

Къ исторіи орошенія Туркестана — см. Бартольдъ.

Клавихо — Жизнь и дѣянія великаго Тамерлана, сочиненіе Клавихо (Сборн. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. 28, Спб 1881).

П. Лерхъ, Археол поѣздка — Археологическая поѣздка въ Туркестанскій край въ 1867 г. Спб. 1870.

Мирхондъ, C — روضة الصفا, рукоп. Аз Музея 570.

— L — id, индійское литогр. изданіе 1883 г.

المظفّرية — Сборникъ статей учениковъ бар. Розена, Спб. 1897.

Мусеви — اصحّ التواريخ — рукоп. Оксф. Бодл. библ. Elliot 2 (Sachau-Ethé, Catalogue, № 32).

— تاريخ خيرات — рукоп. Брит. муз. Or. 4898 (Rieu, Supplement, p. 270, № 423). Ср ИАН. 1915, стр. 1365 сл.

---

1) Во время печатанія послѣднихъ листовъ рукописи Аз. Музея и Петрогр. Унив. были недоступны для пользованія, и потому при чтеніи корректуръ ссылки и цитаты не могли быть провѣрены.

Низам-ад-динъ — ظفرنامه, рукоп. Брит. муз. Add. 23980 (Rieu, Pers. Man.. p. 170). Ср. Тексты по исторіи Ср. Азіи, I, стр XXVI сл.

Остроумовъ, Мадрасы въ Турк краѣ — оттискъ изъ Журн. Мин. Нар. Просв. 1907 г., январь.

رشحات — رشحات عين الحيات, соч. Али ибн-Хусейнъ-Ва'иза; цитуется по рукоп. Петрогр. Унив. № 293, рукоп. Аз. Муз. а 581+, ташк. литогр. изд. 1329 г. х. (литографія Ариф-джанова).

Самарія — соч. Абу-Тахиръ-ходжи. Таджицкій текстъ, приготовл. къ печати Н. И. Веселовскимъ. Спб. 1904.

Sédillot, Prolégomènes — Prolégomènes des tables astronomiques d'Oloug-beg, publiés... par M. L. P. E. A. Sédillot, Paris 1847. — Prolégomènes etc, traduction et commentaire par M. L. P. E. A. Sédillot, Paris 1853.

Suter, Mathem. — см. стр. 6, прим. 1.

Tarikh-i-Rashidi — The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlát. An english version ed. by N. Elias, the translation by E. D. Ross, Lond. 1895.

تاريخ خيرات — см. Мусеви.

Туркестанъ см. Бартольдъ.

Фасихъ — مجمل فصيحى, рукоп. Аз. Муз. 581a; ср. Collections scientifiques, III, 111 сл; Туркестанъ, II, 56.

Хафизи-Абру, زبدة التواريخ; цитуется по Оксф. Бодл. рукописи Elliot 422 (Sachau-Ethé, Catalogue, p. 90); ср. المظفّريّه, стр. 25 сл.; ЗВО. XVIII, 0143 сл.

— , исторія Шахруха, по рук. Ind. Office (Ethé, Catalogue Ind. off., p. 76, № 171), см. ИАН. 1914, стр. 881.

Хондемиръ — حبيب السير, тегер. изд. 1271 г. х. Ссылки на индійское изданіе (1847 г.) всѣ относятся къ 3-му جزء 3-яго مجلّد. Пагинація въ индійскомъ изданіи, въ отличіе отъ тегеранскаго, сдѣлана не по томамъ, но по отдѣламъ томовъ, такъ что при ссылкахъ на индійское изданіе вм. III вездѣ должно быть III^3, какъ со стр. 114.

که زبان بیان از تعریف وتوصیف[1] بعجز وقصور مقرّ ومعترف است وچون روزی چند بمحرّمی ونشاط بسر بردند میرزا الغ بیك کورکان برتو التفات بر احوال مملکت انداخت ووضع وشریف‌را علی اختلاف مراتبهم بلطف بیکران واحسان بی‌پایان بنواخت .

---

1) DFLA add. آن.

احاطهٔ آن تواند کرد ناچار امرا در دامان[1] کوه توقّف نموده کیفیّت واقعه معروض ایستادکان پایهٔ سریر اعلی داشتند میرزا الغ بیك که در قلعهٔ ایسیق[2] کول که حضرت صاحبقران آنرا بنا کرده بود مقام داشت لغمان تواجی وابو اللیث وقوی ملك وادیس قوجین وابوکه‌را[3] با دو هزار سوار نامدار بمدد ایشان فرستاد تا رسیدن این جماعت سپاه حتّه عنان انهزام منعطف ساخته بودند وهزیمت غنیمت دانسته وسپاه فیروزی‌اثر هرچند در عقب مخالفان شتافتند ازیشان خبر ونشان نیافتند وچون از وصول بآن جماعت یاس تمام حاصل شد بالضرورت مراجعت نمودند ومنازل پیموده بموکب همایون پیوستند محمّد برلاس واسکندر هندو بوقا وشاه ولی چند روز بجهت تساهل طعغلتی که دران یورش ورزیده بودند در مقام خطاب وعتاب آمدند ومزاج میرزا الغ بیك منحرف شده چند نوبت بایشان بزبان سرزنش دران باب پیغام داد وعاقبت امیر خداداد شفیع شده پادشاه از سر حرایم ایشان درگذشت وذیل عفو بر ذلّات همه پوشانید ودران راه بصید وشکار میل نموده فضاء هوا ودامن دشت وصحرارا از وحوش وطیور خالی ساختند وچون قطع منازل وطیّ مراحل کرده موکب همایون نزدیك بسمرقند رسید شیخ الاسلام خواجه عصام الدین وسادات وقضات ومشایخ وعلما وموالی وائمّه وحکّام وداروغگان باستقبال مبادرت نموده شرف دستبوس حاصل کردند ودر قریهٔ شیراز کلبن باغ دولت وشهریاری ونوباوهٔ جمن ملك وجهانداری شاهزادهٔ عالیشان میرزا عبد الرحمن رسیده[4] جهان‌بین خودرا بطلعت والد نامدار روشن گردانید وجناب سلطانی اورا در آغوش عطوفت ومهربانی کشید وازانجا روان شده در[5] دهم شعبان بتوفیق[6] مهیمن مستعان در باغ جنان[7] نزول فرمود وخلایق در ظلّ امن وامان آسوده گشتند[8] ورياض دین ودولت طراوت ونزاهت از سر گرفت اعاظم واشراف اطراف واکنافی با هدایا وتحف روی بدرگاه عالم‌پناه آوردند وچون بفرّ قدوم سلطانی اسباب عیش وشادمانی دست فراهم داد موجبات سرور متوفّر ومقتضیات حبور[9] متکثّر گشت جناب شهریاری به ترتیب طوی وتزیین بزم عشرت اشارت فرمود نوّاب وکماشتکان بحسب فرمان در کان کل بجان ودل متصدّیٔ این امر شدند وطویی ترتیب دادند

---

1) B پایان.
2) E ایسمق ADF ایسیق C آیسیق B ایبسیق L الین.
3) ACDEF وابوك‌را.
4) DF add. چشم L add. دیدهٔ.
5) C om. در.
6) C بتوقّف.
7) Sic B; C چنان ELA چنار DF جناب.
8) Sic BE, DF آسوده شدند LA آسودند C tantum آمده.
9) Sic DEF; C حضور B جنود LA om.

جنان بود که ارسلان خواجه وبعضی امرا براه بغام[1] روان کشتند ومحمد برلاس واسکندر هندو بوقا وشاه ولی ودیکران براه کیرو[2] در حرکت آمدند وارسلان خواجه‌را معلوم شد که جهانشاه ومحمد بیك[3] از راه یومقال قجقار[4] رفته اند لا جرم بر عقب ایشان روان کردید ومحمّد برلاس واسکندر وشاه ولی از حال جهانشاه خبری نداشتند وبفراغ بال میرفتند واز دشمن حسابی در ضمیر ایشان[5] نبود واز طریق حزم واحتیاط که از شرایط سپاهی‌کری است تجنّب می‌نمودند وغافل ازانکه استحقار دشمن واستخفاف عدوی مؤدّی بندامت ومفضی بسوء خاتمت می‌باشد جهانشاه وقوم او چون از توجّه لشکر خبر یافتند بجانب محمّد برلاس واسکندر میل کردند وایشان از سر غرور در حرکت مسارعت می‌نمودند بتصوّر[6] آنکه اکر بتاتی وآهستکی روند الوس جتّه وجهانشاه از وصول لشکر آکاه کردند وراه فرار پیش کیرند وهمچنان در کمال اهمال واغفال بی تعبیهٔ میمنه ومیسره وترتیب یسال می‌شتافتند[7] ناکاه سپاه جتّه فزون از حدّ قیاس وتخمین در رسیدند واکثر لشکر متفرّق کشته امرا با فوجی قلیل در برابر آمدند از جکاجاك شمشیر وخنجر واصطکاك مقرعه وششپر کوش هوا بوصمت صمم متّسم کردید قول مخالفان در برابر بایستاد وباقیٔ سپاه از عقب کریختکان رفتند وارسلان خواجه ترخان ازین صورت خبردار شده چون برق خاطف در حرکت آمد ومانند ابر وباد روان شد واز آب[8] یومقال قجقار[9] کذشته روی جلادت بمعرکه نهاد واعدا چون سیاهیٔ سپاه نصرت‌پناه از دور بدیدند پای هزیمت در رکاب نکبت آوردند وعنان براه انهزام منصرف کردانیدند وهر دو فریق بملاقات یکدیکر مستبشر وشادمان کشتند ومحمّد برلاس واسکندر برخلاص ازان ورطه ومجات ازان معرکه زبان بحمد ملك ذو المنن وقول الحمد لله الذی اذهب عنّا[10] الحزن بکشادند وبر ارسلان خواجه ترخان درّ مدح وتحسین وثنا وآفرین نثار کردند وهر دو کروه باتّفاق از پیٔ جهانشاه وسپاه جتّه در سیر آمدند وایشان بلطایف الحیل التجا بسفح جبل بردند وچون شهباز وهم هرجند پرواز میکرد از کمر کوه[11] نمیکذشت وراهی صعب المسلك[12] داشت وچندان لشکر نبود که

1) Sic C; B بغوم DEF نعوم L تعوم A om
2) Sic BCE; DF براه‌کیری LA براه دیکر.
3) DF add. وعلی بیك.
4) C بومقال قجقار DEF بومقال قحقار B برمقال قجار LA فرخار.
5) C add. را.
6) C بصورت
7) C مرتب داشتند.
8) C om آب.
9) C tantum بومقال L بومقال محقال DEF برمقال B بومقال محقال A om.
10) C عنّی D عنان LF عنا BEA عن.
11) C از کمر آن.
12) BELA المسالك DF الملك.

خایف وهراسان بار کشتند وباز بجانب ایسیق[1] کول رفتند ومسرزا الغ بیك در روز کس پیش امرا فرستاد وپیغام داد که حال چنین است باید که امرا دو فرقه شوند وسرهای راه بر ایشان گیرند وبنفس همایون متوجّه دار السلطنت سمرقند شد ودر اثناء راه شنید که در قرشی تختگاه جیحون خان[2] سه قطعه سنك پشم[3] بوده که چشم هیچکس حسی مثل آن ندیده وگوش هیچ آفریدهٔ مانند آن جوهر نشنیده صخرهٔ ولیکن چون لعل با بها جسمی[4] ولیکن چون جوهری روح افزا نقیلی بصفای احسام خفیف وکثیفی بلطافت اجرام لطف چند نوبت پادشاه[5] ختای رسل با هدایا وتحف ارسال نموده وقبول کرده که از سیاب[6] نعیس واوانئ چینی[7] هرچه خواهند وهر چند که خواهند ومبلغ صد هزار دینار کبکی بر سری[8] ارسال نمایند بامّید آنکه[9] حکّام آن سرزمین از سر آن سنگها در گذرند وایشان راضی نشده اند وحضرت صاحبقران مغفور چون بر آن ولایت استیلا یافت حکم فرموده اند که نوّاب وکماشتکان بی توقّف آن سه قطعه سنگ‌را بسمرقند نقل کنند وایشان یك قطعه‌را روان کرده اند ودو سنگ دیگر همچنان بر جای خود است وآن جناب که نقاوهٔ خاندان صاحبقران کامران وکامیاب بود همّت بران مصروف گردانید که دو سنگ باقی مانده‌را بسمرقند[10] ببرند کماشتکان وملازمان غلطها ساختند وحواصل‌را باوتاد[11] محکم ورصین کردند وسنگهارا در غلطها نهادند وبعوّت اسپان وگاوان آنهارا بر روی زمین می‌غلطانیدند وفرمان شد که هر روز یك امیر تومان با مردم خود بنوبت همراه سنگها باشند تا در مضایق اعانت نمایند ونقّابان وسنگ‌تراشان[12] بران معیّن ومقرّر گشتند که هر جا که گردونها وغلطها بسبب ناهمواریٔ راه دشوار گذرد آنرا هموار سازند وچون خاطر خطیر شهریار جهانگیر از این معنی فراغت یافت با لشکر بیکران در جنبش آمد وطول وعرض آن بیابانرا بذراع اقدام مراکب میپیمود وچون ماه از منزل بمنزل حرکت میفرمود امّا حال امرا که بموجب فرمان جهانمطاع دو فرقه شده بودند تا سرهای راه بر جهانشاه پسر قمر الدین گیرند

---

1) Sic C; E ایسیق B ایسیق D ایسیق F الیق L آبشی A ابشی.
2) E جیجون خون.
3) Sic BCLA; E یشب DF نشیب.
4) C جسیم A رحمی B om.
5) DF پادشاهان.
6) C ثبات.
7) C چنین.
8) Sic BDEF; A بر سر L بر سر وی C برسل.
9) Sic CDFLA; E با مندانکه B با چندانکه.
10) C om. بسمرقند.
11) C add. واسباب.
12) Sic DF; BCE وسنك LA om.

رود آق قیاس[1] که از روی قیاس جیحون از هول آن در موج خون بود عبور فرمود محمّد برلاس‌را با جمعی امرا وبهادران براه بایان آب[2] فرستاد وخود براه نکه[3] متوجّه شد وهر قبیله وشعبهٔ حتّه که در شعاب وتلال جبال متحصّن شده بودند از عبور لشکر قیامت‌اثر پایمال حوادث ونوایب گشتند وموکب همایون کوه وهامون می‌پیمود ودر گذشتن انهار عظام بی توسّط جسور تجاسر می‌ورزید[4] تا موضع کوکاس‌را[5] مخیّم لشکر بی‌قیاس ساخت ارسلان خواجه ترخان وبو اللیث[6] وابراهیم پسر ایکو تیمور[7] خان باینده بعض الوس جتّه‌را غارت وتاراج کردند وسپاه فیروزی‌نشان قبایل جتّه‌را که در حوالیٔ کونکاس[8] بناه بعلاع وکوههای شامخ برده بودند گرفته وکشته وغارت کرده دران دیار دیّار نگذاشتند وجون نواحیٔ کونکاس‌را[9] از ارجاس واجناس مخالفان[10] پاك گردند میرزا الغ بیك عنان عزیمت بجانب قرشی که مقرّ وآرامگاه کوچ واغرق بود در حرکت آورده از قبل اقبال[11] شاکر واز مساعدت سعادت راضی وبعد از چند روز دران مکان دل‌افروز قبّهٔ بارگاه باوج مهر وماه رسانید درین اثنا خبر[12] رسید که جهانشاه پسر قمر الدین ومحمّد بیك حمید از مضیق ایسنق[13] کول که از بیم سپاه ظفرمآل بدانجا پناه برده بودند خودرا خلاص داده براه سنك‌ناس می‌رفته اند ودران طریق بخضر[14] شیخ پسر اتلمش واغرق امیر خداداد باز خورده وبعد از محاربه غالب شده اغرق امیر مشار الیه‌را غارت کرده اند میرزا الغ بیك چون از کیفیّت واقعه آگاهی یافت فی الحال فرمود تا ارسلان خواجه ترخان واسکندر هندو بوقا وشاه ولی با طایفهٔ از دلاوران متوجّه مخالفان شوند وایشان بر حسب فرمان جهانمطاع روان شدند وبعد از رفتن امرا یك کس گریخته آمد وتقریر کرد که جهانشاه واتباع او بران بودند که بطرف آبش روند وچون شنیدند که بادشاه مظفّر ومنصور مراجعت فرموده

---

1) C واق قیاس جیحون L از ادوق قیاس A اق قیاس DEF آق قیاس B om.
2) Sic C; DEF بالین A دابین L داتین B om.
3) Sic ADEF; C تکمه L تکیه B om.
4) C نمی‌ورزید.
5) B کونکاس E کوتکاس‌را DF کون وکاسرا AC کوشکاشرا L کوش کاسرا.
6) Sic C; ceteri ابو اللیث.
7) Sic BCE [E انکو]; DF add. وتیمور L وپاینده A ایکو تیمور وپاینده.
8) Sic BEF; D کون‌کاس C کوشکاش LA om.
9) Sic DF; B کونکاس C کوشکس ELA om.
10) C مخالفانرا.
11) C واقبال.
12) C add. ناکاه.
13) B ایسیق C ایسنق DE ایسیق F الیق LA om.
14) DF بحضرت.

بایستند ومحمود برلاس با جند قوشون که در میسره بودند فرمود که در میمنهٔ سلطان اویس باشند وقوشونها که بر دست چپ معیّن شده بودند ازان جمله نوزده قوشون بعهدهٔ سلطان ترخان وعادل بیك بود ونوزده قوشون دیکر بعهدهٔ داود پسر ایاچی بوقا ونوزده قوشون تیمور ملك مجموع این قوشونات‌را فرمان شد که از خندق بکذرند ومقابل دست چپ جتّه بایستند پس این جماعت بدست راست لشکر منصور کردیدند وقول وبیشتر از دست راست بدست چپ کشتند وبرین نهج شهریار عالی‌مقدار سپاه‌را تعبیه فرمود ومیمنه ومیسره وقلب وجناح لشکر بیاراست از میدان هیجا غبار در هیجان آمد وزمین از جنبش سپاه فوج فوج جون دریا از انر باد موج زدن آغاز کرد سپاه جتّه بر فراز کوه وپشته ورایات همایون در دشت وهامون مخالفان یاجوج کردار بقصد آنکه خودرا بر سدّ سکندری زنند از بالای روی به نشیب نهادند ومیرزا الغ بیك بعد از عرض وادای نیاز از بارکاه ملك کارساز ظفر ونصرت مسألت نمود وفرمان داد که لشکرها بیکبار حمله کنند ایشان سپرها در سر کشیدند وسنانهای آبدار وشمشیرهای آتش‌بار در دست کرفتند وروی جلادت بدشمن نهادند بهادران ودلیران جتّه که از پیل روی نمیکردانیدند جون صدمات سپاه منصور مشاهده کردند فی الحال از کمال خوف وهراس متفرّق وپراکنده کشتند وجون روباه که از حملهٔ غضنفر مهرب ومفرّ جوید روی بکریز نهادند عساکر منصور تیغ شجاعت آخته در عقب ایشان تاختند وبسیاری ازان سواران‌را از پشت زین بر زمین مذلّت وبوار انداختند وطایفهٔ‌را بذلّ اسیری [1] مبتلا ساختند واسیرانرا پیش پادشاه آورده بموجب حکم معروض تیغ یاسا کشتند ومیرزا الغ بیك زبان خجسته‌بیان بشکر وثنای جهان‌آفرین کشاده امرا وارکان دولت وبهادران‌را نوازش فرمود وبر دست وبازوی ایشان آفرین خواند وفرمود که اکرجند دشمن شکستی فاحش یافت امّا دور نیست که بعضی از سرداران جتّه که از معرکه بیرون رفته اند بار دیکر بخار بندار بدماغ راه داده دست تعرّض بحواشیٔ ممالك محروسه دراز کنند وفساد وفتنه آغاز نهند حالا مصلحت جنانست که روی باستیصال ایشان نهیم ورمه وکله واحمال واثقال وجهات واموال آن جماعت‌را که از آب تکه [2] کذرانیده اند در تحت تصرّف آوریم تا صورت قوّت [3] وشوکت ایشان بشکند [4] واکر زنده مانند دیکر کرد فضول نکردند ومجموع امرا این رایرا مستحسن داشته برین عزیمت جازم شدند میرزا الغ بیك اسکندر هندو بوقارا مصحوب اغرق بقرشی فرستاد وبنفس همایون در عقب سپاه جتّه بر سبیل ایلغار روان شد وجون از

1) Sic C; BDF اسر ELA اسیر.
2) Sic B; C s. p. LADF om. E یکه.
3) C فرت.
4) C بشکنند.

جون این خبر استماع افتاد لشکریان بموجب فرمان جهت حزم واحتیاط خندقی عریض عمیق در کرد معسکر کندند وپیرامن آنرا بخاك نمناك وچپر وغیر آن [1] استوار ساختند ودر آخر روز لشکر حتّه مکمّل وآراسته فوج فوج رسیدند بیت نماز شام جو خورشید کنبذ کردان ، بکوه رفت فرود وزچشم کشت نهان ، مخالفان از مقابله وراستیٔ [2] سپاه منصور بجانب دست [3] جب روی آوردند واز پیش لشکر کنشته در پس پشتهٔ اونکاتو [4] پشت بکوه باز نهادند وجون هوا کسوت ظلام ولباس نیلفام در بر افکند سپاه منصور آیین حراست ورسم مراقبت مرعی داشتند ذکر محاربهٔ میرزا الغ بیك کورکان با پادشاه جتّه شیر محمد اغلان روز دیکر که شهسوار کردون [5] خرام بعزم استیصال سپاه ظلام در میدان آسمان تاخت میرزا الغ بیك کورکان آهنك جنك‌ساز داد واز بالای کوه سپاه جتّه کروه کروه بدیدار آمدند ودست جب ودست راست بدلیران معرکهٔ وغا ومبارزان روز هیجا آراسته در قول شیر محمد اغلان با بهادران رزم‌آزمای قرار کرفتند ودر دست جب ملك الاسلام [6] وموسی وچریك تیمور واروغ اعلان ویوسف اغلان وحاجی‌کا پسر تولنا [7] متعیّن شدند ودر دست راست بایندہ جراس [8] وابوکمك [9] پسر اینج [10] ملك وقرمش [11] پسر تویکان [12] مقرّر کشتند وصدر الاسلام تمارضی کرده در معرکه حاضر نکشت ومیرزا الغ بیك چون دید که مجموع لشکر میل بجانب میسره کردند فرمان داد تا قنبل میسره جون مقابل جتّه [13] بود داخل خندق بر جای خود قرار [14] کیرد ومردم قول با هراول در پس خندق باشند وقوشونها که بر دست راست معیّن کرده شده بود ازان جمله نوزده قوشون بعهدهٔ محمود اتلمش وپانزده [15] قوشون بعهدهٔ لقمان تواجی [16] ونه قوشون دیکر در عهدهٔ سلطان اویس برلاس ودر میمنهٔ قول در خلف خندق

---

1) LA بخار وخاشاك.
2) C وراست.
3) ودست.
4) Sic BCE; DF s. p. LA om.
5) C کردان.
6) DF ملك اصلان.
7) Sic C; BDF یولتا E پولتا A حاجی‌کا میشا L حاجی‌کا بمشاه.
8) BCE حراس DF هراس LA om.
9) Sic E; ADF وابوکجك B وابوکحك C وابوکجل L وابوالجك.
10) BCE s. p.; DF انیج LA om.
11) Sic BCE; DF وقرمشی L وتربشر A وترمشبر.
12) Sic C; BE نوبکان DF توبه‌کان L تورمکان A نورمکان.
13) C میسره.
14) BCE om. قرار.
15) B وپانجده.
16) C فراشی.

همایون داشتند دیدند وایشانرا کرفته در منزل الجقنی[1] بدرکاه آوردند چنین تقریر کردند که قوم ما در آق قیاس[2] جون خبر توجّه لشکر منصور بایشان رسید متفرّق وپریشان کشتند ووجوه واعیان کریخته در شعاب وجبال شامخ تحصّن نمودند وما در اثناء راه جمعی‌را دیدیم که کفتند که شیر محمد اعلان ونایبنده در کیتمن تیبا[3] نشسته اند ولشکرهای اطراف ونواحیٔ ولایت خودرا جمع آورده وکوچ وکله وبنه وزمه واحمال واثقال از آب تکه[4] کذرانیده اند وخود حریدهٔ خاصّ از برای جنك وپیکار ایستاده اند میرزا الغ بیك جون این خبر استماع نمود بیاسامیشیٔ سپاه ظفرپناه مشغول کشت وفرمان شد که امیران که یك منزل پیش رفتند توقّف نمایند تا رایات طعرآیات بایشان رسد وموکب همایون در حرکت آمد ودر بایان الجبق[5] شاه وسپاه که در مقدّمه بودند بهم پیوستند وهم درین منزل حکم شد که شب هر یك نفر در بنج محلّ آتش افروزد واین آتش بزبان مغول ارغجا اوت[6] کویند جون زمانه لباس ظلام بوشید زمین از کثرت آتشها آسمانی درخشان کشت وروز دیکر ازان منزل کوچ کرد ودر منزل تیرك چمکان[7] نزول فرمود وجناب شهریاری فرمان داد که یوسف وسلطان شاه[8] وعبد الله خازن با پانصد کس در شب بر کوهی که آنرا بای تاغ[9] کویند برانند ونکاه کنند که در کیتمن تیبا[10] که منزلکاه حتّه بود کجا آتش افروخته اند وایشان بر حسب فرموده بپای تاغ[11] رفتند وجون روز شد اردوی همایون از آن منزل کوچ کرده در کنار آب بغوتو[12] فرود آمد وجماعتی که ببای ناغ[13] رفته بودند آمدند وعرضه داشتند که شب ببالای کوه رفتیم وجندانکه نفر بر کماشتیم در کیتمن تیبا[14] هیچ جا آتش ندیدیم اما از جانب چیجال[15] آتش بسیار بدیدار کردید بقانونی که در معسکر بر افروزند ودر اثناء این تقریر از قراول خبر رسید که سیاهیٔ سپاه مخالف دیدیم

---

1) Sic C; B الحیق E الحق DF الحسنی LA om
2) C آق قیاس DEF اق قیاس LA اقباس B اق فنیاس B add نشسته بودند.
3) C کمین تیبا DF کتمن تیبا E کتمین پتنا B کتمیر تما LA کشی مستا.
4) Sic BCE; DF یکه A نکه L نکیه.
5) Sic C; BDF الحیق E الحبق LA om.
6) BC ارغجا اوت DF ارغجا ادب E ازغجا اوت LA عجاروت.
7) C تبرك چمکان BE تبرك جمکان DF تبرك حمکان A تیرك چکان L تیرك جکان.
8) CLA وجهانشاه.
9) Sic BCE; LDF پای باغ A پای باع.
10) BCE کیض تیبا DF کیض دشا LA کیشی.
11) Sic CE; B بتاغ LADF بپای باغ.
12) Sic EL; C نعوتو A ثعودو DF تغوتو B تعویق.
13) Sic CE; LADF بپای تاغ B بر پای تاغ.
14) BCE کیض تیبا DF کیض دیشا L کیشی A tantum دسا.
15) B حیچال E حیچال L جبال C حیجا DF صحرا A om

افتاد بقصد[1] زمین‌بوس[2] در اهنزاز[3] آمد جناب شهریاری مورد اورا بتعظیم وترحیب تلقّی فرمود وخدمتش‌را همراه[4] ببارگاه کردون‌اشتباه برد وبصنوف عاطفت وفنون موهبت مشرّف ساخت وبخلعتهای کرانمایه وتشریفات فاخره معزّز ومکرّم گردانید امیر خداداد در ایّام شیب حلاوت روزگار شباب مشاهده نموده وزبان بشکر کشاده بعد از احسان درّ تحسین نثار کرد درین اثنا قایچی[5] آمده خبر آورد که صدر الاسلام وملك الاسلام در کنار آق قباس[6] نشسته اند اما عزیمت آن دارند که پیش شمر محمد اغلان روند وفرمان نافذ شد که محمد برلاس واسکندر هندو بوقا وشیخ ابو سعید وتولك وتوران وداود پسر ایلچی بوقا با بیست هزار سوار متوجّه ایشان شوند وسلطان اویس برلاس که لشکر برده بود ودرهٔ[7] سنك تاش‌را[8] محافظت مینموده با امراء مذکور ملحق گردد وهر دو لشکر باتّفاق یکدیگر باستیصال صدر وملك آیند امرا بموجب فرمان روان شدند وچون یك منزل رفتند کریختهٔ دیگر آمد وبعرض رسانید که صدر وملك بعزم اردوی شیر محمد از آب تکه[9] کذشتند[10] حکم قضامضا نفاذ[11] یافت که چون ایشان بر جای خود قرار نکرفتند رفتن در عقب آن جماعت مفید نیست باید که امرا در حرکت مسارعت ننمایند واز رایات همایون یك منزل بیش پیش نباشند مهمّ برین جمله قرار یافت ودرین ولا امیر خداداد معروض داشت که قوم این ضعیف قومی بی قوّت اند وزمستان بر ایشان بغایت شاق کذرد اسپان لاغر والوس بدحال وابتر اند اکر رخصت شود که بتانّی وآهستکی متوجّه سمرقند کردند ضمیمهٔ سایر الطانی کردد میرزا الغ بیك ملتمس او مبذول داشت وحضرت شیخ پسر اتلمش‌را فرمود تا با فوجی از سپاه ایشانرا بسمرقند رسانند وبموجب فرموده عمل نموده آمد وجناب شهریاری بیست هزار سوار از بهادرانرا بزبان‌کیری فرستاد وشیخ درویش کوکلتاش‌را که از جملهٔ خواصّ امیر خداداد بود دلیل ایشان کردانید ودلیران سپاه روی در آن بیابان نهادند ودر راه جمعی که از مخالفان کریخته عزم اردوی

---

1) C بمقصد.
2) LA زمین‌بوسی.
3) C اهتزام.
4) C om. همراه
5) C قایچی DF قایچی E قایجغتی B شخصی LA قاصدی.
6) C آق قیاس B اق قیاس E ان قیام DF آن قیاس L اق قباس A اق قیاس.
7) E om. درهٔ.
8) LA هك تاش‌را DF در ده سنك
9) BDEF یکه C بکه L آنکه A بلر.
10) C کذشت.
11) C صدور.

ملك[1] قوجين‌را كه امين دولت بود ودر سفارت با خبرت مصحوب شيخ درويش كوكلتاش پيش امير خداداد فرستاد ودر اثناء آن كه كوكلتاش در اردوى همايون بود در پايهٔ سرير اعلى تقرير كرد كه جهانشاه در ايسيق كول است وعزيمت آن دارد كه بصدر الاسلام وملك الاسلام ملحق گردد ومیرزا الغ بيك چون اين خبر استماع نمود فرمود كه سلطان اويس برلاس با سه هزار سوار بجانب ايسيق كول رفته درهٔ سنكين تاش‌را[2] كه سرحدّ يورت جهانشاه است نگاه دارد تا نتواند كه بصدر الاسلام وملك الاسلام پيوندد وسلطان اويس بموجب فرموده بآن جانب رفت ومقدّمهٔ سپاه جهانشاه‌را دريافته ومردانرا كشته زن وفرزند ايشانرا اسير كرد وجهانشاه چون ازين حادثه خبر يافت هزيمت غنيمت دانسته عنان معاودت برتافت وسلطان اويس بموجب فرموده در همان موضع توقّف نمود تا هرچه فرمان شود بدان عمل نمايد ميرزا الغ بيك چون حسين ملك[3] قوجين‌را پيش امير خداداد فرستاد روز ديكر از آب جارون[4] عبور فرمود وبر ضمير آفتاب‌اشراق كذشت كه شايد كه امير خداداد بسخن مردم بدآموز بداعتقاد عمل كند واز جادّهٔ استيناس ميل بجانب استيحاش نمايد بنابرين ابوكه بهادررا[5] كه از تربيت‌يافتكان دولت بود فرمود كه با هزار سوار نزديك ايل امير خداداد بنشيند تا اكر او در توجّه تعلّل ورزد ويوعده وفا نكند خدمتش‌را بقهر وقسر بياورد وابوكه[6] بر حسب فرموده بداجا شتافت وموكب همايون براه تاش بويناق[7] در حركت آمده در قزل سوى كوك تيپا[8] نزول فرمود ذكر آمدن امير خداداد[9] وبعضى قضايا كه بعد ازان دست داد چون رايات نصرت‌آيات دران منزل قرار كرفت خبر رسانيدند كه امير خداداد[10] بتلقين ملهم دولت وراه‌نمونئ بخت بلند متوجّه دركاه فلك‌اشتباه است ميرزا الغ بيك از استماع اين خبر مستبشر كشت وجهت حرمت شيب ورعايت محلّ ومنزلت او بمقتضئ انزل الناس على منازلهم استقبال فرمود امرا وبزركان وخواصّ سپاه وملازمان دركاه چون مواكب كواكب بكرد ماه از حدّ وحصر فزون در ركاب همايون روان كرديدند امير خداداررا[11] چون از دور نظر بر جمال طلعت[12] شهنشهى

1) DF بيك.
2) DF سنكين باش‌را.
3) DE om. ملك.
4) L om. A ازانجا.
5) C ابوك بهادررا B ابوكه‌را DEF ابوك‌را L ابول‌را A ايوانك‌را.
6) Sic B; CDF ابوك E ابوك وابول L واو A.
7) BCDEF تاش برشاق L باش برشاق A تاش برنياق.
8) B om. در قزل C om. تيپا LA در قول سوك مشيا.
9) B male add. حسينى.
10) C add. را.
11) B om. را.
12) CEL وطلعت.

از آبش بیشتر نروند ازانجا قدم فراتر نتوانستند نهاد بیت اگر عقل داری وفرهنك ورای[1]، مکن برخلاف شهنشاه رای[2]، که چون نیك آید ندارد صواب، وگر بد بود اوفتی در عقاب[3]، القصّه جو خورشید بر زد سر از برج کاو، بکردون[4] بر آمد خروش جکاو، خورشید آسمان سلطنت مرغزار آبش‌را[5] که از قدیم الایّام خانهٔ خانان جتّه وآرامکاه جنود ایشان بود مرکز رایات شیرشعار وحولانکاه اعلام ازدهاکردار خویش کردانید ودر اثناء این اوقات ناکاه از بیش قراول خبر رسید که بر بالای کیتو[6] سیاهیٔ سپاه دشمن پدید آمد میرزا الغ بیك فی الحال بنفس مبارك خود با خواصّ[7] فتیان روی بایشان آورد وآن جماعت برفور پریشان کشتند فوجی از بهادران در طلب مخالفان سعی نمودند که بایشان رسند نرسیدند وموکب همایون از آبش[8] کوچ کرده ومسافت پیموده چون در موضع قوش بولاق[9] نزول نمود شیخ درویش کوکلتاش از بیش امیر خداداد که در میان الوس حتّه بعلوّ شان وسموّ مکان اتّصاف داشت وتا غایت تن به تسخیر هیچکس نداده وهیچ پادشاه‌را کردن انقیاد ننهاده آمد وسخنان امیر مشار الیه‌را بعرض رسانید مضمون آنکه مدّتی مدید وعهدی بعید است که در میان قوم جتّه روزکار می‌کذرانم وعمر عزیز در رتق وفتق امور ایشان صرف میکنم از مبدأ حال تا اکنون انتظام[10] در روزکار این جماعت مشاهده نکردم واز انوار نیکان برتوی در ناصیهٔ هیچ یك از ایشان ندیدم که کفته اند ع پرتو نیکان نکیرد هرکه بنیادش بدست، هرچند این قوم‌را نصیحت کردم واز مخالفت آن حضرت تحذیر نمودم مفید نیفتاد وحالا بنده حز درکاه عالمپناه ملجأ وملاذی نمی‌شناسد ومیخواهد که روی بآستان دولت‌آشیان که کعبهٔ آمال وامانی وقبلهٔ اقبال وکامرانی است آورد وخودرا از ذلّ این اراذل واز دام ادبار این مشت جاهل خلاص دهد میرزا الغ بیك پیغام امیرخدادادرا اصغا نموده دانست که این کلمات از سر اخلاص است وآن حکایات از محض اختصاص لاجرم فرستاده‌را بنواخت وامیرخدادادرا در آن قضیّه محمدت وتحسین فراوان ارزانی داشت وازان منزل کوچ کرده در ارپا یازی[11] نزول فرمود وحسین

---

1) C یار E ویار.
2) CE کار.
3) BDF در عذاب.
4) C بکردان.
5) C آیش‌را.
6) Sic C; BDF کشور E کنتو L کنبوپناهی A کیتونیاه.
7) C با سپاه.
8) C آیش.
9) Sic CE; LABD قوش بلاق F قوش بالاق.
10) BL انتظامی DF om.
11) Sic E; L ارپا یازی A آرپا یاری B ازپا یاری C ارپازی DF ارپا یای

ومنصور رجوع[1] بدرگاه جهان‌پناه واجب شناخت ودر اب تکلیك[2] نزدیك آق جلیغ[3] بشرف بساطبوس مشرّف گشت واز حملهٔ اسران فماء خضر خواجه اغلان بود فرمان شد که اورا باعزاز واکرام بدار السلطنت سمرقند برند ومیرزا الغ بیك از این منزل بایزید اغلانرا که معرکهٔ بسیار دیده بود وگرم وسرد روزگار چشیده با بیست سوار بزبان‌گیری فرستاد وگیکای ایشان مراد قوجین تعیین[4] فرمود که مردی بود مردانه وکارآزمای وفرزانه وهزار سوار مصحوب او گردانید وفرمود که یك منزل فاصله همجا برعقب بروند وبایزید اغلان وخیل او چون اندك اند بس باشند تا جمعی که در کنارهای راه مقیم اند دور نشوند ونگریزند ومراد قوجین با لشکر[5] یك منزل درعقب باشند تا اگر از[6] دشمن قوجین جماعت مقدّمرا[7] پیش آیند وایشانرا با آن قوم قوّت مقاومت نباشد مدد مراد قوجین زود رسد وفرمود که در راه از جوانب آگاه باشند وروز سکون وآرام التزام کنند وچون شب شود بحرکت اقدام نمایند ودر روز وشب مطلقا آتش نکنند وبطعام پخته که با خود داشته باشند اکتفا کنند وچون ایشان روانه شدند میرزا الغ بیك ازانجا کوچ کرد وچند منزل قطع فرموده بموضع بورالغو[8] رسید وفرمود تا بر آنجا نصبهٔ[9] که ترکان آنرا اوبا[10] گویند ساختند بلند واستوار برای نشانه وازانجا روان شد چون در ارکنان قرشوب[11] نزول واقع شد مراد قوجین وبایزید اغلان که بزبان‌گیری رفته بودند رسیدند وگفتند که بموجب فرمان جهانمطاع بندگان تا آبش[12] رفتند ودشمنان از استشعار توجّه موکب گیتی‌ستان چندان صحرا وبیابان طیّ کرده گریخته بودند که هرچند سعی نمودند متنفّسی ازیشان نیافتند وهرچند مفاوز ومسالك پیمودند در آن دیار دیّار پیدا نشد تست کسی کز تو ترسان شود خواهدی، که در تنك‌تر آشیان باشدی، زبیم حسامت روا داردی، که در کام شیران نهان باشدی، وچون فرمان قضاجریان بدان سان نفاذ یافته بود که بندگان

---

1) C add. باز.
2) Sic BE; C تکلیل DF تکلك LA om.
3) Sic C; B آن جنیع (om. نزدیك) E آنجمع DF نزدیك جمع LA om.
4) C مراد قوچین حسینرا
5) C om. با لشکر.
6) B تا کذار.
7) Sic CDEF [C جماعتی]; B مقدم L tantum حوصی جماعترا A وجماعتی.
8) Sic B; C دورالغو E بورالغور DF بورالغو L بور القدر A نور القدر.
9) DF قصبهٔ L قصیهٔ.
10) Sic CE; B او DF دبا A اربا L ابنا.
11) Sic C; B در راکنون F در ارکنون قوشون D داو اکنون قوشوت E در ارکنون قوشون LA در اثناء راه قوشون.
12) A بابش.

سعی وطلب ما جز تعب ونصب فایدهٔ مرتّب نشود ومهمّ او اهمّ واولی است عاقبت برین رای مجموع اتّفاق نمودند وفرمان شد که ارسلان خواجه ترخان وخواجه یوسف پسر امیر الیاس[1] خواجه با پنج هزار سوار بر سر جهانشاه روند وموکب همایون بنادر آنکه دامن او به[2] برف مغموم[3] ومستور گردید وراه جوار از آن ممرّ بر[4] لشکر نامحصور غیر مقدور مینمود از آب جو[5] عبور فرموده براه ارکسو[6] توجّه نمود ذکر فرار

نمودن امیر جهانشاه از استماع توجّه امرا وسوسن ارسلان خواجه باردوی ظفرانتما حکم واجب الانقیاد نفاذ یافت که ارسلان خواجه ترخان با امرا متوجّه امیر جهانشاه شود ونخست اورا بانقیاد وتسلیم وسلوك طریق مستقیم دلالت کنند اگر رقبهٔ وجود در ربقهٔ اطاعت[7] آورد وطوق طوع وحلقهٔ اخلاص زیب وزین گوش وگردن گرداند وبر قبول تقبیل درگاه عالمپناه که موضع دولت واقبال است اقبال[8] نماید شرایط اعزاز واحترام او بجای آورند وتعرّض بایل والوس او نرسانند واگر بزعناد وتمرّد اصرار نماید جمع اورا متفرّق گردانند ولشکررا رخصت دهند که از اتباع او هر کرا یابند بقتل رسانند وزن وفرزند اورا اسیر سازند وهمه اموال آن جماعت در معرض نهب وتاراج آورند ارسلان خواجه ترخان ودیگر امرا از موضع اقسو بدان سو روان شدند وجهانشاه چون از توجّه شاه آگاهی یافت مصلحت در توقّف ندید لاجرم عنان گریز بر تافت وارسلان خواجه اندیشید که اگر در عقب او روان شود بسهولت وآسانی رجوع بدرگاه سلطانی دست ندهد وحزم واحتیاطرا کاربند شده مراجعت نمود ودر اثناء راه شنید که قومی از ایل باربن[9] از دابان[10] گذشته اند بداعیهٔ آن که بآبش[11] روند وچون از آمدن سپاه آگاهی یافتند سر آن قاب‌را که بمناعت جانب وحصانت اطراف موسوم است پناه خود ساخته اند وبداجا تحصّن نموده اند ارسلان خواجه ترخان وامرا متوجّه آن جانب گشتند وبعضی از مخالفان‌را کشتند وفرقهٔ اسیر گرفتند وهرچه داشتند از اموال وجهات در تحت تصرّف آوردند وچون ترخان مذکور از کار بپرداخت مظفّر

---

1) C om. امیر E om. الیاس.
2) Sic B; C آوربه E او بر DF روز [om. دامن] LA om.
3) Sic E; BC معمور DF مامور LA om.
4) B با.
5) C جور LADF om.
6) A اکسو DF ارکتو.
7) C بقعهٔ اطاعت LA سر در ربقهٔ عناد در رقبه وانقیاد.
8) DF قیام.
9) Sic E; B بادین C داربن DF یاری LA om.
10) BC دایان E دبان DF واداں LA از پل بازدر [A s. p.].
11) B بایشی C add. بازپس.

خواجه ترخان بود وتوكل بيك[1] قوچين وابوكه[2] بهادر وشاه ولى وسلطان ملك پسر تيمور ملك ومحمد مزيد والوس اغلان وعلى بيك ترخان ومحمد برلاس وتوكل وشيخ بايزيد وسارو داود[3] وايلچى بوغا وايدكو[4] پسر[5] بختى خواجه اوزبك واويس قوچين وابراهيم پسر امير ايدكو تيمور وخواجه يوسف پسر امير الياس وخواجه مراد قوچين وجقماق وايلچيكداى واسكندر پسر هندو بوقا وپهلوان قطب الدين برادر وفادار وسلطان[6] ترخان وعادل بيك وسلطان اويس برلاس وشيخ ابو سعيد وفرمان شاه وامان شيخ ومحمد برلاس ومحمود آنلمش وابا بكر وقوى ملك وسلطان احمد پسر تيمور تاش وديكر بهادران وسرداران بيت همه كمانكش ورزم‌آزماى وتيراندازا همه مبارز وآهن‌لباس وجوشن‌در[7] يكى بتير فكندن بسان آرش بنو[8] يكى بنيزه زدن بر مثال رستم زر، وچون تعبيهٔ لشكر انتظام يافت وجاى هر كس در موضع خود مقرّر شد فوج فوج از محلّ خود در جنبش آمدند وچون موكب همايون بآقسو رسيد امرا واكابر[9] مغول با صد وپنجاه مرد بر حسب فرمان بر زبان‌گيرى از پيش روان شدند وشخصى‌را از مردم آن ديار گرفته باردوى همايون رسانيدند واو چنين تقرير كرد كه جهانشاه[10] در الغ كبين[11] نشسته است ميرزا الغ بيك با امرا مشورت كرده فرمود[12] كه لشكر بكدام صوب صوابست كه روى آورد وبچه جهت موجّه است[13] كه توجّه نمايد بعضى امرا چنان مصلحت ديدند كه بجانب التون كول[14] بر سر صدر الاسلام وملك اسلام روند وبرخى گفتند كه چون شير محمد اغلان علم بى‌نيازى افراخته دم از عصيان وطغيان مى‌زند اگر ما نخست متوجّه التون كول[15] شويم او فرار نمايد وبر

---

1) DF خواجه LA om. nomina.
2) BCDEF hic ابوك.
3) Sic CE; B وسايو وداود DF ونسا وداود.
4) B وايد D واينكو F وايلچى بوقارا نيكو.
5) C وپسر.
6) DF om. و.
7) B وجوشن‌بر.
8) Sic BDF; C s. p. E بسان اش زنبور LA om.
9) BDF tantum امرا E امراو LA امرا واركان.
10) LA add. سردار جتّه.
11) B كشمن C كسين E كمستن DF كين A تكين L ثمگين.
12) Sic C; LABE مشورت فرمود DF مشورت كرد.
13) Sic C; B وسپاه بجهت قوم ازيشان E وسپاه بجهت قوم ازيشان متوجّه است بكدام صوب [جانب A] LA tantum وسپاه جته ازيشان متوجّه است DF موجه است متوجه شوند.
14) L التون كل A التو كل DF اكتون كل BCE التو كول et C in margine الغ كول. ابغ كول.
15) LA التو كل ceteri codd. ut supra.

کثیررا در آن معرکه بر خاك هلاك انداختند وابرهیم توقتیمور آزرصفت[1] با دو پسر ویك برادرزاده با جان برآزار روی بوادیٔ[2] هلاك نهادند واولجای تیموررا نیز با دو پسر ویك برادر بقتل آوردند امرا چون از کار حرب باز پرداختند از سرهای اهل عدوان وطغیان منارها ساختند وسر ابراهیم‌را مصحوب شیخ درویش بخشی بدرگاه کیوان‌رفعت فرستادند وبر حسب فرمان عزیمت اشپره[3] نمودند واین واقعه در روز دو شنبه سیزدهم ربیع الآخر دست داد ذکر وصول موکب فیروزی‌اثر باشپره[4] ورسیدن امرا بخدمت وترتیب دادن لشکرها وقول ومیمنه ومیسره چون بوصول رایات نصرت شعار[5] جناب الغبیکی بمقتضیٔ لکلّ مکان دولة موضع اشپره[6] مشرّف کشت امرای نامدار بفتح وتایید قرین وبنصرت وظفرقدیر[7] بمقرّ سریر مبادرت نمودند میرزا الغ بیك ایشانرا به ثنا وآفرین معزّز فرمود وبنوازش وعاطفت هر یك‌را مشرّف ساخت سران سپاه بشکر الطاف جناب سلطنت‌پناه[8] رطب اللسان کشته زبان اعتذار بگفتار در آوردند که اینها همه از آثار دولت روزافزون ونتایج اقبال وسعادت رکاب همایونست وبعد ازین رای زرین شهریار ظفرقرین برین قرار گرفت که چون لشکر بولایت دشمن در آمد باید که طریق حزم واحتیاط مسلوك[9] رود[10] بیت مبادا که دشمن بکمین[11] آورد، نهان[12] اسب کین زیر زین آورد، بغفلت برون آید او از کمین، سرش برفضول ودلش بر زکین، وده[13] روز در اشپره[14] جهت تعبیه وترتیب سپاه توقّف واقع شد ومیمنه ومیسره وقلب وجناح وهراول وقنبل دست راست ودست چپ بمبارزان روزکار وصفدران[15] کارزار آرایش یافت واز جملهٔ مردان مرد ودلیران صف‌نبرد که دران یورش ملازم بودند وهر یك بمقام ومحلّی منصوب شدند ارسلان

---

1) B ازادصفت C اورزاده DF آذر در صف LA om.
2) B جان بر در DEF جان بر آذر LA om.
3) C اشیره E آشیره.
4) LA باشیره B باسیره CE بآشیره D om.
5) DF نصرت‌آیت L نصرت‌آیات.
6) LBE اشیره C آشیره.
7) Sic BCE; LA وبظفر ونصرت همنشین DF وبتایید نصرت ظفرقرین.
8) C سلطنت‌مآب.
9) C مسکوك.
10) A بود DF دارد.
11) DF کمین.
12) LA زمان.
13) LAB ودو.
14) LB اشیره C آشیره.
15) AF وصغداران.

یازدهم ربیع الاوّل بغزل سو[1] رسیدند دست باسر وغارب عامّ بر آوردند وغنایم بسیار از اغنام وسوایم دوابّ وانعام وسایر اجناس فوق الحدّ والقیاس در تحت تصرّف آوردند وبموجب فرمان جهانمطاع العود احمد خوانده موضع اشره‌را مقام[2] محمود[3] دانسته بمقصد انجا باز گشتند ونصوّر ایشان آن بود که چون دشمن بشت داده روی بگریز نهاد وبهزار حیله خودرا از ورطهٔ هلاك وبوار خلاص ساخت باز خویش‌را در مهلکهٔ ولا تُلقُوا بِاَیْدِیکُم الی التَّهْلُکَة[4] نیندازند وابراهیم توقتیمور از فرط طیش وخفّت رای بعد از انهزام بجهانشاه بسر قمر الدین اعتصام نمود ودر موضع بغوم[5] باو رسید جهانشاه چون این صورت مشاهده کرد خواست که او نیز فرار نماید اما ابراهیم واتباع او تضرّع بسیار اظهار کرده گفتند که این جمع که مارا پریشان ساختند شاه ولی بوده با خیل خود اگر چنانچه در عقب او برویم وبر وی شبیخون زنیم واموال خود استرداد نمائیم ومردم خویش‌را از ذلّ اسر خلاص کنیم موجب نیکنامیٔ ما باشد وباین دمدمه وافسون جهانشاه وقوم اورا مغرور گردانیده همه‌را در تیه ادبار سرگردان ساخت وباتّفاق یکدیگر غافل از سوء عاقبت در عقب امرا کام غرض[6] گشاده ودندان طمع تیز کرده وبا جان خود در مقام ستیز[7] آمده به تعجیل روان شدند وامرا باز گشته بآقسو[8] رسیدند که ناگاه سیاهیٔ سپاه دشمن طاهر گشت همه مستعدّ جنك وجدال ومتشمّر حرب وقتال شده ودر جانغار *ایرزن جای داشت ودر برانغار[9] ابراهیم واولجای تیمور ودر قلب جهانشاه قرار گرفته بود وازین جانب میمنه ومیسره آراسته صفها راست کردند[10] وفوج فوج چون دریا در موج آمدند بیت همه کردن‌کشان کرزافکن، همه نیزه‌زنان تیغ گزار، همه داننده جنك‌را ندبیر، همه بیننده حرب‌را هنجار، اعدا جمله حمله آوردند وبر لشکر منصور تیرباران آغاز کردند وایشان ناوك دلدوز دشمنان‌را بسپر رو کرده دست به تیغ[11] وخنجر ونیزه[12] گشادند وبزخم شمشیر آبدار دمار ازان خاکساران بر آوردند وبآتش سنان شرربار باد نخوت وپندار از دماغ مخالفان بیرون بردند وجمعی

1) Sic BCDEF; LA بر سر یاغی.
2) Sic BE; C اشیره ومقام DF اسپرورا مقام LA استره‌را مقام.
3) B نامحمود.
4) Kor. II, 191.
5) Sic DF; C بعوم E نغوم B om. LA ودر بعضی مواضع بقوم او رسیده.
6) C انتقام.
7) DF add. وآویز.
8) DF بتاق سور.
9) Om. C.
10) C آراستند.
11) DE به تیر B add. وشمشیر.
12) LAEDF add. وشمشیر.

جیناس‌را[1] اختیار فرمود وجون قلب سپاه بتاشکنت رسید میمنه ومیسره ملحق کشتند وامرا وبهادران ومبارزان ودلاوران از اطراف[2] ممالك محروسه باردوی همایون پیوستند ومیرزا الغ بیك بمقتضیٔ وشاورهم فی الامر[3] عمل نموده فرمان داد تا امرا وارکان دولت جمع آمدند وفرمود که درین امر مشورت کنید وآنچه وظیفهٔ حزم واحتیاط است بدان قیام نمائید ایشان گفتند رای پادشاه اصوب است بهر چه اشارت فرماید مقرون بصلاح ونجاح خواهد بود میرزا الغ بیك فرمود که درین ایّام استماع افتاد که جمعی از جتّه مقدّم ایشان ابراهیم پسر توقتیمور بزرك از اقوام کرایت واولجای تیمور نبیرهٔ بدون از قبیلهٔ سلدوز وایرزن نارین کوجك با کوچ وبنه خود نزدیك ینکی طراز مقام ساخته اند باعتماد آن که بعد از حضرت صاحبقران مغفور هیچ ملك قصد ملك ایشان نکرده وهیچ خان میل خانهٔ ایشان ننموده فارغ وایمن وساکن ومطمئن نشسته اند مصلحت چنان مینماید که جمعی از بهادران وفوجی از نامداران بیخبر بر سر ایشان تاختن برند چه کار حرب مبنی بر مکر وخدع است امرا باجمعهم این فکررا صواب شمردند وبامضای این رای اتّفاق نمودند میرزا الغ بیك لقمان تواجی وپیری ملك وشاه ولی بهادر وابو بکر بهادر وابوکه بهادررا با ده هزار سوار همه مردان کار وشایستهٔ کارزار بر سبیل ایلغار بجانب آن قوم فرستاد ووصیّت فرمود که مطلقا آتش مکنید تا دشمن آگاه نشود وباید که چون ظفر یابید بزودی مراجعت نمائید تا ایشان تصوّر کنند که شرذمهٔ قلیل بوده اند که انتهاز فرصت نموده اند وغنیمتی بچنك آورده وبدین سبب در مقام خود توقّف کرده نگریزند تا رایت منصور برسد وامرا چون برق خاطف روی بمنازل آن جماعت نهادند ومیرزا الغ بیك با لشکرهای جهان از عقب روان شد امراء عظام بحزم واحتیاط تمام مراحل میپیمودند واز احوال آن قوم تفتیش وتحقیق لازم میدانستند وچون چند منزل قطع کردند جهت استخبار واستطلاع احوال ایشان جمعی‌را بزبان‌کیری فرستادند وقراولان لشکر منصور که باین امر رفته بودند ناگاه بخانهای بعضی مخالفان رسیدند فی الحال ساکنان بیوترا بگرفتند وبسبب اشتغال بغارت وتاراج غفلتی واقع شده یکی از اهل آن خانها فرصت یافته بگریخت وابراهیم توقتیموررا از رسیدن سپاه آگاهی داد فی الحال با الجای تیمور وایرزن از خوف اولجا شدن عیال واطفال خودرا با آن مقدار اموال که میسّر شد برگرفته رو بگریز نهادند وبسیاری از مردم خودرا در قزل سوی خاصکنت[4] گذاشتند امرا چون روز شنبه

---

1) C خیاس‌را.
2) DF add. واکناف.
3) Kor. III, 153.
4) Sic BCE; DF در قزل خاصکنه LA در منازل خود.

فرمود ع جنین کنند بزرکان جو کرد باید کرد، ویماوق وترسن اغلان وتورك برلاس باتّفاق متوجّه دشت قبجاق شدند ودر خلال این احوال جنکه[1] که بفرط ذها وکمال ذکا معروف ومشهور بود از جانب خراسان رسیده معروض داشت که حضرت خاقان سعید میکوید که شما لشکرها جمع آورده در شاهرخیّه فشلاق کرده اید وداعیهٔ آن دارید که بولایت جتّه ومغول روید چکونه با ما درین امر مشورت نکردید واز رای اصابت شعار ما استطلاع ننمودید میرزا الغ بیك در جواب فرمود که شروع درین یورش بی رخصت حضرت اعلی نبوده جه حمزه وولی بیك‌را جهت استحازه پیش ازین بدرکاه عالمپناه فرستاده شد بود وایشان بعد از مراجعت باز نمودند که آن حضرت تصویب این اندیشه فرموده ونشان همایون موافق قول خویش همراه آوردند جنکه کفت که حضرت خاقان سعید توجّه شمارا بدان جانب از طریق صواب بعید میشمارد وجناب شاهزاده جواب داد که آنجه از ما واقع شده بنابر اشارت رای صواب‌نمای بوده وبمقتضیٔ الشروع ملزم این عزیمت بامضا خواهیم رسانید وتاخیر وتسویق درین کار موجب آن میشود که بعد از ترتیب وتجهیز لشکرها وآمدن تا بدین مقام دور ونزدیك وترك وتاجیك مارا برکاکت رای وقلّت نبات ونلوّن مزاج منسوب دارند ودیکر با صادرات اقوال وافعال ما اعتماد ننمایند ونشان حضرت خاقانی‌را که مشتمل بود بر استحسان آن عزیمت با جنکه فرستاده شد وجون جنکه باز کشت امیر یوسف خواجه پسر امیر شیخ علی بهادررا حضرت خاقان سعید پیش میرزا الغ بیك فرستاد تا شاهزاده‌را ازان یورش منع کند ویوسف خواجه در آن باب از زبان همایون آن حضرت مبالغها نمود ومیرزا الغ بیك اعادهٔ آن کلمات کرد که با جنکه در میان آورده بود بلکه دیکر سخنان معقول ضمیمهٔ آن کردانید ویوسف خواجه جواب بصواب شنیده دم در کشید القصّه بیت جو خورشید سر برزد از برج جوت، بفرمان حیّ الذی لا یموت، جناب سلطانی بتوفیق حضرت سبحانی رایت جلادت بجانب جتّه بر افراخت وصباح شنبه بموجب بارك الله فی سبتکم وفی خمیسکم بست وهفتم ربیع الاوّل سنهٔ نمان وعشرین ونمانمایه بدلالت دولت مصراع بطالعی که تولّا کند بدو تقویم، از فشلاق شاهرخیّه بعزم جتّه سوار کشت بیت شاه عزم خطّهٔ بدخواه کرد، تا فراید دین ودولت‌را صلاح، ثابت الاقبال ومنصور اللوا، مستقیم الامر ومامول النجاح[2]، دولت اندر پیش وفیروزی زپس، نصرت اندر قلب وعزّت بر[3] جناح، با لشکری که کوه از حمل آن بستوه آمد ومرکز زمین از نقل آن از جای خود بجنبید از برای عبور کذار

---

1) C جنکه infra چنکه; L جکه تواچی A حله تواچی B چنکه E چمکه DF جکه.
2) Sic DEF; B مامور النجاح C ومامول الجناح LA om.
3) C در.

بجانب دیار اترار[1] روانه شود وقلب سپاه در ساحل سیحون[2] باشند وبرین نهج افواج حشم در مواضع مقرّره آرام کرفتند وجناب شهریار عادل فرمود تا تغارها که جمع اورده بودند بلشکریان تغریق کردند وهر فردی از افراد سپاهرا علفه وعلوفه مستوفی رسد جنانچه طعام اقامت وسفر اورا وافی وجهاربایان اورا در ذهاب وایاب قضیم وعلیق کافی کردید وعدّت وآلت وما یحتاج جریك منصور مرتّب کشت وحکم قضامضا نفاذ یافت که امراء نواحی در سان لشکر تفحّص بلیغ نمایند وایشان بفرموده عمل نموده هرجا قصوری بود بعرض رسانیدند وآیت عذاب در باب ارباب تقصیر نازل شده در معرض سخط وعتاب ونکال وعقاب آمدند ومبررا الغ بیك ابواب خزاین کشاده عساکر کردون‌مآثررا اکلکا داد وامراء تومان وقوشون‌را علی اختلاف طبقاتهم بصلات بنواخت وهمه‌را منشرح‌صدر کردانید وادوات حرب وآلات طعن وضرب از تیر وکمان وسنف وسنان وکرز وخنجر وخود وسپر وزره وبکتر وپوش وحوس بیرون از وهم بر ایجاد اجناد[3] قسمت یافت بمرتبهٔ که قسّام بستوه آمد درین اثنا یماوق از پیش براق اغلان که در دشت قبجاق دران نزدیکی بر سریر خانی نشسته بود بدرکاه فلك‌اشتباه میرزا الغ بیکی آمد وچند دست شنقار با اسبان راهوار ودیکر بیلاکات وتبرّکات بکذرانید واز جلوس براق خان بر مسند آبا واجداد خویش بشارت داد واین معنی موجب زیادتی مسرّت وارتیاح جناب الغبیکی شد ودر مفتح یورش یادشاه بی‌همال این صورت بغال خوب کرفت ویماوق چند روز در اردوی همایون توقّف نموده رخصت انصراف طلب داشت وجناب شهریاری اورا بافسر واکرام وخلعت وانعام اختصاص فرموده اجازت داد وترسن[4] اغلان وتورك[5] برلاس‌را که آن یك از اغلانیان کبار واین یك از امراء رفیع‌مقدار بود نامزد دشت قبجاق فرمود تا بخدمت براق خان رفته مراسم تهنیة جلوس بتقدیم رسانند وتحف ارجمند وهدایاء دلپسند جون خلعتهای طلادوخته وتیاب زربافته وتاج وکمر وترکشها وشمشیرها با بند زر واسب واستر وخرکاه وخیمه وبارکاه ودینار ودرم وکوس وعلم ورکاب‌خانه واوانی[6] با دیکر اسباب سلطنت وجهانبانی[7] واصنافی[8] شاکر وبیشکان مانند رکابدار وباورچی ونقاره‌جی همراه ایلچیان روانه

---

1) Sic C; BDEFL استراباد A om.

2) Sic BCE; DF جیحون L در ساحل قرار کیرد A om.

3) Sic E; C ایجاد انجاد DF ایجاد آحاد واخیار L بر اجناد A بر ایجاد.

4) BC توسن infra درسن DF توش infra ترسن L یورش A تورسن infra توسن E.

5) Sic CL; A تورسن; infra لورك B نودك infra نوکر DEF نورك infra نوکر.

6) C وفرش واوانی E وفرش.

7) C وچهارپایان.

8) C واسباب.

بر صفحات روزگار ایشان طاهر ولایح گشت وچون آن قوم مربوب شفقت ومعمور نعمت جناب شهریاری بودند ورعایت جناب بندهٔ عاصی ومطیع بر هم علیّه وشمم رضیّه از جملهٔ واجباتست لا جرم بمشیّت وباس[1] بآن جمع ناشناس ناسپاس مبادرت نرفت بامّید آنکه یدع عیسی الایّام[2] ان یعرض[3] قوما کالذی کانوا تا بهار وتابستان گذشت وفصل تیرماه[4] روی نمود واز رسیدن قاصد وایلحی یاس تمام حاصل آمد وآن جماعت که نقض مبانیٔ عهودرا ملتزم میگشتند رای صوابنمای بر استیصال آن مفسدان قرار گرفت وچون عزیمت جناب خسروی بر توجّه بدان جانب تصمیم یافت امیر حمزه‌را بخراسان فرستاد تا صورت قضیّه‌را بتفصیل بعرض حضرت خاقان حمیده‌خصال رساند وآنچه رای صایب وفکر ناقب صواب شمرد بدان اشارت فرماید وحمزه ببقیهٔ سریر اعلی آمده ادای رسالت کرد وحضرت خاقان سعید آن بورش‌را صواب شمرده فرستاده‌را باز گردانید وحمزه بسمرقند رفته صورت حال باز نمود ومیرزا الغ بیك از روی انبساط رایت نشاط بر افراخت وبدلی فسیح ونیّتی صحیح بتهیّهٔ اسباب لشکرکشی اشتغال فرمود وچون عزیمت تصمیم یافت ولی بیك قوچین‌را بدار السلطنة هراة فرستاد تا حضرت خاقان سعیدرا از توجّه رایات فتح‌آیات بجانب جتّه اعلام دهد ومیرزا الغ بیك روز چهارشنبه یازدهم ذی الحجّه سنهٔ سبع وعشرین وثمانمایه موافق لو ئیل که آفتاب در اواخر حوت بود مصراع بغال همایون ورای صواب، پای سعادت در رکاب فلك‌انتساب[5] آورده سوار شد به نیّت آنکه چند گاه در حوالیٔ شاهرخیّه توقّف نماید وچون لشکرها مجتمع شوند ازانجا بفیض فضل آفریدگار عنان جواد حرکت بجانب اعدا منصرف گرداند وفرمود تا سپاهی که در نواحیٔ سمرقند وکش ونخشب وبخارا خیام اقامت زده بودند بزودی در حرکت آیند وتواجیان وایلحیان‌را فرمان شد تا جریك سایر ولایات‌را چون ترمذ ونوندك وجغانیان وفرغانه وشاش واسپیجاب وینکی طراز واترار وصبران وغیر ذلك جمع آورند ودر اندك زمانی بر حسب میعاد در ساحل آب سیحون لشکری جمع کردید که هامون وکوه از کثرت آن بستوه آمد وجناب شهریار کامکار دانست که کنار آب ناب چنین دریای لشکر نخواهد آورد بنابرین فرمان نافذ شد که میمنهٔ عساکر منصور بالتمام در ولایت اندجان[6] اقامت نمایند ومیسره بجملکی

---

1) L هیبت وباس A om. B منت وپاس C; بمشیّت وپاس DF دهشت وباس E (om. دهشت).

2) BC بدع; L یدع علی الایام; DF یدع علی الا یامر; E یدع علی الایام; A om.

3) L بعضی B بعرض CDEF بعض.

4) C پاییز.

5) DF ظفرانتساب.

6) DF اندخود.

II.

روضة الصفا تاليف محمد بن خواند شاه المعروف بميرخواند

ذكر توجّه ميرزا الغ بيك بجانب حتّه ومغولستان وبيان سبب آن در آن اوان كه سرداران جتّه از منازل ومواطن خود كريزان وبهر طرف بويان واين المفرّ كويان التجا بدركاه ميرزا الغ بيك كوركان آوردند شاهزادهٔ جوانبخت همه‌را در ظلّ حمايت ورعايت خويش ماوى داد وايشان مدّتى در كنف رحمت خسروانه ورافت پادشاهانه بسر بردند وبجزايل نعم ومواهب كرم از درهم ودينار وخلعتهاى فاخر وثياب زاهر[1] واسپان راهوار بادنعل آتش‌كردار ومنازل روح‌بخش فرح‌افزاى اختصاص يافتند وآخر الامر بر مقتضاى وَالبَلَدُ الطَّيِّبُ يَخْرُجُ نَبَاتُهُ بِاِذْنِ رَبِّهِ والّذى خَبُثَ لا يَخْرُجُ اِلّا نَكِدا[2] سوء نيّت بل شرارت طبيعت ايشان باعث ومحرّص شد كه بعد از وصول بمواطن خود همه حقوقرا بعقوق مقابله كردند بيان اين سخن آنست كه پسر على بكريت[3] بى جهت ظاهر از دركاه اعلى روى‌كردان[4] شد واسكندر پسر ملك شاه تواجى بموجب فرمان از عقب او رفت وجون غيبت اسكندر امتداد يافت ميرزا الغ بيك كوركان بيك ارسلانرا[5] هم بدين مهمّ فرستاد وبعد از مدّتى كه فرستادكان باز آمدند معروض داشتند كه صدر الاسلام بعرض ميرساند كه بنده بران است كه در فصل بهار قاصدى بدركاه خسرو فلك‌اقتدار فرستد ودر باب جريمهٔ پسر على بكريت كلمهٔ چند بر سبيل التماس بمسامع عليّه رساند كه اكر ملتمس بنده قبول افتد فبها والّا بجز تسليم وانقياد جارهٔ نيست فصل بهار آمد وقاصد نيامد وعلامات نفاق وشقاق

L = ed. lithogr. ind. ann. 1883, p. 1292 sq.; A, B, C = codd. Mus. As. 569 f. 227b–233a, 569aa f. 138a—141b, 570f. 324a–332a; D, E, F = codd. Univ. Petrop. 79 f. 209b–215b, 132 f. 422a—428a, 291 f. 212a—218a.

1) Sic C; LA om.; BDEF [B وثبات] وثياب عيشى ظاهر.

2) Kor. VII, 56.

3) C hic et infra تكرتى.

4) C روى‌كردون.

5) Sic LB; AC om. بيك; DF كوركانرا بيك اصلانرا; E كوركانرا بيك اسلانرا.

زوایای قایمه باشند ومیلی از آهن بسازند که طول آن از نصف قطر دایره بیك کز زیاد باشد وبآن نرمادهات فرو کنند وآنچه زیادت باشد بعطب دایرهٔ اساس مرتفع ومحیط دایرهٔ اساس بدرجات ودقایق قسمت کنند ومحیط هر یك ازان دو جسم همچنین قسمت کنند وبر مرکز هر یك ازان دو جسم قطبی وعضاده ترکیب کنند واین آلهرا در دمشق کرده بوده اند وبعد ازان در مراغه کردند ودر قدیم نبوده است ذات الحیب والسهم اساسی مدوّر بهمان طریق که در ذات السمت گفتیم بسازند وتخته از چوب طولانی سطبر چنانك سطبریٔ سمك عمق آن مساویٔ عرض آن باشد وطول آن مساویٔ قطر دایرهٔ اساس باشد وقطبی بمیان آن ومرکز دایره بگذرانند وحفری طولانی در میان آن برند ودو عمود مربّع از دو طرف قطب هر یك بقدر نصف قطر دایره قایم گردانند چنانك فاصلهٔ که میان هر دو باشد مساویٔ حفری بود که بر میان آن تخته کرده باشند ودر میان هر یك ازان در طول حفری بکنند مقابل یکدیگر ودو مسطره ترکیب کنند در طول مساویٔ قامت عمود ودر غلظ مساویٔ حفری که دران تخته کرده باشند ودر سر هر دو نرمادهه ترکیب کنند ومیلی از آهن بآن بگذرانند چنانچه از هر دو طرف قدری بگذرد واین هر دو راندهرا در میان آن دو حفر روان گردانند وکنارهای حفرها باجزاء نصف‌کانه ودقایق قسمت کنند از یك طرف ودو لبنه بر هر یك ازین دو مسطره نابت گردانند این آلة در رصدهای قدیم نبوده است ذات الحلق الصغیر این نوع بجهار حلقه میسّر گردد یکی جهت نصف النهار ویکی مارّه باقطاب اربعه ویکی فلك البروج ویکی دایرهٔ عرضیّه وقطر این دایره بتخنهٔ طولانی هم از جوهر حلقه بهر دو طرف دایره منّصل گردانند وعضادهٔ بران ترکیب کنند وا ن عضاده قایم مقام عرضیّهٔ داخله باشد وفلك البروج ودایرهٔ عرضیّهرا منقسم باید کرد باجزا وکسور وبعضی از دایرهٔ نصف النهار هم منقسم باید [کرد] وچنان باید کرد که حلقهٔ اوّلرا بر کرسی حرکت توان داد جهة عرض بلد' حرّره افلّ عباد الله حمشند بن مسعود بن محمود الطبیب الکاشی الملقّب بغیات احسن الله احواله فی ذی القعدة سنة ثمان عشر وثمانمایة هجریّة نبویّه.

اندرون او متحرّك شود وحلقهٔ سوم بمثابت دایرهٔ ماژه بافطاب اربعه باشد آنرا بدو قطب معدّل با حلقهٔ دوم ترکیب کرده باشند وحلقهٔ چهارم بمثابت فلك البروج بود با حلقهٔ سیوم بر زوایای قایمه الصاق کرده باشند ویك روی او که مستوی است بدوازده برج ودرجات قسمت کرده باشند وهر درجه بآن مقدار که قسمت پذیرد قسمت کرده باشند وحلقهٔ پنجم وششم بمثابت دو دایرهٔ عرضیّه در اندرون حلقهٔ ماژه بافطاب اربعه بدو قطب بروج با او ترکیب کرده باشند ویك روی حلقهٔ ششم بشمس ونصف وپنج درجه قسمت کرده وحلقهٔ هفتم در اندرون حلقهٔ ششم ترکیب کرده بنوعی که حلقهٔ دوم در اندرون حلقهٔ اوّل بود ودو لبنه برین حلقه نصب کرده باشند متقابل وحلقهٔ اوّلرا در سطح نصف نهار بر کرسی نصب کردانیده وذات الحلقی که بجهت رصد مراغه ساخته بوده اند قطر حلقهٔ اوّل ازان چهار کز هاشمی بوده امّا ازان رصدهای قدیم یك کز بیش نبود حلقهٔ اعتدال رصدی که در زمان عضد الدوله در شیراز کرده بوده اند حلقهٔ ساخته بوده اند که قطر آن ده کز بوده موازیٔ سطح معدّل النهار نصب کرده بوده اند جهت رصد تحویل آفتاب باعتدالین وهیچ قسمتی بران نکرده بوده اند حلقتان دو حلقه باشد بطریق حلقهٔ اوّل وبانیٔ ذات الحلق نصب کرده ویك روی حلقهٔ اوّل بدرجات ودقایق قسمت کرده باشند ودو لبنه بر حلقهٔ بانی الصاق کرده باشند متقابل وحلقهٔ اوّلرا کرسی باشد چنانك ذات الحلقرا سدس فخری سدس دایره باشد در سطح دایرهٔ نصف النهار نصب کرده وآنرا بیك یك ثانیه قسمت کرده باشند وآن چنانست که دیواری بر آرند از سنك وگچ که طول قاعدهٔ آن هشتاد کز باشد وسطبریٔ آن چهار کز وطول قامت آن در طرف شمال چهل کز باشد ودر طرف جنوب یك کز وچنان کنند که از جانب جنوب از قاعدهٔ دیوار تا جانب شمال از سر دیوار سدسی باشد از مقعّر حلقه چنانك اگر عمودی از مرکز آن بر سطح افق قایم کرده است بر یك طرف سدس کذرد وروی آن مقعّررا از سنك تراشیده کنند وبر میانهٔ آن بدراری حفری کنده باشند که عرض آن چهار اصبع بود وعمق آن یك اصبع واندرون آن تختهاء مس یا برنج بیفکنند چنانك سطح ظاهر آن در غایهٔ استدارت باشد وآنرا بدرجات ودقایق وثوانی قسمت کنند واین کاهی توان ساخت که خط نصف النهار در غایهٔ تدقیق بیرون آورده باشند ذات السمت والارتفاع اساسی مدوّر بر آرند که یك کز ونیم ارتفاع آن باشد وقطر آن پنج کز کمتر نشاید وبر روی آن تخته از مس یا برنج الصاق کنند چنانکه سطح آن موازیٔ سطح افق باشد ودو شخص از برنج ترکیب کنند که بر هر یك دو ربع دایره ودو سطح مستطیل ویك ربع دقّی محیط بود ونصف قطر هر یك ازان دو ربع بقدر نصف قطر سطح آن اساس مدوّر باشد وبر هر یك ازان نرمادجات ترکیب کنند چنانك کاهی هر دو برهم منطبق شوند وکاهی با یکدیکر بر

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I.

رساله در شرح آلات رصد[1])

بسم الله الرحمن الرحیم الحمد لله ربّ العالمین والصلوة والسلام علی خیر خلقه محمّد وآله الطیّبین الطاهرین امّا بعد این رساله ایست در شرح آلات رصد که بر حسب فرمان پادشاه اسلام فرمان فرمای هفت اقلیم ظلّ الله فی الارضین قهرمان الماء والتین سلطان السلاطین فی العالم ملجأ وملاذ بنی ادم القایم بامور المسلمین وولیّ امیر المؤمنین الواثق بالله الاکبر السلطان اسکندر خلّد الله تعالی ملکه وخلافته وسلطانه وابّد علی العالمین برّه واحسانه در سلك تحریر آمد ذات الشبعتین سه مسطره باشند یکی قایم بر سطح افق ودومرا بر سر مسطرهٔ قایم بمسماری ترکیب کرده باشند بر مثال پرکار وسیومرا نزدیك قاعدهٔ مسطرهٔ قائمه بمسماری ترکیب کرده باشند وباید که طول مسطرهٔ ثانی دو کز ونیم کمتر نباشد ومابین دو قطب که محلّ مسمار است از مسطرهٔ قایمه بقدر مابین محلّ مسمار باشد از مسطرهٔ ثانی تا سر مسطره وطول مسطرهٔ ثالث بقدر وتر ربع دایرهٔ باشد که نصف قطر آن بقدر مابین المسمارین بود ودو لبنه بر مسطرهٔ ثانی نصب کرده باشند ومسطرهٔ ثالث منقسم کنند بهشتاد وپنج جزء باجزایی که مابین قطب وراس مسطرهٔ ثانی شصت جزء باشد وهر درجه‌را بشصت دقیقه کردانند وابتداء اعداد از نزدیك قاعده باشد وبعضی بجای مسطرهٔ ثالث ربع حلقه نصب کنند ذات الحلق مترکّب است از هفت حلقه که هریك جهار سطح بآن محیط باشد دو سطح مستوی متوازی ودو سطح مستدیر یکی حاوی ویکی محوی حلقهٔ اوّل در سطح نصف النهار نصب کنند وحلقهٔ ثانی در اندرون حلقهٔ اوّل باشد بحسبی که مجذّب او مماسّ مقعّر حلقهٔ اوّل باشد وبر طرفین حلقهٔ اوّل دو سه شظیّه جنبانیده باشند تا حلقهٔ ثانی از اندرون او بهر دو طرف میل بتواند کرد ودر

1) Cod. Lugd. 945,3.

Библиотека ОС Академии Наук СССР